ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 1 / 2017
ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсоцинбанк»

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:
Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА,
Александр КАТКОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Агата РЫЖОВА,
Ирина ТЮНИНА,
Марина ЧЕРТОГОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции и издателя:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, Советский
проспект, 40
Телефон 36-85-14

16+

Содержание

ПОЭЗИЯ

Игорь Тюленев. За Уралом вынырнет Алтай 3

Елена Елистратова. Реальное зыбко 23

Ольга Солодовникова. Чуть выше сердца – жгут... 25

Елена Берсенёва. Размышления моего кота 75

Пётр Матюков. Сверкает, гремит Афанасий Фет! 77

Мария Дубиковская. Жить без тяжести! 102

Юлия Федорищева. Сегодня март особенно певуч 104

ПРОЗА

Анатолий Байбородин. Купель. Рассказ 6

Сергей Подгорнов. Ну – будем! Повесть 27

Евгений Чириков. Дни солнечных идей. Дьяков – легендарный и документальный. (Окончание) 79

КНИГА ПАМЯТИ

Поэты в воспоминаниях и письмах.

Александр Береснев, Леонид Гержидович. Подготовила **Елена Данилова** 106

Николай Ничик. «Я болью сердце выжег» 110

Николай Николаевский. Я видел край дождя 112

Трофим Шалакин. Записки шахтёра 114

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Владимир Ерёменко. Святитель Иннокентий. Драматическая поэма 136

ПУБЛИЦИСТИКА

Валентина Семёнова. Отстаивать настоящую культуру – дело нелёгкое, но ненапрасное 150

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Наталья Милютина. «Ищите и обрящете» 154

ЦИТАТА

Дневник читателя. Сталинский грёзофарс. Подготовил **Сергей Донбай** 158

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Наталья Налегач. Путями встреч и обретений. Поэзия Веры Лавриной 162

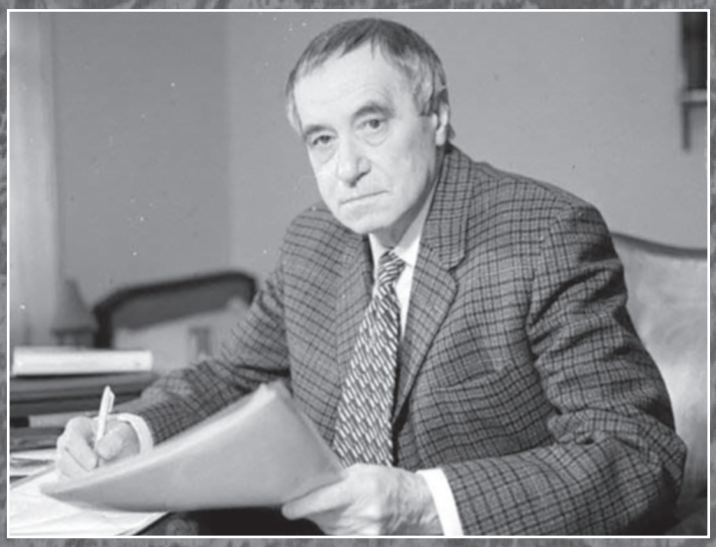
Валерий Плющев. Что в имени тебе?.. (О книге В. Сухацкого «Странный Кемерово») 164

Сергей Деордиев. Симфония книги. (О книге «Сибирский лад») 166

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин** 170

Валентину Петровичу КАТАЕВУ – 120 лет



Исполняется 120 лет Валентину Петровичу Катаеву, автору «Белеет парус одинокий», «Сын полка», «Алмазный мой венец», «Уже написан Вертер». Издательство «Молодая гвардия» выпустила к этому юбилею том ЖЗЛ, написанный С. Шаргуновом, рецензию на который можно будет прочесть во втором номере журнала. А мы хотим напомнить, что В. Катаев не только прекрасный прозаик и «свидетель века», но и замечательный поэт.

ПОДСОЛНУХ

В ежовых сотах, семечками полных,
Щитами листьев жесткий стан прикрыв,
Над тыквами цветет король-подсолнух,
Зубцы короны к солнцу обратив.

Там желтою, мохнатою лампадкой
Цветок светился пламенем шмеля,
Ронял пыльцу. И в полдень вонью сладкой
Благоухала черная земля.

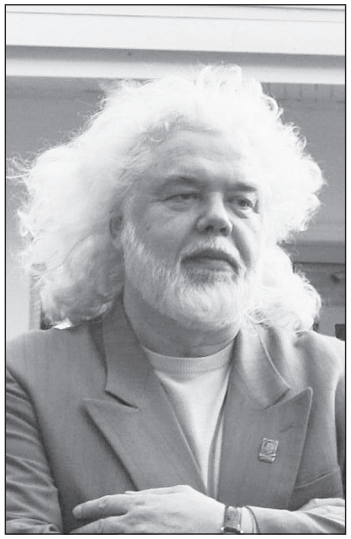
Звенел июль ордою золотою,
Раскосая шумела татарва,
И ник, пронзенный вражеской стрелою,
Король-подсолнух, брошенный у рва.

А в августе пылали мальвы-свечи,
И целый день, под звон колоколов,
Вокруг него блистало поле сечи
Татарской медью выбритых голов.

1921

Игорь ТЮЛЕНЕВ

ЗА УРАЛОМ ВЫНЫРНЕТ АЛТАЙ



* * *

Моё неустрашимое гнездо!
Ячейка трудового лесосплава.
Откинулось, как будто по УДО,
В тридцать шестом взметнувшись
из расплава!

Отсюда дядя с дедом на войну
Ушли вдвоём и больше не вернулись,
К затёртому ладошками окну
Заросшею щекой не прикоснулись…

Зальются птахи на исходе дня,
Как жёны-мироносицы, рыдая…
Все думали, придёт пора иная,
Забудутся дороги из огня.

Но я застал уже другое пламя,
Сжигающее души и сердца.
Я прокричал, что не Москва за нами!
Сказали: «Не печатать шельмеца!»

Наивные! Со мной литература!
Со мной Господь и Отчина моя!
И от ума большого или сдуру
Не запретить, как Родину, меня!

* * *

Боже, Советский Союз
нам верни.

Б. Примеров

И я бы мог просить у Бога
О том, что мы не сберегли.
Но просьба слишком уж убога,
Хоть не светлее стали дни.

А бесы лезут отовсюду
В культуру, в армию и в храм.
То Соломею, то Иуду
В герои предлагают нам.

Стоп! Мы с державой не простились.
Не встали на колени в грязь.
И всё же в душу пропустили
И в сердце мировую мразь.

Но перст Господний русских учит,
Как поводырь слепых ведёт.
И солнцем выжигает в туче
Слова «Победа» и «Вперёд».

ТЮЛЕНЕВ Игорь Николаевич *родился в 1953 году в посёлке Ново-Ильинский Пермского края. Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького в Москве (мастерская Юрия Кузнецова, 1991). Автор 19 сборников стихов и более трёх сотен публикаций во всесоюзных альманахах, сборниках, литературно-художественных журналах. Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского, премии Союза писателей России «Традиция», дважды – журнала «Наш современник». Участник Московских и Санкт-Петербургских международных книжных ярмарок; 25-го Парижского книжного салона; XIII Международной книжной ярмарки в Пекине. Секретарь Союза писателей России. Живет в Перми.*

ЕВРАЗИЯ

Здравствуй, евразийский континент,
Бешеные степи азиата!
Если кто до нас оставил след –
Это сердце русского солдата.

За Уралом вынырнет Алтай.
Обернёшься – за спиной Саяны.
Самолётом, братец, не летай,
Пусть «козлы» летают и «бараны».

Мы скитаться будем по Руси,
Сочинять легенды и частушки.
Ночь застанет в поле – не грусти,
Стог согреют добрые простушки.

Что поэту злато и булат,
Если есть души твоей отрада.
Пусть трясёт калымом азиат,
А тебе ничем трясти не надо.

Любящему сердцу невдомёк,
Почему и день и ночь тревожишь…
И кого, пуская на часок,
Выпустить из рук уже не можешь.

Так был завоёван континент,
Не мечом, не голодом, не кровью,
А, как русский говорил поэт,
Богоданным словом и любовью.

* * *

Ничего позабыть не посмею,
Не сумею да и не хочу.
Словно стяг прошлых битв пламенею,
В сердце Родины я колочу,

Чтобы сердце страны запустилось.
Чтобы стало на сердце легко,
Матерь Божия к людям явилась,
С нею ангелы табунком.

На полях лёд забвенья растает,
И вернётся светило в зенит…
Вот уж бабочка в небе порхает,
И пчела с первым взятком летит.

ПЕРМСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ

Урала звериная лира
Лежит на колене моём,
На женщин стихи растранжиря,
Теперь мы остались вдвоём.

Быть может, Творец нас не слышит
И знаки нам не подаёт?..
Где распрями Родина дышит,
Стихи заменил огнемёт.

Неважно, в мордве или чуди
Теряются наши шаги…
Всяк русский мечтает о чуде,
Взрывая молчанье тайги.

Там сразу откроются хляби
И жабры у рыб задрожат,
Медведи с герба и на флаге
На наших врагов зарычат!

С размаха ударю по лире,
Пусть с жертвенной кровью слова
Сгорают в полночном эфире…
Поэзия снова жива!

* * *

С гор Уральских смотрю на восток
Сквозь ветра, сквозь снега, сквозь песок.
Я согнут, как гребец на галере.
Каждый год всходит в небе звезда –
Вифлеем выбирает она.
Путь звезды и волхвов соизмерен.

Нынче праздник, а Ирод потом
Крысоловом войдёт в каждый дом,
Заберёт у рожениц младенцев…
Но покуда очаг златоткан,
А вертеп превращается в храм,
И волхвы, и дары уже в сенцах.

Что страшиться? Ведь с нами Господь!
Он с Христом, как с зарёй небосвод, –
Расступаются земли и воды
Перед чистым сияньем небес.
И Урал, как большой волнорез,
Рассекает стада и народы.

* * *

Уж давно не смотрит Русь на Запад.
Щурит очи, глядя на Восток.
Только до Ла-Манша можно драпать
Западу, пустившись наутёк.

А Восток? Земля его обширна.
За три моря Индия лежит.
Знает, что России всё посильно,
Ну а путь наш далее бежит...

Пробегает мимо Индостана
По тропе Трояна, по слезам,
Где быстрее зарастают раны
И молитвы ближе к небесам.

Шамбалу рифмуя с Беловодьем,
Ничего не бойся и не трусь.
Это Бога русского угодья,
Там, где в небо вытекает Русь.

* * *

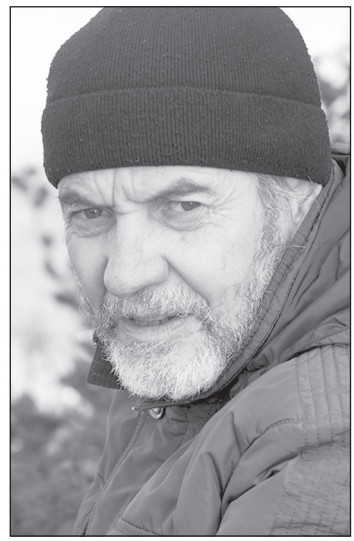
Схожу с ума от русской речи,
Взвалив ум с разумом на плечи,
Под мышкой – классиков тома…

«Ты гений?» – «Нет!» Ещё не вечер.
Хотя бы чтивом обеспечен.
Скатилась родина с холма.

Хохочет, как хохочут дети,
Когда пускают вверх ракеты,
Не зная, что за солнцем – тьма…

Империи сейчас несладко –
Ты это запиши в тетрадку,
Что демократия – чума!

Первый ряд (слева направо) – Игорь Тюленев, Анатолий Кирилин и Сергей Донбай, второй ряд – Николай Дорошенко.



Анатолий БАЙБОРОДИН

КУПЕЛЬ

Рассказ

Владимиру Личутину

...На сто третьем году жизни Анисим Жданов, вековечный рыбак из Яравны, тайком от домочадцев наладился удить рыбу: дивья полны коробья...

Лета два, о рыбалке не загадывая, полёживал на печи, грел настывшие за долгий рыбацкий век, отсыревшие кости, молился до вечёрошней звезды Спасу и Николе, рыбачьему заступнику, а тут как приспичило, будто Святой Угодник поманил, – отвеслился подальше на долблёном кедровом батике* и против заимки опустил бархак**...

От Рождества Христова в тысяча шестьсот сорок седьмое лето атаман Василий Колесников пришёл в Енисейск, откуда пошёл с ватагой в Верхнеангарский острог и на Яравня-озеро, где, толмачили тунгусы, кочуют мунгальские*** племена, богатые серебром. Полонённый тунгус Катуга посулился провести казаков к берегам Яравня-озера. Атаман Колесников согласился, но оставил в залог аманатов – Катугину тунгуску с чадами. Пленённый тунгус Катуга петлистыми таёжными тропами вывел казачью ватагу к берегам Яравня-озера, но даже старых следов мунгальского житья и жилья казаки не нашли. В том же тысяча шестьсот сорок седьмом году послал государь казачего десятника Кольку Иванова Москвитина с сотником Ивашкой Ортеньевым и служивым человеком Ивашкой Самойловым «из Байкала-озера, из Ангарского острожку по Баргузину реке и на Яравны озеро проведывать серебряной руды и где серебро родица». Казачий десятник Колька Иванов Москвитин, ведающий азы, буки и веди, бил челом государю: «От Туркуны-озера до озера Яравны черным же лесом ехати день. А из него вышла Ока-река и пошла в Витим же реку. А по Оке кочуют мунгальские люди и тунгусы. А Ока-река велика и глубока, стругами по ней ходить можно, а по Яравне людей никаких, потому что кругом пролегли места худые и топкие, и мелких озер много...»

Спустя год из Енисейского острога вышли казаки боярского сына Ивана Галкина и, обогнув северный Байкал, в устье реки Баргузин срубили острог. Ещё через год казаки добрались до Яравнинских озёр, вышли к диким приболочен-

* Батик – маленькая плоскодонная лодка.

** Бархак – камень, железяка, заменяющая якорь.

*** Мунгалы – так русские величали все монголоязычные племена.

БАЙБОРОДИН Анатолий Григорьевич *родился в забайкальском селе Сосново-Озёрск, где и окончил среднюю школу. По окончании Иркутского государственного университета (филологический факультет) работал журналистом в сельских и областных газетах Восточной Сибири. В 1990-е годы – преподаватель стилистики русского языка факультета филологии и журналистики ИГУ, создатель курса и пособия «Русская народная этика». Возглавлял издательство «Иркутский писатель». Ныне – литературный редактор православного альманаха «Иркутский Кремль». Автор многих книг, вышедших в Иркутске и Москве. Лауреат Большой литературной премии России, премий «Литературной газеты» имени Дельвига, имени святителя Иннокентия Иркутского, губернатора Иркутской области. Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.*

ным землям, где среди бесчисленных озёр и озерушек бродили лишь охотники-тунгусы, коих и обложили ясаком. На великом озере спустя годы казаки и срубили Яравнинский острог. Увы, недолгий выпал век острогу – Московский тракт пошёл южнее, и острожники, раскатав и погрузив на дровни Спасскую церковь, избы, амбары, укочевали поближе к тракту, где народилось волостное село Укыр. А на высоком берегу озера, повеличенного Большая Яравна, осталась рыбацкая заимка Яравна, что с летами разрослась в рыбачье сельцо, кое по старой памяти так и звалось заимкой.

Здесь и жил второй век Анисим Жданов, неожиданно махнувший на рыбалку в осеннее безвременье, когда рыба уходит вглубь и замирает в ожидании зимы.

А накануне, ещё с вечера пожилой рыбак, внук деда Анисима Спиридон, завёл мотоцикл с люлькой, махнул в село Сосново-Озёрск и привёз на заимку богомольную старуху Шлычиху, которая доводилась роднёй и была, как и дед Анисим, из древлеотеческих единоверцев, кои чтили и старую двуперстную веру, и патриаршую трёхперстную: обе благодатны.

Похожая на счерневшую иссохшую иконную доску, суровая старуха выпихнула из избы всех домочадцев – охальников, табачников окаянных, обрызгала углы припасённой загодя святой водицей, обдымила тлеющей богородичной травой, потом неистово и долго, стоя вместе с дедом на коленях, перебирая чётки – старообрядческие лестовки, молилась на образа в красном углу, пригасшие от древности, но изливающие потаённое, тихое, скорбное сияние. В морщинистых лицах старика и старухи, сурово побледневших, но и восково отмягших, будто иконных, светилась уже нездешняя, неземная жизнь, и взмётывались, всплывали над обмершими глазами суровые знаменья.

Потом дед Анисим покоился на лежанке и, держа за руку старую Шлычиху, о чём-то сквозь слёзы шептал ей, и та вздыхала, кивала головой, повязанной чёрным платком, крестила деда, заставляла целовать литой медный крест со Страстями Господними и вторить за ней покаянные молитовки. И диво, старик тихо, но ясно каялся, выговаривая слова, кои домочадцам и не снились:

– …Ослаби, остави, прости, Боже, прегрешения наша, вольная и невольная, яже в слове и в деле, яже в ведении и неведении, яже во дни и нощи, яже во уме и в помышлении: вся нам прости, яко Благ и Человеколюбец. Аминь… Тебе, Господи Боже мой, главу мою преклоняю и во исповедании сердечном вопию: согреших, Господи, согреших на небо и пред Тобою и несмь достоин просити от Тебе прощения; но Ты, якоже блуднаго сына, помилуй мя, раба Твоего Анисима, яко мытаря, оправдай мя, и, яко разбойника, Царствия Твоего сподоби…

Отмолившись, Шлычиха сипло и слезливо причитала над стариком, укрывшим истомлённые очи тонкими, в синих прожилках, прозрачными веками:

– Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию… Господи, помилуй… Вечера всего совершенна, свята, мирна и безгрешна у Господа просим… – после всякого прошения старуха пела ветхим, словно дребезжащим на ветру, плачущим голосом. – Подай, Господи… Ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес наших у Господа просим… Прощения и оставления грехов и прегрешений наших у Господа просим… Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати у Господа просим… Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и добраго ответа на страшнем судищи Христове просим… Пресвятую, пречистую, преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянувше, сами себе и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим...

Утром, когда запели божии птахи и поголубел узенький край неба, старик со старухой встали на поклон и опять долго молились, после чего обнялись, поцеловались троекратно и вроде заручились встретиться, но уже не здесь…

Почаевав, Спиридон завёл мотоцикл «Ирбит», умостил старуху в люльку и тихо, чтоб довести живой, не растрясти ветхие кости, повёз её обратно в Сосново-Озёрск. В эту пору старик и махнул на рыбалку.

Утихомирив лодку в ему лишь ведомом улове, достал берёзовые мотыльки*, выласканные ладонями до тёмно-бурого свечения, похожие на сами задеревеневшие стариковы руки, словно их продолжение, распустил жилку**, ссученную из сивого конского волоса, наживил червей, закрепших и покрасневших в сыром мху, и стал поджидать клёва. Забывшись, припевал в ре-

* Мотыльки – короткие озёрные удилища.
** Жилка – леска для ужения рыбы.

денькую, изжелтевшую бороду, тянул ста́рины протяжным, жалобно дребезжащим плачем.

Под ракитою зелёной
казак раненый лежал.
Он, стрелою прободённый,
крест свой медный целовал…

Правнук Кольша – чернобровый, рано замаетревший парень, лет с четырнадцати промышлявший на зимней неводной рыбалке, – хлёстко проплывая мимо стариковского батика, мельком вслушался в заунывно подрагивающий мык, на малое время отмахнул вёсла над озером, точно крылья, с которых журча осыпалась вода, и чудилось, будто острогрудая лодка летит над самой озёрной гладью. Ничего не разобрал в стариковом пении, усмешливо покачал кудреватой головой и погрёбся ещё шибче, далеко в нос откидываясь голой, дочерна просмоленной на солнце кряжистой спиной. Не до старика было парню, коль в корме посиживала, игриво ёжась в пиджаке, заманчиво посвечивая васильковыми глазами, белокурая залёта, и правили молодые под самый Черёмушник – дальний берег, непроглядно буреющий кустами черёмухи, боярки, талины. Нетерпеливо и азартно косясь на мягкие, оплывшие колени своей зазнобы, Кольша тут же и забыл про старика. И остался дед Анисим один посреди осеннего озера.

* * *

На диво глубокое, с меркнущими в печальной октябрьской сини плоскими берегами, озеро Большая Яравна лениво дышало нагулянной за лето, сытой плотью; и это зримо ощущалось, когда в чистых прогалах среди листовой травы играла сорожка, когда она плавилась поверху серебристыми табунами, пучила воду, когда в охоте за ней били хвостами, взбурунивали сонную озёрную гладь ярые окуни и свирепые щукитравянки.

В те пятидесятые годы озеро ещё хоронилось от многолюдья, пряталось в божией пазухе – в забайкальском Беловодье*, где вольно и обнажённо плескалось, вымётывая на песчаные, каменистые и зыбистые берега подводные травы-шелковники, будто зеленоватые, сыро светящиеся, долгие космы водяных дев. С тёплого бока загораживало озерище от Старомосковского забайкальского тракта соседнее озеро, поменьше и помельче, – там, как на перегноистой земле, быстро и буйно взошло гомонливое притрактовое село Сосново-Озёрск, в народе прозванное Сосновка-воровка; с двух других боков неохотно подпускали рыбаков к озеру приболоченные низины, зыбуны, а уж с холодного края огрузло и сумрачно приступал к самой воде таёжный хребет с каменистыми отрогами и снежными гольцами, во пору тумана-ползуна словно висящими в небесной синеве.

У самой подошвы хребта и жалась к тёмной, урманной тайге едва приметная с озера, в дюжину дворов, старая рыбацкая заимка Яравна, утаённая и притенённая рослым березняком и дремучими, в два обхвата, лиственницами, разложившими по замшелым крышам свои мягкие лапы. Могучие, перевитые узлами жил, вышарканные и выбеленные полыми водами корни лиственниц вспучились над землёй, скрепили её натуженными руками, и казалось, что избы не рублены мужиками, Богу ведомо когда и подвернувшими с Руси на забайкальское озерище, а выросли прямо из лиственничных корней, словно древесные наросты-капы. До гуда закаменев янтарной смолой, войдя в полную силушку, избы потом весь свой век сурово и покорно тратили её на здешних рыбаков, на их домочадцев, обороняя от града и ливня, от одичалых северных ветров-хиузов, во пору осеннего непогожья мокрых, остудных, пробирающих до костей, от свирепых морозов, от зимних буранов, гуляющих по неоглядному озеру, сшибающих с ног. Всё терпели избы, грея в своей тёплой утробе народишко, но с летами потихоньку-полегоньку стали томиться, темнеть венцами, морщиниться, потом взялись зеленоватым мхом, врастая в землю, устланную толстым рядном буро-жёлтой, топкой хвои. Уже без прежней важности, мутненько и слезливо, в полной и отрешённой задумчивости всматривались избы своими мелкими окошками в ту незримую межу, где озеро сливалось с верхним и вечным морем.

Вместе со старой заимкой Яравна, что через три века взошла на землях Яравнинского казачьего острога, доживал свой век и дед Анисим, вздумавший порыбачить в ту октябрьскую пору, когда не то что на удочку, а и в сети-то отродясь ничего не ловили – вода холоднела, и рыба, лишь тихими тёплыми вечерами играя у берегов, днями пряталась в неведомых пучинных ямах.

* Беловодье – богатые и вольные земли в русской мифологии.

Накануне томило и маяло заимку долгое непогожье; ветер-листодёр рвал с берёз и осин остатние жухлые листья и сыпал их на избы или нёс прямо в бурлящее и бесновато ревущее озеро; ветер-верховик с гулом и свистом закручивался среди отмашистых лиственничных крыльев, и дерева скорбно гудели в ночи, раскачиваясь вершинами в самом поднебесье, взбалтывая и роняя наземь дрожащие звёзды, точно тронутые морозом ягоды рябины. Озноб пробегал по сердцевинам листвяков, отдаваясь в натруженных корнях, которые, чудилось, всякий раз после порыва ветра подёргивались, тужились и утробно хрипели в земле. Вместе с листвяками, взросшие на их корнях, постанывали в лад осадистые избы, покачивались, плыли в темени, словно рыбачьи ладьи на морских волнах.

Но, ушомкавшись за день на осенней неводной рыбалке, спали беспробудно мужики; шепотливо молились в теми старухи, испрашивая у Спаса и Царицы Небесной, у Святого Николы милости и прощения за свои пригрешения и грехи домочадцев и чтоб унялся ветер-ветрище; закатывались в сипящем кашле протабаченные и почти всегда остуженные пожилые рыбаки, при этом кряхтели и морщились от ломотья и нытья в костях; просыпались от свиста и воя над крышами малые ребятёшки, испуганно и затяжно обмирали, скрадывая скрипы и стоны изб, воображая лукавых оборотней, просящихся в избяное тепло, но, объятые печным жаром, особенно желанным и ласковым в такую ветрину и стужу, слыша рядом посапывание и похрапывание старших, опять засыпали, и даже сквозь мокрую мглу, сквозь одичалый ветер спускались к ним с неба цветастые, солноликие, по-озёрному сизоватые, летние видения.

В это непогожье яравнинские мужики и бабы решили, что дед Анисим не переживёт осень, он и сам про то говорил с виноватой улыбкой; но в середине октября вдруг потеплело, тихо и невинно заголубели озёрные дали, проветренные за ночь, и дед, уже почти лежавший под образами, неожиданно одыбал, встал на ноги и даже выгребся на рыбалку, хотя сроду никто о такую пору не удил.

* * *

Его бы, ясно море, не отпустили, тем более одного, но все домашние, кроме семнадцатилетнего правнука Кольши, оставленного доглядывать за стариком, ушли докапывать картошку на дальнее поле, а Кольше – тому хоть трава не расти.

Вначале дед Анисим выполз на берег и, сидя на перевёрнутой полусгнившей лодке, долго смотрел на озеро, пустое, сероватое, будто засыпающее. Смотрел, как его внучка Матрёна – уже давно баба в добрых летах, живущая своим домом, – полоскала бельё с широких дощатых мостков и поругивалась со своим бесштанным парнишонкой, кышкая его от воды, куда малый настырно лез:

– Тебе отец чё говорил, ежли утонешь, то лучше домой не приходи...

Малый, подставляя голую заднюшку нежаркому солнцу, сопя и кряхтя, подбирал у самой воды отпахнутые, набитые песком и зеленоватой тиной скользкие ракушки и, хитровато косясь на мать, поджидал, когда та перестанет за ним приглядывать, чтобы тут же искупаться.

Видел старик, как забредали в озеро парень с девкой, до того неприметно сидевшие, а может, лежавшие на сухой траве в затишке под глинистым яром. Приставив ладонь к козырьку сплющенной блином линялой фуражки, вглядевшись, признал в парне своего правнука Кольшу, рыбака из тутошней неводной бригады; его этим воскресным днём и высвободили от картошки, чтобы приглядывал за домом и стариком, но тот давно уж забыл отцовы наказы, потому что забредала с ним в воду ухажёрка Тоська, дочь одинокой непутёвой бабы, неведомо откуда и прикочевавшей на заимку.

Зябко передёргивая толстыми плечами, сутулясь, чтобы утаить прущее, как тесто из квашни, обильное тело, смущённо обтягивая вокруг набрякших колен белую исподницу*, шла Тоська мелкими шажками, боязливо прощупывая ступнями тинистое дно. Но вот она, похоже, ступила на песочек, пошла ровнее, шире и, когда мягкая грудь её заколыхалась на воде, охнула, присела, словно курица-наседка, но тут же с визгом выметнулась из воды и, отфыркавшись, поплыла вдоль берега; исподница сбилась на спину, надулась пузырём, оголив не по летам бабьи, незагорелые ноги. Кольша – плечистый, прокопчённый и провяленный на озёрных ветрах – стоял по колено в воде, почёсывая тощее брюхо, поддёргивая спадающие чёрные трусы, при этом зарясь шалыми цыганскими глазами на Тоську. Проплыв немного, по-собачьи гребя воду под себя, запыхавшись,

* Исподница – нижняя рубаха.

Тоська встала на ноги, убрала с лица налипшие волосы и, поигрывая плечами, а потом и лукавыми синими глазами, стала дразнить ухажёра. Да ещё и отголосила на всё озеро:

Дорогой мой зацелуйник,
не целуй больше меня –
мои губы пораспухли
от целуйника тебя!

Пока дева плескалась, пока оглядывала озёрную благость и хребёт, дотлевающий рябиновым, боярковым, жёлтым, малиновым цветом, подкрался Кольша, нырнул издалека и, вылетев пробкой из воды, ухватив Тоську своими клещнястыми лапами, повалил в озеро, будто в зелёное, ещё не просохшее сено. Тоська оглашенно завизжала, забилась в тискающих Кольшиных руках, колошматя толстыми ногами по воде, словно белорыбица могучим хвостом, – вроде испужалась, вроде сам водовик* потянул её в придонные травы; потом в утеху себе, не умея иначе выразить довольство, со всей моченьки замолотила по Кольшиной спине, но тут же и прилипла к парню, обхватив за шею и, похоже, даже обвив ногами.

Кольша привычно намекнул на щедрые Тоськины телеса:

– Тоська! Ты как в воду-то забралась, дак ить озеро вышло из берегов. Как ишо заимку не затопило…

– Дурак… – она опять шлёпнула ухажёра по спине и, придержав ладонь, протяжно и нежно погладила. – Эх, Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй…

* * *

Возле деда тем часом, поставив на песок таз с выполосканным бельём, присела Матрёна, сухонькая, чернявая, в обвисшем линялом платье.

– Стой здесь, шемела! – наказала она своему голоштанному парнишонке, который рвался к озеру. – Стой, кому говорю! Ещё сунешься к озеру, жопу надеру… – Она сладила сердитое лицо, погрозила парнишонке пальцем и тут же пожаловалась старику: – Два раза его, идола, из воды вынала.

– Чао? – дед Анисим напрягся, вслушиваясь, и даже приставил возле уха ладонь. – Ты, мнуча, шибче реви, я ить на одно ухо совсем босой, ни холеры не слышу.

– Говорю, в воду лезет, паразит! – гаркнула Матрёна, тыкая пальцем на парнишку. – Утонет вот…

– А-а-а... Но, видно, рыбачо-ок растёт.

– Да уж верно, что рыбачок – так, фулиган, и рвётся в озеро. Силком не оттащишь.

– Присматривай, деука, присматривай, а то парнишонка-то у тя вольный, того гляди и... Манит озеро, ой манит. У меня ить тоже был… Чуть поболе годами… Утонул, деука, утонул. На ночь глядя полез купаться, да и… Дак и сыскать не могли. Царство ему небесно. – Старик двуперстно перекрестился. – Може, и выпь упёрла.

– Какая ещё такая выпь? – поморщившись, досадливо скосилась на него Матрёна.

– А? – Дед опять склонился к ней, приладив к уху ладонь.

– Какая ещё выпь? – досадливо крикнула Матрёна. – Сроду про такую не слыхала. Выдумывашь кого-то...

– Выпь-то?.. Выпь – это, деука, сказать, озёрный бык. Он при солнушке не кажется. Разве что в потёмки на бережок выбредат... Водянушко, он и есть водянушко – нежить, одно слово. Так и скрадыват, кто купатся впотьмах, – кого бы уташшить. Ночной уповод…

– Буровишь ты, дед, кого попало. Ребятешёк пугашь. Видом не видывали, слыхом не слыхивали про твою выпь.

– Вдругорядь, это, придёшь сюда под потёмки, кто-то вроде плачет, зовёт – ой, окстишься да ударишься в гору, себя не помнишь. То ли дева водяная манит, то ли выпь зовёт…

* * *

А молодые, утешно бранясь, пересмеиваясь, забрели аж по самое горло и подтаяли в озерном мираже; Тоська плавала важной утицей, а Кольша то кружил возле девы, то опять, чисто селезень, накидывался, лип, и раскатывался до самых хребтов захлёбистый, визгливый Тоськин смех.

– Ишь, разыгрались, ничё, холеры, не боятся, – укоризненно покачала головой Матрёна. – Другого-то уж места не нашли, в озеро, срамцы, залезли – гляди, заимка, дивуйся.

Дед Анисим догадался, о чём речь, и, ухмыльнувшись в бороду, сказал поперёк:

– В озере-то, милая, самая игра. Пусть потешатся, пока даётся. Ребятёнки-то посыпят, некогда будет играть.

– Зажил народ, не наша беда... – Глаза увядающей жёнки на минуту притуманились в зави-

* Водовик – озёрный водяной в сибирской мифологии.

сти, словно вечерние окошки в осени, хотя она тут же и усмирила, отогнала непрошенное, неуютное чувство и уже без горечи договорила: – А нам одна война досталась, пропади она пропадом... Так эту рыбу и фуговали, из мокра не вылазили. Не рыба, дак живьём бы передохли...

А молодые разлепились, расплылись по сторонам: Кольша, выносясь всей грудью, буровя воду, погрёб мористее*. Много, видно, осталось неистраченной силы, непрогоревшего жара… Тоська же поплыла, затем побрела к берегу, на ходу собирая рассыпанные по мягкой спине и отжимая русальи волосы. Когда она, раскачивая крутыми боками, метя сырой песок глубокими следами и горделиво отвернув голову от старика и Матрёны, прошла мимо них, мокрая исподница так облила тело, что видны стали буроватые соски, вершащие литую грудь… Матрёна не утерпела и с откровенной завистью подивилась на Тоськину матёрую осанку.

– Выгуль-девка! Гли-ка, аж бока заворотились, поперёк себя толще. И на каких харчах отъелась, на каких перинах вылежалась, ума не приложу. Дома шаром покати, голь голимая… И матерь-то вроде мелконька. А эта – чисто ведьмедица. Такая не то что вашего Кольшу, лиственъ с пути своротит, уманит за собой. Ишь, заголилась-то, глаза бесстыжи, свистуха. Так и вертит хвостом…

– Чадородлива будет, – улыбнулся дед Анисим. – Рыбачков натаскат полну избу – успевай пеленай.

– Ежли в путни руки попадёт, – с намёком на Кольшу, которого заимка считала беспутым, вздохнула Матрёна. – А то и подол задерёт... Ишь, красуется стоит.

Тоська была дородна и спокойна от сознания своей красы и обильности, как озерище, как всё живое на берегу, щедрое и вольное, как этот погожий румяный день, и, выбредши из озёрной купели, будто из парного молока, стала ещё сочнее и краше. Высматривая в озере Кольшу сквозь синеватый прищур, дева улыбнулась… На спелых щеках взыграли ямочки… Потом крикнула:

– Кольш-а-а! Охламон!.. Ты куда моё платье спрятал?

Парень отозвался со смехом:

– Иди ко мне, скажу на ухо!..

– Знаю-знаю, кого ты скажешь… Отдавай платье. А то нагишом пойду – пускай парни зарятся.

* Мористо – далеко в море.

Матрёна опять неодобрительно покачала головой:

– Хоть бы уж окрутилась поскорей, что ли... с Кольшей-то вашим. А то уж парни проходу не дают, так и липнут, будто мухи на мёд. Того гляди, за кулаки возьмутся.

– Да уж сладились бы на Покров, чтоб побожецки, по-русски, – вздохнул дед Анисим. – А то и впрямь греха не оберёшься: озорная девка, да и наш-то – крутель белого света.

– О-ох и благодать-то какая на озере, – Матрёна выгнулась долгим и узким телом, закинув руки за голову. – Домой идтить неохота, так бы, деда, и сидела сиднем и ничё не делала. Ишь как распогодилось-то...

– Купель Божия, – поддакнул старик.

А Матрёна, не слушая его, подхватилась вдруг, вскочила с лодки и стала испуганно озираться кругом. Парнишка как сквозь землю провалился… Баба заметалась по берегу, а потом с лихим криком кинулась в озеро, беспамятно выхватила сына из воды и, не помня себя, прижимая родимого к груди, отбежала подальше от берега, распугав утиную стайку. Опамятовав, видя, что сын цел-невредим, а побледнел, заплакал, испугавшись её испуга, стала всего исцеловывать от пупка до глазынек с висящими в ресницах гроздьями слёз. Очнулась лишь тогда, когда малый, посинев от тисканий и целований, мученически закатил большенные, как блюдца, синие глаза, откинул белёсую головёнку назад, подальше от ненасытных, обезумевших материнских губ, весь выгнулся коромыслом и утробно, во всё горло заревел. Мать, теперь видя, что он воротит от неё своё лицо, чуя, что пробует вызмеиться из рук, тут же, костеря его на чём свет стоит – бродягу, варнака, шарамыгу, суслика, божье наказание… – садко отшлёпала, и пухлая заднюшка малого багрово запалилась, а сам он пуще того закатился в рёве, может быть, жалея, что не уплыл поглубже… Плыл бы и плыл бесконечно среди шелковистых трав... Что дал себя выудить на белый свет, где то нежат до посинения, то хлещут почём зря, – одна слава, что свет. Спохватившись, мать снова начала заполошно целовать, вжимать его в грудь, точно желая раз и навсегда затискать, заласкать до смертушки, задушить в ласках, чтобы ничего больше не знал, ничего не помнил, кроме её ласки, чтобы не переживать за него денно и нощно.

На шум подбежала Тоська, испуганно, непонимающе глядя на Матрёну и её сынка.

– Чё случилось, тётка Матрёна?

Баба покосилась на неё досадливо: дескать, не лезь, девча, не твоего ума дело, а вот как своего заведёшь ребетёнка, тогда и помотаешь сопли на кулак.

– Чё случилось, чё случилось… – проворчала она, зло косясь на малого, едва сдерживая вознесённую руку. – В озеро залез, паразит такой... Чуть не утонул. На вас, охальников, нагляделся, как вы придуривали, вот и полез. Как ещё воды не нахлебался – успела выудить... Гляжу, нету мово парня, а он уж под водой плывёт...

Дед Анисим, хоть и не смог подняться с лодки, видимо, отсидел ноги, по которым посыпались мелкие мураши, но тоже заволновался и, лишь с горем пополам уняв тряские руки на коленях, прижав одну к другой и даже прищемив коленями, укорил бабу:

– А я те, деука, чё баил: глаз востро доржи. Манит озеро… Купель Божия… Ой манит. Вода да огонь куда хошь сманят, заворожат, околдуют, только и видали. Прямо глаз не спускай... Мой-то парнишонка, царство небесно, тожить так – отвернулись маленько, а он в озеро – и поминай как звали. А тут самый урёв*, а много ли ребятёнку надо?! Хлебанёт – и готово… Тут глаз да глаз нужон.

Матрёна, не дослушав стариковы говоры, одной рукой подхватила таз с бельём, другой – ноющего сына и торопливо засеменила в угор, поднимая голыми ступнями рыжую пыль.

* * *

Когда дед Анисим снова явился на берегу, но уже с ведёрком и удами, Кольша полёживал на жухлой мураве под самым крутояром и что-то куражливо, через нос выговаривал своей зазнобе, которая держала его голову на сомкнутых коленях и перебирала, завивала на палец смоляные, жёсткие, точно конский волос, Кольшины кудри. Морщилась, заслонялась ладонью, а то и шлёпала охальника по рукам, когда тот пригребал её к себе на грудь, лез ненасытным ртом к шее и губам.

– Ой, отчепись, отчепись, – игриво отмахивалась Тоська. – Верно, что зацелуйник... И у кого научился, идол…

– В кине видал. Там ишо пели…

Парень сиплым баском насмешливо пропел:

У моря, у синего моря
Со мною ты рядом, со мною…

И сладким кажется на берегу
Поцелуй солёных губ…

Кольша уткнулся и зарылся лицом в Тоськину бабью грудь.

– От пристал, лепень, а! Охолонись маленько, – просила дева и, церемонно вытягивая губы, со свистом целовала ухажера в лоб. – Успокойся, люди же кругом!

– Пускай глядят, завидуют… – Парень засмеялся, ощерив лошажьи зубы. – Поехали под Черёмушник, а? Лодку столкнём... Поехали, а?.. – Он поднялся на колени, потянул Тоську за руку.

– Одно у тя на уме, – вздохнула подруга. – Куда гонишь?! Знаешь, как в нашей деревне девки пели?..

Хотел милый полюбить
шибко по поспеху,
только вышло у него
людям на потеху.

Отчастушив неожиданным при её дородности тонким срывистым голосом, вдруг с горечью покачала головой:

– Эх, Кольша-Кольша… Чует моё сердце, поматросишь да бросишь...

Парень вместо ответа ухватил её сгребом, подмял под себя, и Бог весть, что бы тут случилось на примятой жухлой мураве, но Тоська увидела поблизости старика, силком отпихнула настырного охальника, быстро села, отряхнулась, натянула платье на колени. Кольша, перехватив её взгляд, глянул мутными, невидящими глазами на своего прадеда и махнул рукой:

– Кого испугалась?! Он уже и под носом-то ничё не видит.

– Да отстань ты, отстань, – уже раздражённо дёрнула Тоська плечами. – Прилип как банный лист. Неудобно аж.

– Неудобно штаны через голову сымать.

– Грубый ты, Колька...

– Да ладно тебе, кого-то строишь из себя, – скривился парень, вышарил в жухлой траве под яром ополовиненную чекушку водки, поставил её на расстеленную холстину, где среди перьев лука-батуна подсыхал ломоть хлеба и белели очищенные яйца. – Примешь маленько? За любовь?

– За любовь?! – горько усмехнулась Тоська. – Какая там любовь к лешему!..

Тут старик подошёл к ним совсем близко, невнятно бормоча в реденькую бороду и что-то вы-

* Урёв – глубокая заводь.

искивая под крутояром. Приметив молодых, долго прищуристо всматривался, вроде не признавая, хотя вот-вот с тёткой Матрёной дивился на них, выходящих из воды.

– Ты чего, дед, бродишь?! – Правнук досадливо оглядел старика. – Иди домой. Залазь на печку и лежи...

Старик, видимо, не расслышав, о чём речь, улыбнулся правнуку и стал подсыпать землицы в чумашок*, где у него лежали неведомо когда накопанные дождевые черви. Он ковырял землю крюковатым пальцем, щепотками трусил её в чумашок.

– Деда, как здоровьице-то? – зная про старикову глухоту, почти проревела Тоська, но дед всё равно непонимающе уставился на неё.

– Как здоровье, говорю? – добавила Тоська голоса.

– Как у быка, – пробурчал Кольша, сердитый на старика за то, что некстати явился. – Ещё нас переживёт... Женить его хотели... Тут одна старуха сваталась, – правнук намекнул на бабку Шлычиху, – а дед говорит, дескать, женилка ишо не подросла.

– Ой, Коля, кого-то болташь своим языком поганым...

– Дак оно, милая моя, какое теперичи здоровье-то?! – не слыша или не слушая правнука, дед Анисим светло и ласково улыбнулся Тоське. – Одне одонья** остались от здоровьица-то. Чужой век зажил... Но да ничё, слава Богу, живём, хлеб жуём, а ино и посаливам.

– А говорили, приболел.

– Кого ты с им разводишь тары-бары! – фыркнул правнук. – У его же не все дома, к соседям ушли. Нашла с кем оладьи разводить.

Он, полёживая за Тоськиной спиной, диву давался: последний год старик совсем из ума выбился, чудить начал, а тут вроде и заговорил почеловечьи, ожил. По избе-то с ботажком*** шаркал, а тут, на тебе, на берег припёрся.

– Ты как это из дома-то вылез? – усевшись возле Тоськи, спросил Кольша прадеда. – Я ещё давеча хотел узнать.

– Да уж сподобился… с Божьей помочью.

– И куда ты, старый хрыч, лыжи навострил? – подозрительно глянув на чумашок с наживой, потом на уды, стоящие возле батика, заинтересовался правнук. – Уж не на рыбалку ли наладился?

– А? – дед склонился, подвернув ухо к правнуку.

– На рыбалку, говорю, собрался? – крикнул Кольша.

– Да надоть маненько. Спробую, Кольша, поужу. Може, глядишь, и талан**** будет.

– Талан... – передразнил правнук. – Ты чего, совсем умом-то ворохнулся? Вали, вали домой. Народ-то не смеши... Тоже мне, рыбак выискался.

– О-ой, я, Миколай, столь на своём веку переудил, тебе век не переудить. Сроду без добычи не ворачивался, заздря уды не мочил. Може, и теперичи Бог даст.

– Иди домой, не придуривай. Ожил, что ли?

– Ожил, паря... Да я близенько тут, под берегом. Мористо не буду заплывать. Маненько поужу и назадь.

– Назадь... – опять передразнил его правнук и, повернувшись к Тоське, удивлённо покачал головой. – Ну-у, дела-делишки... А я, когда купались-то, гляжу: дед выполз – ничего себе, думаю… Ты вот что, старый, сказано тебе, дуйка лучше домой, лезь на свою печку и не дури, не смеши народ. Помрёшь в лодке, отвечай потом за тебя.

– Ничё-о, поперёд смерти не помре. Бог не захочет, и прыщ не соскочит. Да я недалёко, под берегом, на твоих глазах.

– О-о-ой, – парень устало мотнул замороченной головой, – как ребёнок... Да ить зря же скаташься – октябрь уж, поди. Вода холодная. Забыл, что ли?.. Рыба давно уж вглыбь ушла, с месяц как на удочку не тянет. Будто не знашь... А ишо и рыбак прозывашься. Я вон сети зря мочил: десять концов поставил – едва на жарёху поймал. А ты на удочку хошь. Маленько-то соображай.

Дед Анисим на Кольшины слова лишь улыбнулся в снежную изжелта бороду, хитровато мигнул Тоське, почесал затылок, сдвинув на глаза сплющенную фуражку, и прищуристо вгляделся в озеро.

– Ну-у, чё уж Бог даст, то и даст. Нет, дак хошь на воде посижу, душу отведу. А ты, чем зубы-то попусту мыть, подсоби-ка лучше батик спихнуть. Одному-то мне не одолеть. А то пока шельшевель, глядишь, уже и стемнет. День-то теперичи короткий, с воробьиный скок… Но давай, подсоби.

Дед Анисим спустился к батику и стал укладывать на дно удочки, ведёрко, чумашок с червями.

* Чумашок – берестяной коробок.
** Одонья – остатки, осадки.
*** Ботажок – палка.
**** Талан – удача.

– Зря ты, Колька, отпускаешь деда, – подумала вслух Тоська, – загинет ещё.

– Вот и поговори с ним. Силком его упереть домой, что ли?! А-а-а… – Махнул рукой правнук. – Бог с ним, пускай едет. Раз душа просит, пускай потешит её. Всё же рыбак был...

– Ну ты кого там телишься? – позвал старик. – Помогай! А то прокопошимся, тут и Спиря подскочит, – дед помянул своего внука Спиридона, Кольшиного отца: дескать, ежли тот увидит, дак чего доброго ещё и не пустит на рыбалку.

– Ну, смотри, дед, я не отвечаю, – упредил правнук и, подойдя раскачистым шагом, легонько, одной рукой пихнул на воду сухой долблёный батик. – Но чтоб под берегом у меня сидел, понял? Рыбак, мать её за ногу…

– Съезжу-ка я, паря, охотку собью, – отозвался дед, вставляя вёсла в уключины, половчее, поусадистее пристраиваясь на лавочке и дугу для упора нащупывая ногами, обутыми в ичиги*, смазанные дёгтем. – А ты послухай-ка сюды, ужотко чё я тебе скажу: хва, паря, казаковать, хва, а то и своя жизнь кобыле под хвост улетит, и деука испортится, за волю схватится. Ишь, кака брава, шепётка**. Парни, поди, табуном ходят.

– Пусть ходят, мне-то какое дело! – холодновато усмехнулся парень.

– Уведут с-под носа, помянешь мои слова.

– О-о-ой, – Кольша снисходительно засмеялся, – да я свистну, косяк набежит.

– Во-во, досвистишься... Ты уж давай, паря, к одному краю пригребай: или не дури деуке голову, не сомущай, или уж закон Божий*** примай, чтоб по-русски всё, по-божецки.

– Ты чё-то, дед, нонче шибко разговорился.

– Не баламуть Тоську, не бери грех на душу, а на Покров мирком да ладком и свадебку сыграете. Ишь, чадородлива – глядишь, и рыбачка принесёт, да Анисимом и окрестите.

– Таких имён теперь не дают. Да и пошто в честь тебя-то?

– А чего, я жизнь худо-бедно ладом прожил. Може, и чадо ваше в меня пойдёт.

– Ладно, дед, собрался на рыбалку, езжай, некогда мне с тобой рассусоливать. – Правнук пихнул батик со всей мочи, и он заскользил по тихой, застоялой воде, с певучим журчанием обтекающей туповатый нос.

Когда старик уже опустил бархак, заменяющий якорь, и настроил уды, Никола, всё так же прохлаждаясь с Тоськой на мураве под яром, сердито заворчал:

– Ну, дед, ну, Мазай, говорил же ему, под берегом сиди, так нет, вон как мористо увёслил. И откуда силы взялись...

– Здоровые были мужики, не чета нынеш-ним, не пили, не курили.

– Но чё, Таисья, пойдём ко мне, – парень крепко обнял подругу и прошептал на ухо. – Дома никого.

– Ещё не чище! – отпрянула Тоська. – С каких таких пирогов я к вам-то попрусь? Кто я тебе?.. Заугольница?.. Ночная пристёжка?..

– Да ладно, кончай приставляться.

– Хороший у вас дед, – с грустным вздохом сказала Тоська, поглядывая на чернеющий стариковский батик и, видимо, перебирая в памяти дедовы слова, сказанные про неё, вернее, про них с Кольшей. – И хорошо сказал… Бросишь ты меня, однако… Но ежли кинешь – утоплюсь, понял? Как в песне…

Тоська отчаянно пропела на всё озеро:

Если забудет, если разлюбит,
Если другую мил приголубит,
Я отомстить ему поклянуся,
В речке глубокой я утоплюся.

– Ладно-ладно, не реви!.. Пошто вы такие, девки, сразу: брошусь, утоплюсь...

– А-а-а, теперь уж чё говорить, – дева невесело рассмеялась и, обхватив парня за шею, с неутолимой нежностью уставилась на него. – Снявши голову, по волосам не плачут… Ох, свалился же ты на мою голову, идол окаянный.

– Это ещё кто на кого свалился, надо посмотреть, – улыбнулся Кольша.

– И за что я тебя полюбила, в толк не возьму! Ты-то меня хоть маленько любишь? – Тоська пытливо, с надеждой и сомнением всмотрелась в Кольшины рыбьи глаза. – Молчишь как рыба об лёд. Да ладно, теперь уж всё одно…

– А поехали-ка под Черёмушник. Отдохнём, ягод поклюём.

– Какие ягоды?! Октябрь уж…

– Ползуниха... – парень засмеялся и потянул деву к лодке.

– Да не тащи ты меня волоком. Что я тебе, тёлка глупая?! Сама сяду, – вырвалась Тоська и, дождавшись, когда парень спихнёт лодку на воду, уселась на корме.

---

* Ичиги – мягкие сапоги из сыромятной кожи, смазанные дёгтем, чтобы не пропускали сырость.

** Шепётка – красива.

*** Закон Божий принимать – венчаться.

* * *

День вызрел тёплый, но не жаркий, и тихий-тихий, на редкость тихий. На отлёте сентября и зачине октября всё чаще и чаще задувал хиуз – по-зимнему пробирающий до костей северный ветер – косматил постаревшее в осени, гудящее по ночам озеро. А тут на диво, на погляд всё утихомирилось, притаилось в сизоватой дымке. Даже чайки и те промеж себя судачили вполголоса… баюкали задремавшее озеро, со вздохами поминали отлетевшее к небу бабье лето… и летали уже без былой рыбацкой суеты – плавными, печальными кругами, и не орали ором, не гомонили, вырывая друг у друга пойманных чебачков, – насытились, видно, остепенились да, построжав, собирались с духом в дальний перелёт. И всё загибали и загибали круги возле дедовой лодки, похоже, он подбрасывал им загодя припасённый хлебушек, потому что отпотчевать рыбой не мог. Впрочем попрошайничали мелкие чайки и сеголетние чаята, нынешним летом вставшие на крыло; а матёрые чайки, прозываемые бакланами, да и средние, посиживали вокруг лодки, точно старики и старухи на солнопечной завалинке, с печалью в слезливых и застойных глазах дивуясь молодой ненасытности и суетливости; иногда, очнувшись от старческой дрёмы, встрепенувшись крылами, властно вскрикивали, осаживали молодых, если те вдруг, плача и бранясь промеж себя, слишком настырно завивались над самой дедовой лодкой, – того смотри, из ведра потащат, если, конечно, там было чего тащить.

Ярыми кострами – красной, жёлтой, малиновой цветью – полыхал над озером таёжный дыбистый хребет, отражаясь в белёсой, будто омертвелой воде. И чудилось, там, в озёрной глуби, светится в осеннем угасании иной хребет – нежнее и чище, и замерли над гольцами сизые облака и, замедленно, отмашисто вздымая и опуская крылья, безголосо пролетают чайки.

От таёжного хребта, где на каменистом облыске чернела заброшенная часовенка святого рыбацкого Угодника Николы, истекало едва приметное цветастое сияние, плыло над умолкшей водой, колыхаясь дивным миражом. В призрачном рое свечений и плывущего эхом с небес ангельски тихого пения старик одиноко сидел в лодке, изредка подёргивая коротенькие уды-мотыльки, разложенные по избитому, отрухлявевшему борту, с коего сыпался в воду жёлтый прах.

Ближе к сумеркам озеро и пуще высветлилось, стало таким гладким и зеркалистым, что когда пролетала чайка, то ясно виделось, будто другая чайка скользит под водой, среди замерших в пучине белёсых облаков, вытянутых, похожих на диковинных рыб; там же, в озёрной глуби, среди белых рыбин являлось и лицо деда Анисима, опушённое ковылистой, выцветшей бородой, а встречь ему зазывно посвечивали обмельчавшие под старость кротко синие очи.

* * *

...Хватились старика уже вечером, когда, приплыв берегом, выскочили из лодки Никола с Тоськой. В это же время вернулся Спиридон и, костеря своего непутного сыночка, суетливо сбежал с крутояра к воде. Прихватив на берегу сына, обнимающего на прощание смоpенную Тоську, тут же набросился на него:

– Ты что же это, мякинна твоя башка, деда-то отпустил? – Спиридон, невысокий, кряжистый мужик, с крупным и будто сонным лицом, был непривычно возбуждён и от досады готов был, кажется, плюнуть в сытые и бесстыжие Никольшины зенки. – Тётка Матрёна доглядела… Здоровый уж бык, а соображения совсем нету, мать тя за ногу. Вот сыночек-то вырос на мою шею, а…

– Ладно-ладно, батя, чего разлаялся? – огрызнулся сын, переминаясь с ноги на ногу, снисходительно поглядывая на шебутного низкорослого папашу. – Что я тебе должен был его, как телка, на привязь посадить?

– Э-эх, вечно у тебя пень да колода... Тебя, как доброго, оставили за дедом присмотреть, а ты куда ушастал? – Спиридон поскрёб сивую бороду и покосился на Тоську, хмуро оглядел её с ног до головы. – О-о-ой, беда, беда, беда... Эвон чё дед отчебучил, на рыбалку умотал. А ты шуры-муры свои...

Тоська покраснела как маков цвет, испуганно одёрнула мятое и мокрое платье, потом, нервно прикусывая нижнюю припухшую губу, круто развернулась и, горделиво заломив шею, пошла к заимке.

– Ты бы подумал, бестолочь, маленько своей башкой! – Спиридон постучал казанками себе по лбу. – Ты бы вспомнил, сколь ему лет! Ох, беда, беда... Ну чё шары выпучил? Давай кричи деда… Каку холеру он там засиделся?! Пускай домой вёслит… Кто сейчас на рыбалку ездит...

Ещё не смеркалось, но солнце уже село в озеро и посвечивало со дна утомлённым блё-

клым светом; и небо, и озеро по-осеннему широко, неоглядно отпахнулись, замерли, глядя на ночь; и посреди остуженного, грустного покоя, посреди серебристой воды стариковский батик виделся сиротливо чернеющим бревном-плывуном, которое, мерещилось, тихонько уплывает и уплывает туда, где озеро сливалось с небом – вечным морем.

Сперва покричали деда на разные лады, но тот не шелохнулся, потом, как и обвыклись, колошматили берёзовым сучком в медный таз. На гомон и бряк спустились прибрежные мужики и бабы, явилась и тётка Матрёна, за которой поводком волочился ее парнишонка, ухватившись ручонкой за подол.

– Днём, это, ишо бравенько с им посидели на берегу, – тревожным шепотком, как про покойника, вспоминала тётка Матрёна, нет-нет да и со вздохом всматриваясь в чернеющий стариковский батик. – Дед ишо баял: дескать, манит озеро… А тут ишо мой варнак… – Тётка уж замахнулась на малого, чтоб дать затрещину для острастки, но, глянув в озеро, сдержала заполошную серчалую руку. – Тут мой идол под шумок в воду залез да чуть не утонул… Но дак чё, бельё-то выполоскала, уж в ограду вошла, на крыльцо-то вздымаюсь, гляжу… Мамочки родны!.. Дед Анисим в море погрёб! Не загинул бы… – тётка Матрёна невольно высказала догадку, какая у заимских уже зрела в уме, но тут же спохватилась и прижала язычок, виновато покосившись на Спиридона.

Тот ожёг пустобайку суровым взором: «Чего ты, баба-дура, раньше времени хоронишь старика?!» – и велел сыну сталкивать лодку:

– Ладно, Кольша, чего зря глотку рвать, плыть надо к деду.

* * *

Дед Анисим лежал, переломившись через борт, и красноватая закатная рябь колыхала плавающую бороду, накатывалась с прищёлком и причмоком на низкий скошенный лоб и, журча, обтекала бледную, с буроватыми пятнами, морщинистую плешь. Выскользнувший из-за ворота, покачивался на витом шнурке медный крестик, блёсенкой посверкивал в чернеющей воде. Рука деда, упавшая за борт, сжимала ветхую фуражку с лопнувшим посередине твёрдым кондырем. Может, испить наклонился или уж глотнул из фураги студёной осенней водицы, да тут и отлетел к небу попутно с озёрным ветерком стариковский полегчавший дух. А может быть, старик, который неведомо когда и красовался перед зеркалом, загляделся, не узнавая, на своё отражение в воде… По-младенчески растопорщенные уши и по-младенчески же вьющиеся подле ушей бело-пушистые остатние волосы; утекающий в пегую плешь изморщиненный лоб, под крутяком которого хоронились, посвечивали изглуби, как два махоньких синеньких озёрушка, дедовы слезливые глаза… И это отражённое лицо, может быть, приблазнилось старику замершим ликом святого Угодничка Николы, рыбачьего оберегителя, который поманил, поманил деда… Или уж привиделся сынок, лет восемьдесят назад утонувший в прибрежной урёме, и, может, позвал едва слышным голоском, похожим на лепет озёрной ряби, и уж не стало сил противиться родному зову.

Возле стариковского батика качался на сумеречной волне припозднившийся баклан и, когда Спиридонова лодка заскользила рядом, жалобно вскрикнул, всхлипнул, тяжело взнялся и огрузло полетел по-над самой водой, кру́гом огибая батик, отчего Спиридон невольно обмер, провожая вещую птицу испуганным взглядом. И после – когда, привязав батик к лодке, отец с сыном греблись в берег, – баклан всё кружил и кружил подле, призрачно темнея на заревном небе, и, словно поминальная плачея, прощался со стариком заунывными воплями. Так чудилось Спиридону, так он шёпотом обсказывал и на рыбацкой заимке.

– Батя, батя! – в диве пуча глаза, показывая ими дедово ведро, полное отборных окуней, не молвил в голос, а сдавленно прошептал Кольша: – Гли-ка, гли-ка, полно ведро надёргал, с опупком. И окунь-то хрушкой*…

Не слыша его, Спиридон сторожко, с оберегом косился на баклана, который не отставал, решив проводить древнего рыбака до самой заимки.

– А как чуяло сердце, – выдохнул Спиридон, и присмиревший сын, отмахнув с глаз смоляной чупрын, смотрел на батю во все глаза, слушал, стараясь не обронить в воду даже малого словечушка; даже грести перестал, отметнув вёсла, с которых мерно и звонко в обступившей вечерней тиши падали в озеро капли. – На двор пошёл… А ещё путём не рассвело, ещё петухи не пели… Гляжу, мать ты моя родная, чайка!.. Чайка на тыну сидит. Да большущая, паря, адали баклан... – Спиридон невольно и опасливо глянул на летящую поблизости чайку. – Сидит, это, и вроде в

* Хрушкой – крупный.

окошко глазом зырк да зырк – кого уж там высматриват, бог её знат. Кышкнул её с тына, а на душе морошно, неладно: ох, смекаю, не к добру ты прилетела в ограду, вещунна птица, ох, злую весточку на хвосте принесла... Сроду ить, паря, подле избы чайки не сидели… Ну, думаю, как бы наш дед не тово... – Спиридон замолчал, вздыхая и покачивая головой. – А потом закрутился-завертелся с этой картошкой да и забыл. Отчаевали, это, значит, на картошку собрались, а я ещё, помню, пошёл в сенник тебя будить: пускай, думаю, сбегает сети проверит, может, хоть на одну варю за ночь налезло...

– Бе́з толку, три чебака сдуру залетели – и всё. Снимать надо сети, чё их зря гноить в воде...

– Ну и вот, значит... Пошёл я тебя подымать, а тут старый-то и кличет меня в свой запечек. Надо, говорит, попрощаться, а то мало ли что. Дескать, сон видел лихой. И давай сон мне обсказывать: мол, щука приснилась, здоровенна така, цела кокорина*, ажно мохом взялась. Приплавилась будто бы к самому батику, выпучилась на меня и смотрит, смотрит… А потом, это, по-человечьи молвит. Чё уж она баяла, говорит, не упомнил. Зовёт вроде, сманиват... Мне бы, мол, надо окстись крестным знаменьем, а силов нету, вся моченька моя вышла. А щука манит и манит... Я, говорит, наклонился маленько, она своим плеском-то** ка-ак даст да и всего окатила водой, аж сердце захолонило. Окатила, это, с головы до ног, да и пошла себе тихонько в урёму... – Спиридон, хотя и не бог весть какой богомольный, но и не худобожий, невольно перекрестился – витиевато махнул щепотью перед лицом и что-то коротко прошептал. – А мне недосуг его слушать, надо на картошку – коня уже успели запрягчи, девки на телегу уселись, меня кричат. Надо их увезти, а потом ишо и старуху Шлычиху в деревню утартать... Вот я ему и толкую: вечером, дескать, поговорим, дед... Везу старуху Шлычиху на мотоцикле и думаю: «Тронулся дед умом». А из деревни на картошку заехал, подкапываю, а душе нет покоя. Скребут кошки. Едва вечера дождался...

Спиридон сжал в кулаке бороду, пошиньгал её, одышливо вздохнул и, подтянув батик ближе к лодке, чтоб не болтался из стороны в сторону, покороче перевязал верёвку. Мельком глянул на старика, лежащего теперь на дне батика, укрытого Кольшиным пиджаком, ещё таящим в себе запах потной Тоськиной плоти. Пиджак сполз с лица, и в светлое небо, где запалилась ранняя звёздочка, глядел открытый глаз, из бездонной глуби которого уже выкатился живой синеватый свет. Опять испуганно перекрестившись, Спиридон ещё ближе подтащил лёгонький батик, натянул пиджак на стариковское лицо, потом велел сыну:

– Давай, Кольша, греби шибче, а то уж темнеет... Да-а, сколь не жить, а смерти не отбыть.

– А и вроде одыбал, на ноги встал, – с отцовской степенностью покачал головой сын, неспешно, осторожно, вроде как похоронно загребая вёслами.

Он впервые увидел смерть, вернее даже не смерть, а покойника, который ещё вот-вот наставлял его на жизнь, и ему почуялось, будто он вдруг разом стал взрослее своих семнадцати лет, будто со смертью деда жизнь его как-то круто поменяется, да и во всей заимской жизни после деда что-то переменится. Что и как переменится, он не смекал, не угадывал, но уж по-старому теперь не будет. Ясно припомнились, будто прозвучали с закатного неба последние, вроде и обыденные, но теперь освящённые сокровенным смыслом дедовы слова, сказанные ему, правнуку, на берегу. Кое-что из сказанного дедом Кольша и поведал отцу.

– Сын, говорит, родится, Анисимом назови. В честь него вроде, – усмехнулся правнук.

Спиридон, заблудший в глухом и холодном тумане грустных своих поминаний, кручинных дум, слушал вполуха, иногда жалостливо косясь на сына, потом сморщился, проворчал:

– Ты, верно что, девке голову-то не морочь, а решил жениться, так женись. И правильно дед толковал, и грех тебе будет, ежлив обманешь. Дед зна-ал, как жить, не наша беда... Сроду худого слова не молвил, и негордый был, незавидливый, вот и хворобы сроду не знал, вот и пожил... А уж здоровый-то был – нам ещё гоняться да гоняться за им. Не-е, здоровьицем его Бог не обидел: за восемьдесят, кажись, завалило, а денно и нощно на озере, так и не вылазил из мокра. И зиму, и лето удил, и купался, паря, до ледяных заберегов... Вот и смертушку лёгкую принял. Спи теперь, деда, спи спокойно, отрыбачил своё, царствие тебе небесное… – Спиридон, обернувшись на солновсход, неожиданно осенил себя крестным знамением, и сын удивлённо выпучился, глядя на отца, который сроду не молился, не крестил-

* Кокорина – бревно.

** Плеск – хвост.

ся. – Ой-ё-ё-ёшеньки... Такая вот жизнь: одне помирать, другие рожать... Ты смотри, парень, догуляешь, девка в подоле принесёт, сраму не оберёшься. На всё озеро ославишься… Верно дед сказал: женись и не придуривай.

– Ладно-ладно, все бы учили да учили… – отмахнулся сын.

– Вас не учить, так и добра не видать. Вы же теперичи по-путнему-то жить не хотите, всё норовите по-своему, а своего-то умишка с гулькин нос, вот и колобродите. Нет послушать, что старики говорят. Они худо-бедно век прожили, ума нажили.

И внука Спиридона, и правнука Кольшу смерть старика хоть и опечалила, но опечалила легко, как может опечалить голый, насквозь проглядный березняк, где на потемневших от дождей ветвях трепещут на ветру остатние жухлые листья. Исподволь утешает и греет верная надежда, что минет вьюжная зима и по теплу опять народится клейкий младенческий лист, потом окрепнет и заиграет, засверкает под солнышком. Так же исподволь, в полноте неосознанно чуется, что и человек весь не помирает, не оставляет насовсем юдоль земную, а будто нарождается и вечно продолжается во внуках и правнуках. Но ежели покинувший землю и не приживается в грядущей родове, то хотя бы душа его упокоенная витает подле живых и, может, в лунных снах и солнечных видениях, в поклонных поминаниях наставляет родичей на ладную жизнь.

Нет, внук и правнук не убивались по деду ни сейчас, ни потом возле могилки, куда ускользнул гроб: чего уж там шибко-то горевать, волосы рвать, когда старик уже зажил чужой век, когда лежал под святыми и желанно поглядывал в мохово, – на могилки, что темнели крестами и тумбами по высокому берегу.

Но если смерть не удивила – пожил дед, дай бог всякому столь прожить и небо не коптить – то и внука, и правнука изумила дедова добыча: в отсеке серебрился подойник, полный на диво крупных, прозываемых хармаками и капустинами, меднобоких окуней, а рядом, не уместившись в ведре, полёживали и вовсе отменные – такие, каких за всё лето пяток выудишь, так впору Николе Угоднику свечку ставить, потом на ранешний манер обрызгать озеро святой крещенской водицей.

– И как он изловчился столь наудить, ума не приложу, – снова да ладом дивился парень. – Ни-ичё не понимаю. С месяц уж рыба не берёт…

– Да в октябре она сроду не клюёт, – кивнул отец. – До середины сентября ещё мало-мало тянет, а потом всё, как отрежет. Потом уж лёд встанет…

Спиридон, который взялся за удочку сразу, как отбился от материной титьки, сын его Кольша, ещё подростом перерыбачивший самого деда Анисима, – оба они лишь руками разводили.

– На такое, видно, место угадал, куда, может, раз в жизни и угадаешь, – смутно предположил Спиридон. – Либо уж подшаманил чего. А может, и Никола подсобил, Угодничек-то... Сроду никого не утруждал и на поминки решил сам наудить.

– На поминки-то, батя, маловато будет, – рассудил сын и вдруг, кинув вёсла, хлопнул себя досадливо по бокам. – Э-эх, дураки мы, дураки!.. Надо же было местечко-то приметить, маячок поставить. Вон дедово весло к его же бархаку привязать и пусть болтается. А я бы поутрянке выгреб и сети туда переставил.

– Да-а, не смикитили мы с тобой... А с другой стороны, поставил – и шиш бы чего поймал. Тут, Кольша, дело хитрое… Может, ещё под час такой подгадал старик... Да и этого, поди, за глаза хватит. У нас поминальщиков-то раз-два и обчелся. Хотя… Ежлив заимские-то все подвалят... Любили деда...

Удочки домовитый старик бережно смотал, обернул в чистенькую холстинку; берестяной чумашок из-под червей промыл в озере; и если бы Кольша не видел, лёжа с Тоськой под крутяком, как старик трусил в чумашок землицу, то можно было бы предположить, что наживы там и вовсе не было. Рыба в ведре и отсеке уже подсохла, из чего Спиридон вывел, что поймана была сразу после полудня, а значит, после полудня старик и помер. Не стал бы он, поди, сидеть сложа руки, без дела и работы.

– Ох сманило озеро, ох сманило, – опять завздыхал Спиридон. – Помню, раньше, как захворат маленько, всё просил, чтоб я койку ловчей поставил, ближе к окошку, чтоб озеро видать. Да всё, бывало, закрутишься, завертишься, да и без памяти. А старик лишний раз и не скажет, не попросит, бедный... А уж стал из ума выбиваться, третиво дни дак меня перепутал с батей моим, царство ему небесно: дескать, ты бы, Егор, на рожон-то не лез, а вписался в колхоз от греха подальше. Плетью обуха не перешибёшь…

– А дед-то мой… твой батя… мало пожил? – вдруг спросил Кольша, досель безразличный к своей родове. – Чё-то шибко уж рано помер!

– Добры люди подсобили... – сухо и отчуждённо отозвался Спиридон и с непроходящей, закоростевшей обидой поджал губы, но, немного помолчав, глядя в другую сторону от заимки, досказал: – Нас же у отца-то было ни много ни мало семнадцать ребят: пять девок да двенадцать парней. Дюжина... Это теперичи лишь тётки твои и зажились, да я шестой с имя. И те разбрелись по свету... Меня ещё и в почине не было, когда отец отделился и укочевал в Укыр. Я-то уж, паря, в Укыре родился – укырский вроде. Село тогда большое было, волостное, на тракту стояло. Церковь Спаса белокаменна... Своротили, фармазоны... Ну, как отец наш выделился, – матка сказывала, Царство Небесно, – сперва шибко худо жили, лопотины оболокчись, и той не хватало. Но потом, это, вроде обжились. Тут и братовья уже в годы вошли, наравне с батей в работушку впряглись, да и девки не отставали. Дак и зажили куда с добром, и нужды не знали. Коров да коней, всякой мелочи – полон двор... А тут сбросили царя-батюшку, власть переменилась, и пошли кумунисты крепких хозяев потрошить, да с нашего двора и зачали. Я-то не видал, я как раз у деда на заимке рыбу удил. Я у него частенько гащивал. А матка видала... Как нажитое стали переписывать и на телегу грузить, отец не стерпел да в сердцах и кинулся с топором на раскулачников. Ну да там, видно, ребята крепкие подобрались, так отмутузили, что отец потом месяц кровью харкал. У деда на заимке и помер... Помню, просил меня, пока был в памяти, дескать, не бросай, Спиря, отца, на тебя вся надёжа...

– И что, всё отобрали? – зашебутился возмущённый Кольша.

– Подчистую! Всё подмели, что горбом своим нажили. Тятя батраков сроду не держал. На покос другой раз помочи собирал, а как братовья мои старшие подросли, дак и без помочей управлялся. Робили от темна до темна и в кулаки угодили. Да… Добрых хозяев тогда подмели метёлкой, болтуны да непути остались… Э-эх, тогды-сегды прикинешь: поче жил, поче живёшь, а уж и смертушка не за горами, и такая тоска долит, что хучь рёвом реви. И на вас-то никакой надёжи... Ну, да ладно, чё уж теперичи... А мне тётка Матрёна сказала, мол, ещё днём на пару сидели… У ней парнишонка тоже чуть не утонул. Едва, говорит, успела выдернуть... Ох манит озеро, ох манит...

Когда лодка с дедовым батиком подчалила к дощатым мосткам, с которых заимские бабы черпали воду, по небу уже рассыпались белые искры – звёздочки среди ещё белёсого, но уже мутнеющего вечного моря; по тихим его водам и уплывала на незримой лодке стариковская душа; иные звёздочки срывались, опадали, точно прибитые морозом бледные ягоды, и одна из них, как почудилось Спиридону, погасла над самой заимкой. Вот и закатилась дедова звёздочка, вот и не стало вековечного рыбака, правнука архангельского мужика, в пору великого раскола прикочевавшего сюда со своей суровой старой верой и срубившего на озерище некорыстное зимовье.

На берег прибежал чуть ли не весь заимский народ, молча вглядываясь в причаленную лодку. Тётка Матрёна, хлюпая носом, утирая мокрые глаза углом запана, снова да ладом поминала:

– Днём, это, ещё так бравенько с им сидели на солнушке, судачили. И в уме, и в памяти был. Гляжу, вроде одыбал старик…

Кинувшись к лодке, заголосила Спиридонова хозяйка, за ней подхватились и другие, и лишь мужики стояли молча, пристально вглядываясь в зачужевшее, заострённое, восковое лицо древнего рыбака.

* * *

Разбежались Тоська с Кольшей зад об зад, и кто дальше улетит; парень ударился в гульбу, а где гульба, там и драки с поножовщиной. И коротать бы тому век на тюремных нарах… Не раз спутанного по ногам и рукам запихивали буйного в районную каталажку… Да, слава Богу, забрали во флот, который на диво всей заимки словно подменил Кольшу – ушёл варнак варнаком, по которому тюрьма горько плакала, а через три флотских зимы вернулся серьёзным, круто замужичившим парнем. Погулять бы самое время с поспевшими деревенскими девахами, ан нет, заныла, затомила душу старая любовь, и опять с Тоськой схлестнулся, которая надеялась, ждала, отбиваясь от сватов да игривых заимских рыбаков. Может, и слепились бы… Уж и тёплое гнездо свили в районном селе, уж и Тоська от него брюхо нагуляла… Но не зажился яравнинский рыбак, загинул и уже не ведал, что Тоська нарекла сына в честь старика Анисимом, исполнила наказ старика.

Сомустили Кольшу после армии в рыбохрану, и не сказать, чтоб шибко ярился, гоняя загрёбистых рыбаков, а всё ж таки напоролся на злую пулю. Городской браконьер отпотчевал с хмель-

ного зла… а как уж там вышло, бог весть, но отыскали его, бездыханного, в оглохшей моторке, которая сиротливо болталась на озёрных волнах. Погребли Николая Жданова на заимке, подле прадеда, чтоб уж не расставались наперёд, а Тоська, что убивалась на высоком становом берегу, на глазах постаревшая, поблёкшая, вскоре, прихватив чадо, укочевала в город к сестре, оттуда завербовалась на строительство Байкало-Амурской железной дороги да и сгинула с концами, ни слуху ни духу. Сколь ни писали Спиридон со старухой в разные края, отыскивая бывшую молодуху (шибко хотелось внучонка поглядеть, Кольшино семя), но всё без проку.

После деда Анисима и его правнука, Царствие им Небесное, недолго зажилась и прибрежная заимка Яравна; рыбалку наполовину сократили, потому что обезрыбело озеро, и рыбацкие семьи укочевали по деревням и сёлам. Теперь, когда минуло тридцать с гаком, даже бугорки от бывших изб и бараков затянулись сбежавшим с хребта звонколистым березнячком и осинничком, сиренево украсились чащобами иван-чая. Сгнили, завалились кресты на могилках, и Спиридон Жданов, укочевавший на другое озеро, малое, непромысловое, с трудом нашёл после долгой отлучки дедов бугорок, благо, что хоть мета вспомнилась верная: торчащий искрошенным старческим зубом срезанный молнией дородный листвяк с давно уж облезлой шкурой, выдубленный и выбеленный на озёрных ветрах. Комель порос мхом и брусничником, и рясно высыпала крупная тёмно-вишнёвая ягода.

Под старость и характером, и обличкой сивобородый Спиридон стал шибко походить на деда Анисима, разве что ворчливее и сумрачнее старика. Ну да и время такое приспело, пропади оно пропадом, – фармазоны-верховоды спихнули страну и народ в срам, нищету и отчаянную гульбу, а сами под шумок растащили всё, что с кровью и потом наживали отцы, деды и прадеды. Или уж светопреставление близ дверей, – скрёб Спиридон то морщинистую плешь, то реденькую, ковыльную бородёнку, – или уж чудо спасёт народишко русский. На чудо и осталась одна недёжа.

В Яравну привёз его на легковушке «Ниве» старший сын Пётр, широкий, что поставь, что положь, пожизненно начальствующий в районном селе Сосново-Озёрск, красномордый, одутловатый, с тяжёлыми синими мешками в подглазьях; видать, быстро ухайдакали сивку крутые горки, по каким скребутся вверх начальники – горюны-печальники.

Спиридон в чёрном пиджаке, что топорщился коробом, словно седёлка на корове, посиживал на переднем сиденье возле сына, который и вёл «Ниву». На заднем сиденье без умолку, наперебой поминая яравнинское житьё-бытьё, шумно вздыхая, теснились две мужние Спиридоновы дочки, приехавшие погостить к отцу-матери. Пожили городские гостеньки у родителей, сбегали по ягоды, грибы, навестили в Сосново-Озёрске тулдунских подружек и, наконец, стали упрашивать Петра, чтобы свозил в Яравну. Может быть, и не решились бы… Чего уж там, господи, смотреть, коль ничего не осталось от бедной заимки… Но отец настоял, чуя, что когда ещё выпадет случай навестить дедову могилку, когда ещё сможет уломать Петра, чтоб отвёз на заимку. А тут девки прилипли к брату: свози да свози, тот и не смог отказать городским гостенькам.

Лишь миновали былую поскотину, мягко покатили по замуравевшему просёлку… А ведь улица была вдоль и поперёк исхожена, испета и оплакана… Сёстры запричитали, уставившись в окошки, за которыми уплывали и охлёстывали машину тонкие осинки и берёзки. А когда миновали свою бывшую усадьбу, ныне цветущую сиреневыми кустами иван-чая, сёстры в голос завыли. У Спиридона, как ни тужился, ни крепился, а тоже в глубоких, морошных глазницах засветились слёзы. Даже Пётр посерел опухшим багровым лицом, и по набрякшим скулам запохаживали взад-вперёд тугие желваки; задёргался, точно в тике, правый глаз, и тяжелее набухли синеватые мешки под глазами. Он крепче ухватился за баранку, злее и настырнее уставился в стекло, за которым вырастали миражами яравнинские избы и бараки, а подле счерневших лиственичных венцов бесплотными тенями маячили рыбаки, укочевавшие с озёрища или, как дед Анисим, давно уже отчалившие к засиневшим осенним небесам.

На скалистом берегу озера спешились. Вышли гости, потыкались туда-сюда среди чащобного березнячка и осинничка, пошарахались из стороны в сторону, запинаясь о притаённые в белёсом ковыле полусгнившие кресты и тумбочки, и лишь по обломанной лиственничной сушине… она неожиданно озарила Спиридонову память… отыскали могилку деда Анисима. Сёстры, от роду мокроглазые, жалостли-

вые, опять дружно заголосили. И вопили даже не по своему прадеду… Помнили его мутно, ощущением сухого, тёплого покоя и ласки… Они плакали всё по той же родимой заимке, где до обидного быстро пролетело раздольное лесное и озёрное малолетство, где осели, поросли наглухо быльём и ромашкой, словно канувшие заимские дворы, наивные и блажные девчоночьи мечты. По себе, как и бывает на могилках, плакали и причитали сёстры.

– Ну, хва, девки, хва, – сердито осадил их отец, которому вопли дочерей болезненно щемили изношенное сердце. – Могилку прибирайте. А мы уж пойдём с тобой, Пётр, крест вырубать.

– Сказал бы в Сосновке, я бы железную оградку заказал, и тумбочку бы мигом сварили, – проворчал Пётр, закуривая вторую сигарету подряд.

– Да уж крест срубим, и то ладно, – досадливо отмахнулся Спиридон.

Утихомирившись, просморкавшись в платочки, отчего нежно заалели кончики носов, сёстры начали хлопотливо прибирать могилку: с корнем повыдёргивали мелкие осинки и берёзки, выпололи траву, оставляя на взрыхлённой земле пучки ромашки. Спиридон долго маялся с лиственничным крестом, вырубая под «ласточкин хвост» пазы для перекладин. Пётр только мешал, лез под руку, опахивая отца табачным чадом… Но худо-бедно сладил мужик крест о семи концах; и, когда врыли его поглубже в обихоженный девками бугорок, на двух затёсанных поперечинах выскребли ножом мало-мальску надпись, дескать, здесь улёгся на вечный покой пожизненный рыбак, честный труженик Жданов Анисим Мартемьянович, ста трёх лет от роду. Господи, упокой его душу.

Ближе к вечеру сели помянуть, достав из машины блины и брусничный кисель, приладив возле свежего креста рюмку с водкой и пару окуней горячего копчения. Пётр хотел отпотчевать деда Анисима ломтём жирной пеляди, но отец велел положить окуней – земляков, поскольку про рыбу-пелядь, запущенную и разведённую в озере лет пятнадцать назад, покойный и слыхом не слыхивал.

Несколько раз неловко, отвычно перекрестившись, Спиридон прошептал то, что всегда было на слуху:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, упокой душу раба Божиего Анисима и прости его прегрешения вольныя и невольныя... Ну, с Богом. Помянем. Царство тебе Небесное, деда... Все там будем рано ли, поздно ли... – Спиридон поднял гранёный стаканчик.

Пётр, выпивший охотно, но тяжело, сквозь зубы, весь переморщился-перекосился и стал торопливо закусывать.

– С этой работой всю гулянку забросил, – пошутил он и тут же налил себе наособинку и выпил. – Уф!.. Крепкая зараза! Так и пить разучишься.

– Оно бы и ладно, – сердито буркнул Спиридон, – хошь здоровье бы сберёг. Оно ить входит золотниками, а выходит кулями… Ты, паря, на выпивку шибко-то не налегай – чай за рулем… А дедко-то наш сроду винцом не баловался, – Спиридон усмешливо глянул на рюмку, умощённую возле креста. – И табачишшем рот не поганил. Одно слово, старовер... Вот и век ладно прожил...

– Да-а-а... – закурив сигарету, жалостливо протянул сквозь дым Пётр, – долго дед жил, а доброй жизни не видел. В каких штанах всю жизнь ходил, в тех и помер. Кроме рыбы, ничего путнего не едал.

Спиридон покосился на сына, хотел что-то сказать поперёк, но смолчал, уставился в озеро, где похаживали и пошумливали возле берега зеленоватые пенистые валы. Тут же, под самым берегом, свившись в мельтешащий клубок, с визгом бились о воду чайки – значит, поверху плавилась мелкая сорожка, а возле, охочие до неё, паслись, конечно же, крупные окуни и щуки.

– Нет, знали наши старики, где селиться, – оглядывая озёрное раздолье, подумал вслух Спиридон, – знал деда, где жить. Где ещё такое местечко сыщешь. Пазуха Божья... И тайга богатая, и рыбы полом... А уж места красивше, ей-бог, сроду не видал. Э-эх, жить бы да жить.

– Везде, батя, хорошо, где нас нету, – усмехнулся Пётр.

– Оно, конечно, хорошо, где вас, варнаков, нету, – отозвался Спиридон.

После деда заодно решили помянуть и убиенного Николу…

– Надо Кольшу поискать, – Спиридон, кряхтя, встал на ноги, оглядел забытое-заброшенное кладбище. – Где-то ближе к скале хоронили…

С горем пополам по ржавой звёздочке нашли сварную тумбу, утонувшую в осиновом подросте и дурнопьяной траве; карточка под стеклом до-

бела выгорела на солнопечном угреве, суриковая надпись выветрилась, вымылась осенними дождями, и уж попробуй разбери, кто там лежит под сплетением древесных кореньев.

– Тоська-то красавица была, как сейчас помню, – грустно улыбнулась Спиридонова дочь.

– Да и наш куда с добром, под стать Тоське, – вздохнул Спиридон.

– Парни по ей с ума сходили, а она по Кольше убивалась. Жили бы да жили – такая пара. Если бы…

– Если бы да кабы – во рту бы выросли грибы, – жёстко осёк Пётр сестру. – Что Тоська, что наш, оба непути, к жизни неприспособленные. Пара сапог… Да наш ещё горячий, заполошный… Всё равно бы толку не было.

– Пошто? – заупрямился Спиридон. – Парень выгулялся, остепенился после флота…

– И какого хрена он права качал перед теми рыбаками?! – осерчало сплюнул Петро. – Жалко стало вонючего окуня… Пропади он пропадом…

Чтобы не тянуть пустопорожние разговоры, Спиридон вспомнил далёкое:

– Но рыбак-то Кольша смалу был – всем рыбакам рыбак. За то и любил его наш дед. Вот теперичи рядом и полеживают. Сошлись рыбаки навечно.

Помянув Кольшу, пожалев и его бессчастную зазнобушку, вернулись к деду Анисиму, молча постояли возле свежего, будто светящегося среди зеленоватой лесной тени отмашистого креста. Спиридон вдруг суетливо стал собираться домой, заторопил дочерей, которые хотели ещё пройтись по мёртвой заимке. Похоже, ему, вдруг пуще остаревшему, сполна взявшему свои законные лета, больно стало от поминаний, как и горько… горше не придумаешь… было видеть заросли осинника и березняка там, где алела в зорях деревянная церквушка, окружённая избами, где прошла вся его добрая жизнь.

Перед тем как залезть в машину, Спиридон огляделся кругом и, перекрестившись, неведомо к кому обращаясь, не то к озеру, не то к заимке, не то к сыну с дедом, прошептал:

– Ну, прощайте, даст ли Бог ещё свидеться, не знаю. Прощайте да не поминайте лихом.

1987, 1996, 2004 годы

Анатолий Байбородин и Сергей Куняев
на открытии памятника Валентину Распутину в Иркутске

Елена ЕЛИСТРАТОВА

РЕАЛЬНОЕ ЗЫБКО

* * *

Озноб одиночества. Лета макушка видна
Отчётливей даже, чем полная в небе луна,
И можно услышать, легонько подавшись вперёд,
Как тихо трава сквозь ночное пространство растёт.

Снаружи в квартиру проворные тени бегут,
От стен к потолку проложив безупречный маршрут,
Мурашками, тиком, музыками сфер, холодком
Царапая комнаты мякоть своим наждаком.

Реальное зыбко, и мысли направлены ввысь,
С грядущим прошедшее в вихре воздушном слились,
И вечностью веет в окно… То ли бред, то ли сон…
Рассвет зависает, как коршун, в потоках времён.

ОСЕННИЕ ЯМБЫ

1

Тяжеловесно так светает,
Что зримый воздух за окном,
Как призрак времени, витает
В тумане вечности сыром.

И проявляются сирени,
Трава, качели и скамья,
Где летом бабушки сидели
И мимо пробегала я.

2

Не знала я, что осень так сурово
Стремит свои потоки в бездну Леты
(Хоть это для кого-то и не ново).
Припоминай особые приметы

Той, кем была тому назад лет двести…
А впрочем, память, замолчи, не надо.
Всё набело, умело, честь по чести –
Как пишется под грохот листопада!

3

Какая тьма! Хоть глаз… А впрочем
На растерзанье глаз не дам.
И вглядываюсь в дёготь ночи
С осенним мёдом пополам.

Куда бежишь, моя дорога?
Куда ведёшь – назад, вперёд?
Но, кажется, ещё немного –
И просветление придёт.

4

У времени и смысла на краю
Стою, смотрю, как первый снег ложится,

ЕЛИСТРАТОВА Елена Львовна *родилась в 1968 году в Анжеро-Судженске Кемеровской области. Окончила Кемеровское медицинское училище. Долгое время работала на кафедре КемГМА. Воспитанница литературных студий «Prima via» в КемГМА (руководитель И. А. Куралов) и «Притомье» в ЦДЛК (руководители С. Л. Донбай и Д. В. Мурзин). Печаталась в журналах «Огни Кузбасса», «Балтика», «Начало века», «Литературный меридиан», «Ликбез», коллективных сборниках. Лауреат журнала «Огни Кузбасса» за 2010 год в области публицистики, конкурса «Энергия творчества» и премии им. И. М. Киселёва. Живёт в Кемерове.*

И мысли на квадратики крою,
Чтоб с ними примириться и ужиться.

А может быть, по-новому сложить,
Что раньше не сложилось почему-то,
И радостно, свободно, просто жить,
Как будто до конца одна минута.

* * *

Всё заметает зима безнадёжно и прочно,
Чёрное чётче на белом и мысли ясней…
Мне бы бежать от её безысходности прочь, но
Крепко примёрзла душа всеми фибрами к ней.

Солнце на лето – зима на мороз, как известно,
Глядь – не осталось ни веры, ни капли тепла,
Только позёмка шныряет-снуёт повсеместно,
Только застывше-оконные блики стекла.

Только сутуло плестись, выборматывать рифмы,
Будто они отогреют, утешат, спасут,
Будто способны они, стихокрылые грифы,
Над невозвратностью лет совершить самосуд.

Снова вернётся весна в круговерть-бесконечность,
Но не сумеет уже отдышать-отмолить
Кая, сложившего слово короткое «вечность»,
Герда, как Парка, прядущая долгую нить.

* * *

Запах солнца и мокрого снега,
Щебет птиц накануне весны,
Южный ветер швыряет с разбега
В будни города горсть новизны.

Провожаю, как сны, пароходы
Облаков по небесным волнам,
Прорастают зелёные всходы
Чувств, зимою неведомых нам.

Может, в светлые-светлые дали
Устремлюсь за походной трубой,
Может, гаммы любви на рояле
Разучу и останусь с тобой.

Или в тайну заветного слова
За седьмую проникну печать,
Чтобы жизнь потускневшую снова
С красной строчки, как в детстве, начать.

АПРЕЛЬСКИЕ НАБРОСКИ

1

Прошлогоднюю листву
Гонит ветер по аллее,
Я от сердца оторву
Бинт спасительный апреля.

Сколько было – не скажу,
Сколько выпадет – узнаю –
Дней, подобных миражу,
Мороку, мороке, маю.

Если маяться – ответь:
Выпустив на волю тучи,
Кто заносит молний плеть
Над хребтом весны могучим?

В небо упадёшь на миг,
Как умрёшь. Потом воскреснешь.
Городской вороны крик –
Тоже утренняя песня.

2

На окраине апрель,
Флёр весны берёзовый
И невиданный досель
Блеск светила розовый.

Городская беднота –
Стайка воробьиная,
Дети, прятки, счёт до ста,
Тень от дома длинная.

Скоро Пасха, а в тепло
Верится не верится,
Шар земной слезам назло
Вертится и вертится.

Прошлогодняя листва,
Дворики да дворники…
Хочется писать слова
Строчками да в столбики.

Ольга СОЛОДОВНИКОВА

ЧУТЬ ВЫШЕ СЕРДЦА – ЖГУТ…

ОДУВАНЧИКИ

Души ветрам отдают одуванчики,
Вверх устремляясь из кружева куполом.
Смотрят не жмурясь на кружево мальчики
Взглядом из вечности. Вечностью спутаны.
Пряди крыла вороного и светлые,
Солнечно-рыжие – мамкины радости...
Пойте же, мамки, по ним колыбельные
Так, чтобы солнце сгорело от жалости.
Слово заветное, самое первое
Струйкой кровавой рассыпалось, искрами...
«Милый мой мальчик... Дитя убиенное...» –
Стелется крик за крылатыми спинами.
К чёрту всех тех, кто причислил к статистике
Наших детей из-за славы и алчности.
На похоронном написано листике
Всей безысходностью: «Нет больше радости,
Нет на земле больше мамкиной радости...»

НАМЕЧТАЕТ…

Под прицельным обстрелом осадков
Вероломно меняю маршрут.
Облака из небесных остатков
По стаканам печаль разольют.
Хлынет горлом уныние мира,
Заполняя осенний пролом.
От осадков спасает квартира
С батареями и кипятком.
Согреваю над чаем ладони,
Сердце вторит биенью часов…
Эх, поверить в бессмертие, что ли,
И в отсутствие смертных грехов?
Не будите! Мне нравится сниться
Этой жизни, дождями звеня.
Всё случилось. И снова случится.
Кто-то вновь намечтает меня…

ВСЁ НЕ ТАК…

Всё не так, и словам я не верю…
Словно в детстве, спиной к косяку,
Дотянуться макушкой и пере-
Пере-
жить ту засечку вверху.
Скоро солнце, и хлебною коркой
Голубей говорливых корми.
Как давно своенравной девчонкой
Я жила на ладонях земли.
Были губы целованы ветром,
Были танцы на кромке зимы,
И тяжёлые гроздья рассвета
Очищала от звёздной каймы…
Стол и лампа, зловредные перья.
Словно в детстве, спиной к косяку.
Понимаю, мне завтра не пере-
Пере-
жить ту засечку вверху…

СОЛОДОВНИКОВА Ольга Васильевна *родилась 31 августа 1981 года в Прокопьевске. Окончила два курса исторического факультета Томского госуниверситета и Новокузнецкую педагогическую академию. Стихи начала писать в детстве. Участница литературных семинаров в Ленинске-Кузнецком и Бугуруслане. Публиковалась в альманахах «Кольчугинская осень» и «Образ». Автор книги «Идущая на жизнь» (2016). Живёт в Прокопьевске.*

ВРЕМЯ

Я приручаю по минутам время,
Учу брать душу, как еду, с ладони.
Оно шипит, но с каждый днём смелее,
Всё ближе и заметнее подходит…
Уздечкою звеня, мороз гарцует,
И прозой скучной сыплется зима
На землю… Снег и смех рифмую,
Вниз по ступеням скудного ума
Схожу за допингом, нахмурив брови,
В расход пишу ущерб былого дня,
Соотношение тоски на литр крови
И сколько в граммах выбыло меня
Туда, где странная кукует птица.
Вода застыла, призрачно нема,
В неё хоть плюй – не суждено напиться,
Там пыль вселилась в мёртвые дома…
Я приручаю по минутам время,
Но гложет мысль – его не приручить,
Оно любить и плакать не умеет,
Оно умеет только хоронить…

ЧУТЬ ВЫШЕ СЕРДЦА – ЖГУТ…

На небе влажном крылышки мечты
Дрожат невинно… тополиным пухом.
Щекочет лето робкие кусты
И гладит клумб растрепанное брюхо.

И вместо не сбывающихся снов
По соннику, отсюда до обрыва
Уходят тени вязких городов,
Июльским жаром полыхает грива

Коней богов… Окружность колеса
На осень мчится. Звонкие копыта
Искрят и в клочья режут небеса
Застиранных в божественных корытах.

А в волосах моих живут дожди
И августом шумят шальные ветры,
И рецидив любви в моей груди
Для перевязок отмеряет метры
Бинтов… годов… Чуть выше сердца – жгут,
Чтоб чудесами больше не сочилось…
Оставив лета временный приют,
Привычно вру – всё хорошо, забылось...

СУМАСШЕДШИЙ

Кто сказал, что жизнь терпима?
Мозг обманывает душу.
Перламутровым бензином
Город украшает лужу.

Словно мячик от пинг-понга,
Солнце прячется в аллее.
Разрываясь там, где тонко,
Становлюсь на шрам мудрее.

Обвивает шею лямка,
Повторяя день прошедший.
На скамейке, под панамкой,
Дремлет местный сумасшедший.

Разум кружит, словно улей,
Гонит мысли вскачь по кругу,
Быт, работа… В карауле
Нормы, правила. За руку

Тащит время. Отдышаться –
Лишь минута… Кто счастливей?
Те, кто дома спать ложатся?
Или он, на тёмно-синей

Старенькой скамейке? Зайчик
Солнечный к нему ластится.
Сумасшедший одуванчик
Подарил мне. Сладко спится

В парке вместе… Как цыгане,
Мы пойдём за ветром следом.
Сумасшедший белый ангел
Рядом с чокнутым поэтом…

Сергей ПОДГОРНОВ

НУ – БУДЕМ!

Повесть

Если кто-нибудь в разговоре с вами возьмёт да и обмолвится, что нынешний Асинск – городишко скучный и беспробудно сонный, не верьте. Честно вам скажу, я уже с подобным встречался. Такие слова не что иное, как пустая, бездоказательная болтовня.

Что значит «сонный городишко»?

Вы бывали хоть в одном сонном городишке? Вы представляете, что это такое?

Да, в любом таком городишке время годами никуда не движется. Вот так вот раскорячилось на одном месте, застыло и слилось до незаметности с приземистыми домиками, со стайками и баньками во дворах и с деревьями в кудрявой зелени. Когда б не назойливые календари, никто бы в жизнь не догадался, что оно здесь вообще существует! А то, что вчерашние сопливые пацанята нынче выросли и взялись бороды брить, к делу не относится. Время временем, а бороды сами по себе.

Однако будем справедливы. Если уж оставаться до конца честным, надо признать: да, ещё недавно, ещё несколько лет назад всё на поверхности неширокого улочек млело в оцепенении, точно кувшинки в маленьком озерце, плотно окружённом корявым лесом, на забытые берега которого никто никогда носа не сунет. Ничего резкого, громкого и уж тем более оглушительного! Проезжающий через нашу станцию из Читы в Челябинск, выставив голову в окошко, даже сквозь мерный стук вагонных колёс мог слышать, как беззаботно и сладко похрапывал Асинск. Спали домохозяйки и зубные врачи, горнорабочие очистных забоев и водители автобусов. Мало того, даже те, кому по штату спать не положено: вахтёры, сторожа, милиция и участковые контролёры горэлектросети, которые во все глаза обязаны следить, не ворует ли кто электроэнергию, – такое носами выводили – сроду ничего близкого не изобретёшь! Спали все! А если, отвлекаясь от Асинска, лучше ухо навострить – храп и уютное посапывание слышались по всей стране. И это по большому счёту было неплохо. Ведь когда в России спячка – всё как-нибудь понемногу да идёт: и дома строятся, и дороги.

Не спали только диссиденты. Они и разбудили Горбачёва. Тот, как проснулся, давай всех расталкивать и джинна из бутылки выгонять – классика известная. А уж когда население пробудилось и глаза протёрло, то взялось такое вытворять, что сам дьявол не разберёт! У нас народ только-только с печи слезет – и сразу революция. А если война на этот момент случится – так всю Европу, до Парижа, отмахать можно…

Вот и Асинск. Разбудили его в конце восьмидесятых грубые толчки из далёкой столицы. И

ПОДГОРНОВ Сергей Елизарович *родился в 1956 году в Анжеро-Судженске. Окончил Дальневосточный государственный университет. Работал в конструкторском бюро г. Владивостока. В 1987 году вернулся в Анжеро-Судженск, работал в городской газете, на стекольном заводе, сейчас – в городском водоканале инженером по охране труда. Автор двух книг стихов. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «День и ночь». Член Союза писателей России. Живёт в Анжеро-Судженске.*

под бока, и даже, неловко сказать, пониже спины. Но! По счастливому стечению отмахивать никуда не пришлось, никакой войны у границ ещё созреть не успело. Революция, правда, небольших размеров грянула – куда уж тут без революции! Массы, как водится, на площадь слетелись. И начали выкрикивать и грозить. Да так, что у позолоченного вождя на пьедестале, указывавшего рукой, в каком направлении топать дальше, эта рука чуть не отвалилась! Время очнулось, отпрянуло от деревьев и серых домиков. Век, его обозначавший, растерянно похмыкал и потоптался, развернулся и побежал назад. Потому что революция – она всегда не в ту сторону, куда её замышляют.

Сейчас в городе хозяйничал год, близкий к двадцать седьмому. Из пыльной кладовки истории вытряхивалось на свет давно забытое. Поговаривают, будто в Доме советов рулить Асинском взялись дети лейтенанта Шмидта. Насчёт детей, конечно, болтают – у тех запросы были мизерные. А тут все поголовно в буржуи метят! Число наскоро слепленных ларьков со спиртным и жвачкой с лихвой переплюнуло на душу населения самые продвинутые страны и континенты. Настали золотые денёчки для обществ с ограниченной ответственностью.

Жизнь заиграла весёлыми бликами, пошёл давать трепака расцвет частной инициативы. Приоткрылись границы, и всякая дрянь – полезная или вроде того – хлынула снаружи внутрь. Пустоты заполнились стремительно. Столько разного вдруг явилось! И неважно, что яркое китайское тряпьё расползалось через неделю после покупки, а наручные часы из той же страны намертво вставали на второй день. Иной потомок Левши поколдует над часами, и они ещё лет восемь тикать исправно будут, чему сами халтурщики из Поднебесной изумились бы необычайно. Запрыгали по колдобинам импортные легковушки, изъятые в государстве самураев со всех без исключения автомобильных кладбищ и срочно доставленные морем к нам. На голых ещё вчера витринах гордо разлеглись неизвестно на чём взращённые окорочка, насильственно выдранные из цыплят и поименованные «ножками Буша»…

Какого ни пожелаешь товара, а его уже прибыло – смотри и радуйся!

И всё бы замечательно – но!

Каждый живущий в эпоху перемен неизбежно чувствует их на своей шкуре.

11 июля 1994 года, на рассвете, без восьми минут семь, душераздирающе завопил Доминик.

Лев Иванович Янушонок проснулся, зевнул во весь рот и приподнял с подушки круглую розовую щёку, на которой смачно отпечаталась пуговица от наволочки, с двумя дырочками. Утро понедельника задорно ломилось в окна. Муха билась в стекло ему навстречу. На полу валялись штук пять солнечных зайцев. Наглый чёрный котяра сидел возле дивана и немигающе смотрел на Лёвушку. Лёва повернулся на левый бок, натянул на лицо простынь, но Доминик тут же заорал вновь. Нет, доспать, чтоб его черти взяли, не получится.

– Чего горло дерёшь? – опять приподнялся Лёва. – Чего вопишь, как не знаю кто? Я тебя будильником не нанимал. Запомни: когда у человека нет работы, когда не ждут его ни родной завод, ни родная фабрика, он, по крайней мере, должен хорошенько отдохнуть.

Кот шевельнул усами, не отводя от Лёвы глаз.

– Скотина несознательная! Утром в доме должны быть тишина и покой, иначе ты, подлая тварь, еды не получишь. Понял меня? Вместо того чтобы мышей ловить, ты или шастаешь непонятно где, или отираешься возле холодильника. Что ты его обхаживаешь, что ты прилип к нему? Оттуда мышь не выскочит, она за буфетом сидит, третий день скребётся. Даже мелкая мышь – и та кота в доме не чует! Если б ты был нормальной скотиной и была бы у тебя хоть капля совести – давно бы эту мышь изловил, придушил и съел без остатка. Каждый должен заниматься тем, к чему приспособлен. Вот ты что-нибудь в доме можешь? А? Я тебя спрашиваю. Ничего ты не можешь!

Кот презрительно скривил морду.

«Ну, гад!», – подумал Лёвушка.

– Валерка Щучкин, когда мыши в доме завелись, удавил свою кошку на шнуре от кофейника. Все, кто не приносит пользу дому, должны это помнить. Учти! Иначе если не удавлю, то выброшу на улицу. Ты лишишься даже той работы, от которой отлыниваешь! А безработный – кому ты нужен…

Лёва отлично понимал, о чём говорил.

Ещё недавно специалист уважаемого предприятия, ровно три недели, как он пребывал не у дел. Официально попал под сокращение, то есть оказался лишним ртом для родного коллектива! Но поговаривали, что-то с этим сокращени-

ем было нечисто. Что-то там было такое, о чём сам отправленный за ворота подробностей не раскрывал. То ли попался за пьянкой на рабочем месте, то ли на этом месте вовсе отсутствовал, то ли (расползался и такой слушок!) посягнул на честь и достоинство главного бухгалтера – дамы не очень умной, грубоватой и крайне подозрительной к любому, кто неосторожно приближался к ней. Однако если Лёва молчит, то и мы не станем доискиваться. Даже пишущему эти строки следует не всё знать о своём подопечном. А то выпотрошишь, вывернешь его наизнанку, и останется от человека лишь сумма благовидных и неблаговидных поступков. Вот уж лучше как-нибудь без этого, а то арифметика получится, а не живой полнокровный человек, так-то!..

В бюро по трудоустройству на учёт отказались ставить, прицепились к каким-то пустяковым формальностям. Пособие по безработице – на него Лёва весьма и весьма рассчитывал – теперь не светило. В довершение к одному несчастью быстренько подоспело другое: подруга из дома отчалила! А ведь когда сходились, она, Лёва отлично помнит, ворковала ему: «Ты мой герой!».

И вот на тебе. Это было уж вовсе нечто!

Неожиданно выяснилось: женщины любят не просто героев, но героев, приносящих домой аванс и получку. И, желательно, всё до копейки. А тех, кто этого не делает, они не любят и никакого героизма в них не обнаруживают!

События развивались по нарастающей. Два дня его лапушка верещала так, что Лёва тревожился, как бы голос не пропал, а затем притихла и долго молчала. Лёва понял, не к добру! И точно.

Он в ожидании обеда полёживал на диване, исследуя босые пальцы ног.

Как человек, кое-что на свете повидавший, он знал: жизнь состоит из мелочей, они и есть самое важное в ней. И каждый, кто упускает мелочи, не достигнет даже самых пустяковых высот. Сейчас Лёва разглядывал свои ноги.

С правой ногой было всё в порядке, грязь на ней сгруппировалась между пальцами. Тревогу вызывала другая нога. Создавалось впечатление, будто Лёва побывал непонятно где, и там, где он побывал, ногу посыпали пылью. Сверху! Поражало прежде всего то, что он каждой из ног словно разгуливал в разных местах. Надо было найти логическое объяснение, надо было свести ноги воедино. Только силой мысли сделать подобное казалось возможным. Размышляя над пылью сверху, Лёва постепенно отбрасывал всё несущественное. Вариантов оставалось два. Либо когда в галошах выходил в огород, чтобы сорвать огурец; либо когда в сланцах прогулялся во двор до туалета. Скорей всего, виноваты были галоши: во-первых, в них земля из огорода попадает; во-вторых, сланцы чаще моются. Лёва решительно склонялся к галошам. И тут, в васильковой блузке и обтягивающей юбке, подступила к нему она.

– Лев, нам надо поговорить.

– Ась?

– Лев, ты слышишь меня?

Когда Катажинка называла его не Лёвушкой, а Львом, это ничего хорошего не сулило, это было началом большого семейного тайфуна!

– О чём же ты хочешь говорить? – затосковал Лёва. – Если о покупке нового пальто, мы ведь уже решили: покупай. Помнишь то серое, с жёлтыми пуговками, которое смотрели в «Юбилейном»?

– Прекрати болтать! Какое пальто, когда денег нет, а ты весь диван до пружин протёр. Ты о чём-нибудь думаешь?

– Конечно, думаю, ещё как думаю! Единственная мысль: о новой работе. Я уже столько вариантов перебрал – вся голова распухла. Других мыслей и вовсе нет.

– Цыц! – зычно гаркнула Катажинка.

В маленькой комнатке поднялся гам: там затеяли игру её дочки, всем трём – по пять лет, не поделили кукол.

– А ну-ка замолкли! Вот я вам сейчас!

В комнатке на время притихли.

– Я, к твоему сведению, не собираюсь прозябать в нищете!

– А кто собирается? Поверь: никто и не собирается. Найдётся ли хоть один человек, который бы встал и сказал: «Я собираюсь прозябать в нищете!» Найдётся ли? Я не знаю ни одного! Пойми, Катажинка…

– Я тебе больше не Катажинка! Обрадовался, что идиотку нашёл? Муж, если он ответственный, обязан обеспечить в семье достаток. Его дело – утром исчезнуть к чёртовой матери, а вечером вернуться с деньгами. Я стираю, обмываю всех вас, готовлю, и что я имею с этого? За что мне такое выпало?

– Если выпало, Катажина Фердинандовна, значит – выпало. Так тоже иногда бывает. Жизнь в настоящий момент, как говорится, испытывает

нас на прочность! Собери в кулак своё терпение и посмотри на ситуацию в целом. Кризис захватывает разные слои населения. Огромные слои! Вот и меня тоже.

– Ситуацию в целом я вижу. Ещё как вижу! Ты сутками не слезаешь с дивана, а я верчусь, как уборщица. Даже хуже! Уборщица отшваркает тряпкой смену, ведро в угол приткнёт, и всё – до свидания. Ей ещё деньги за это платят. А я ради чего надрываюсь?

Из комнатки грянул дружный рёв. Куклы справедливому делению никак не поддавались.

– Да чтоб вас!

Многодетная мать кинулась туда. Лёва получил передышку, но ненадолго. Раздались две-три затрещины, порядок восстановился, и разъярённая женщина влетела обратно.

– Так вот…

– Так вот, – сказал Лёва, – надо выждать. Для нашей семьи наступили тяжёлые времена. Но они пройдут.

– Тяжёлые времена? Ха! Тяжёлые времена! – Катажина Фердинандовна подбоченилась и прошлась перед диваном. – Напомни-ка: за то время, пока я, как дура, живу с тобой, когда эти времена были лёгкими? Я таких времён никогда не знала! Ты и сейчас грязные копыта к потолку задрал, и ни до чего тебе дела нет.

Лёвушка убрал копыта с дивана. Не помогло.

– Посмотри на себя: ты – никто. Ты ни на что не способен. Я лучше найду другого, сильного найду, но с таким ослом жить не буду!

– При чём здесь осёл? – изумился Лёва. – Вон, в новостях говорили: во Франции завод обанкротился. Две тыщи человек оказались на улице! Дети с голоду пухнут. Это с каждым может случиться.

– Это может случиться только с тобой! С тобой, и ни с кем другим!

Любимая настолько была разгневана, что фиолетовая юбка потрескивала, и груди опасно перекатывались над бедной Лёвушкиной головой.

– Погоди. А в Германии…

– Заткнись со своей Германией! Плевать я хотела на вас обоих.

Да, для того чтобы вылететь с работы, Лёва выбрал не самое лучшее время.

В городке творились дела мрачные и тревожные. Джинн, выгнанный из бутылки, был вовсе не безымянный, он имел отвратительное имя: кризис. А поскольку ещё и нрава оказался паскудного, то затеял игру. Что-то типа «морского боя». Но не на тетрадном листочке в клеточку, а по-крупному. Причём этот кризис был ловким игроком! Если четырёхтрубный металлический завод, хоть и потрёпанный, твёрдо держался на плаву, то равный ему стекольный, получив пару прямых попаданий, вовсю чадил и давал такой крен, что наружу высовывалось облепленное ракушками днище. На стекольном восемь месяцев не держали в руках зарплату, а самого стекла выпускалось так мало и столь плачевного качества, что даже при жуткой нехватке строительных материалов покупатели огибали завод стороной. Жить стекольному оставалось сущие пустяки. Не выдержав разящих ударов, навечно скрылись в пучине хаоса, распустив на поверхности грязные пятна, старые трёхтрубные крейсера – шахты «Асинская», «Сибирская» и «Таёжная». Последняя из этой линейки – шахта «Физкультурник» – потеряла управление и превратилась в недвижную удобную мишень. Меткой стрельбой один за другим были потоплены двухтрубные вагоноремонтный завод, гвоздильный цех и автобаза грузовой и спецтехники. Чего уж говорить о разной однотрубной шелупони! Не чайки, а вороны, пугая небо криками, летали над местом гибели швейной фабрики «Искра» и фабрики индивидуального пошива одежды. Банно-прачечный трест, имевший на попечении три бани, едва залатывал пробоины с помощью тощего городского бюджета, а редкие клиенты, отшлёпавшие себя вениками в чуть тёплой парной, выглядели крайне неубедительно: не млели от обильного пота в предбанниках и, потягивая там же кислое пиво, не покряхтывали от удовольствия. Среди крутящихся в водоворотах всасываемых обломков барахтались выброшенные за борт матросы, цепляясь, кто за продавленный диван, а кто и за бутылку, полагая её самым верным средством для спасения.

Однако вот что удивительно: те, кто потерпел крушение, не сотрясали окрестностей воплями, не устраивали истерик. Асинцы к любым бедам всегда относились философски и от ударов судьбы становились только ядрёней. А помимо прикипевших к дивану или к бутылке, были и такие, кто, побегав по городу, вдруг обнаруживал вожделенный спасательный круг: никем не занятое рабочее местечко! И с лёту захватывал его. Должен сразу признаться, люблю я людей не сломившихся, не опустивших рук – ведь счастье идёт к тому, кто и сам к нему идёт…

Между тем Лёвину зазнобушку несло. Вал обвинений нарастал.

– Твои маменька с папенькой когда-то дали осечку. Они в постели в самый ответственный момент чересчур поторопились – мозгов в тебя вложить не успели! А в некоторых делах спешить не следует!

– Ничего, без мозгов даже лучше, – заявил умудрённый опытом Лёва. – От них, как японцы установили, голова болит. И потом: кто же любит умных? Вот и ты не с кем-нибудь, а со мной живёшь.

Зря он про японцев, зря! Лучше бы ничего не говорил. Эти японцы всё испортили! Зазнобушка ринулась к шифоньеру, рванула дверцу, пнула ни в чём не виноватый чемодан и объявила:

– Хватит с меня, ухожу!

– Как – совсем?

– Совсем!

– Давай хоть пообедаем.

– Заткнись!

В раскрытый чемодан полетели кофточки, колготки, кружевное бельё. Фокус с чемоданом Лёва наблюдал не в первый раз. Потом, под всхлипы и тихое обиженное бормотание, всё развешивалось на плечиках обратно и раскладывалось на полки.

Однако теперь дело обернулось иначе. Женщина, подхватив чемодан, зычно крикнула тройняшек и отправилась к папе. Так и потянулись от калитки: она, в васильковой блузке, обтягивающей юбке и с чемоданом – впереди, а послушные дочки, крепко взявшись за руки и не выпуская кукол, следом. Задок у неё, как всегда, выразительно колыхался. Лёва до калитки их проводил, затем сорвал с малины пару сочных ягодок и раздавил во рту, сокрушаясь, что такой задок уплывает. Она ушла, но оставила кота. На следующий день явился папа, а с ним двое угрюмых мужиков на большой грузовой машине. Машина, пятясь, сдала к калитке, мужики откинули борт, и все трое решительно прошли в дом.

– Нам чужого не надо, – сказал папа, – но своё не оставим, всё заберём. То, что дочка здесь горбом заработала, тебе, подлецу, не принадлежит.

Папа бегал по комнатам, расшвыривал ногами цветистые половики, указывал пальцем, что грузить, и горько сокрушался:

– Эх, и что ж ей, бедной, так с мужиками не везёт! Первый, жлоб, начальник жилищной конторы, над каждой копейкой трясся, всё допекал чёртовой экономией: «Экономия, экономия!». Совсем спятил с этой экономией – мелочь у неё в карманах проверял: сколько потратила и куда. Таких скупердяев отродясь не бывало! Лишь в одном, мерзавец, расщедрился – трёх девок ей зараз сделал! Другой, гаишник, дважды триппером награждал. Слыхано ли это: порядочные гаишники деньги с водителей в дом несут, а он – триппер. Как будто у нас только триппер в машинах ездит! А от тебя, чёрненький ты наш, даже триппера не дождёшься…

Его молчаливая бригада так быстро принялась выносить мебель, что Лёва едва успел изъять спрятанную в тумбочке заначку.

После их отъезда дом стал ошеломительно просторным. Лёва остерегался громко говорить – эхо металось по комнатам и, отскакивая от голых стен, пугало. Однако они много чего не взяли. Телевизор «Рубин», казавший мир с разными оттенками серого, холодильник «Бирюсу» – эти от покойницы-матери ещё остались, диван… За диван, правда, ухватились, но он в руках разваливаться начал: боковушки отскочили – одна, а потом другая; и бывший тесть поскрёб ногтями затылок и смилостивился:

– Ладно, пользуйся. Помни нашу доброту.

– Кота заберите, – сказал Лёва. – Не забудьте кота! Он, сволочь, всё время жрать требует.

– И кота оставляем…

Несколько дней Лёвушка и кот валялись на диване, удивлённо поглядывая друг на друга. Иногда покидали диван и слонялись из угла в угол, привыкали к новой обстановке. Доминик передвигался крадучись и принюхивался.

За это время обоими были досконально изучены все трещины на потолке и за телевизором. Понемногу Лёвушка освоился и успокоился. В доме, лишённом писка, визга и громкого недовольства жизнью, поселились тихие ангелы. Вот только рубашки, громоздившиеся стопкой на полу, смущали. Шифоньер, пожалуй, был бы не лишним. А кот, осознавший, наконец, перемены, наоборот озверел. Глаза его недобро горели. Он требовал прежнего порядка – молока в миску и кружок полукопчёной «Краковской», к которой был сильно расположен. Смёрзшаяся в комок мойва из морозилки воспринималась, как незаслуженный, оскорбительный плевок в кошачью душу. Всем видом он показывал, что у него полная гармония только с «Краковской» и нет ничего общего с мойвой. Кота обуяла жажда мести. Он принялся за то, от чего успешно отучила его,

хватаясь за тапок, сбежавшая хозяйка – драть когтями обшивку кресла. Кресло теперь стояло взъерошенное, под стать настроению кота. Дело пошло на принцип.

– Колбасы не будет, и не мечтай! – заявил категорически Лёва. – С «Краковской» простись навсегда. Она является предметом роскоши, а нам теперь надо жить по средствам.

Услышав про колбасу, кот заголосил со всеми возможными кошачьими модуляциями. Тогда Лёва накопал червей, взял удочку и отправился на Алчедат, за карасями. Но и там на крючок цеплялись исключительно невзрачные особи: маленькие, тощие, словно потёртые, и бомжеватого вида. Неудивительно, что такие караси ничуть не смягчили сурового кота. Караси и мойва лежали нетронутые в миске, за шкафом скреблась мышь, а чем питался любитель «Краковской», было совершенно неясно. Он теперь надолго пропадал в огороде: то ли перешёл на богатую витаминами морковную ботву и отросшие капустные листья, то ли отлавливал зазевавшихся птичек. Домой являлся лишь затем, чтобы проверить, не вернулись ли прежние времена? Переступив порог, кот в первую очередь приникал к холодильнику: не потянет ли оттуда родной полукопчёной?

…Итак, Доминик смотрел на Лёву нагло и требовательно.

– Не нравится здесь? Ищи другой дом. Сколько тебе втолковывать: старых порядков больше не будет, кончились они.

– Я-у-у-а! – завопил кот.

– Ага, и уходить не хочешь? Тогда объясни: к чему тебя приспособить?

– Я-у-у-у!!

– Всё, лишаю слова окончательно!

Лёва сбросил голые ноги на тёплый пол.

Лев Янушонок, а для друзей – просто Лёва, в данный момент находился в том неопределённом возрасте, когда молодость ещё не полностью скрылась за спиной, но зрелость уже подступает: брюшко начинало округло выпирать и обозначаться. Иначе говоря, ему было несколько за тридцать, и две залысины, устремившиеся к макушке, обещали непременную плешь годам к сорока. Кожа его была заметно смугловатой – затесался по материнской линии кто-то из тех, заграничных теперь, благодатных республик, где воздух навсегда пропитался запахом урюка, где дымящийся чай пьют из разрисованных крупными розами пиал, а в бескрайних степях пасутся овечьи отары. О выражении, преобладающем на лице, чтобы подробно не говорить, замечу только: оно было точь-в-точь, как выражение лиц футбольных болельщиков, когда любимая команда не только показывает фантастическую игру, но даже забивает мячи в ворота соперника.

До увольнения судьба благоволила к Лёвушке. Он числился инженером по охране труда на фабрике по обогащению угля. Кабинетные дела не утомляли. Лев Иванович изредка обновлял разнообразные инструкции – обновление заключалось в смене дат на титульных листах, беседовал с вновь поступающими о выгодах обогатительного производства – это называлось «Вводный инструктаж» – и раз в месяц подписывал списки на получение рукавиц для работы в цехах. В оставшееся время – а оставалось его изрядно – он перелистывал старые журнальчики, которые в избытке пылились в шкафу наряду с профильной, по специальности, литературой. «Советская милиция», «Профсоюзы и жизнь», «Гражданская защита» – на их страницах он находил массу любопытной, хотя и бесполезной информации. Из этих журнальчиков он, к примеру, знал, что лучшим в мире поваром стал француз Мишель Рот. Что зимой для лечения радикулита нужно воспользоваться настойкой элеутерококка: смочить полотняную тряпку и приложить на область крестца, затем плотно обвязать поясницу шерстяным платком и оставить на ночь. Он даже был знаком с суждением лейтенанта Колиин Багли из центральной тюрьмы Иллинойса (США): «Для свободных граждан тюрьма представляется тайной. На самом деле это далеко не так. Здесь живут такие же люди, с их слабостями и капризами. Они смеются и плачут, радуются и ненавидят. Все они требуют повышенного внимания, ласки и заботы, понимания своей трагедии. Поэтому появление в мужских тюрьмах женского персонала вполне оправданно: кто может дать больше тепла мученикам, чем женщина?»… Жизнь казалась Лёвушке прочно и основательно устоявшейся, пока всё не рухнуло.

Теперь не надо было спрыгивать по будильнику с дивана, спешно давиться завтраком и бежать на «дежурку». Но в этом имелись и свои плюсы – диван и впрямь заметно просел!

Расставшись с молодой мамулей трёх дочек, Лёва хотел было потужить месяцок и даже настроился на это. Домашние дела не стоили того, чтобы на них отвлекаться. Выглядывая из окна

веранды, Лёвушка хладнокровно наблюдал, как дичает огород. В клубничных грядках бесчинствовали непуганые дрозды – бранились между собой и тяжелели от съеденных ягод. Картофельную ботву захватили колорадские жуки – их сосредоточенные красные личинки без устали пожирали сочные листья, росли, превращались в жуков и производили новое потомство.

Дни протекали приятно. Однако, подсчитав наличность, бывший инженер по охране труда загрустил: на те несколько миллионов, что сохранились в заначке, долго не протянешь, как ни крути, и искать новую работу придётся.

– Ничего не поделаешь, – объявил Лёва злобному Доминику, – если общество ждёт от меня пользы, оно дождётся!

Вчера он изучил местную газету «ВРИО» – ту страницу, где под условными значками с весами, баранами и раками был напечатан астрологический прогноз. Для обстоятельного человека – а Лёва был человеком обстоятельным – такой прогноз являлся незаменимым руководством к действию.

«Предстоящая неделя, – разъяснялось Водолеям, – обещает быть результативней прошлой и ознаменует резкое возрастание вашего биоэнергетического потенциала. Прислушайтесь к себе. У вас появится возможность переосмыслить всё, что имеете, ввести дополнительные поправки и ориентиры на будущее».

Лёва прислушался к себе. Биоэнергетический потенциал никак не проявлялся. Неясен был также орган, в котором ему надлежало возникнуть. А может, он только начинает резко возрастать? Не повременить ли с поисками ещё денёк-другой? С потенциалом, как ни крути, а шляться по разным конторам легче. Но опять же, вспомнив про наличность, Лёва вздохнул: ничего не получится, придётся без потенциала.

Как человек неглупый, Лёва сообразил, что для успеха нужна стратегия, и наметил её. Начать следовало с центра. Центр Асинска являлся ярким и манящим созвездием разного рода учреждений и предприятий. Здесь можно было поискать не просто рабочее место, но такое место, где платят хорошие деньги и вовремя! То, что находилось ближе к центру, было как раз на плаву и тонуть не собиралось. Лёва живо представил некий пустующий понапрасну уютный кабинетик с журнальчиками «Профсоюзы и жизнь» на полке – осталось только найти его! А для этого следовало прочесать все заслуживающие внимания конторы. Перебрав разные варианты, Лёвушка сказал: «О!».

Это «О!» относилось к Погрузочно-транспортному управлению. Залпы кризиса как ни били в Погрузочно-транспортное управление, а ничего поделать с ним не смогли. Транспорт был железнодорожным, а тепловозы ходят даже тогда, когда всё стоит. Тепловозы исправно таскали составы с углём на обогатительную фабрику и забирали готовый концентрат. «Там работают серьёзные люди, – размышлял, проникаясь симпатией к тепловозам, Лёвушка. – Я тоже человек серьёзный. Мы должны состыковаться – факт!»

Итак, было утро, и манящее будущее ожидало Лёвушку за порогом.

Побрившись и умывшись, Лёва распахнул холодильник. Перво-наперво серьёзному человеку следовало хорошенько поесть.

Холодильник работал не впустую. Он поддерживал в свежем состоянии пяток некрупных яиц.

– Если, допустим, разбить четыре яйца – этого хватит только мне, а мяукающему негодяю ничего не достанется, – взялся вслух размышлять Лёва. – А если пять яиц – холодильник можно выключить. Нет уж, лучше четыре.

И тут лёгкая тучка набежала на его чело. Эх, Катажинка-Катажинка… Как она готовила! Хотя бы фасоль с мясом. Это ж уму непостижимо!

Пока он набирал воду в чайник и совал вилку в розетку, масло на сковородке зашкворчало, а вокруг жёлтых яичных бугорков образовалось ровное белое поле. Сковородка переехала на стол, на подставку. Лёвушка помедлил и отделил часть завтрака Доминику (кот до глазуньи снизошёл). Завтрак прошёл в молчании. Лишь из огорода доносились птичьи вопли – банда серых дроздов добивала последнюю клубнику. Подчистив хлебной корочкой остатки масла, охотник за новой работой ощутил столь нужный сейчас прилив сил. Удача не могла быть далеко. Надлежало изловчиться и сцапать ее!

Лёва сунул диплом, трудовую книжку и паспорт в целлофановый пакет, облачился в тенниску-безрукавку и натянул вместо брюк бриджи нежно-зелёного, под стать молодому салату, цвета. Конечно, сам Лёвушка такие бриджи ни за что бы себе не выбрал, но штаны были подарком Катажинки, она уверяла, что салатный цвет ему очень к лицу. На ногах застегнул лёгкие сандалии на твёрдой подошве и в таком виде выбрался на остановку «Красноярская». Пойди он по прямой,

он бы за десять минут добрался до Погрузочного управления, ехать вкруговую было вдвое дольше. Но, как рассудительно полагал Лёвушка, если ходить пешком – зачем тогда автобусы? Мелкая мошка, у которой также наступило время завтрака, принялась приплясывать перед глазами и харчиться на нём и на двух взволнованных старушках, собравшихся в собес. Старушки яростно отмахивались ветками полыни и, перебивая друг друга, обсуждали недавнюю прибавку к пенсии, в которой им было отказано. Старушки сердились: оснований для отказа не имелось ни малейших! Часто упоминалась некая Масалкина – сучка из сучек во всём собесе. Лёва дождался автобус, «тройку», вместе со старушками втиснулся в его распаренное нутро, нашёл свободное место и повернулся к окошку.

Автобус, разбитая колымага, покатил его навстречу мечте. Родные виды, качаясь и подпрыгивая, поплыли за немытым стеклом. С обеих сторон дороги холмики и косогоры густо облепило частное жильё горожан. Домишки всё были захудалые – город вместе с великой страной начисто проел себя, и редко где сверкала масляной желтизной прибитая свежая доска. За остановкой «Рынок», справа и чуть в отдалении, над крышами бараков ненадолго показался в два этажа травмпункт – добрый приют для всех, кто как-нибудь себя искалечил. Гипса для панцирей рук и ног в его стенах расходовалось теперь куда больше, чем на городских стройках. Скатились с горки к самому рынку. В аккурат против арочного входа приткнулась к обочине зелёная «аварийка» с прицепленным к ней компрессором. Тощий хлопец в грязных джинсах, навалившись на отбойный молоток и выставив в небо острые лопатки, долбил с края асфальт. На голой спине неведомый художник старательно наколол огромную церковь. В такт бьющемуся молотку синие купола с крестами лихо сотрясались вместе с рёбрами. Двое напарников замерли неподалёку. Уперев руки в бока, оба наблюдали, словно карауля момент, чтобы пуститься в пляс. Сразу за рынком деревянные улочки отпрянули, слева за стволами берёз пронеслась школа № 3, а справа подступили к асфальту четырёх- и пятиэтажные кирпичные дома. В это утро балконы кое-где оказались уже завешаны сохнущим бельём, на других тускло поблёскивал ободами велосипед, и все без исключения были забиты разнообразной дрянью, которой нет места в комнатах, но и выбросить которую жалко. Дальше поехало как попало. Слева – причудливая, но безобразно выкрашенная контора городских коммунальщиков, старенький кинотеатр «Радуга», новенький Центр занятости населения, пятиэтажки, пятиэтажки… Справа – магазин спорттоваров «Чайка», остановка, городской парк, библиотека, памятник жертвам революции, остановка. Слева – универмаг, поликлиника, центральная почта, школа № 11, филиал Томского университета, Дом советов, музыкальная школа… Справа (автобус по главной улице следовал небыстро) – заросшая кустами и деревьями огромная площадка, в глубине её принимало солнечные ванны озеро Тёплое, всеми именуемое Горячкой. Эту территорию городские власти много лет грозились превратить в зону отдыха, но руки были коротки и не доходили. Из косматых зарослей к проезжей части выдвигался двухэтажный кирпичный кубик Инвестпромбанка, следом столбиком высился Дворец правосудия, потом гостиница «Асинская», с рестораном «Уголёк» на первом этаже, Народный театр с яркой афишей о прошедшем две недели назад выступлении столичной звезды. К театральному крыльцу подали автобус отдела культуры, в него торопливо влезал местный хор в сарафанах. Дальше – центральная городская котельная и «Диспетчерская»…

Виды за окошком были до мелочей знакомы Лёве, однако солнце, не скрываясь, вот уже несколько дней шастало кругами над Асинском, начисто забыв про остальной мир, и всё заливало таким светом, что наш соискатель работы иногда не узнавал города!

Тем временем автобус прикатил на «Диспетчерскую».

Остановка «Диспетчерская» ничем не отличалась от других остановок, разве что была на расширенной части улицы. Отсюда автобусы отправлялись по назначенным, кому какой полагается, маршрутам. Возле сплошной бетонной ограды городской котельной торчала будка диспетчера, в неё водители забегали отметить путёвки. Слева от будки тянулось вдоль дороги длинное двухэтажное здание горэлектросети. Здесь на первом этаже, теснясь у окошечка кассы, население отдавало свои кровные за потребляемый свет.

Денёк раскручивался обыкновенный июльский. Духота словно шерстяными одеялами начинала обкладывать граждан. Жиденькая компания молочных облаков, подгоняемая ветром,

летела в сторону Горячки. Ниже их чёрной точкой парила едва заметная птица. Деревья укрывались в собственной густой, тяжёлой и тёмной листве. Женщины, наоборот, дефилировали в светлом, лёгком и прозрачном.

Выйдя из автобуса, Лёва сощурился от бьющих прямо в него солнечных лучей. А когда шире открыл глаза и обнаружил в доме напротив бар «Пшеничный колосок», то испытал невыносимую жажду.

В этом старом трёхэтажном г-образном здании, в трёх минутах прогулочного шага от центра города, ещё совсем недавно селился народ не какой-нибудь. Здесь обитали начальники средней руки, а также мелкий чиновный люд из разных госучреждений. Подъезды выходили во внутренний дворик, образованный четырьмя кирпичными жилыми строениями. В песочнице с непременным покосившимся аляповатым грибком пищали разругавшиеся дети, а по дорожкам владельцы собак выгуливали на поводках разнокалиберных питомцев. Питомцы, страдающие одышкой, с высунутыми языками, норовили задрать ногу на редкие кусты. У кустов был нездоровый вид от такого внимания. Хозяева тем временем общались. С холёной артистической бородкой, похожий на поэта или избалованного заказами художника, управляющий городскими кладбищами обсуждал достоинства ризеншнауцеров с директором гастронома «Весна». Помимо этих достойных людей и работников суда и прокуратуры, в доме обитали врачи, тоже, до некоторой степени, отнесённые к интеллигенции. Из-за врачей, оставлявших свои дневные часы в больницах и поликлиниках, подъезды слегка припахивали лекарствами. Так здесь было недавно… А когда задули рыночные ветры, на бойкое место (народу мимо шляется много!) положили глаз коммерсанты. Жильцы первого этажа, не без их помощи, скоренько съехали, и оказавшаяся в когтях неумолимого бизнеса жилплощадь изменила вид. В переоборудованных квартирах появились три продовольственных магазинчика, две аптеки, магазин «Ткани», а также питейное заведение под названием «Пшеничный колосок».

Итак, Лев Янушонок ощутил жажду. Погрузочно-транспортное управление никуда не убежит, а вот стаканчик томатного сока или даже два стаканчика оказались бы как нельзя кстати.

По дороге одна за другой пролетели две крутые иномарки, лучшие годы которых остались на далёком Хоккайдо. Пропустив их, Лёва перебежал проезжую часть, распугал неповоротливых голубей, что слонялись у входа в ожидании подачки, и толкнул дверь.

Питьевой уголок пришёлся точь-в-точь по размерам бывшей когда-то квартиры врача-стоматолога. Взамен перебравшейся в новое жильё изысканной, под орех, стенки румынского производства и мягких стульев гостиную заняли сработанные в местном частном предприятии «Прохоров П. И.» деревянные столы и лавки, выставленные в два ряда. Материал для них подбирался ветвистый – и столешницы, и сиденья были густо испещрены пятнами сучков. За поцарапанной дверью, в районе кухни и туалета (в прошлой жизни – чешский кухонный гарнитур и финская сантехника), размещалась грязноватая подсобка. В спальне, где некогда главенствовала широкая супружеская кровать (Италия) на пару с ночным столиком (Польша), теперь обосновались бар и стойка, и новая дверь в «Колосок» была прорублена именно здесь. За стойкой, на том пятачке, на котором в былые времена поскрипывали пружины семейного ложа, царила барменша Тося. Место, видимо, было до такой степени наэлектризовано супружеским счастьем, что ножки барменши самопроизвольно переминались и даже как бы немножко поскрипывали. Бюст тоже мог бы как-нибудь двигаться, но он под блузкой настолько был стиснут бюстгальтером, что не проявлял никаких признаков самостоятельности. Тосин портрет дополняли рыжие волосы, цепкий взгляд и толстые крашеные губы.

– Привет, – сказала Тося и завела за ухо рыжий локон. – Давно не виделись.

– Жарко сегодня.

– Ты где пропадал? Не иначе – в грязных забегаловках деньгами сорил?

– Что ты! – возмутился Лёвушка. – С деньгами я только к тебе. Забегаловки исключены!

– Ну-ну. Бери свою водку.

– Да я вроде…

– Что? Заболел, что ли?

– Нет, как будто здоровый.

– Проходи в зал. Дружок твой уже полчаса мается.

В этот ранний час бывшая гостиная стоматолога пустовала. Окно было задёрнуто непроницаемой шторой, и образовавшийся сумрак внушал обманчивую прохладу. Под потолком едва слышно выводил известную мелодию динамик.

И лишь за одним из длинных столов, гипнотизируя немигающим взглядом пластиковый стаканчик, растягивал удовольствие журналист Максим Редькин. Журналист в разлинованной, под тельняшку, маечке был крест-накрест перехвачен ремнями. На одном ремне болталась потёртая офицерская сумка с ручками и блокнотами, на другом – к боку льнул огромный фотоаппарат в футляре. Появись Редькин на поле боя, в цепи атакующих морских десантников – его, в кожаной сбруе, легко было принять за офицера. Увидев Лёву, Макс замахал руками:

– Давай сюда! А то словом не с кем перекинуться.

Лёва в два приёма перетащил от стойки сто пятьдесят, стакан томатного сока, капустный салат и бутерброд с колбасой и сыром.

– Хорошо, когда есть где встретиться порядочным людям! – сказал Редькин, лишь только друзья обменялись приветствиями. – Жизнь, как прилив, выбрасывает нас на берег, чтоб мы просохли, набрались сил и опять устремились в её волны. Да! И заботливая наша Анастасия, приняв под крыло одиноких пловцов, готова согреть озябшие души. Я сюда на огонёк заглянул, и ты вслед за мной. Получается, мы к одной красотке клинья бьём?

– Балабол! – последовало из-за стойки.

– А ты не подслушивай!... Вот объясни мне: как могут два человека, выйдя из разных мест, сойтись не где-нибудь, а именно в том заведении, где уже десять дней не наливают в кредит?

– И не налью. Ты за прошлое рассчитайся!

– Не иначе, это судьба. Нас обоих так и тянет сюда, так и тянет.

– Зря подмазываешься. Всё равно не налью!

– Ничего удивительного, – сказал Янушонок, глотнув водки. – Когда я ходил в моря, мы возле Гавайских островов, в районе подводного Императорского хребта, пришвартовались к другому судну, передать посылки с берега. И, представь, там был матрос из Асинска! Симпатяга парень, фамилия – Домрачёв, учился в нашей школе. Мы с ним вместе в туалете курили. Так что на знакомого можно нарваться даже в центре Тихого океана.

– Согласен, всякое бывает. Однажды я отправился по турпутёвке на Волгу и прямо на теплоходе, на пути в Самару, встретил Киселевича.

– Это который городской чемпион по армрестлингу?

– Да. Хряк восьмипудовый, шахта по нему плачет. Он с областной командой на соревнование ехал. Вообрази: гуляю по палубе, фотографирую Жигулёвские горы для будущего семейного альбома, а заодно потягиваю одноимённое пивко. Короче, набираюсь впечатлений, и тут – он. Столкнулись нос к носу. А я, как назло, задолжал ему некоторую сумму. Пришлось отдать.

– Правильно сделал. Если бы не отдал – мог случайно упасть за борт.

– Нет, сумма не была запредельной, но лучше без риска.

– Если людям суждено встретиться – этого не избежать.

– Вот-вот, избежать не всегда удаётся, – подтвердил Макс. – А иногда – надо бы! Ты чего сок не пьёшь?

– Успею.

– Какой-то вид у него странный. Можно, я глотну?

– Пей.

Как утверждают в научной литературе, люди бывают разные. Есть индивидуумы – они терпеть не могут никого, даже себе подобных: не только физиономии соседей и сослуживцев, но и лица родных домочадцев приводят чуть ли не к рвотным позывам. Этим индивидуумам вполне достаточно собственного общества. Однако немало и таких, которым одиночество до жути невыносимо. Для них одиночество – пытка. Лучше разрезать человека на кусочки, чем оставить его одного. Максим Редькин, журналюга из еженедельника «ВРИО», был из вторых. Да и работа требовала находиться в гуще, в толпе, в коллективе, в компании. Там, где много народа, всегда что-нибудь да происходит. Наряду с репортажами и интервью, Макс промышлял фотографией. Снимки, для увеличения гонорара, шли в нагрузку к текстам. Помимо основной деятельности приличный навар давали свадьбы, крестины и юбилеи. Асинцы норовили сохранить для дальних потомков узловые моменты своей жизни и неплохо это оплачивали. Однако необъяснимая вещь заключалась в том, что денег всё равно не хватало.

Пока Лёва расправлялся с капустой, Макс оседлал любимого конька.

– …редактор, скажу тебе, – отъявленная сволочь! Он хуже Тоськи, с ней хотя бы договориться можно.

Рыжая дева едва не вывалилась из-за стойки:

– Договориться? Попробуй, а я посмотрю!

– Анастасия, не встревай в разговор! Когда серьёзные люди говорят о серьёзных вещах – бабе надо молчать... О чём мы?

– О редакторе.

– Да. Запомни: любой редактор заслуживает того, чтобы ноги ему оторвать. Без ног такой негодяй, может, на человека походить станет.

– Зачем мне запоминать? Я в журналисты не собираюсь.

– И правильно. Лично я тебе этого никогда не посоветую. Работать в газете? Да лучше мусорщиком или санитаром в палате лежачих больных!

– Но ведь сам ты работаешь.

– Я не работаю, я там крест свой несу! Вместе с ним влекусь на Голгофу.

– О чём сейчас пишешь?

– Ну… – Редькин неопределённо покрутил пальцами. – Самодеятельность освещаю. Очень трудная тема. Вот вчера как раз осветил.

– Написал бы лучше о том, что в «Руси» стрельба была. Или о пожаре возле стекольного! Ты хотя бы в курсе, что спалили продуктовый ларёк и канистру рядом бросили? К тому моменту, когда пожарные примчались заливать огонь, свиная тушёнка и сайра в жестяных банках были уже достаточно подогреты и готовы к употреблению.

– Ещё чего! Кому интересна уголовщина? И потом: потакать примитивным и низменным вкусам обывателя? Его убогой страстишке совать нос туда, откуда потянуло жареным и кровью? Нет, только не это! Это – не для меня! Местного человека надо изо всех сил поворачивать мордой к прекрасному. Просвещать и воспитывать. Чтобы распахнулись его глаза! А из всех искусств для нас самое важное сейчас – что? Что самое важное?

– Кино.

– Самодеятельность. Самодеятельность и только самодеятельность! Знаешь, сколько в городе самодеятельных коллективов? Триста пятьдесят семь штук!

Лёвушка помолчал, пытаясь мысленно охватить такое невообразимое число. Однако представлялось с трудом, и он сказал осторожно:

– Я, чтоб ты чего не подумал, не против самодеятельности. Особенно когда таланты девать некуда. Солисты, вокальные группы – это я понимаю. Но ведь если все соберутся вместе и враз запоют... Мы ж голову потеряем!

– Не потеряем. И потом, самодеятельность, намотай себе на ус, бывает двух видов. В одной – поют, в другой – пляшут. Можно выбирать. Тут есть нюансы. Тебе, как неспециалисту, объясню. Юные Дашеньки и Валюши предпочитают пляски, а старухи, которым за тридцать, – хоровое пение.

– А ты за кого?

– Я давно определился. Когда нежные «домисольки» в кокошниках руками машут, кружатся, а сарафанчики на них заканчиваются там, где у прежних русских барышень только начинались, – это ни с чем не сравнимо! Лично я – за пляски. Помню, состязались танцорки из медучилища и химтехникума. Солисточка у техникума была… Я, конечно, очень слабо разбираюсь в химии, но тут чуть голову не потерял. Вот что значит магия искусства!

– Ага, лишь бы под юбки девкам заглядывать!

– Ты ничего не понимаешь, Анастасия. Танцевальные коллективы следует изучать профессионально.

– Я-то как раз всё понимаю!

– Когда дарования в сарафанах выстраиваются шеренгой и набегают из глубины сцены к самому краю, да ещё изо всех сил стучат каблуками в пол…

За стойкой произошло движение.

– В лоб тебе, козлу, настучать надо!

– Анастасия, ты уймёшься?..

В ответ звякнули вилки.

– Обнажённые ножки, прямо скажу, бывают очень агрессивны!

– Но зачем они стучат?

Редькин с укором посмотрел на Лёву.

– Для самовыражения, для чего ж ещё. Ножки – главное средство самовыражения. Это, – он вздохнул, – бунт, бессмысленный и беспощадный!

– И что же делать?

– Усмирять! Брать в железные руки и – усмирять. Другого выхода нет, иначе – затопчут!

– Да, теперь я понимаю – без жёстких мер не обойтись.

– Вот именно! Без жёстких мер – никак…

– Бабник! – прилетело из-за стойки. – Выдрать бы с корнем твои жёсткие меры!

Макс даже не отреагировал.

– …Но порой думаешь: всё, хватит! Плюнуть на газету, на мерзавца редактора, и – на юг, на природу, в Таштагол! Там троюродный брат народ на плотах сплавляет. Представляешь – на плотах!

– Зачем?

– Любители экстрима. Посадит их на плот и – через пороги! А у тех – адреналин: разобьют башку о камни или не разобьют? И такие счастливые, если голова целой остаётся. За риск хорошие деньги платят!

– Вот и завяжи с газетой. Если человек хочет на что-то плюнуть, он не должен отказывать себе в этом удовольствии.

– Не так всё просто, не так всё просто… Я, если и выбираюсь из Асинска, то не дальше Медведчиково, ниже Яйского моста. Знаю там одно местечко: плотва под берегом ходит, что селёдка, вот такая здоровая. Удилище гнётся, аж хрустит, – Макс, повинуясь внезапному порыву, привстал, вытянул шею и вперил взгляд в иное пространство. – Аккуратно пускаешь поплавок по течению, и через секунду-другую – поклёвка. Подсекаешь – и раз! – её на берег. Снова пускаешь, и снова – р-раз! И так до изнеможения… И тогда выхватываешь из рюкзака чекушку и делаешь большой глоток. И ещё один. Лишь после этого возникает облегчение. Но ненадолго. Эта чёртова плотва оплела меня по рукам и ногам! Меня удерживают плотва и плясовые ансамбли в кокошниках. Больше ничто меня не удерживает…

«Чего он городит?» – поразился Лёва. Но, внимательно взглянув на журналиста, понял, что тот уже изрядно под градусом и успокоился.

– Я не могу отсюда уехать. Клюёт на опарыша. Четыре штуки подряд насаживаешь на мормышку и проводишь над грунтом. Поклёвки разные – когда резкие, когда вялые.

– От меня Катажинка ушла, – поделился Лёва.

– Ну? – сказал Редькин, очнувшись от видений. – Совсем, что ли?

– Совсем.

– Со скандалом или без?

– Я и сам не понял. Как-то вот так – ни то ни сё.

– Если без скандала – это плохо. Это, считай, возможны варианты с внезапными возвращениями. Когда женщина уходит, надо, чтобы крику было, чтобы посуда по кухне летала.

– А посуда зачем? Она здесь каким боком?

– Посуда – первое дело. Надо, чтоб тарелки бились на мелкие куски. Если жена ушла – ты об этом в какой-то момент пожалеешь. И тут важно, чтобы при уходе скандал был на всю катушку. Ведь если без скандала, тебе захочется, чтобы она вернулась. Ведь захочется же?

– Не знаю. Я как-то не успел определиться. Дома просторно стало. Куда столько мебели натаскивали? Да и чего ей возвращаться? Что, ей делать больше нечего?

– Этих женщин не поймёшь, – объявил Редькин. – Уходят со скандалом, возвращаются со слезами. Если б наоборот – ясности было больше.

– Ясности с ними не будет никогда, – твёрдо сказал Лёва.

Макс не мигая посмотрел в Лёвины глаза:

– Я сейчас на мели, возьми мне водки, грамм сто.

Они заказали ещё по сто.

– С утра жаркий день, – сказал Макс. – Всю неделю обещают жару. Я слышал, ты потерял работу?

– А отчего, ты думаешь, жёны уходят? Конечно потерял! Со мной произошло то, что может произойти с каждым. Никто сегодня не застрахован. В стране экономическая обстановка складывается не лучшим образом. Реформы буксуют, кризис свирепствует. А кризис требует жертв. Против этого не попрёшь.

Макс почесал переносицу.

– Но почему кризис ударил именно в тебя? С чего это вдруг? Ведь он, зараза, мог отклониться чуть влево или чуть вправо.

– Значит, такова судьба.

– Это страшно – потерять работу?

– Ещё бы не страшно. Очень страшно!

– А чем страшно?

Лёва подумал.

– Когда ты дома с утра до вечера – поразительное количество еды улетает из холодильника. Супов там, котлет всяких… Намного-намного больше, чем когда работаешь.

– Жрать меньше надо! – донеслось из-за стойки.

– Пробовал, не выходит.

– У меня тоже положеньице, – вздохнул Макс, – со дня на день могут вышвырнуть из газеты. Раньше, что ни принесу, всё печатали. Теперь придирки одна за другой. Хотя бы с этими плясками. Редактор, тварь, заявляет: «Читатели могут неправильно нас понять! Ты о чём пишешь? У тебя не родная наша самодеятельность, а прямая реклама борделя для физических лиц и прочих клиентов со средними доходами!» Я, говорит, восемь раз слово «ножки» вычёркивал… Нет, ну какой подонок, ножки ему не нравятся! Держусь из последних сил.

– Не переживай. У тебя ж куча снимков. Отправь в столицу, в глянцевый журнал. В них, я точно знаю, платят настоящие деньги. Можешь недурно заработать. Подойди к любому газетному киоску – сколько глянцевых журналов развелось!

– Вот про глянцевые журналы мне не надо, – отмахнулся Редькин. – Любому из нас, провинциалов, до этого глянца, как до Европы пешком. Какой, к свиньям собачьим, глянец! Когда я в тех журналах рассматриваю особняки, крутые тачки и мордатых владельцев яхт в панамках и с ядрёными девками под мышкой – я понимаю: они, счастливчики, уже не с нами, они где-то далеко, за пределами нашей галактики. А какие фотки я могу предложить? Свадьбу в кафе «Жили-были» с ужравшимся папой невесты?… Ты вот что, ты лучше расскажи: что надо делать, когда выгонят?

– А что тут делать? Ничего не надо. Сиди по возможности смирно, без резких движений.

– Не-ет, ты не понял. Я сейчас обращаюсь к тебе, как к специалисту по потере работы. Моральный надлом ощутим?

Лёва приосанился.

– Прямо сказать, не так чтобы очень, но что-то, да, надломилось.

– Вот! А как насчёт депрессии?

– Куда ж без неё? Если надломилось, то без депрессии в этом деле – никак.

Максим взволновался и даже заёрзал на скамейке.

– Я тоже ощущаю, что депрессия где-то рядом. Чуть ли не за спиной. Как только объявят: «Уволен», она, вроде бешеной собаки, вцепится! И как с ней бороться?

– Не знаю, как по научной методике, но я боролся опытным путём. Что сердце подсказывало, то и делал.

– Ну-ка, ну-ка…

– Прежде всего, требуется хотя бы неделя, чтобы восстановить душевное равновесие. Это основа общего восстановления. Первые два дня нежелательно отлучаться из дома. Никуда не отлучаться. Вот так проснуться утром – и не отлучаться. Ни под каким видом.

– То есть замок изнутри на два оборота запереть?

– Почти. Кроме одного исключения. За пивом всё-таки надо выйти. Пиво в восстановлении душевного равновесия играет первостепенную роль.

– Подожди, – сказал Макс, – мне надо записать.

Он порылся в сумке, извлёк листок бумаги и ручку.

– …играет первостепенную роль. Дальше?

– Но предупреждаю: не следует прибегать к затяжной многодневной пьянке. Пьянка с мешаниной всего подряд, от бормотухи до белого, при ограниченном наборе закусок резко – очень резко! – снижает тонус и деморализует. Игошкин, сосед через три дома, потерял работу рубщика на мясокомбинате и целый месяц так восстанавливался, но результат отрицательный. А нам, наоборот, требуется поднять тонус и заострить все моральные качества.

– …качества, – азартно строчил Максим.

– Пиво рекомендую на первом этапе. Рецепт такой. Берёшь пиво, разливное, литров десять или пятнадцать – в зависимости от глубины депрессии. Пиво должно быть свежее, яйское, плотниковское, неважно, хотя плотниковское лучше. Берёшь пиво и приносишь домой. Если в доме нет селёдки, попутно купи селёдки. Две штуки холодного копчения достаточно. Перебора не допускай. Приносишь домой пиво, включаешь телевизор и устраиваешься напротив. Селёдку надо нарезать крупными кусками, а для пива сойдёт стеклянная кружка или обыкновенный стакан. Никаких фужеров, никакого богемского хрусталя – чем проще, тем лучше. По каналам найди что-нибудь располагающее к спокойному созерцанию. Избегай криминальных сериалов, громогласных певиц, интеллектуальных программ. Всё, что напоминает о прежней работе, должно быть исключено. Я рекомендую «Клуб путешественников» или «В мире животных». В джунглях среди пауков и гадюк тебе будет уютнее.

– …гадюк… уютнее…

– Итак, ты наливаешь пиво, делаешь первые два-три глотка. Пиво надо пить медленно, что называется – тянуть. Потянул – проглотил, проследил, как глоток прокатился по пищеводу. И опять. Потом пауза. Потом повторить. Одновременно вполглаза следи за тем, что делается на экране.

– Зачем?

– Попытайся раствориться в природе. Это важно! Почувствуй влажность субтропиков. Вдох, выдох – и вот ты почти уже там. Лианы. Пальмы. Цветы огромные, как блюдца. И только чьи-то хвосты мелькают. Затем берёшь кусок се-

лёдки. Шкурку – не сдирать. Разломи кусок на две части, при этом какая-то из половин отделится от хребта, и – зубами, зубами, где мяса больше, и вдоль шкурки вниз, вниз.

– …вниз, вниз…

– Для сосредоточенного пития пива селёдку не заменит ничто. Есть, конечно, килечники-извращенцы, они, как пеликаны, заглатывают по целой рыбке сразу. Это ещё имеет какое-то объяснение, если ты выпиваешь с товарищами где-нибудь в песочнице, под грибком, и с утра предстоит бежать на работу, но какая работа, если её нет? Так что килька абсолютно исключается. Абсолютно, тут не может быть никаких компромиссов! Ты сидишь, пьёшь пиво, смотришь телевизор. Задействованы только глаза, уши и мочевой пузырь. Голова необременительно засоряется какой-нибудь южноафриканской чепухой. Так ты проводишь два дня. Нервы приходят в порядок, но ещё не совсем. На третий день ты берёшь удочки и идёшь на рыбалку. Лучше всего на озеро или пруд. Река – отпадает. Бегущая в реке вода напоминает о бренности жизни, а проносящийся поверху мусор возвращает к собственным неурядицам. Сейчас это ни к чему.

– …ни к чему…

– К тому же на озере ловятся караси – толстые и умиротворяющие. Когда карась лежит в садке, чмокая губами, мол: «Ну что ж, сковородка так сковородка», он и тебя приучает к спокойному восприятию ударов судьбы.

– Погоди. А наживка какая: перловка или навозный червяк? Это очень важно с точки зрения успокоения нервов.

– Перловка конечно. Где ж ты в своей хрущёвке червяков найдёшь? Четвёртый, пятый, шестой и седьмой дни следует посвятить лежанию на диване. По истечении недели ты абсолютно готов к поиску новой работы. Я, во всяком случае, был готов.

– Это потрясающе! – воскликнул Макс. – Я однажды вёл в газете колонку «Полезные советы» и точно знаю: есть сто способов, как избавиться от морщин на шее. Скажем, с помощью соляных компрессов. А чтобы сбросить жир с брюха, придумана диета «Шесть лепестков» и диета группы крови – это когда сваливаешь в одну кучу и посылаешь лесом те продукты, которые отвратительно переваривает твой организм. Есть также японская диета. А ещё могу назвать гречневую, рисовую, кефирную, белковую, яичную и тысячу других. Есть методы похудения с помощью сельдерея, активированного угля, имбирного чая… Но мне не попадалось ни одного – ни одного! – метода: что делать, когда человек теряет работу. Хотя такой метод, бывает, до зарезу необходим! Интересно – как ты до всего додумался? Что ценно, твой метод – универсальный, он годится сразу для жирных и тощих, с морщинами на шее и без морщин! Поделись, как это у тебя получилось?

– Тут в основном по наитию, – важно объяснил Лёвушка. – Обкатка в полевых условиях методом проб и ошибок!

Вся эта вдохновенная тирада была внимательно выслушана и за стойкой бара. Оттуда донеслось:

– Чего только не накрутят, подлецы, чтобы не работать. Пиво они целыми днями готовы дуть! Если выгнали тебя, дурня, ищи другое место. И нечего лакать всякую дрянь литрами.

– Неправильно ты рассуждаешь, Анастасия, – заявил Максим, поскрипывая портупеей. – Отвлечённо рассуждаешь! Сразу видно, что тебе не приходилось терять работу. Не выгоняли тебя.

– Как это – «не выгоняли»? И выгоняли, и сама бросала!

– Сама?

– Сама! Я, может, и из этой лавочки скоро сбегу.

– Не мели языком, подруга! Куда ты сбежишь? – не поверил Макс. – У тебя вон и выпивка, и закуска под рукой.

– Свой бизнес открою. Хватит на чужой карман горбатиться.

– Ну-ка, ну-ка, что же это за бизнес? – заинтересовался газетчик.

– Тебе зачем?

– Хочу понять, куда растут люди, оторвавшись от стойки. Что это будет? Салон красоты? Маникюр-педикюр, срезание сухих мозолей?

– Автомойка. Да, автомойка! Чего так смотришь? Я тут справки навела: выгода прямая.

– Ты – хозяйка автомойки? Тосечка! Налей себе двести грамм и запиши на мой счёт. С ума спятила!

– Ничего не спятила. Вон сколько машин развелось! А их обслуживать надо. Буду очищать корпуса и подкрылки, заниматься уборкой и химчисткой багажников и салонов, а ещё полировать кузова и мыть двигатели. Можно и о шиномонтажной мастерской подумать, установить подъёмничек для мелкого ремонта. А там – и дальше. Дело наверняка пойдёт.

– Опомнись! Охота тебе окурки из салонов выгребать, пятна всякие с чехлов вычищать. Некоторые, знаешь, чем с бабами на сиденьях занимаются?

– И пусть занимаются. Машина разве только для того, чтобы ею собак давить?

– Нет, Анастасия, не женское это занятие. Прямо тебе говорю: не женское! Тут мужик нужен. А если ты будешь от пяток до бровей в соляре да ещё с грязной тряпкой в руках… Ты мужика сначала найди.

– На что он сдался? – Тося скривила губы. – Мужик, взять хотя бы тебя, как кролик: у него все мозги в штаны утекли и только там шевелятся. Если крольчиха захочет – он вскочит. Так что понадобится – будет и мужик. И соляра не отпугнёт. Ничто так не красит женщину, как деньги при ней.

– Вредная ты, Тоська. Я бы не стал мыть свою машину у тебя.

– Ты сперва на велосипед накопи, писатель…

Начали появляться другие посетители. Кто-то засиживался, а кто-то выпивал стаканчик сока или чего покрепче, расплачивался и уходил. Время приближалось к обеду, а разговор двух друзей всё никак не мог завершиться. Лёва раз за разом путешествовал к стойке. Но вот журналист, опираясь на стол, поднялся и твёрдо сказал:

– Пойду!

Лёва, которого неудержимо тянуло прилечь на лавку, спросил:

– Куда?

Макс неопределённо покрутил рукой.

– Куда-нибудь.

– А где это?

– Прямо!

Редькин долго выбирался из-за стола.

– Давно узнать хочу, – спросил напоследок Лёва. – Как расшифровывается это ваше «ВРИО»? Что за название такое у газеты?

– «Вестник: реклама, информация, объявления».

– А-а, – осовело кивнул Лёва. – Понятно.

Нетвёрдой походкой проходя мимо стойки, опоясанный ремнями Макс притормозил.

– Эх, Тося. Знаю: не пойдёшь ты за меня замуж… А могла бы!

Барменша нежно протирала тарелки.

– Ладно, иди уж, болтун. Только не пропадай надолго.

Когда он ушёл, Лёва обнаружил оставленный на столе листок и подвинул его к себе. «Разломить кусок селёдки на две части…» Буквы, как мелькающие хвосты, качались в разные стороны. «Пригодится», – подумал Лёва и спрятал листок в карман. Мысли в голове хоть и цеплялись друг за друга, но беспорядочно.

– Анастасия, откроешь бизнес – возьми к себе. Я машины мыть сумею.

– Посмотрим, – сказала Тося.

– Что значит посмотрим? Ты отвечай, как положено: возьмёшь или не возьмёшь?

– Если возьму, чтобы у меня в автомойке – никаких джунглей. Никакой водки и селёдки. Про выпивку – и думать забудь!

– Как это? – не понял Лёва. – А как же машины мыть?

– Как в Германии. На трезвую голову. И даже не с похмелья.

– Ты ведь в Германии не была.

– Мало ли где я не была. Я в книжках читала. Немцы, когда машины моют, не пьют даже пива.

– Анастасия-Анастасия… Врут всё книжки.

Искать работу сегодня, пожалуй, не следовало.

Расстояние от «Колоска» до остановки насчитывало едва ли десяток шагов. Это расстояние Лёва одолел так, как будто переходил вброд реку, – ноги подламывало непонятным течением, норовило сбить. Один раз он даже споткнулся, но устоял. Дождавшись автобуса и приехав известным путём на «Красноярскую», бывший инженер по охране труда машинально забрёл в продовольственный магазинчик. Попетляв глазами по полкам, выбрал десяток яиц, банку кофе, несколько жёлтых пачек лапши «Роллтон», буханку чёрного хлеба. Подумал и добавил четыреста граммов «Докторской» и столько же колбасного сыра. Дома, добравшись до дивана, рухнул и моментально провалился в забытьё. Очнулся ближе к вечеру. За буфетом скреблась мышь. Кота не было. Вздыхая и шаркая ногами, потащился к умывальнику. Из зеркала глянула на него измученная физиономия.

– Да, – сказал Лёва тому, кто в зеркале, – искать работу – тяжёлое дело.

Растёр лицо холодной водой, выпил две чашки несладкого кофе и отправился в огород. Там, блуждая между грядками, сорвал и съел два помидора и один огурец. Гороха ещё пощипал. Когда возвращался обратно, за ним следом проскочил Доминик.

Над всяким днём, даже не совсем удачным, опускается в итоге ночной занавес. И звёзды, насылая сон усталому человеку, вплетают в этот сон надежду, что завтра всё изменится, всё будет лучше.

Утром заорал Доминик.

– Замолчи, тварь несносная, – пробормотал Лев. – Повесить тебя на дверной ручке…

Доминик заорал вновь.

Лев Иванович окончательно проснулся. Кот сидел возле дивана, из-за буфета доносился скрип – мышиные зубы точили плинтус. Все домашние были в сборе.

– Ты не Доминик, ты – скотина. Ты думаешь, я себе работы не найду? Ещё как найду. Да мне стоит только захотеть – от предложений отбоя не будет! Вот погоди, ты ещё увидишь «Краковскую» в алмазах.

Кот в ответ издал душераздирающий вопль.

– Прекрати митинговать! – Лёва попытался изловчиться и ухватить кота рукой. – Лапы под корень тебе оторву, а брюхо вспорю и набью гречневой кашей.

Кот проворно отскочил и заголосил ещё громче.

– Я тебя предупредил, – сказал Лёва. – Не жалуйся потом, что не так понял.

Он спустил ноги на пол и сел на диване. Желудок тоскливо ныл, предчувствуя лапшу «Роллтон» и колбасу с обманчивым вкусом мяса. А что делать? Борща нет, свежей рубашки нет, Катажинка – сука. Кому она теперь носки стирает?

Надо было обживать новый день. Облачившись в поисковую форму – тенниска, бриджи, сандалии, Лёва отправился на промысел.

Опять раскалённое небо стекало вниз. И чем яростней палило солнце, тем решительнее женщины выскальзывали из одежд. А то немногое, что на них ещё оставалось, было таким лёгким и воздушным, так просвечивало насквозь, что у мужчин, включая поражённых склерозом старцев, кружилась голова не только от жары. Всякий, у кого имелась работа, в эти дни старался от неё увильнуть. Неудержимо тянуло за город. Берега местной Яи с утра и до вечера были облеплены голыми телами. Кисли в корзинках бутерброды. Девицы, равномерно распределяя загар, поворачивались к солнцу упругими боками – то одним, то другим. Отцы семейств сидели в воде величественные, как бегемоты. Детишки и те становились вялыми и капризными, и редко где слышался бодрый писк и визг. Нагретая водка выпивалась с брезгливой гримасой и даже как бы через силу. Зато минералка «Борисовская» в полиэтиленовых полторашках, что при свинчивании пробки шипела, как змея, поглощалась в чудовищных количествах.

На этот раз Лёва, помня вчерашнее, стороной обогнул «Пшеничный колосок» и сразу направился в Погрузочно-транспортное управление.

Трёхэтажная контора, скрытая за деревьями, одним боком жалась к железной дороге. Тепловоз, часто и нетерпеливо посвистывая, тянул цепочку вагонов на фабрику, где Лёвушка ещё недавно занимал отдельный кабинет. В вагонах ехал обогащаться уголь. Вдоль насыпи плелись трое рабочих, один на плече нёс кувалду. Лёва глубоко вздохнул, шагнул в контору и поднялся на второй этаж.

На двери, скотчем по углам, была прилеплена мультифора. Вложенный в нее лист гласил: «*Отдел кадров*». Ниже значилось: «*Начальник отдела кадров Апальков Пётр Васильевич*».

«Апальков, Апальков Пётр Васильевич, – повторил Лёва, – где-то я это уже слышал. Не на мясо ли комбинате какой-то Апальков фигурирует? Инженером по охране труда. Или не на мясокомбинате? Хм, Апальков…» Это так его зацепило, что общаясь с кадровиком, он раза три подумывал: «Где же раньше встречал эту фамилию?..»

Лёва коротко стукнул согнутым пальцем в табличку и, не дожидаясь разрешения, вошёл.

Кабинет, где он очутился, был самым заурядным кабинетом конторского служащего. Он походил на все другие кабинеты начальников средней руки. В нём, безликом, ничто не напоминало ни о погрузке, ни о транспорте, ни даже о железной дороге.

Возле окна, опершись на подоконник и заглядывая вниз, стоял круглый плотный человечек, лет пятидесяти, с совершенно безволосой головой. Приподняв правую ногу, он легонько почёсывал ею левую. В белых туфлях, песочных лёгких штанах и рубашке-безрукавке он уместней смотрелся бы на каком-нибудь приморском курорте со стаканчиком тающего мороженого в руке или там же, на тенистой аллее, возле киоска «Соки-воды», опять же со стаканом какой-нибудь пепси-колы. Человечек обернулся на стук. Лицо с незначительными морщинками украшали скромных размеров очки в тонкой золотой оправе. Глаза были чёрными и живыми, а взгляд цеп-

ким, как у любого кадровика. Это и был Пётр Васильевич Апальков – самый первый, кто встречал желающих влиться в славные ряды железнодорожников. Он же осуществлял отсев недостойных.

Когда-то давно, совсем в иную эпоху, а на самом деле всего лишь несколько лет назад, когда в Асинске было не протолкнуться от предприятий, Погрузочно-транспортное управление считалось местом отвратительным, непрестижным. Тут никому не сулили больших денег и мало представлялось возможностей что-нибудь прибрать к рукам – вагон ведь в кармане не унесёшь. Кадров не хватало – до слёз! Путевые обходчики испарялись после первой же зарплаты. Вместо них являлись такого же пошиба. Пётр Васильевич смотрел на них печальными глазами коровы, которую ведут на убой. Всех «летунов» в городе он знал, как космонавтов, – поимённо. И если трудовая книжка человека была тоньше, скажем, однотомника какого-нибудь маститого литератора, Апальков правдами и неправдами убеждал такого кандидата написать заявление о приёме. Он суетился, говорил вкрадчивым, льстивым голосом и улыбался не переставая. Теперь положение изменилось. Необъятное количество работы в Асинске истаяло до ерунды, тогда как число желающих получить её возросло многократно. Претенденты метались по стремительно редеющим отделам кадров и были согласны на любые условия.

После краткого обмена приветствиями хозяин кабинета небрежно указал на стул:

– Прошу.

Несколько мгновений Апальков и гость изучали друг друга. И если неискушённому Лёвушке хватило беглого осмотра, то кадровик постарался проникнуть в самое нутро новичка. И не просто проникнуть, а как следует покопаться в нём.

Но даже и при таком тщательном подходе неверным будет думать, что Апальков очень уж сильно страдал за работу.

Нет, вовсе нет!

Жизнь Петра Васильевича состояла из одиннадцати однообразных, пустых месяцев, в которые он, по его словам, вкалывая почище каторжника, собирал и накапливал денежки. А двенадцатый месяц был праздничным. Двенадцатым месяцем являлся отпуск. Отпуск служил единственным оправданием давно немилой опостылевшей службы. Ради отпуска он соглашался пахать, как проклятый, стиснув зубы. Дело в том, что Пётр Васильевич любил путешествовать. Любил разные маршруты, но особенно – дальние. Начисто лишённый музыкального слуха, он так категорично утверждал: «Отпуск – это симфония!», что никому и в голову не приходило усомниться. Причастность к железной дороге давала возможность раз в год бесплатного проезда туда и обратно в любые уголки страны, и эту возможность он использовал на полную катушку. Когда с любыми уголками было в основном покончено, открылись границы, и Апальков смело шагнул за пределы родины. До очередного отпуска оставалось полтора месяца, но Пётр Васильевич уже подбирался, уже готовился к нему, как хищник к победному прыжку. Нижний ящик рабочего стола был плотно забит открытками и буклетами тех восхитительных мест на пяти земных континентах, где пока ещё не оставили отпечатков его подошвы. Весь мир, казалось, запрыгнул к нему в этот ящик, явив себя самой диковинной и красочной своей стороной. И библиотеку в доме Пётр Васильевич имел порядочную, и книжки любил перечитывать. Но не подряд, а те страницы, где живо и впечатляюще описывались дальние страны. И поскольку он был опытным путешественником, то знал также, что даже яркая картинка не вберёт в себя того, что может выхватить, оказавшись на месте, внимательный глаз наблюдателя. Родись он на два века раньше, не миновать бы ему участи Пржевальского или Семёнова-Тян-Шанского.

– Так-так-так, – сказал Апальков. – Значит, на работу к нам решили устроиться? А кем до этого работали?

– Специалистом по охране труда.

– Положим, специалист по охране труда у нас имеется один. Другого пока не ищем. Образование какое?

Лёва ответил.

– Да ну! И документ имеется?

Лёва вынул из хрустящего пакета и протянул диплом. Кадровик поднял бровь и с возрастающим любопытством взглянул на документ, а затем на Лёву.

– Смотри-ка, и правда: инженер-океанолог! Сколько тут сижу – всякого навидался, но таких специалистов к нам ещё не заносило. Океанов поблизости пока не нарыли, выходит, в иных краях довелось поработать?

– Отрицать не буду, на Дальнем Востоке.

– Скажите пожалуйста – на Дальнем Востоке! Диковинный край! Вот где ни разу не при-

шлось побывать. Так-так… А чего сюда пожаловали?

– По семейным обстоятельствам.

Апальков, как диковину, вертел в руках диплом.

– Бывает, бывает. У всякого свои обстоятельства. К нам каждый с разными обстоятельствами приходит… Хочу полюбопытствовать, что, климат там и впрямь мягче, чем у нас?

– Насчёт климата можно сказать двояко, – охотно объяснил Лёва, – снег подолгу не лежит, и морозы, конечно, не такие. Однако ветер, если налетит, пробирает до самых костей. И воздух сырой. Есть во Владивостоке бухта Тихая – на сопке спальный район построен. Если летним утром туман застиг – рубаха мокрой становится. Там даже днём сумрачно. Влага висит, как в парной.

– Туман везде есть, – отмахнулся Пётр Васильевич. – Зато какая тайга! Дремучая, бескрайняя! Силища, да и только! Читал я книжку про Дерсу Узала. В ней так и написано: идёшь по тайге – сплошные заросли, заглянешь под дерево – женьшень растёт. Его корень – организм омолаживает. На водке настаивать надо. Вы женьшень под деревом находили?

– Нет, не случалось.

– Ах, как жалко! – огорчился Апальков. – А мне говорили, его там полным-полно. Не меньше, чем груздей в наших лесах.

Лёва решил не расстраивать человека.

– Конечно полным-полно. Только не везде попадается. Чтоб его отыскать, надо ехать в какой-нибудь женьшеневый район, в Хорольский или в Хасанский. У нас ведь тоже, если за груздями, то лучше всего – в сторону Судженки. А как приехал – хоть косой коси.

– Я так и предполагал! Значит, дикие места сохранились?

– Ещё как сохранились! Диких мест – навалом. Зайдёшь в тайгу и диву даёшься: одни дикие места. Косули всякие, изюбры – и те плутают. При мне тигры несколько раз к посёлкам выходили.

– Никогда бы не подумал! И на людей нападают?

– Всякое бывает. Если он от голода озверел – что ж… Его понять можно.

– А рыба? Рыбы в реках достаточно?

«Вот привязался!», – подумал Лёвушка.

– Рыбы столько, что девать некуда. Пробираешься иной раз по берегу вверх по реке, и косяки вместе с тобой против течения – нереститься. Ты ломишься через кусты, они через пороги.

– О, я не сомневаюсь, что там даже когда пескари поднимаются на икромёт – вода кипит!

– Вполне возможно.

Слушая Лёву, Пётр Васильевич жмурился, как кот.

– В природе много необъяснимого. Вот рыба, что, казалось бы, от носа до хвоста – всего ничего, а ведь тоже со своим характером!... И на каком же поприще в этом славном краю вы прилагали, так сказать, силы?

– В трудовой указано: конструкторское бюро, отдел траловых орудий лова, сектор распорных средств.

– Как-как? «Распорных средств»? Что за сектор такой, что же вы «распирали»? – интерес, отпечатанный на лице Апалькова, всё возрастал. – Это даже как-то антинаучно звучит!

– Понимаете, – взялся втолковывать Лёва, – трал состоит из ячеек – сначала побольше, потом поменьше. А в целом похож на авоську. На обыкновенную авоську, только огромных размеров. Если его растянуть, несколько десятков метров будет! Вход в него называется входным устьем. Чтобы входное устье для захвата рыбы было как можно шире, используются разные приспособления. Силуминовые кухтыли на верхней подборе, грузоуглубители на нижней. А вот с боков применяются распорные доски.

– Ни разу ни про какие доски не слышал. Из какого дерева?

Лёва решил быть терпеливым, чего бы это ни стоило.

– Они не из дерева – из железа. Это раньше, давно, были из дерева, вот название и сохранилось. Такие огромные гнутые листы с дугами и килем, чтобы вход в трал растаскивать в ширину.

За окном восхищённо свистнул тепловоз, а Пётр Васильевич покрутил головой.

– И сколько времени в этом распорном секторе вы отработали?

– Девять лет.

– Хм… И чем же девять лет занимались? Долго, что ли, изготовить лист с килём?

– Изготовить недолго. Вся хитрость в другом: подобрать такой профиль, чтобы давал наибольший распор при наименьшем сопротивлении. Мы даже в Казань выезжали, десятки разных макетов испытывали – как самолёты, в аэродинамической трубе. Датчиками облепим, воздухом дуем и замеряем.

– Ах ты – в трубе! – радостно воскликнул Апальков. – Самолёты и рядом эти ваши доски? Ну и ну! А в морях бывать приходилось?

– Конечно приходилось. И рыбу ловили разными тралами. Пелагическими брали большие косяки, тонн по тридцать, в толще воды. Но такие траления неинтересны, там рыба практически однородная – или минтай, или скумбрия. А вот донными тралами черпали то, что на грунте. И чего в уловах только ни попадало! И треска, и камбала, и палтус, и кальмары – всякая всячина. Даже крабы с креветками бывали. Такие, знаете, огромные камчатские крабы!

– Меня вот какой вопрос давно занимает. Я косяк представляю так: впереди – вожаки, сзади – арьергард. Плывут клином, как положено. Но почему они в сети лезут? Такая куча рыб! Неужто никто из вожаков не сообразит: стоп, тут опасность! Тут поворачивать надо и удирать сломя голову. Иначе – не жить.

– Они, может, и соображают, но когда массы напирают сзади – ситуация безвыходная.

– Если так, – сказал Апальков, – тогда – да, тогда ничего не поделаешь. А с этими досками и тралами… Я считаю, государство у нас того… ко многому по старинке подходит. Прикиньте, сколько в стране рыбаков возле речек и озёр ошивается. Поезжайте на Яю – к берегам не подберёшься! Мой шурин Овчинников, пенсионер, неделями с удочкой торчит! Если посадить на корабли всех пенсионеров и отправить в море – толку будет больше. А удочки они свои возьмут. Самым нетерпеливым можно путёвки продавать – купят! А вы – «доски, тралы». Дорого это всё. Дорого и неэффективно! Разве я не прав?

– Как вариант – вполне допустимо…

Нетрудно заметить, это был разговор людей, которые не только много знают, но и обо всём имеют исключительно своё, личное суждение.

Тем временем Пётр Васильевич выбрался из-за стола и снова приник к окну. Внизу лениво возил метлой по асфальту человек в оранжевой куртке. Слева от конторы по блестящим на солнце рельсам медленно удалялся тепловоз. Машинист, высунувшись из окна, внимательно смотрел вперёд.

– Да, – вздохнул кадровик. – Бывал я на море: на Байкале отдыхал по путёвке. Глянешь с берега – сплошная вода. До самого горизонта. И волны плещутся. Стихия!

Он повернулся к Лёве.

– Когда под ногами твёрдая опора – это всё-таки лучше. И за границей мне больше нравится. В Европу нам надо курс держать, в Европу! Что вы думаете на этот счёт?

«Как его растащило!» – мысленно сказал Лёвушка, а вслух произнёс:

– Я, конечно, придерживаюсь схожего мнения, но только мы ещё не доразвились до настоящей европейской демократии, до полного раскрепощения всех устоев. Европа не любит нас.

– Да, нас терпят пока не все. Но мы разве чего плохого хотим? Нам бы на людей посмотреть, на то, как они устроились. Столько домов с лужайками и дорог разных! Европа мирная и чистенькая. Но – другая, это верно.

– А в чём она другая? Положим, говорят по-своему. А ещё?

– Да много в чём. Даже в каких-нибудь пустяках. Там, что удивительно, у каждого есть совок и веник. И каждый за собой убирает. Подметёт и непременно – в совок и в мешочек. А если ненароком толкнёшь кого, перед тобой же норовят извиниться: мерси, мол, мерси. Европейцы все – поголовно – маленькие. Крохотули. И всё у них маленькое. В Европу надо приезжать со своим микроскопом, иначе многого не разглядишь. Но и там попадаются местечки, где нам, прямо скажу, радуются как самым дорогим и близким. А почему? Европа – на денежки падкая. Когда достаёшь кошелёк с долларами, даже солидный пан готов для тебя штаны снять – я видел, я знаю. Скоро опять поеду, в Болгарию теперь.

– А где вы побывали, позвольте спросить?

– Да уж побывал. В прошлом году Чехию осмотрел. Очень забавная страна, очень. Вся – с ладошку! Выпил, чуть покачнулся – и ты уже в Германии. Есть там городок – Тыниште над Орлице. До конца дней его не забуду. Вокруг этого городка кабанов развелось – пропасть! Там дубовые леса, желудей немерено, вот они и жируют. Когда в город прибегают, на собак бросаются. Собаки вечером ещё тявкают, а утром уже не слыхать. На рассвете, часиков в шесть, выглянешь в окошко, а на лужайках – свиные рыла. Прямо вот одни сплошные рыла! Чехи от этой напасти волосы на себе рвут. А что делать? Попробуй только тронь – партия зелёных грудью на защиту бросается. При таком попустительстве, помяните моё слово, захватят кабаны Европу, проникнут во все её города. Страшно подумать: приезжаешь в какой-нибудь Баден-Баден, а он изрыт кабанами.

– В Баден-Бадене желудей мало, кабанам не хватит.

– Всё равно такого нельзя допустить. Европейцы – они ведь страшно подозрительные, наверняка усмотрят политическую подоплёку. За кабаньим рылом, скажут, прячется рыло Москвы!

– С них станет! На мой взгляд, наших международных отношений это нисколько не улучшит.

– Ещё бы! Кто бы что ни говорил, но демократия и кабаны – вещи абсолютно несовместимые. Я так думаю: Чехию спасут браконьеры. Только на браконьеров надежда! Браконьеры и так их понемногу… Кабанье мясо – редчайший деликатес. Вы знаете, меня особенно впечатлили задние окорока. Очень впечатлили! Когда кабана – того, их отделяют для посола, копчения и последующего запекания, а также и для варки. Чехи настолько наловчились – первым делом глянут на изрытую кабанами лужайку и плачут, плачут: испортили, сволочи. А потом отрежут копченого окорока и уписывают за обе щёки. Хороша и жареная грудинка с картошкой или капустным гарниром. А тушёное кабанье мясо в сметане – это и вовсе нечто, от стола не оттащишь!...

Пётр Васильевич закрыл глаза и причмокнул губами.

Лёвушка смекнул, что настало время для самого главного вопроса:

– Вы меня на работу берёте?

Кадровик замер, вспомнив, зачем этот посетитель оказался здесь.

– Нет, не беру.

– Почему?

– Почему-почему. Потому!

Прощание вышло сухим.

«Апальков, хм… Апальков, – размышлял Лёва, выбравшись из конторы, – что за Апальков, где он мне попадался?» Не так ли порой любому из нас встрянет в голову фамилия, и бьёшься над разгадкой: откуда я её знаю? И сидит, проклятая, в мозгах, пока не вспомнишь или не позабудешь окончательно. Впрочем, Лёвушка был не такого свойства человек, чтобы долго задумываться о пустяках.

Слева от автозаправочной станции за деревянным забором размещалось некогда славное общество – ДОСААФ.

Когда-то прямо к этому самому забору, который висел сейчас на хилых прожилинах, была прибита яркая картина, метр на два. Местный художник изобразил румяного хлопца, как бы стопроцентного асинца. За его спиной роем летали военные самолёты и рассекали море фрегаты. Хлопец мечтал служить Родине и призывал всех последовать своему примеру. Теперь картина исчезла, а за гнилым забором тишина стояла такая, что ни о каком содействии армии, авиации и флоту в данный момент рассуждать не приходилось. И всё-таки Лев решил попытать счастья и здесь.

Сразу за кривой металлической аркой с указующей вывеской, которую изрядно успели подпортить ржавые подтёки, врастал в землю одноэтажный учебный корпус. Чёрные, как уголь, деревянные стены помнили если не Ермака с дружиной, то уж наверняка лихую конницу Фрунзе, проскакавшую мимо, чтоб на Тихом океане свой закончить поход. В дальнем углу торчали запертые гаражные боксы с массивными воротами.

– Кто такой? Чего здесь позабыл?

Перед Лёвой вырос сердитый старик в грязноватой, с длинными рукавами рубашке, в полосатых штанах и шлёпанцах на босу ногу. Всё на нём было изрядно поношенное, однако гонора ему было не занимать.

Лёва измерил старика тем взглядом, каким гробовщики измеряют своих клиентов, и объявил:

– Я, папаша, насчёт работы узнать.

– Ну, заходи.

Старик развернулся и направился к дверям корпуса, хлопая задниками тапок. В вестибюле с низким потолком не переводился сумрак. Напротив немытого окна, вдоль стены, стояла длинная лавка. На стене в ряд висели плакаты, доходчиво объясняющие действия отравляющих газов. Было прохладно и тянуло сыростью.

– Садись, – сказал старик и сам устроился рядом, закинув ногу на ногу. – Какой такой работы?

– А какая тут есть?

– А с чего ты взял, что она тут есть? Никакой работы тут нет.

– Но вы-то ведь работаете?

Старик со скрипом почесал пятку.

– Я? Конечно работаю.

– Вот!

– Что – «вот»? У меня должность незаменимая.

– Так вы – директор? – воскликнул Лёвушка. – Как это я сразу не сообразил!

– Почему директор? – обиделся старик и даже сплюнул на пол. – Сторож я. Добровольное обчество охраняю. Без меня нельзя, а то последнее разворуют.

Янушонок оглядел ветхие стены, гнилой щелястый пол.

– Да что здесь можно разворовать?

– Разворовать всегда что-нибудь можно. Оставь объект без присмотра, через два дня щепки не найдёшь. А то и суток за глаза хватит. Кое-кто давно зарится. Забор потихоньку разбирают. Сегодня прихожу: три доски оторваны – на дрова, не иначе. Верка с той стороны живёт. Пацан у неё малолетний, но уж очень хозяйственный. Никак прихватить не могу.

– Сейчас-то зачем растаскивать? Жара на улице.

– А баню топить? – старик поднял бровь, изумляясь Лёвиной туповатости. – Любая банька, даже плохонькая, завсегда дров требует. Баню углём не топят – пар для тела неподходящий. Баню надо топить берёзовыми полешками. А когда нет полешек, то и доски от забора сгодятся.

– Я понял. А где начальство? Мне б с начальством пообщаться.

– Начальство теперь на природе. За Томском, на озёрах. Рыбу, считается, ловить уехали. В прошлом месяце, когда ездили, хвалился: три дня резиновых сапог не снимали.

– Три дня ловили?

– Три дня водку глотали. Из сапог вылезти не успели, времени не хватило. У директора, когда вернулся, рожа была зелёная, как, примерно, твои штаны. Хоть в страшном кино снимай. А рыбы в деревне купили.

Из щели в полу выбрался шустрый паучок, и старик прихлопнул его ногой.

– Что же, папаша, с содействием армии и флоту – дело швах?

– Почему это швах? – не согласился дед. – Тут мой рубеж. Пока я здесь стою – есть и содействие. Пусть и нешибкое, но – есть. И начальство за мной.

– Так ведь пьёт твоё начальство.

Старик внимательно глянул на Лёву умными глазами.

– Не пить нельзя. Это как на фронте – для храбрости. Моё начальство всегда говорит: «Как выпью, так вижу, что держаться ещё могу. А на трезвую голову – хоть в петлю лезь».

– Ладно, папаша, пойду я.

– Иди-иди.

Старик проводил Лёву до арки, пожелав напоследок:

– Ты узнавай, где сторожа требуются. Эта работа верная, не прогадаешь. Сейчас вся страна на охране держится, потому и не до конца развалилась.

Лёва поскрёб подбородок:

– Что-то мне подсказывает, что охраняемого осталось гораздо меньше, чем охранников.

– Подсказка неправильная! Не меньше, а процентов пятьдесят на пятьдесят.

Вторая за утро осечка нисколько не убавила Лёвушкиной прыти, и он оставил территорию добровольного общества полный решимости продолжить поиски.

Рядом с «Диспетчерской», сразу за домом, где размещался уже известный «Пшеничный колосок», сверкало свежими окнами построенное впопыхах кирпичное здание. На трёх этажах, словно разнокалиберная живность в сказочном теремке, квартировали всякие, на посторонний взгляд трудно сочетаемые постояльцы – Общество слепых, служба оперативного контроля, парикмахерская (!), общественная приёмная главы города, бюро технической инвентаризации и прочие, прочие. И точно так же, как ёж, петух, лягушка и мышка-норушка, они мирно уживались между собой. Правда, от засилья конторок, от ужасной тесноты и скученности здание стало угрожающе раздуваться изнутри. И, чтобы окончательно не лопнуло, его с фасада, от первого и до третьего этажа, схватили стальными швеллерами, которые, если взглянуть издали, походили на рельсы, поставленные «на попа» в промежутках между окнами. Лёва посмотрел на взмывающий в небо рельсовый путь, нырнул в узкий проход и, пропустив оперативный контроль и парикмахерскую, зряче зашагал в правое крыло, на второй этаж. Тут помещалось Управление гражданской обороны.

Невероятно, но гражданской обороной в Асинске, за вычетом начальника, занимались исключительно женщины. Причём это были женщины разного возраста – от соблазнительного до среднего.

За стеклянной дверью открывался коридор, по которому следовало пройти, потом справа ещё одна дверь с поясняющей табличкой – она указывала, что там, за этой дверью, находится.

Шагнувший сюда из коридора изумлённо замирал на пороге. И было отчего: он попадал в

сплошное царство зелени – светлой зелени, тёмной зелени, зелени с бурыми оттенками! Её здесь буйствовало столь много – и в пузатых деревянных кадках, теперь уже смутно помнящих о квашеной в них капусте; и в кастрюлях, когда-то наполненных борщами; и в миниатюрных горшочках – что большая удлинённая комната чудесным образом превратилась в кусок тропических прерий.

В Асинске таких дремучих зарослей не было больше ни в одном присутственном месте!

По углам устремлялись к потолку громадные, с мохнатыми стволами деревья, одни – с листьями-лопухами, другие – с твёрдыми и узкими стреловидными листьями. В плотных лопуховых массивах можно было без особого труда спрятать в засаде некрупный партизанский отряд. На широких подоконниках теснились горшочки с разной цветущей и опоясанной шипами мелочовкой. Из кастрюль, оседлавших деревянные полки, выбирались и ползли по стенам длинные вьющиеся щупальца, переплетаясь треугольными листочками и огибая друг друга. Даже с двух старинных шкафов спадали вниз зелёные волны. Для полного сходства с джунглями не хватало лишь рёва невидимых за деревьями бабуинов. В такой обстановке амазонки в звериных шкурах и с перьями в волосах были бы уместней чиновниц в цивильных одеждах, а лук и стрелы смотрелись бы гораздо убедительней канцелярских столов. Однако присутствовали и столы, и обыкновенные одежды, и даже хиленький журнальный столик-недомерок с кофейником, чашками и баночками с вареньем. В дальней стене, под нависшими зарослями, угадывалась мало заметная дверь. За ней располагался кабинет начальника.

У выдвинутых из зарослей пяти канцелярских столов подгибались ножки от наваленных бумаг. Беспорядок был, как перед эвакуацией, – через два дня ожидалась проверка из области, обещали нагрянуть подполковник и три майора.

Надо сказать, с распадом большой страны дела в гражданской обороне Асинска пребывали в аховом состоянии. Бомбоубежища оставались заброшены, а иные и вовсе разбиты и разграблены. Новые противогазы лет пять не приобретались ни одним из пускающих пузыри объектов собственности. Зато отчётность возросла в разы. Инструкции и указания из областной конторы летели, как птицы, стаями. Вслед за ними оттуда являлись комиссии.

Майоры, с расплющенными от проверок задницами, возбуждали трепет. Особенно лютовал один, предпенсионного возраста, по фамилии Расторгуев. С крючковатым носом, похожий на филина, он часто повторял любимейшую присказку:

– Чем основательней проверяемого порешь – тем больше пользы!

Страшным майором амазонки-оборонщицы пугали друг друга:

– Вот погоди – появится Расторгуев…

Или:

– Доберётся до твоих бумаг Расторгуев, будет тебе порка по всем правилам!

Но поскольку проверки случались часто, то поротые как-то уже и притерпелись, и попривыкли к поркам, и настоящего ужаса они не вызывали. И потом, каждая сотрудница, будучи женщиной полувоенной, в глубине души понимала, что строгость необходима, что без строгости никак. Паника в прериях была скорее напускной – между лёгкой и средней. Извлекались на свет схемы и карты, срочно уточнялись списки подготовленных мероприятий, наводился внешний лоск на планы по антитеррору.

Одна из гражданских оборонщиц, самая хорошенькая, чей стол находился у двери начальника, нервно рылась в куче папок, живописно разбросанных на столе.

– Девочки! Никто не видел «План действий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций на молочном комбинате»?

Амазонки не отреагировали. Две были заняты разговором, одна – отчётом, а ещё одна вооружилась лейкой и поливала жадную до влаги разбушевавшуюся зелень.

– Куда этот чёртов «План» запропастился?

– Зачем он тебе? – откликнулась та, что с лейкой.

– Мне-то он даром не нужен.

– А кому тогда?

– Кому-кому… Будто не знаешь. Вот всегда так: когда что-нибудь потребуется – сроду не найдёшь!

– Сашке купила кофточку, а он носить отказывается, кричит: «Девчачья, пацаны в школе засмеют!».

– Кто слышал, говорят, Газманов с концертом приезжает?

– Нет, бежевое лучше.

– Я сейчас точно удавлюсь из-за этого «Плана»!

– Плюнь ты на него!

– Ага, как же... Как назло, из головы выскочило: записан ли у них в «Плане» сводный отряд аварийных работ? Ведь вот же – вчера помнила, а сегодня – нет!

– А при чём здесь Расторгуев?

– Да он в прошлый раз прилип: что там с отрядом, сколько в нём человек, каково оснащение, проводятся ли тренировки? Дался ему этот молочный комбинат!

– Позвони и выясни.

– Ты что, молочный комбинат не знаешь? Наврут с три короба, а если Расторгуев вздумает проверить – такого потом наслушаешься! Я и сметану у них сроду не беру: неизвестно, что в банках намешают… Нет, без выезда на место никак не обойтись. Валерий Маркович сказал, через час едем.

Амазонка слева, раздражённо переправлявшая старый отчёт, подняла голову:

– Что-то часто вы с Валерием Марковичем на предприятия выезжать стали.

– Сколько надо, столько и выезжаем.

– Ну-ну…

Наступила пауза, прерываемая шелестом бумаг, журчанием воды и проклятиями исчезнувшему «Плану». Поливальщица, напоив ближние горшки, втянула голову с мелкими кудряшками в плечи и нырнула под лопуховое дерево. Листья тотчас сомкнулись над ней.

– Аня, может, ты «План» взяла?

Ветки колыхнулись, из-под них на миг показался красный нос лейки, а затем и сама Аня.

– Для чего он мне?

Лейка и Аня спрятались.

– Мало ли. Я у тебя на столе часто свои бумаги нахожу.

В лопухах замелькала возмущённая лейка:

– Ты сначала у себя порядок наведи, а то швыряешь куда попало, и я же виновата!

– Это кто – я швыряю?

– Ну не я же!

Перепалка, возникшая на почве ликвидации чрезвычайных ситуаций на молочном комбинате, грозила обернуться нешуточным скандалом, но тут появился Лёвушка.

Открыв дверь, он, как и любой впервые попавший в гражданскую оборону, опешил от зелёного буйства и едва не выскочил обратно. Затем, оценив обстановку, с удовольствием отметил кофейник и чайные чашки на журнальном столике: «Смотри-ка, чаёк-кофеёк, то-сё! Неплохо бы здесь задержаться. И мои салатные штаны отлично вписываются в местность. Я как будто из этого леса вышел!»

От крайнего стола раздался вопрос:

– Мужчина, вы к кому?

– Мне б к начальнику вашему.

Амазонка, потерявшая «План», предупредительно подняла руку.

– Подождите, Валерий Маркович по телефону разговаривает.

И впрямь, из-за двери приглушённо раздавался властный голос: «Мне проблемы ваши – до одного места, и ваши денежные дела меня не касаются! Плевать, из каких средств вы будете это оплачивать!» Лёва замялся.

– Да вы присаживайтесь, присаживайтесь, вот стул.

В обязанности амазонки-растеряхи входили, как можно догадаться, и секретарские полномочия. Она отмела к краю разбросанные папки.

– Вы из какой организации? Из горздрава? Список эвакуационной комиссии принесли?

– Я не из организации, – честно признался Лёва, устраиваясь удобнее. – Я сам по себе.

– Вот как? Тогда по какому вопросу?

– Работу ищу. Хочу узнать, нет ли у вас работы?

Три сотрудницы разом обратились к Янушонку, и даже кудрявая, с лейкой, высунула голову из лопухов.

– Работы хватает – как не быть. Мы тут, можете убедиться, завалены работой. И вся срочная. А вы, случайно, не бывший военный? – продолжала заинтересованный допрос секретарша.

– Офицер запаса, – приосанился Лёва. – В университете военная кафедра была.

– Служить в армии не довелось?

Лёва развёл руками.

– Это хуже, намного хуже. Но небезнадёжно. С документами раньше дело имели? Отчёты, справки, доклады, как их составлять, знаете?

– А как же! Да я тысячу разных бумаг написал! Ответ на запрос или какое-нибудь распоряжение – в пять минут могу изготовить.

Взгляд секретарши становился всё теплее.

– Документов у нас – горы, – доверительно сообщила она. – Не успеваем управляться. К тому же надо выезжать с инспекторскими проверками на предприятия.

– Я готов.

– А ещё комиссию ждём. Нас самих по нескольку раз в год проверяют!

– Я этих комиссий штук сто принял! И понял их насквозь. Там такие же люди, как и мы. Им что важней всего? Чтоб бумаги с виду были в образцовом порядке. Чтоб если у инструкции титульный лист, то обязательно – свежие подпись и печать. А если две подписи и две печати – ещё лучше. Внутрь никто и никогда не подумает нос засунуть! У документа внешность должна быть идеальной, а сразу за первым листом – хоть анекдоты вклеивай.

– Прямо-таки анекдоты? – усомнилась амазонка-секретарша.

– Слово даю! – с жаром заявил Лёвушка. – Я, когда работал… Ну, неважно. Так вот, я копию «Камасутры» разделил на пять частей и на каждой сверху прилепил лист с надписью: «Инструкция по пожарной безопасности». Кто ни зайдёт с проверкой – я весь в делах: пожарную безопасность штудирую!

– Хм, – неодобрительно хмыкнула корпевшая над отчётом.

– Так-так, уже неплохо, – карие глазки секретарши заиграли. – Нам в коллектив нужны сообразительные мужчины. Такие вот хваткие и настойчивые. Вы в гороскопы верите?

– Абсолютно! – сказал Лёва. – Я и к вам пришёл по гороскопу.

– По китайскому?

– По китайскому.

– А по китайскому – вы в какой год родились?

Лёва усмехнулся:

– В год Быка.

– А я – в год Собаки. Представляете? Собаки не терпят несправедливости. Как только вижу кого-нибудь несправедливого – порвать готова! Но и у вас знак хороший. Быки всё делают серьёзно и основательно.

– Бык – он и есть бык, ничего в нём хорошего нет! – отчеканила та, что с отчётом, и сурово посмотрела на Лёвушку.

«Ведьма!» – определил он.

Растеряха-секретарша продолжила:

– Они не одобряют новшеств, но это даже к лучшему. Быки всегда готовы к трудностям, умеют их преодолевать и добиваться своего. Как Бык, вы надёжный.

– Началось! – съехидничала ведьма.

– Быки ещё и люди порядочные, – откликнулась амазонка с лейкой. – Я сумочку уронила, а сосед нашёл и отдал. Оказалось – Бык.

Та, что строчила отчёт, бросила ручку и вскинулась со стула:

– А у моей сестры муж по командировкам мотается. Третий год, как зачастил по командировкам. Дома не удержишь. Зальётся – на неделю. И всё в Междуреченск норовит, в Междуреченск! Тоже Бык.

– И что? – спросила амазонка-секретарша.

– Как «что»? Он – Бык, а там – тёлки.

Ведьма села.

– Мужчина, если он Бык, обязан быть Быком! – парировала родившаяся в год Собаки. – А тёлки есть везде, они никакого отношения к гороскопу не имеют.

– Как это «не имеют»? Сестра на развод подала!

Повисла пауза.

– Похоже, Валерий Маркович закончил разговор, – сказала амазонка-секретарша. Она прислушалась к наступившей тишине за дверью. – Идите. И не робейте.

Возглавлял оборонную контору молодцеватый подполковник по фамилии Клещеногов.

Его небольшой кабинет разительно отличался от буйных прерий и смахивал, скорее, на суровую пустыню. Он был до такой степени лишён не только зелёных зарослей, но и обычного набора административной мебели – полочек и шкафов, что в голове у Лёвушки на миг сверкнула дикая мысль: не побывал ли здесь папаша Катажинки со своими подручными? Стол, три стула и – всё. В центре стола помещался перекидной календарь на подставке. Открытые листочки были разрисованы крупным корявым почерком. На углу друг на друге громоздились две папки в пластиковых корках – красная и чёрная. Верхнюю, красную, украшал бумажный квадратик со словом «Приказы». Ещё имела место пепельница на втором углу. В густом и нагретом воздухе висел жесточайший запах сигаретного дыма. И плоская пепельница, набитая давленными окурками, свидетельствовала, что запах этот не улетучивался никогда.

Подполковник Клещеногов был в своём роде человеком необыкновенным, исключительным.

Оказавшись по воле глумливой судьбы в захолустной дыре, он много лет прозябал в военкомате, вылавливая нерадивых оболтусов, чтобы запихнуть их в армию, а затем его кинули на гражданскую оборону.

Мало кто догадывался, что охраняемый амазонками вояка с суровым взглядом и чёрными вечно насупленными бровями имел задатки незаурядного и даже где-то выдающегося полко-

водца. И если он до сих пор не вышел на первые роли, не получил под своё начало хотя бы одну захудалую пехотную дивизию, то помешала этому его излишняя горячность.

Чем отличается заурядный полководец от незаурядного? Заурядный поглощён историей побед родного отечества. Ему льстит перечень городов и крепостей, взятых у неприятеля. Для него музыкой звучат детали Корсунь-Шевченковской операции и Брусиловского прорыва. Незаурядный – а таких единицы – штудирует, в первую очередь, историю поражений, дабы выявить ошибки и как следует разобраться в их причинах. Подполковник Клещеногов за годы службы накопал тьму сведений о том, где и сколько раз нас били. Он учитывал всё: внезапные дожди и заморозки, недостаток боеприпасов и предательство союзников. Вывод, к которому он пришёл, оказался ошеломляющим. Успехи и провалы были связаны не с тактическими ходами, не с предвиденьем или ошибками генералов, а с той местностью, где происходили битвы. Когда наши войска вываливались на врага из непролазных трясин и непроходимых чащоб – любой противник драпал так, что земля гудела. Любые преграды в виде болот, рек и тонкого льда были нам только на руку. И, наоборот, теория «чистого поля» не выдерживала никакой критики. Вместо того чтоб как следует разгуляться на воле, воины поглядывали, куда бы смыться при первой возможности! Подполковник выяснил, что гнали нас: а) пешие, б) конные, в) танки, г) свои же, запутавшиеся в оперативной обстановке. А в тех редких случаях, когда улепётывал противник, не представлялось возможности его догнать и добить, потому что наши лошади всегда были загнанны. Обширные познания натолкнули Клещеногова на единственно возможное заключение: мы склонны к партизанщине! Так и только так! Нам бы в таёжных землянках отсидеться, чайку из болотной водицы попить, а когда мы из зарослей выберемся – о-о! – любому не поздоровится! Сейчас, в данный момент, проживалось, по его убеждению, новое смутное время, маячили впереди грозные испытания и никто не был подготовлен к ним лучше, чем подполковник Клещеногов. Вечерами у телевизора, не пропуская ни одной информационной программы, он чутко следил за тем, что происходит в стране и мире, а ещё всегда помнил, чем кончают временщики. Он вообще был осведомлён о многом. Едва ли кто в Асинске имел представление, где затоплен крейсер «Варяг», а Клещеногов имел. Он даже знал, кто автор стихов о «Варяге» – тех самых стихов, что песней стали. В своём кабинете он не терпел ничего лишнего. Здесь, за исключением двух кактусов, всё было недолгим и непрочным: цветы чахли, растения желтели, мебель разваливалась. Зато стену украшали три карты – Асинска, России и мира. Сразу бросалось в глаза вот что: карты в отдельных местах были сильно измяты, будто в них чем-то тыкали. Самая большая – глянцевая политическая карта мира – простиралась от потолка до пола, однако белая Антарктида внизу была несколько грязновата, словно там, по снегу и льдинам, ходили в галошах. Страны, раскрашенные в разные цвета, вблизи смотрелись весело, а издали сливались в яркий овощной салат. России, как всегда, выпал густо-розовый. На уровне глаз находился сибирский регион, и его-то подполковник, сощурившись, рассматривал. Тайга и тундра в виде места дислокации грели душу. Поэтому канцелярские псы, налетавшие из области с проверками, его мало трогали. Он терпел эти проверки, глубоко презирая их.

С появлением Янушонка подполковник Клещеногов неохотно оторвался от карты и вернулся во главу стола.

Выслушав горячее Лёвушкино желание всего себя отдать гражданской обороне, подполковник кивнул.

– Вы кто по образованию?

Лёва смутился.

– Инженер-океанолог.

– Ну-ну, выше голову! Для службы в гражданской обороне годятся все. Даже океанологи.

Клещеногов со значением посмотрел на Лёву.

– Улавливаете?

– Так точно, – отчеканил Лёва.

– Задача у нас – охватить городское население, вплоть до уборщиц конторских помещений и домохозяек частного сектора. Да, и домохозяек тоже. Никем нельзя пренебрегать! У домохозяек, кстати, имеется в головах запас практической сметки. Это огромный плюс для выживания. Наш город – пусть маленькая, но крепость на российской земле. И не надо думать, что на него не нацелены вражеские ракеты. Ещё как нацелены!

– Я полагаю, он исключительно важен со стратегической точки зрения, так как находится на сибирской железнодорожной магистрали.

Подполковник одобрительно хмыкнул:

– Правильно полагаете! Вот представьте: бомбовый удар. Массированный налёт вражеских бомбардировщиков.

Он сорвался с расхлябанного стула и над картой Асинска простёр руки, выбирая точку для удара. Палец вонзился в частный сектор рядом с городским рынком, в скопление домишек, называемое Вшивой Горкой.

Лёва побежал за подполковником.

– Человек, который не подготовлен, начнёт метаться. А что сделает домохозяйка? Где она спрячется?

– Под кроватью, – быстро ответил Лёва.

– Ошибочный взгляд! Она заберётся в погреб. Выбежит в огород, спустится по трапу и ещё крестом осенит себя для верности. И голову ей оторвёт лишь тогда, когда в погреб случится прямое попадание бомбы. А если оно не случится, пусть даже крышку завалит, с учётом того что в погребе хранятся съестные припасы: маринованные огурчики, маринованные помидоры, компоты в банках, квашеная капуста, лечо, – подполковник проявил большую осведомлённость, – ей по силам просидеть автономно – сколько дней?

– Семь.

– Двадцать четыре. В связи с тем, что происходит вокруг границ, нам, безусловно, надо быть начеку. – Клещеногов переметнулся к самой большой карте, провёл ладонью по Штатам, словно стирая их, и легонько пнул Антарктиду. – Мировая обстановка не та, что прежде. Мыслимое ли дело: к американцам лезем обниматься, а от родных белорусов, с которыми вместе выросли на варёной картошке и свиных шкварках, шарахаемся, как от зачумленных.

Он сдул с Белоруссии невидимые пылинки.

– Вы были в морях и вам известно, если у судна сильный крен на один борт, что его ждёт?

– Опрокинется и затонет.

– Вот! И миру это грозит. Не может мир крениться на один борт! И потом. Я Клинтона знаю. Ему, мерзавцу, верить никак нельзя – ещё тот пройдоха! Европа самостоятельности не имеет. Юго-Восточная Азия – вся под американцами, Австралия и Новая Зеландия – их карманные государства, – подполковник не удержался и ещё раз саданул ботинком южный континент, – поэтому нет сомнений: пройдёт год-другой, и всё встанет на места. Сейчас у нас временная передышка.

– От чего?

– От того, что ориентиры утратили, земли профукали. Всё, что веками собиралось, эти… – Он ввернул оборот, который здесь лучше не приводить. – Не надо думать, что там, наверху, не найдётся умных людей. Они пока не добрались до штурвала.

Клещеногов на секунду умолк.

– Мы – страна невеликая, но могучая. Улавливаете разницу?

– Не могу уловить, – честно сознался Лёва.

– Под словом «великая» понимаем богатство, под словом «могучая» – сила. Мы много вражеских хребтов сломали. И ни с какими американцами мы друзьями не будем. Ни с американцами, ни с англичанами. С англичанами – особенно. Мы сейчас в пыли валяемся. А они лгут. Лгут напропалую, что добра нам желают!

– Может, маленько и желают?

– Нельзя желать добра и одновременно вытирать об нас подошвы. Они упиваются нашей временной слабостью!

– Разрешите, товарищ подполковник? – в дверь просунулась головка с кудряшками.

– Чего тебе, Ушакова? – нетерпеливо спросил подполковник.

– Кактусы полить.

– Потом, потом, не мешай! Уеду на молочный комбинат – тогда польёшь.

Клещеногов ударил кулаком по карте.

– Нам сейчас важно выиграть время. Ситуация на данный момент схожа с той, что была в начале восемнадцатого века. Историю помните? Напрасно. Историю надо учить! Карл Двенадцатый в пух и прах разбил Петра под Нарвой и уверился, что в любой момент может прихлопнуть Россию окончательно. Но не сделал этого. У него были старые разборки с Августом Вторым, и потому заносчивый швед взялся трепать саксонского правителя. Пётр по полной использовал передышку. Он был государственник и не набивал карманы, не прятал деньги в оффшорах – он укреплял армию. Из доходов казны до девяноста процентов направлял на военные нужды. Построив Санкт-Петербург, явил твёрдую решимость стоять на землях у Балтийского моря и защищать их. А что же Карл? Надо сказать этому дураку спасибо! Он шесть лет гонялся за саксонцем и занимался разной ерундой вроде того, что сажал на польский трон своего ставленника. А на польский трон кого ни сажай, ничего толкового не дождёшься. А ещё выдумывал тактические хитрости, например дымовую завесу при атаке через реку,

для чего шведы жгли навоз и сырое сено. Результат известен – шведов расхлестали под Полтавой. Вот и нам нужно укрепиться, пока враги наши точат зубы на Хусейна и жгут навоз и сено.

Он оказался возле карты России.

– Дороги у нас всё ещё хорошие. Это при определённых условиях – минус. Хорошие дороги желательно бы разбить. По хорошим дорогам иностранная техника быстро пройдёт. Американские танки как раз для хороших дорог. Они, чистоплюи, на пересечённой местности воевать не умеют. А у нас их чистоплюйство в расчёт не берут. И на первом этапе боевых действий, в результате вражеского десантирования, южный Кузбасс нам придётся оставить. После него и Асинск. Да, с этим ничего не поделаешь. Пути на запад и на восток будут отрезаны. Придётся отступить на север – вот сюда.

– Не может быть! – вырвалось у Лёвушки, когда он увидел, что палец спикировал в непролазные топи и даже как бы погрузился в них.

– Может! Тогда только всё и начнётся! Томская область – подготовленный партизанский край. Как только они сюда сунутся – из томских болот поднимется такой могучий кулак сопротивления, что размажет их по всей Сибири!

Лёве померещилось, будто нарисованная ряска зашевелилась.

– Томские болота вселяют в меня большие надежды!

– Но зачем нам в болото? Сырость, тучи комаров. Сопротивляться можно и тут, на месте.

– Как это?

– Враг придёт, скажет: «Работайте!» А мы работать не будем.

Клещеногов поглядел на Лёву, как на больного.

– Куда-то вас не туда заносит. Это не наш метод. Врага надо заманивать, а не ложиться под него. Заманивать и внезапно бить! Но это потом. А сейчас нам надо хотя бы с десяток годков продержаться до подъёма промышленности и обновления вооружений. И постоянно укреплять армию. Укреплять, укреплять! Дисциплина нужна. Даже больше скажу: муштра! Вот, опять же, пример из истории. Прусские короли муштровали армию, и она была самой сильной в Европе.

– А если не нападут?

– Невозможно. Обстановка будет характеризоваться наличием широкого спектра конфликтов и кризисов. Где-нибудь обязательно попробуют.

– Но почему обязательно нападать? – спросил миролюбивый Лёва. – Разве по-другому нельзя?

Клещеногов ещё раз внимательно посмотрел на Лёву.

– Вы в самом деле не понимаете?

– А чего тут понимать? Пусть едут к нам – торгуют, работают. Места всем хватит.

– Н-да. Чтобы до такой степени не иметь чутья… В основе конфликтов, будет вам известно, лежат столкновения интересов мировых держав. А в чём их интересы? В установлении полного контроля над добычей полезных ископаемых и маршрутами их транспортировки. А у нас тут ископаемые. Куда ни глянь – кругом ископаемые! Но и маршруты – всё вместе. Как вы относитесь к президенту?

– Обыкновенно, как и любой гражданин.

– А конкретнее?

– Поддерживаю Бориса Николаевича абсолютно…

Клещеногов сморщился.

– …но не во всём.

– Понятно. Должен сказать, я поставил вас в тупик своими вопросами. Вы отвечали подсознательно и раскрылись. Служба в гражданской обороне – это вам не семечки щёлкать. Она требует особых, специфически мыслящих людей. Вы нам не подходите.

За дверью Клещеногова амазонка, рождённая в год Собаки, вскинулась к нему:

– Что?

– Увы, – сказал Лёва, – звёзды сегодня сошлись так, что не суждено мне заняться гражданской обороной.

– Эх, – покачала головой амазонка секретарша-Собака, – вам, наверно, гибкости не хватило. Я тут заглянула в книжку. У Быков мнение безапелляционное. Чересчур прямые они.

– Какие там прямые! – сияла довольная ведьма. – Им бы только по командировкам шастать! Им до тёлок дорваться невтерпёж! Других забот нету.

Выбравшись на улицу, Лёва задумался: «Куда теперь?» «А не попробовать ли себя на педагогическом поприще?» – осенило его.

Школа № 17 находилась неподалёку от центра Асинска, и уже поэтому была на особом счету. Построили её перед московской Олимпиадой и даже на открытии развернули полотнище с пятью кольцами. Хотя при чём тут спортивные со-

стязания, было совершенно неясно. Крупные бетонные блоки, из которых слепили стены, навевали мысль скорее о бомбоубежище, чем о том месте, где ребятишки, помимо основных уроков, обязаны прыгать через «козла», подтягиваться на перекладине и заниматься иными подобными штуками… За полтора десятка лет из её стен выпорхнуло несколько очкариков-медалистов и призёров пусть и олимпиад, но по физике и химии. Соответственно статусу, сюда принимались учителя, до самого основания постигшие душу ребёнка. Попасть в эту школу было ох как не просто!

Лёвушка о своём школьном прошлом вспоминал редко. Причём воспоминания не омрачались грустью. Одноклассники были, как и везде, – двоечники и отличники. Зато учителя – как на подбор сволочи. С годами, однако, вносились коррективы. Если раньше хуже были учителя, то теперь – и те и другие. Нынешние ученички, по Лёвиным наблюдениям, являлись, без исключений, мерзавцами и бандитами. Ни за что бы Лёва сюда не сунулся, если б выбор у него был шире. Но обнадеживало то, что школа была чужая и учителя незнакомые – может, здесь всё не так?

Лето – кипучая пора ремонтов в оставленных на время классах. Это недели и деньки, когда мажут и красят всё, что можно вымазать и выкрасить. При выделении средств, конечно. Что происходит – увы! – всё реже. Завуч школы № 17 поэтому не привередничала – уж коли счастье привалило, нечего носом крутить. Она прошла по коридору второго этажа, умильно озирая стены, сияющие пахучей желтизной. Остановилась возле трёх заляпанных краской маляров, проследила, как они работают валиками. При других условиях она бы нашла, к чему придраться, сделала бы пару замечаний, но тут постояла минуту и удалилась в свой кабинет.

В этот момент в вестибюле объявился Лёвушка. Шагнув за порог, он чуть не угодил ногой в пустое ведро из-под извёстки. Раздался оглушительный грохот. Но никто не встревожился, не выбежал навстречу, не спросил: по какому поводу вы, молодой человек, забрели сюда? Весь первый этаж будто вымер. Внимательно вглядываясь под ноги, Лёва осторожно двинулся по сумеречному коридору вдоль закрытых одинаковых дверей. И правильно осторожничал, поскольку в тёмном закуте едва не кувыркнулся на куче битой штукатурки. Преодолев препятствия, соискатель работы взобрался на второй этаж и вздохнул облегчённо. Здесь было светлее. Заляпанные маляры указали, как пройти к кабинету завуча. На двери не имелось никакой пояснительной таблички, поэтому имя завуча для Лёвы навсегда осталось тайной. Его встретила необъятная, рыхлая дама, словно вся слепленная из белых булок. За круглыми очками щурились плохо видящие глаза. В кружевную блузку, которая красовалась на ней, можно было впихнуть порядочных размеров телушку без ущерба для последней.

Кабинет был тесноват. Шкаф по левую руку от Лёвы, с узкими стеклянными дверцами, оказался под завязку забит книгами и классными журналами – видно, их затолкали сюда на время ремонта. Сверху шкаф украшали две зелёные, топорно сработанные модели самолётов: «ястребка» времён великой войны и незаменимого труженика полей. У «кукурузника» был высоко задран нос с большим серебристым пропеллером.

Лёва был встречен прохладно, как незваный и подозрительный чужак.

– Вы любите детей?

– Конечно.

– А как вы их любите?

– Обыкновенно, как детей любят. Я их не ем.

Дама вытаращила глаза, едва не коснувшись зрачками стёкол очков. Лёва поспешил успокоить.

– Я абсолютно убеждён: дети – наше будущее. Какими их воспитаем, таким наше будущее и получится. Воспитывать надо без выкрутасов: если что – сразу по макушке. Или – за ухо.

– Но так нельзя!

– Почему нельзя? Я пробовал – можно!

– Какая-то подозрительная у вас любовь. Я вам, молодой человек, откровенно скажу: такой метод у нас не приветствуется!

– И зря! Детишкам надо постоянно мозги вправлять. Я коту вовремя не вправил, теперь мучаюсь.

– При чём здесь кот?

– Кот здесь как пример. А если упустить время, из деток вырастет такое, что вы и сами за голову схватитесь! Никому не советую встречаться с нынешними детками после одиннадцати вечера на неосвещённой улице.

– Я с вами категорически не согласна. По макушке – не допустимо! Что получится, если каждый учитель вместо того, чтобы на уроках объяснять материал, начнёт колотить своих учеников?

– Нормально получится. История тому подтверждением.

– Боже мой, какая ещё история?

– Прусские короли муштровали армию, и с ней никто не мог сладить. Эта армия шорох по всей Европе наводила! Так что и в прежние годы жили люди, не глупей, чем вы и я.

– Погодите, погодите! У нас не армия. У нас школа. И если вы собираетесь вступить на педагогическое поприще, о палочном воспитании придётся забыть!

– Почему? Детишечек надо так дрючить, чтобы выбитая дурь смогла вернуться в их головы лет, скажем, через двадцать. Не раньше! Тогда она хотя бы уменьшится в размерах. И потом, я за единую форму одежды, в ней основа порядка и образцовости! Положен костюмчик – носи костюмчик, положен фартук – носи фартук. И никаких вольностей! Если бы в милиции – представить только! – все одевались кто во что горазд, как бы мы смогли догадаться, что перед нами милиция? Мы бы ни за что не догадались и даже, случись ситуация, могли нагрубить штатному сотруднику.

Взгляд завуча потеплел.

– Насчёт формы я с вами заодно, это справедливое замечание. Какой предмет вам было бы по силам вести?

– Географию. Или зоологию.

– Я так и предполагала! А вы что, можете блеснуть познаниями в этих областях?

– Могу, – сказал Лёва.

– Тогда скажите что-нибудь неожиданное.

Лёва напрягся.

– Бужумбура – столица государства Бурунди.

Завуч сняла и протёрла очки.

– Этого мало.

– Для начала должно хватить, – убеждённо парировал Лёва. – Остальное подтянем.

– А что вам известно из зоологии?

– Эогиппус, меригиппус, гиппарион – предки лошади, – отчеканил Лёва.

– Ладно, попробуем с другой стороны. Всякий педагог обязан иметь творческое увлечение. Такое увлечение, которое не только бы захватило его целиком, но и стало бы наглядным примером. Чтобы ученики смотрели, и у них возникала мысль: «Я тоже хочу этим заниматься!» У вас есть какое-нибудь творческое увлечение?

Лёва подумал.

– В детстве я посещал танцевальный кружок.

– Ваше детство, как я успела заметить, давно позади. И на танцора вы не похожи. Работа с детьми требует постоянного разнообразия. Дети не выносят шаблона. Я требую от педагогов, чтобы они были увлечены чем-нибудь помимо основных обязанностей. Это развивает воображение самого педагога и добавляет новые, подчас неожиданные краски к подаче учебного материала… Итак?

Лёва помедлил.

– Футбол по телевизору люблю смотреть.

– Валяться перед экраном и пялить глаза на бездельников, пинающих мяч ногами, – это не увлечение. Увлечение – это когда своими руками. Вы что-нибудь своими руками делаете?

– А как же! Картошку и капусту в огороде посадил. Теперь урожая жду.

– Опять не то. Огород – необходимость. Вы для еды овощи высаживаете. Чтоб зимой было, что в кастрюлю положить, приготовить и покушать. А для души?

Лёва нахмурил брови.

– У меня кот есть. Для души я с ним разговариваю. Только он, мерзавец, не понимает. Наверняка хуже ваших учеников. Я ему по-всякому: сволочь, говорю, ты такая…

– Перестаньте паясничать, это школа, а не цирк!

– Что вы! Мне и в голову не приходит паясничать…

– Я ведь ясно сказала: руками, для души. Неужели у вас нет тяги к прекрасному? Нет желания взять мёртвую материю и преобразить её в нечто особенное? – она вытянула к Янушонку руки пухлыми ладонями вверх. – Вот я, например, варю мыло.

Лёва обалдел.

– Из кого?

– Что значит «из кого»? Варить мыло – процесс сложный, требует терпения. Но семья меня в этом поддерживает. У вас есть семья?

– Есть! – не задумываясь, ответил Лёва.

– Между прочим, композитор Густав Малер был внуком мыловара. Вам это о чём-нибудь говорит?

– О том, что Густав Малер был внуком мыловара.

– Опять паясничаете?

– Почему? Вы спросили – я ответил.

– Нехорошо. Вы явились на работу устраиваться, а ведёте себя, как не знаю кто… Вам, я думаю, будет интересно узнать, как рождается

увлечение. Так вот, прежде чем заняться мыловарением, мне понадобилось перелопатить гору разнообразной информации на эту тему. В специализированном томском бутике закупила восемь килограммов мыльной основы. Продавец-консультант дала несколько рекомендаций, как правильно варить мыло, подобрала необходимые ингредиенты. Я приехала из Томска часов в десять вечера и сразу же начала мыловарить. Сразу! Вы не можете представить, как это было восхитительно. Я почувствовала себя творцом! Теперь-то, конечно, мне простые виды мыла неинтересны, стараюсь осваивать более хитрые рецепты. Но тогда… Существует несколько способов варки мыла. Его можно сделать с нуля – из щелочи и жиров (это, однако, слишком хлопотно), из мыльной основы или путем переплавки детского мыла. Мне больше по вкусу второй вариант. Что такое основа? Это такое совсем прозрачное мыло, без каких бы то ни было добавок, ароматизаторов и красителей. Я разрезаю его ножом на крупные кубики и ставлю в микроволновку. Когда основа расплавится, в неё добавляю какие-нибудь ингредиенты, они придают мылу индивидуальность: эфирные масла, пищевые красители, пряности, ароматизаторы. Создавая то или иное мыло, нужно иметь представление, для какого типа кожи ты его делаешь, и уже в зависимости от этого подбирать составляющие. Для детской кожи идеально подходит миндальное масло, для сухой – масло персиковой или абрикосовой косточки, для обветренной – масло шиповника. А вот масло виноградной косточки регулирует салоотделение и сужает поры, поэтому я настоятельно рекомендую его для жирного типа кожи. Можно поэкспериментировать с разными добавками. Одной моей клиентке, которая живёт в частном доме, пришлось по душе мыло с молотым кофе, потому что оно отлично отмывает руки от угольной пыли. Сейчас я сушу еловую хвою, которую в дальнейшем планирую перемолоть и также использовать при изготовлении мыла. Это придаст ему соответствующий запах и полезные свойства – хвоя обладает обеззараживающим действием. Если смотреть широко, то для создания произведений мыльного искусства можно использовать всё, что под руку попадётся: голубую глину, какао, сухое и сгущённое молоко, мёд. Всё зависит от фантазии. Для формочек можно использовать баночки из-под йогуртов, соков, творожков, силиконовые формочки для выпечки. Застывает мыло быстро – в течение часа-двух, после чего его можно вынимать. Разумеется, иногда за основу берутся какие-то стандартные рецепты из специализированной литературы. Но по ходу варки они настолько модифицируются, что когда заканчиваешь работу, то берёшь листочек с рецептом, перечёркиваешь его и рядом пишешь абсолютно новый. Я обожаю экспериментировать. Стараюсь играть разными цветовыми оттенками, формами, парфюмерными мотивами. В последнее время часто делаю многослойные «тортики» с использованием мыла нескольких цветов. В этих случаях слои заливаются в формочки поочередно, по мере остывания нижних. Иногда при изготовлении подарочного мыла использую цветные картинки, распечатанные на водорастворимой бумаге. Пробую вручную заворачивать цветы из ещё не остывшей мыльной массы. Эстетично смотрится декоративное мыло, сделанное по принципу аквариума: в полупрозрачной основе «плавают» разноцветные мыльные кубики, засушенные цветы, цельные зёрна кофе. С тем мылом, которое требует ювелирного подхода, и работать интересней. Итак, если вы захотите стать начинающим мыловаром, – а я уже нескольких учителей этим увлекла – вам требуется кое-что усвоить. Прежде всего, не надо бояться экспериментировать. Если нет возможности купить мыльную основу, лучше всего использовать детское мыло «Ушастый нянь». Оно неплохо растворяется и практически не пахнет. Чтобы приобрести эфирные масла и пищевые красители, тоже необязательно отправляться за тридевять земель в специализированные магазинчики. Некоторые из этих ингредиентов можно приобрести в обычной аптеке. В крайнем случае, для изготовления мыла сгодится оливковое или подсолнечное масло – и в том и в другом много витаминов, которые только порадуют кожу. При нагреве мыла доводить его до кипения нежелательно: появившиеся на поверхности пузырьки могут испортить всю красоту. Но если эта оплошность всё-таки допущена, попробуйте сбрызнуть мыло спиртом. И вообще, если получившийся результат вас чем-то не устраивает, это не беда. Бракованное мыло всегда можно переплавить и получить новое. Ну и как вам моё увлечение?

Тыльной стороной руки Лёва вытер пот со лба и не проронил ни слова.

– А вот учитель физкультуры делает у нас отличные браслеты. И знаете из чего? Из джинсов

и мешковины. Получаются на загляденье! Учительница английского Аглая Николаевна мастерица по дырявым вазочкам. Физик Анатолий Кузьмич Воротилов изготавливает чудесные шарфы из помпонов. А наша Эммочка, русский язык и литература, – подарочные упаковки из пластиковых бутылок!

– Человеку свойственно иногда что-нибудь такое-этакое, – выдавил наконец Лёва, чувствуя жар на щеках и зуд в ладонях. – Мой знакомый из автосервиса создаёт, к примеру, сундучки из газет.

– Как это?

– Да ничего сложного. Для начала берётся коробка нужного размера. Она обклеивается самой обыкновенной бумагой, чтобы скрыть все грязные и жирные места. Потом несколько газет режутся на ленты, из них скручиваются трубочки – много газетных трубочек: с одной стороны узкий конец, с другой – чуть пошире. Трубочки раскатываются скалкой, чтобы превратить их в полоски. Часть полосок скотчем крепятся ко дну коробки, а остальные он начинает плести. Вяжет так: одну полоску вставляет в другую. Когда коробка полностью оплетена, она окрашивается гуашью и затем покрывается лаком. Для внутренностей желательно использовать атлас. Делается чехол, к нему пришиваются кармашки и закрепляются гвоздиками. Всё.

– Как интересно! Ваш знакомый – настоящий художник!

– Да. Только у него не ладятся отношения с соседями. Он постоянно вытаскивает газеты из чужих почтовых ящиков. Соседи однажды не вытерпели и заявили на него в милицию. Было разбирательство и окончилось денежным штрафом. Люди часто не понимают творческих порывов. Зато другой мой знакомый с соседями живёт душа в душу. Они готовы на руках его носить! И знаете почему? Он делает подарочные банки! За основу берётся жестяная банка из-под сгущёнки, объёмом около пяти литров. Фон накладывается зелёной краской из баллончика. Вторым слоем – через трафарет – набрызгивается травянистый рисунок, тоже зелёным цветом из баллончика, но другого оттенка. Акриловыми красками для стекла рисуются кистью цветы – краски белая и фиолетовая. Строительным маркером дорисовываются тонкие линии. И пожалуйста, – готовая банка-букет вручается соседской бабульке.

– Замечательно! Я думаю, все соседи в восторге.

– Конечно. Ведь у всех уже по две или даже по три банки! Одно плохо: для своего хобби он вынужден съедать неимоверное количество сгущёнки. Он жрёт её ложками, мажет на хлеб, разбалтывает в чае. Но – хуже всего – он своих гостей пичкает сгущёнкой! Иным путём порожнюю тару заполучить трудно. Друзья наотрез отказались ходить к нему, а сам он от этой сгущёнки до того растолстел, что похож на борова. Жена недавно развелась с ним и ушла к электромонтёру по фамилии Цильке. Тот ничего такого не делает, только шьёт игрушечных зайчиков из белых носков.

Завуч потускнела.

– Эти ваши истории с какими-то сомнительными выводами.

– Вовсе нет, – запротестовал Лёва. – Я просто хотел сказать, как трудно иногда творческому человеку.

– Вынуждена огорчить: в учителя вы не годитесь!

– Но позвольте…

– Нет-нет-нет.

Вечером, когда жара съёжилась, Лёва выбрался в огород – полить грядки.

Сорняки буйствовали. Осот начисто заглушил редиску. Крапива подминала огуречные плети. На дальней клубничной деляне разом загомонили дрозды. Явилось, надо полагать, несколько претендентов на одну самую крупную и красную ягоду, и начался делёж. Земледелец растянул шланг и открыл кран. Сосед, выглянув из-за изгороди, помахал Лёвушке рукой и крикнул: «Гутен абенд!» Затем спрятал физиономию под щитком и, разбрызгивая весёлые искры, продолжил сваривать из труб основу для гаража. Всё у него было не так, как у людей: даже в курятнике сидел петух, горланивший с явным иностранным акцентом. Что-то типа: «Кукеребу-уке!».

Лёва направил струю на морковную ботву. Из неё пулей вылетел мокрый Доминик.

Короткая летняя ночь явилась и растворилась.

Пока Лёвушка досматривал последний сон, Асинск успел пробудиться. Жизнь очнулась в нём и пришла в движение. Люди всевозможных профессий потянулись на работу. И хотя чадили и тонули отжившие свой век промышленные дредноуты и общая картина была пока нера-

достной, то тут, то там уже наклёвывалось нечто новое. Появилось общество частных таксомоторов: несколько сияющих жёлтой краской машин бегало по ухабистым городским улицам. И владелец их, сам из бывших таксистов, начинавший три года назад с того, что выкупил в разваливающемся автобусном парке дребезжащую «Волгу», сидел сейчас на деревянной табуретке в тесной своей конторке и, глядя в графу «Доходы», довольно размышлял: а не прикупить ли ещё пару-тройку машин? Он вспомнил, как мотался на своей старенькой «тачке» с шашечками, с утра до вечера развозя клиентов, и накапливал денежку. Попутно устанавливал связи с бандюками и чиновниками. И вот теперь, пожалуйста: у него свой маленький гараж и двенадцать человек трудятся на него… А ещё один, такой же молодой и предприимчивый, на месте сгинувшей обогатительной фабрики (не той, где трудился Лёвушка) устроил лесопилку. По бросовым ценам накупил оборудования, взял в аренду деляну в лесу, и дело закрутилось. Теперь у него постоянные заказчики, и пора расширять производство, а то с заявками не справляется. Не все, чего скрывать, удачливы, кто-то и прогорает. Но ведь лёгкой жизни никому не обещано. А взять ларьки и магазины? Вот где настоящий бум – растут как грибы. Досадно, конечно, что не в производство деньги идут. Но пусть и так, пусть начинается с «купи-продай». Потом из мелких дельцов, глядишь, Демидовы вырастут. Из тех в первую очередь, которые уцелеют в разборках. И знаменитый асинский поэт Стёпа П., а по совместительству машинист насосных установок на канализационной станции, заканчивая ночную смену, торопливо записывал в тетрадку пришедшие в порыве лихорадочного вдохновения строчки:

Шумит овёс. Летает «кукурузник»,
а вечер в небе распушил зарю.
Я жизни самый преданный союзник,
я это без натяжки говорю.
Конечно, жить в бедламе, в круговерти
надоедает. Но когда был рай?
Я много думал и писал о смерти,
но потому заглядывал за край,
что не хочу понять наполовину
своей души тоску, любовь и дрожь.
Мне кажется, что жизни сердцевину
нащупаешь, коль с краю подойдёшь.

Стихотворение ещё дымилось на бумажном листке, а Стёпа П. уже прикидывал, а не отправить ли его в областной альманах?

Утро началось, как водится, с кошачьего вопля.

Но Лёва даже не стал разговаривать с мерзавцем. О чём можно говорить? Ведь не понимает же ни черта, и что-то втолковывать бесполезно! Побрившись и умывшись, он задумчиво потеребил нос: куда бы направить свои стопы сегодня? Увы, но недогадливые асинские кадровики не торопились расставить капканы, чтобы изловить ценного безработного. Однако решение было принято быстро.

На соседней улице под названием Новобольничная, рядом с автобусной остановкой, размещался средне-профессиональный педагогический рассадник, без перебоя поставлявший кадры детским садам и яслям.

Тут надо сделать шаг в сторону.

Самое замечательное, что есть в Асинске, это образование. Горный техникум, химический техникум, профильные училища… Получив образование, юный асинец может отправляться на все четыре стороны: хоть на производство гайки крутить, хоть в другой город. А ещё здесь существуют два во все годы популярных заведения, куда ближе к концу лета призывается цветущее и свежее девичество. Первое заведение медицинское, второе – педагогическое. В первом показывают, как потрошить телесные внутренности тех, кого извилистый жизненный путь неумолимо приводит в больничные палаты, во втором аналогичные действия учат производить с душевными внутренностями малолеток – воспитанников детских садов. Первое заведение гораздо гуманней, однако Лёвушка всегда боялся вида крови.

«Устроиться бы сюда! – размышлял соискатель работы, выбираясь на Новобольничную. – Рано просыпаться необязательно: рядом с домом, минимум времени на дорогу».

За железной решёткой, в окружении замаскировавших берёз, трёхэтажное здание просматривалось издалека.

На излёте весны, в заключительных числах мая, когда раздухарившееся солнце лезло во все окна сразу, воздух внутри учебного заведения накалялся. Чтобы избежать перегрева, стеклянные створки распахивались, и наружу доносился звонкий щебет, сильно напоминающий

птичий. В аудиториях переливались девичьи голоса – там юные воспитанницы сдавали экзамены по истории, литературе, практическому человеколюбию и всяким прочим мудрёным наукам. Застёгнутые на все пуговки невозмутимые педагогические дамы важно кивали головами, слушая ответы. Сейчас, в середине июля, хотя некоторые окна также были открыты, наружу не вылетало ни звука. Студентки разъехались на каникулы, а для нового наплыва абитуриенток время ещё только-только подходило. Педагогическое училище, в соответствии с последними веяниями, было недавно переименовано в колледж. Однако, несмотря на чудное и небывалое в наших краях слово «колледж», здесь мало что изменилось: деньги на ремонт выделяли по-прежнему скупо и неохотно.

Сюда Лёва и устремился.

Взбежав по крыльцу и толкнув дверь, он оказался перед седой старухой, сидевшей за таким же ветхим столиком, преграждавшим путь. Старуха отложила в сторону вчерашнюю городскую газету, в ней она просматривала милицейскую сводку на четвёртой странице. Среди разного рода правонарушений и пьяных драк выделялась кража в горздраве. При абсолютном попустительстве сторожа из кабинетов ночью были похищены два калькулятора, три кофейника и рыжий парик заведующей горздравом. Похитителем оказался мужчина лет примерно тридцати пяти, но задержать его не удалось. Находясь под впечатлением от кражи, старуха грозно спросила:

– Вы к кому?

– Я насчёт работы выяснить.

Старуха зашевелилась, заскрипела всеми суставами.

– С работой сейчас трудно. Кем вы хотите работать?

– Ещё не знаю.

– Как это, не знаете? Явились устраиваться и не знаете кем?

– Всякие бывают ситуации. Человек рассчитывает на одно, а происходит другое.

– Происходит то, – отчеканила старуха, – на что человек рассчитывает! И если человек решил стать, допустим, преподавателем – он будет преподавателем, и никто ему не помешает.

Она упивалась своей вахтёрской бдительностью.

– Так-то оно так, – согласился Лёвушка, – но бывает иначе. Свояк моего соседа однажды попытался устроиться механиком в гараж, а взяли только слесарем. Ещё случай: девушка окончила институт и прочла в газете объявление об интересной и высокооплачиваемой работе для молодых особ – там даже комнату предлагали и косметические средства для улучшения имиджа, и всё – совершенно бесплатно! Она давай радостно названивать, думала – менеджером, оказалось, не совсем. Так что гарантировать ничего нельзя. Вот и я хочу навести справки, может, и для меня что найдётся.

– Не найдётся.

– Откуда вам известно?

– А я вас не пропущу.

– Новости, однако! Человек ищет работу, а ему даже не позволяют узнать, есть ли она.

– Да, не позволяю. Вы женаты?

– В каком смысле?

– В том самом, в котором у людей жёны бывают.

– Это к делу не относится.

– К делу относится всё! – припечатала старуха.

– Так, – решительно сказал Лёва, – придётся раскрыть карты. Я – инспектор гороно и здесь по поручению Ивана Степановича.

Старуха моментально сбавила тон.

– Кто такой Иван Степанович?

– Вы Ивана Степановича не знаете? – Лёва сдвинул брови. Он тоже понятия не имел ни о каком Иване Степановиче. – Иван Степанович лично просил меня проинспектировать порядки в вашем колледже.

– А удостоверение у вас есть?

– У меня всё есть! Но я не об этом. Из вашего колледжа поступают сигналы. Очень плохие для вас сигналы. Особенно часто в последнее время. И первое, что я вижу: хамское отношение к посетителям. Вопиющее отношение! Согласно последнему циркуляру номер сто семнадцать дробь пятьдесят три, тех, кто превышает свои полномочия, будем увольнять. Назовите вашу фамилию.

Лёва достал блокнот и ручку.

– А я что, – окончательно оробела старуха. Циркуляр произвёл впечатление, особенно дробь. – Мне приказано – я не пускаю. У нас порядки строгие. Велено, чтоб никого посторонних! А вы бы так и сказали…

За дверью с табличкой «Директор» разговор шёл столь громкий, что Лёва счёл за лучшее подождать.

– Сегодня же смотайся к Серёдкину и скажи, что бригада мне нужна на этой неделе! Поняла? На этой! – бушевал властный женский голос. – Пусть ленивый боров пошевелится, пока дожди не пошли. Они хотят нас опять с дырявой крышей в зиму отправить? А вот хрен им! Я в область звонить буду!

– Софья Львовна, я ведь была в управлении.

– Когда?

– На прошлой неделе. И говорила с Серёдкиным, – частил, оправдываясь, другой голосок, – так он никого не дал. Людей, говорит, нет. И пиломатериалов – тоже.

– Ты завхоз или не завхоз? Сама тогда на крышу полезешь. Где течёт – титьками своими затыкать будешь!

– Да ведь я…

– Нурия, я по-татарски не умею, а по-русски ты не понимаешь. Я тебе понятным языком говорю: не испытывай мое терпение! Поезжай и, пока не выбьешь бригаду, шифер, гвозди и что там ещё, не возвращайся!

Из дверей, всхлипывая, вылетела гренадёрского роста, но словно пожёванная бабёнка, в чёрной маечке и чёрных штанах.

Ну, была не была!

Лёва сделал глубокий вдох и постучал.

– Войдите! – раздался рык с той стороны.

Первое, что бросилось в глаза, – внушительный портрет седовласого президента. Лёве доводилось видеть несколько портретов с разным выражением его лица. Были хмурые, были задумчивые. Здесь распахнутый президентский взгляд был светел и вдохновенен, как на иконах мучеников, претерпевших за веру.

А ниже, за полированным столом, сидела тощенькая, похожая на девочку-подростка директриса. Маленький нос на гладком лице и жиденькие волосы, собранные в пучок на затылке, сильно омолаживали её. Софья Львовна Рыбалко так долго была директором педагогического заведения, что ей самой начинало казаться, что скорее стены зашатаются и рухнут, нежели она уберётся отсюда. И кресло с потёртой кожаной обивкой давно повторяло её невыразительные формы, точно старомодная тужурка сползла с узеньких плеч вниз.

Сегодня утром Софья Львовна всерьёз задумалась над тем горестным фактом, что многие из её воспитанниц, получив дипломы, никогда, ни при каких условиях не пойдут по уготованной им педагогической стезе. «И это после всех моих усилий!» – удручённо размышляла директриса. Раньше она попросту не обращала внимания на такое. Каждый год Софья Львовна ставила перед собой две цели: удачно довести старшие группы до диплома (престиж как-никак) и чтобы воспитанницы не забеременели. Да, вот так! Беременности выводили её из себя. Причиной здесь отчасти был личный горький опыт. Две дочки поступили когда-то в институт и на первом курсе выскочили замуж. Обе так и не дотянули до высшего образования – сразу принялись рожать. Прямо как перепуганные! Богатая внуками семикратная бабка не радовалась. «Клуши! – презрительно думала про дочерей. – Ни дипломов, ни приличных специальностей. Счастье семейное им, видите ли, дороже». Зятьёв она терпеть не могла, а заодно ненавидела всех кобелей, что с лёгкостью ломают женские планы и мешают карьере. Собственный муж был выставлен из квартиры ещё в молодости. Самцы – они и есть самцы, и от них, сволочей, ничего хорошего не дождёшься! В преподаватели она допускала исключительно тех, которые не опасны. Гарантией, и то не всегда, служил возраст. После неоднократного отсева здесь закрепились двое: шестидесятипятилетний физрук и шестидесятитрёхлетний педагог по вокалу. За такую ревнивую заботу благодарные воспитанницы наградили её прозвищем – Железное Чучелко. И всё-таки, несмотря на разъяснительные беседы, разговоры о том, что образование первично, а семья никуда не убежит, то у одной, то у другой студентки вдруг начинало возмутительно расти пузо. Разумеется, отбыв в декрете положенный срок, некоторые возвращались. Но – пелёнки, распашонки, детские болезни… Голова на учёбу не настроена совершенно! Спросишь на уроке такую мамашу, а у неё мысли витают далеко-далеко. Бывшие круглые пятёрочницы перебивались на троечках. Проклятые беременности сбивали процент успеваемости. Каждый такой случай Софья Львовна воспринимала как оскорбление, которое разом перечёркивало все её старания. «Клуши, – повторяла она про себя. – Клуши! Зашить бы вам все ваши срамные дырки!» Вот и сегодня утро началось с того, что явилась Светочка Ненашкина и, отводя глаза в сторону, краснея, подала заявление на академический отпуск. А ведь тоже отличница! Настроение на весь день было испорчено. Нет бы кто-нибудь другой, но почему Светочка? Если уж совсем нельзя избавиться от рвущихся в этот мир мла-

денцев, то почему не выскакивают замуж и не уходят в декрет Заложная или Носкова? Или та же Райкова? С этими потерями она бы смирилась… Удручало Софью Львовну и выводило из себя, что «залетали» не те.

– Вы из пожарного надзора? Мне Самопальнов вчера звонил, – директриса как могла изобразила улыбку. – Огнетушители у нас в порядке, в начале года перезарядили.

– Нет, я не совсем из надзора.

Лёва изложил цель визита.

Софья Львовна поскучнела. Уже с первых своих слов Лёвушка был обречён. Однако мудрая директриса, чтобы лишний раз не выставлять себя ненавистницей всех, у кого в штанах болтаются гнусные причиндалы, речь повела окольными путями.

– Вы раньше работали педагогом?

– Нет, как-то не доводилось. Но я умею устанавливать контакты с разными людьми, умею находить общий язык. Сами знаете, на производстве чего только не бывает. Был у меня однажды случай…

– Видите ли, педагогический труд – это непростая стезя. Приходится всю душу отдавать детям. А у нас они особенные. Девочки. Со школьной скамьи. Переходный возраст. Очень ранимые и впечатлительные. К тому же работа в колледже не всегда благодарная. Вчера встречаю двух наших выпускниц, Инночку и Олечку. Четыре года назад учебу закончили. Способные были обе. «Девчонки, – говорю, – рада вас видеть! Как успехи? В каком детском саду работаете?» А они: «Какой детский сад, Софья Львовна! Мы давно аппаратчицы на фармацевтическом заводе». «Как же так?» – спрашиваю. «А так. Сами знаете, какая зарплата у воспитателей – слезы, а не зарплата. Кому охота за копейки горшки выносить? А на заводе всё по-другому». – «Что значит «по-другому»? Чище, что ли?» – «Конечно чище. У нас, представляете, целый комплекс помещений со специальным входом и шлюзом для смены одежды! Там всё особенное! Мы сначала тщательно моем руки, а затем обрабатываем их дезинфицирующим раствором. Чтобы с серьгами или кольцами войти или там с макияжем и маникюром – ни боже мой. Бахилы – и те надеваются с помощью автоматического «бахилонадевателя», и только после этого можно пройти в рабочую комнату. Вот как!» – «Ну, если бахилонадеватели, тогда – конечно. И чем же вы занимаетесь?» – «Упаковываем суппозитории». – «Чего-чего?» – «Суппозитории». Боже мой, суппозитории!

Софья Львовна всплеснула руками:

– Можете вообразить: они этим гордятся!

– Работа всякая бывает.

– Нет, я ещё понимаю: таблетки от головы, от желудка, но – суппозитории! Мы ж ведь их тут музыке учим, литературе! Танцами с ними занимаемся!!! А они – суппозитории пакуют, чтобы те суппозитории кто-то себе потом в задницу затолкал!.. А недавно довелось побывать в кафе, на свадьбе. Приятельница сына женила. И вижу: тамадой – Дианочка, тоже бывшая наша выпускница. Фривольные конкурсы, разнузданные шуточки. Все откровенно неприличны. У нас тут таких предметов не было, мы её таким пакостям не учили! Еще одна, Ксюшенька, среди лучших студенток числилась. Помню, письмо Татьяны для Онегина вслух прочтёт и закраснеет вся. А сейчас содержит частную сауну. Что она там клиентам намывает – большой вопрос… Однако к делу. Что вы смогли бы преподавать? Нам музработник требуется. На фортепиано играете?

– Никогда не пробовал.

– Тогда что?

– Могу по специальности: вводный инструктаж для поступающих на работу, оформление актов несчастных случаев.

– У нас несчастные случаи одного порядка: когда студентки в декрет идут! – чеканя слова, объявила Софья Львовна. – Других несчастных случаев не бывает.

– Да, но…

– А для этих случаев актов составлять не надо. Вот если б вы профилактикой занялись, чтоб такого не происходило – цены б вам не было!

– Тогда хотя бы… физкультуру.

Директриса оценивающе посмотрела на него.

– Вы на брусьях и на бревне упражнение показать можете? У вас есть разряд по художественной гимнастике?

– М-м-м… Нет.

– И как же вы будете учить? Объяснять на пальцах?

Софья Львовна уже попросту добивала Лёвушку. Тот подавленно молчал.

– И ещё. Наши студентки – девушки утонченные, впечатлительные.

– Понимаю.

– Нет, не понимаете. Они ходят на физкультуру в трусиках и маечках.

– И что?

– Вы – опасны!

Лёвушка ошалело уставился на директрису:

– Как это, почему я опасен?

– Бывают случаи, когда девочки умудряются забеременеть безо всяких мужей.

– Я тут при чём?

– Вы – мужчина, – сказала директриса.

– Да, – согласился Лёва, – отрицать не стану. И у меня даже есть доказательства.

– Вот, ещё и острите, а у нас такое категорически не приветствуется. Чтоб вы знали, секс – это трагедия. Огромная трагедия для педагогического образования в целом. Мы никак не можем обуздать его. После него появляются дети.

– Разве это плохо?

– Плохо! Жизнь у девочек – насмарку. Но в стенах нашего заведения я выжигаю секс калёным железом. Чтоб и духу его не было! Чтобы даже никаких намёков на него! Ваше достоинство – ваш самый главный недостаток.

– Никогда так не думал. Но что же делать?

– Искать другое место работы. И обходить такие учреждения, как наше, десятой дорогой. Почему вы головой вертите?

– Нет зелени в вашем кабинете. Не растёт, что ли?

– Чему надо – всё растёт!

Она поднялась, давая понять, что разговор окончен.

На первом этаже, в вестибюле, гренадёрша в чёрном жаловалась старухе-вахтёрше:

– Вот же зараза, никакого житья от неё. Допекла уже с этой крышей – хоть увольняйся!

Старуха сочувственно кивала:

– Так, так… Правды нигде не добьёшься.

Увидев Лёву, гренадёрша округлила глаза, затем схватила его за руку и горячо заговорила:

– Товарищ, вы, часом, не плотник?

– Да как вам сказать, – растерялся Лёва, – если потребуется – доску прибить могу. И дров наколоть, само собой.

– Наконец-то нашёлся понимающий человек! Пойдёмте, пойдёмте!

– Куда?

– Пойдёмте, сами всё увидите…

И не успел Лёва опомниться, а его уже тащили на третий этаж. Крышка над головой прикрывала лаз. Гренадёрша потёрла ладони о штаны и первой полезла наверх. «Зачем мне это?» – озадаченно соображал Лёва, карабкаясь по железной лестнице в узкий проём.

– Погодите, я сейчас покажу.

Мужественно решив: «Будь что будет», Лёва покорился неизбежному.

На чердаке толстым слоем лежала пыль. В крыше зияли дыры. Самая большая была с футбольный мяч. Сквозь неё небо казалось особенно голубым. По краям торчали обрывки рубероида и осколки шифера. Пахло многолетней гнилью. В тёмном углу ворковали и шевелились невидимые голуби. Гренадёрша запрокинула голову.

– Видите, что творится? Дождь льёт напрямую в кабинеты. Срочно необходим ремонт!

– Это да, – согласился Лёва, не понимая: зачем он здесь?

– В Управлении одно твердят: денег нет, материалов нет. А я всегда крайняя. Всегда почему-то я! А что я могу сделать? Как будто именно я денег не даю!

– Тяжёлая ситуация, – кивнул Лёва.

Гренадёрша не слушала.

– Стены сырые. Наглядные пособия испорчены. В кабинете истории залило Трафальгарскую битву. Куском штукатурки чуть не прибило Наталью Алексеевну, а ведь она единственный здесь порядочный человек. Вы чувствуете, как мне тяжело? Я не могу больше, не могу!

Несчастная женщина, схватив Лёву за руку, внезапно повалилась на истлевшие тряпки, из которых торчали куски ваты. И Лёва, охнуть не успев, оказался сверху. И пока он шарил свободной рукой, расстёгивая молнию на чужих штанах, она вскрикивала:

– Нужны шифер и плёнка! Нужны рейки и обрезная доска для обрешётки! Гвозди нужны обычные и оцинкованные!

Дальше было, как в тумане.

Пока он машинально воспроизводил какие-то действия, его лицо опалял горячий шёпот.

– Вы понимаете, понимаете?.. Всё надо ремонтировать, как положено. По стропилам необходимо набить плёнку, она будет являться гидробарьером. Плёнку нужно крепить к стропильным ногам при помощи строительного степлера или дранкой. Дранкой, ой – дранкой! А-а-а, а-а-а! Плёнку следует раскатать горизонтальными полотнищами и начать с нижней части крыши. Горизонтальный нахлёст должен быть не менее пятнадцати сантиметров и вертикальный не менее пятнадцати сантиметров. Контррейку нужно набивать поверх плёнки по контуру стропильных ног. По рейке набить обрешётку. Обрешёточные доски нужно прибивать так: под каждый лист ши-

фера три доски – под нижнюю часть листа шифера, под верхнюю часть листа шифера и под среднюю часть листа шифера. Нижнюю доску обрешётки прибивать по свесу стропильных ног. Шифер прибить на пять сантиметров ниже нижней доски обрешётки. Верхнюю доску обрешётки прибить по самому верху стропильных ног. Ног, ног, ног – ай! – по коньку.... Измеряем расстояние между нижней и верхней досками обрешётки. Зная расстояние между верхней и нижней досками, рассчитать нахлёст листов шифера. Высчитав количество рядов шифера и зная нахлёст, разметить крышу, чтобы правильно прибить к рейке доски для крепления шифера. Шифер укладывать с нижнего ряда. При укладке четырёх листов шифера – два в первом ряду и два во втором, ряды располагать друг над другом. В месте их пересечения образуются большие зазоры. Чтобы их избежать, необходимо срезать углы у шифера. У рядовых листов срезать диагональные противоположные углы, а карнизные, коньковые и краевые листы должны иметь лишь один срезанный угол. Не трогать углы только у начальных карнизных и конечных коньковых листов шифера. Пилить шифер можно ручной пилой или болгаркой с диском по камню. Для крепления нужны оцинкованные гвозди, по два-три гвоздя на каждый лист. Гвозди вбивать в верхнюю волну листа. Предварительно нужно в шифере в месте крепления просверлить отверстие несколько большего диаметра, чем сам гвоздь. Это обеспечит подвижность асбестоцементной кровли при перепадах температуры. О-о! О-о! О-о-о-о-о-о-о-ох!!

Через сорок минут весь в пыли и голубиных перьях временно безработный, пошатываясь, выбрался на крыльцо. Лицо его было слегка перекошено. Он нервно проследовал мимо стройных берёз. По дороге с грохотом пронеслись две пожарные машины. На первой отчаянно завыла сирена. Лёва опёрся левой рукой о решётку ограды, окрашенной той смачной зеленью, которую именуют ядовитой. Дрожь в коленках никак не хотела униматься.

«Когда ищешь работу – чего только с тобой не происходит!» – изумлённо думал бывший инженер по охране труда.

Обходить ещё какие-нибудь конторы сил уже не было.

С противоположной стороны – от рынка и «Красноярской» – к остановке, ныряя в ямы и прыгая на буграх, придвинулась «тройка». Из нее выбрались усатый дедок, в шляпе и с тяпкой в руках, и две гражданки.

Автобус вздохнул, скрипнул дверью и покатил дальше, к городской больнице. А дедок – щёки его были прорезаны вертикальными морщинами, отчего лицо казалось собранным в гармошку – поправил шляпу. Затем уложил тяпку, обёрнутую куском старенькой тряпицы, на левое плечо и зашагал по обочине в обратном направлении. Пройдя вдоль хилой изгороди из штакетника, свернул к калитке, за которой зеленел картофельной ботвой и грядками с разной овощью огород и прятался приземистый домик. Гражданки же что-то коротко сказали друг другу и рысцой пересекли дорогу. Вид у гражданок был решительный, как у контролёров, проверяющих билеты в транспорте.

Лёва охлопывал штаны, сбивал с плеч сизые пёрышки. При этом изредка хмыкал и поглядывал на крышу педагогического заведения растерянно, и даже несколько конфузясь.

– Мужчина, вы не хотели бы побеседовать с нами?

Лёвушка выпрямился. Гражданки стояли рядом, две обыкновенные девахи, лет по тридцати, в стоптанных, пыльных туфлях. Одна – невысокая и пухленькая, в лёгкой полосатой кофточке. Полные, из под коротких рукавов, руки были особенно хороши. Бёдра обтягивала серая, до колен юбка. Брови, то ли выгоревшие на солнце, то ли от природы белёсые, загибались дугами, а курносый носик придавал лицу смешливое, простоватое выражение. И другая – чуть повыше, костистая, с широкими плечами и одетая невыразительно. Курносая прижимала к груди толстую книжку в мягкой чёрной обложке. «Культурные!» – успел отметить Лёва.

Хотя девиц было всего две, он очутился в таком плотном кольце, из которого непросто было выбраться.

– Отчего бы не побеседовать? От хорошей беседы никто не откажется. Беседа освежает голову и поднимает настроение.

– То есть вы согласны?

Лёва ещё раз поднял глаза. Дыры в крыше колледжа отсюда не просматривались.

– Да. Мне беседа нужна. Сейчас – особенно.

– Вот и хорошо, вот и славно!

Обе довольно закивали головами, а та, у которой был забавный носик, даже сморщила его.

– Но о чём мы будем беседовать? – первым заговорил Лёвушка. – Есть много в жизни такого,

отчего голова кругом. Ведь как бывает: ничего неожиданного не ждёшь, а оно – р-раз! – и валит тебя с ног.

Девицы переглянулись.

– Как-то вы странно выражаетесь. Мы хотели бы побеседовать о конкретных предметах.

– Можно и о конкретных. Вокруг столько предметов! Если вы представляете одну из новомодных партий, сразу скажу – в политике у меня твёрдые взгляды, и я их менять не намерен. Я считаю, в стране необходимо ускоренное развитие рынка и увеличение занятости на местах. Правительству, если там не круглые дураки, надо усиленно поддерживать частную инициативу. Только частный капитал, вложенный сейчас в производство, способен вытащить нас из кризиса. Только он! Других путей я не вижу. Если хотите поговорить о сельском хозяйстве – пожалуйста, готов и о сельском хозяйстве: у меня восемь грядок моркови, лука, салатов и редьки. А вот в литературе я, извините, слаб, читаю мало – времени нет.

– Нет, о литературе мы не будем, – успокоила та, что прижимала томик. – Зачем нам литература? И при чём здесь разные глупости, вроде развития какого-то рынка? Это всё настолько несущественно!

– Вот как? А что существенно?

– Вы своей жизнью довольны? Вы считаете свою жизнь насыщенной?

Ничего себе конкретные предметы! Лёва задумался.

– Это когда – вообще или сейчас?

– Сейчас. И вообще.

– Всякое бывает: иногда – да, иногда – нет. Но в последний час, если говорить прямо, то – да, доволен. В последний час моя жизнь оказалась очень насыщенной.

Ответ сильно не понравился курносой.

– Я не знаю, что произошло с вами в последний час, но уверена, что вы ошибаетесь. Подумайте хорошенько: вам только кажется, что вы довольны!

Лёва щелчком сбил с плеча последнее пёрышко.

– Как это может казаться, когда мне совсем не кажется? Я доволен – и точка!

– Какой вы горячий! А вы попробуйте быть внимательным. Оглянитесь вокруг. Человек постоянно тешит себя иллюзиями. Как попугай, твердит себе: «У меня всё складывается замечательно, я – очень счастливый». А на самом деле до счастья ой-ой-ой как далеко. И в таком самообмане люди порой проживают целую жизнь! И дом у них есть, и машина, и денег хватает, и позволить себе могут многое, а нет. Они умирают, не успев даже понять, что были глубоко несчастны. Представляете?

Лёва вскинул руку и розовыми ногтями поскрёб затылок.

– Ловко, однако, вы повернули. И что теперь?

– Вот! Вот главный вопрос! И ответ на него не такой уж сложный: надо открыть для себя истину.

– Ага, истину, значит, – Лёва облизнул пересохшие губы и посмотрел на курносую, носик у неё опять сморщился. – Я бы не прочь открыть истину хоть сейчас! Но в чём она заключается?

Курносая как будто ждала этих слов. Она взмахнула книжкой и объявила:

– В том, что учение о Троице – это небиблейское учение! Это учение, порождённое Сатаной. Его переняли у язычников.

– А-а, так вы эти… активистки? – догадался Лёвушка.

– Никакие мы не активистки. Мы несём людям свет истинного знания; мы, как бы сказать, пионеры на этом пути!

Лёва чуть не шлёпнулся на тротуар.

– Мать честная, ну и денёк! Только пионеров мне сегодня не хватало!

Реакция обеим понравилась.

– Однако что ж мы стоим? Давайте пройдём к остановке, присядем на скамейку, там и поговорим.

– Да, присесть, я думаю, самое время…

Подхватив Лёвушку под руки, девицы увлекли его на остановку.

Под навесом остановочного павильона – напротив того, где высадились пионерки – была скамейка. Снаружи чистенький и аккуратный, внутри павильон выглядел совсем иначе.

Надо заметить, новые остановочные павильоны появились здесь недавно, в начале апреля. И уже на следующий день, ожидая под вечер автобус, Софья Львовна обнаружила на стенках разные надписи. Ознакомившись с содержанием, директриса прямо-таки обомлела! Распоряжение последовало моментально: уборщице испачканные стенки отмыть, а вахтёрам, через окно, установить наблюдение, дабы выявить и запомнить, кто из молодых лоботрясов трётся возле павильонов. Мерзавцев следовало изловить и привлечь к ответу. Вахтёры – старухи из бывших комсомольских работниц – ревностно

взялись за дело. Однако неделя промелькнула впустую. Никаких подозрительных юнцов замечено не было. К остановкам выходили студентки после занятий да пожилые, совсем не похожие на сочинителей, жители окрестных домов. И тем не менее всего за каких-то семь дней крашеный металл оказался изнутри исписан ещё старательней. Следующая попытка очистить стенки закончилась тем, что вскоре на них и вовсе не осталось живого места. Не доверяя авторучкам, отдельные паскудники теперь нацарапали свои творения гвоздиком. И почерк иных посланий был явно девичьим. Появились также и рисунки. Такой изощрённой похабщины Софья Львовна отродясь не видела. Бессильно ругаясь, Железное Чучелко смирилась. «Не иначе, – решила она, – художники с писателями собираются здесь по ночам, когда комсомольские старухи крепко спят на посту у окошка».

Итак, троица устроилась на скамеечке, на пёстром фоне настенных изречений и выразительной живописи. Пассажиры, если они до этого и были, успели разъехаться, и никто посторонний не мешал. Когда расселись, Лёва оказался зажат с обеих сторон. Курносая отняла книгу от груди и положила её на колени.

– Приступим? – спросила курносая.

– Приступим, – согласился Лёвушка.

Он уже понял, что разговор обещает быть основательным и серьёзным.

Из-за остановки вынырнул ветерок, закрутил по земле конфетные бумажки…

Пока разбитое и рассыпанное государство не наберёт нового могущества и влияния, из его трещин и щелей появляется такое количество невероятных и прежде скрытых от широкой публики самых разных индивидуумов, что только диву даёшься!

Кто и когда бы в Асинске знал о существовании каких-нибудь кришнаитов? Никто бы не знал! Но пару лет назад здесь засветились и они. Правда, ненадолго. Яркие балахоны и шлёпанцы, конечно же, были впечатляющи, но у населения, больше склонного к ватным фуфайкам и привычным к грязи кирзачам, отклика не нашли, а вся их подпрыгивающая и пляшущая компания была раз и навсегда поименована дурачками. Больше повезло экстрасенсам, которых сразу объявилось человек пять. Их умение таинственно водить руками над разнообразно круглыми асинскими головами привлекло орды желающих настоящего и мнимого исцеления. Рукам работы хватало! И лишь после того, как самый влиятельный из них по фамилии Фёдоров, помахав руками, вслед за тем грубо и примитивно овладел пациенткой, и это движение сошло на нет. Но не все начинания были столь провальны. Отдельным студиям, застолбившим право на истину и прочие неизъяснимые чудеса, удалось не только во весь голос заявить о себе, но и закрепиться. И пока ситуация позволяла, они лихорадочно расширяли ряды…

Курносая откашлялась, изготавливаясь к долгой речи.

– Так вот, начнём с главного. Иисус – вовсе не Бог!

– Стоп-стоп! – сразу прервал Лёвушка. – Не так резко. С чего вы взяли? Как это «не Бог»? А кто же он?

– Он этот… Архангел Михаил, – неуверенно сказала курносая и взглянула на товарку.

Та кивнула:

– Иисуса создал Бог под видом архангела Михаила. Он и был архангелом. А потом воплотился в обычного человека и стал Иисусом.

Она состроила такое личико, словно сама присутствовала при этом.

Вот тебе раз! А эти дамочки, часом, не того – не разыгрывают ли? Лёва покосился на авторитетную подругу курносой.

Она, как более грамотная, втолковывала:

– Такова была воля Бога!

Лёва никогда не принадлежал к истово верующим, однако был согласен с тем слегка сказочным мироустройством, которое предлагали бородатые батюшки, всё чаще мелькавшие в телевизоре. А тут… Бойкие нынче пошли пионеры, уж такие бойкие – не чета прежним!

– А с какой стати Михаил, как оборотень, личину поменял? Если Иисус – бывший архангел, то зачем Богу вся эта чепуха с превращениями нужна? Ну? Я могу понять, когда в театре: был какой-нибудь Иванов-Саркисов – по чуть-чуть выпивал, по чуть-чуть за бабами волочился – а стал Гамлет! Это на сцене всё позволено.

– И Богу всё позволено, – с вызовом заявила вторая. – На то он и Бог!

– Да как же это может быть «всё позволено»?! Что он – без тормозов?

– Тут про это написано, – курносая выпятила нижнюю губку и взмахнула книжкой. – А раз написано, значит, так оно и было.

Чокнутых Лёвушка сегодня уже видел, но сумасшедшие ещё не попадались. По всем приме-

там, события развиваются по нарастающей. Что-то его ждёт к концу дня! Лёва откинулся к стенке и возвёл глаза к небу.

– Господи Иисусе, ты только послушай, тебя разжаловали в рядовые! Все лычки и нимбы с тебя содрали. Не удивлюсь, если сошлют в штрафбат!

– Я понимаю, вам тяжело принять такую новость. Но мы ничего не выдумываем. Это язычники его Богом объявили!

Напротив, через дорогу, поднялось над изгородью гармошечное лицо с поперечными усами и в шляпе. Дедок всмотрелся. На остановке, как в раме, сидела троица. За её головами нечётко угадывались надписи и рисунки. Усы у дедка шевельнулись. Он припомнил, что видел в церкви на иконах вокруг измождённых святых голов какие-то буковки и знаки. Неизвестно, что померещилось старику, однако он с размаху наложил на себя крест и в смятении склонился над огуречной грядкой.

А в глубине павильона продолжалась беседа. Теперь говорил Лёвушка.

– Если по-вашему – то натуральная дьявольщина получается! Вот справляет архангел Михаил архангельские дела, а сам думает: «Нет, я вовсе никакой не Михаил, я – Иисус!» У него что, паспорт подложный был?

– Да какой там паспорт, – запальчиво вскричала вторая. – Плетёте, сами не знаете что! Вы ещё прописку с архангела стребуйте!

– Нет, везде и во всём порядок должен быть. Я, к примеру, могу назваться кем угодно, хоть Анатолием Собчаком. Встану и скажу: «Я Анатолий Собчак, извольте со мной считаться». А мне: «Предъявите документ!» А в документе указано, кто я есть на самом деле. И тут никуда не денешься, и никто со мной считаться не станет.

– Архангелу паспорт не обязателен. Видите: вот книга. А книги врать не будут.

– Да я про враньё не говорю, – начал оправдываться Лёва. – Мне важно, чтобы не получилось, как на выборах. Я подтасовок не люблю.

– А у нас нет никаких подтасовок, мы самое верное христианское учение!

– Самое верное?

– Да, самое верное. Все остальные – ложь и заблуждения, они сбивают людей с истинного пути.

– А сколько в мире христианских учений? Ну, там католики, православные, хлысты, пятидесятники – сколько всего?

– Девятнадцать тысяч.

– Ага. Понятно. Значит, восемнадцать тысяч девятьсот девяносто девять – ложные, а ваше – истинное? Чем докажете?

Курносая совсем по-детски шмыгнула носом и призналась:

– Да мы и сами в этой книге мало что понимаем. Но ведь если так сказано – это и есть настоящая правда!

Вид у пионерок стал совсем потерянным.

– Знавал я одного человека, – назидательно сказал Лёва, – он рыбную лавку держал и тоже любил поговорить о «настоящей правде». Но когда кто-нибудь заводил речь о его делишках, у него моментально возникали разные правды. Несколько штук сразу. И все – настоящие! Только кончилось тем, что его хлопнули прямо на заправочной станции, когда бензин в машину заливал. Я полагаю, он неудачную правду кому-то подсунул.

– Как вы можете сравнивать! Торговля рыбой – одно, а мы – совсем другое. Мы вам истинный путь указать хотим, чтобы, когда мир начнёт погибать, вы спаслись, как и мы.

Со стороны городской больницы подъехала «тройка», двери открылись, зазывая всю компанию прокатиться. Подождав немного, удивлённый водитель (другие маршруты здесь не ходят) закрыл двери, и автобус отправился дальше.

За время, пока железная колымага маячила перед ними, обе девицы приободрились. Инициативу опять взяла курносая:

– Знаете ли вы, что через два года будет конец света?

– Надолго?

– Как это «надолго»? Навсегда! Всё живое исчезнет, перейдёт во власть Сатаны. Земле грозит погибель.

– Через два года?

– Именно через два!

– Вы ничего не путаете?

– Мы никогда ничего не путаем, – торжественно объявила вторая. – Через два года всё и случится!

– Ах, чёрт! – взволновался Лёва. – Где ж вы раньше-то были? Где вас, скажите, носило?

– Что такое? – опешили обе.

– Почему меня хотя бы пару месяцев назад не нашли?! Я бы кредит в банке успел оформить! Лет на пять! Миллионов на двести!

Пионерки переглянулись.

– Вы не так поняли. Зачем вам деньги, если всё пропадёт? Представьте: через два года ничего не останется! Ни-че-го!

– На два года мне бы хватило. Уж я бы пожил!

Тут снова вмешалась вторая агитаторша.

– Деньги преходящи, а вечная жизнь – вечна. Об этом хотя бы вы догадываетесь?

– Насчёт жизни судить не могу, а вот насчёт денег – всё верно. Так преходящи, что за голову хватаюсь! Три недели назад у меня была заначка, приличная такая заначка! А теперь осталось – кот наплакал. Главное – невозможно понять, куда мои кровные исчезают. Только сунешься за калитку, купюры из кармана – ф-рр! – и нету. Остаётся одно: карманы зашить, – Лёва нервно поскрёб подбородок.

– Вы опять не о том, – старалась направить разговор курносая. – При чём здесь какая-то заначка? Люди пребывают в неведении. Спасутся только те, кто отринул ложные ценности.

– Да я давно ложные ценности отринул! – махнул рукой Лёвушка. – Разве заначка – ложная ценность? Что бы я делал, если б её не было? Заначка к ложным ценностям не относится. А если у меня и остались ложные – парочка, не больше. И те, как хорошенько подумаю, не совсем ложные, а то и вовсе не ложные.

– Конечно ложные! Однако если вы согласитесь последовать за нами – ничего не потеряно.

Лёва помолчал. Над асфальтом запорхала бабочка. Через два года ей будет хана.

– Куда последовать?

– В наше… общество.

– А вы сами точно спасётесь?

– А как же! – не очень твёрдо сказала курносая. – Надо же во что-то верить.

Лёвушка проводил взглядом улетевшую бабочку.

– Конец света может случиться, это я допускаю.

– Что значит «допускаете»? Конец света будет!

– Возможно. Но – временный. Если как-нибудь вечером отключат электричество, а над городом встанут тучи, вот и будет конец света. А утром всё начнётся по новой.

– Не смешно! – отчеканила вторая.

– Да я и не думаю смеяться, – Лёва повёл плечами. Что-то часто в последнее время его то в насмешках, то в издевательствах подозревают. Сговорились, что ли?

– Смеётесь-смеётесь! Видим, что смеётесь!

Вот же упрямые.

– Слово даю, не смеюсь!

Лёвушка вскочил, прижал руку к сердцу и поклонился обеим. Пионерки опасливо придвинулись друг к другу, и Янушонку пришлось опуститься с краю, рядом с курносой.

– Я просто взял и представил себя на месте Бога и архангелов.

– Не кощунствуйте!

– И вот о чём подумал. Одно дело землю сотворить и установить порядки на ней, другое, наше уже, эти порядки смешать, перевернуть всё, что было, вверх дном и устроить тартарарам. Они, – Лёвушка указал пальцем в небо, – сюда смотрят, как в кино: что мы ещё способны учудить? Так что конца света не будет, факт! А если и будет – точно не через два года. Могу расписку дать.

– А мы верим в конец света! – с вызовом сказала вторая.

– Я не знаю, правильное ваше учение или неправильное, но каждый имеет право верить, во что ему хочется.

Курносая неожиданно всхлипнула.

– Как жить, когда всё вокруг ужасно? У Лены (курносая кивнула на подругу) мужу седьмой месяц зарплату не выплачивают. Мой, как шахту закрыли, вообще без работы. Лёг и лежит, никуда не ходит. Апатия такая – смотреть тошно.

Пионерки совсем сникли. Теперь они не были похожи ни на каких агитаторов. Ну что с ними будешь делать!

– А мыло варить не пробовали?

– Какое ещё мыло? При чём тут мыло?

– Обыкновенное мыло, для рук. Брать мыльную основу и – варить. Детишкам нравится. Если в форме зверюшек, пользуется бешеным спросом.

Лёва вдохновился.

– На детском мыле хорошие деньги срубить можно! Существует несколько способов варки мыла. Его можно сделать с нуля – из щёлочи и жиров, из мыльной основы или путём переплавки детского мыла. Но я рекомендую мыльную основу. Что такое основа? Это тоже мыло, только прозрачное, без каких бы то ни было добавок, ароматизаторов и красителей. – Память у Янушонка была замечательной, и он шпарил как по писаному. – Мыло режут крупными кубиками и нагревают в микроволновке. Когда основа расплавится, в неё добавляют ингредиенты: эфир-

ные масла, пищевые красители, пряности, ароматизаторы. Для каждого типа кожи подбираются свои составляющие. Для детской лучше всего подходит миндальное масло, для сухой – масло персиковой или абрикосовой косточки, для обветренной – масло шиповника. Масло виноградной косточки регулирует салоотделение и сужает поры, поэтому ищите тех, у кого сильное салоотделение. У вас готовый кооператив: одна семья варит мыло, другая – продаёт. А пока…

Лёва порылся в кармане, вынул бумажку с Максовыми каракулями и сунул в ладонь курносой.

– …мне тут один друг, большой специалист по сложным вопросам, инструкцию составил, как с апатией бороться, – назидательно сказал он. – Возьмите. Авось пригодится для мужа.

Девицы повели себя странно. Они беспокойно заозирались, и вторая, потянув за руку курносую, торопливо пробормотала:

– Мы пойдём…

– Идите, – разрешил Лёва. – Если с мылом надумаете – обращайтесь, я подробный рецепт запишу.

Территория городской больницы была так густо напичкана огромными берёзами и тополями, словно медперсонал, не слишком надеясь на своё врачебное искусство, всецело уповал на живительную силу природы. Когда по деревьям пробегал ветер, листья поднимали ужасный шум. В другое время здесь было тихо. Вдоль приплюснутых, выкрашенных в тёмно-красное двухэтажных корпусов вели потрескавшиеся асфальтовые дорожки. Сами корпуса также давно и безнадёжно ждали ремонта. Вокруг них, утопив руки в карманах мятых пижам, прохаживались плохо бритые молчаливые мужчины в трико с пузырями на коленях и бледнолицые женщины в халатах, схваченных в талии узеньким пояском. А те, которые не гуляли, сидели на лавочках с набежавшими домочадцами и в мельчайших подробностях расписывали лечебный процесс. За какие-нибудь пятнадцать минут можно было наслушаться немало жутких историй с уколами, промываниями желудка и вопиющей бесчувственностью санитарок. Растроганные родственники спешно выгребали из сумок кефир, печенье, творог, яблоки и совали в руки болящих. Всё здесь наглядно свидетельствовало о том, насколько непрочен и уязвим человеческий организм.

Однако если выйти из центральных ворот больницы, взять влево и пересечь дорогу, через считанные мгновения ноги приносили к новенькому, с иголочки, торговому комплексу.

Возведённый полгода назад, он блистал ярко-зелёной покатой крышей. В нём обрело пристанище штук шесть всяких-разных бутиков и – отдельно – салон мягкой мебели с пёстрым набором кресел и диванов. Реклама на огромных щитах зазывала: «Детская одежда по доступным ценам!», «Кресла – в рассрочку», «Бытовая химия – для вашего дома!», «Лучшее женское бельё только у нас», «Самый мягкий хлеб!». И хотя не клюнуть на заманчивые соблазны было непросто, здесь появлялись считанные единицы любопытных. Редкие покупатели, минуя бытовую химию и детскую одежду, в основном заворачивали в хлебобулочные изделия – хлеб и впрямь здесь продавали свежий и мягкий. Зато с торца, под неброской вывеской с пляшущими буквами «Загляни к нам!», было куда веселее. В небольшом зальчике с высоким потолком и оббитым пластиком стенами находился уютный приют для страждущих. Здесь рекою лилось пиво и опустошались стаканчики с водкой. И судя по громким речам, сияющим носам и рожам, с человеческим здоровьем был абсолютно полный порядок!

Сюда Лёвушка и направился.

Если какой-нибудь краевед из городского музея соберётся поизучать обстановку наших питейных заведений, он моментально обнаружит, что обстановка эта предельно проста и не развращает посетителей оголтелым разнообразием. В «Загляни к нам!» желающих тяпнуть беленькой встречали те же самые деревянные столы и лавки, что и в «Пшеничном колоске». По всем приметам, артель «Прохоров П. И.» не испытывала недостатка в заказах. И всё другое было точно срисовано под копирку. Даже набор бутылок с яркими этикетками, что плотно теснились на полках, казалось, в полном составе переехал сюда с «Диспетчерской». Но если внимательно присмотреться, два коренных различия всё-таки можно было отметить: первое – здесь главенствовала другая барменша, не сказать, чтоб приличного роста, но столь многотелая, что едва умещалась за стойкой; второе – большое окно, за которым начинались частные домики, окружённые огородами с торчащими из них ягодными кустами, не было задёрнуто шторой.

Из пяти имевшихся столов четыре были уже заняты. «Давай поговорим!» – требовал из динамиков Михаил Круг.

В углу, за дальним от дверей столиком, перешёптывались две девицы – одна с фиолетовыми волосами и другая с короткой причёской и огромными, словно колёса, серьгами в ушах. Девицы не столько были заняты собой, сколько разглядывали публику. Разглядывали оценивающе и чуть-чуть брезгливо, как разглядывают не очень привлекательный товар на барахолке. В зону их внимания не попадал мятый, перетёртый временем и жизнью старик, склонившийся над бокалом вина. Заросший серой щетиной подбородок упирался в грудь – старик тихонько дремал. Сразу за стариком часто гоготали двое молодых людей – тощие, узкомордые, в джинсах и майках – у одного с драконами, у другого с летящей английской надписью: серые металлические буквы на синем фоне. Оба уже изрядно поднабрались и с откровенным интересом подмигивали девицам, но денег, судя по всему, у них водилось немного, и девицы эти взгляды презрительно не замечали. И, наконец, среди публики была компания из трёх человек, загорелых и крепких. Эти трое появились вместе, сидели вольготно, и в запасе у них было полтора часа. За ними должен был заехать какой-то Тимоха.

– Если Тимоха сказал, через полтора часа, значит, через полтора часа.

– А я что говорю? Тимоха не станет трепаться!

– Тихо! Про Тимоху базарить не будем.

Компания наслаждалась обстановкой. Пиво из кружек пилось неспешно, сушёные кальмары вытряхивались из хрустящих пакетиков и разгрызались с удовольствием. Но когда в удовольствиях нет недостатка, всё равно чего-то не хватает.

Один из троицы, белобрысый парнишечка в клетчатой рубашке с короткими рукавами, вынул оттопыренные пухлые губы из пены, облизнул её и заявил:

– Эх, чёрт! Плохо, что тут не подают натурального пива – только фильтрованное. Меня таким нисколько не пронять. Фильтрованное – разве пиво, разве оно забирает? От него куража настоящего нет!

– Нефильтрованное, спору нет, забористей, – резонно заметил второй, в кепочке с острым козырьком, и мизинцем выловил захотевшую нализаться муху. – Но тут всё дело в количестве. От одной кружки с любого не заберёт. А вольёшь этого литров пять – тебе и его хватит.

– Ну ты сказанул! – воскликнул первый. – Пять литров! Ты ещё вместо пива ведро воды предложи – тоже по мозгам ударит! Нет, нефильтрованное – это вещь. А такое… Через почки прогнать да мочой слить. Как думаешь, Аркадьич?

Тот, кого назвали Аркадьичем, с висков начинающий седеть мужик, кивнул:

– Можно и нефильтрованное. Для дураков вполне годится.

– Ты чего, Аркадьич, что ты имеешь против нефильтрованного? – обиделся первый.

– Ничего. Пей нефильтрованное. Только на унитаз потом ходи осторожно, а то, не ровен час, фаянс разъест.

Лёвушка заказал водку, салат из огурцов и устроился за крайним, у входа, столиком. «Давай поговорим!» – не унимался Круг. Шумная компания пивных знатоков оказалась рядом. Девицы из дальнего угла обстреливали её призывными взорами, но троица, не замечая, затеяла разговор о собаках.

– Моё твёрдое убеждение, – начал тот, что в кепочке, – собака в доме необходима. Маленькая или большая – дело вкуса. Кто-то заводит моську с крысу величиной, а у меня доберман. Понятливая псина, но, сволочь, все ножки у стульев сгрыз. Ложится на пол и гложет, как не знаю что. Я кости на рынке каждую неделю беру, но – нет, стульев ему не хватает! Моя кривилась, но терпела. А когда до её новых зимних сапог добрался – тут она и поднялась. Обоих из дома выгнала. Я ей говорю: «Я-то тут при чём? Я, что ли, сапоги грыз? Я в это время на работе был!»

– Разумно, – согласился Аркадьич.

– А она: «Оба вы одинаковы!»

– Жёны, они разве что-нибудь понимают, – авторитетно сказал губастый.

– Три дня с ним в слесарке жили. Днём работаю, а ночью тут же, вдвоём, на диванчике спим.

– А что жена?

– Через три дня явилась, обратно позвала.

– Обоих взяла? – живо спросил губастый.

– Обоих. Я сказал: «Один не пойду».

– И к чему тебе такие напряги?

– Какие ещё напряги? Мой Чарли в доме – типа громоотвода. Как замечу, что жена пилить меня начинает, я на него стрелки перевожу. А потом мирю обоих. Тут целая дипломатия.

– У меня тоже пёс был, – губастый сдвинул к краю пустую кружку и взялся за другую. – Спаниель. Скотина редкая! Пацан знакомый на Север уезжал и подогнал: возьми, говорит, скучать не будешь! Я его к Юльке и привёл.

– Не заскучал?

Прежде чем ответить, губастый надолго припал к кружке.

– Куда там! Соседи внизу зашуршат, он норы моментально рыть начинает. Весь линолеум в коридоре – в клочья. У Юльки если терпёж где-нибудь и есть, то почти незаметный. Она мне сразу ультиматум: или я, или он.

– И кого ты выбрал?

– Её конечно. Я её знаю почти год, а его всего две недели.

– Разумно, – сказал Аркадьич.

Девицы, у которых лопнуло терпение подманивать собаководов, обратили наконец внимание на гогочущих джинсовых ребятишек и скоро перебрались за их столик.

– И я однажды держал кобелька, – включился в разговор седовласый. – Дёрнул же чёрт! Про его породу скажу одно: в нём каких только пород не было. И он от каждой не ума, а дури набрался. Такой кретин – хуже нашего механика. Механик хоть что-то иногда соображает.

– Аркадьич, – перебил губастый, – прошу тебя: механика, мерзавца этого, не поминай.

– Не буду. Так вот. Пробовал приспособить для охоты – все нервы истрепал! Зайца с лёжки стронет и – нет чтобы за ним, вести его – на задницу сядет и уставится на меня: мол, видел, какого я поднял? Видел? Пришлось пристрелить, всё равно пустая собака…

Лёва допил водочку, заказал ещё сто пятьдесят. Девицы быстро освоились в новой компании, и та, что с серьгами, уже поводила плечиком и жеманилась: «Саня, переста-ань!». Сгорбленный старик, очнувшись, тихонько запел:

– Мне во сне привидело-ось,
Будто конь мой вороно-о-ой…

На него тут же прикрикнул узкомордый, с драконами:

– Эй, дед, замолкни! Конь твой вороной…

Старик снова уронил голову на грудь.

Перешагнув порог, в грязных кедах явился новый посетитель. Облачён он был в застиранное до белёсости трико и захватанную синюю майку с вырезами на груди и под мышками. Такие майки изрядная часть мужского населения Асинска до сих пор носит под рубашкой, а укладываясь в кровать, не расстаётся с ними и на ночь. Из глубокого выреза майки лихо вздымалась шерстяная грудь. А те волосы, что пристроились на голове, никогда, похоже, не водили знакомства с расчёской и торчали дикими, свирепыми клочками. Глаза явившегося смотрели прямо и немигающе. Ещё примечателен был нос: крупный, широкий, но не мясистый, а хрящеватый – под кожей угадывалось твёрдое. Встречаются люди, которые никогда ни перед кем не пасуют. Поставь их перед самим губернатором – хоть в майках, хоть в кедах – они и там себя не потеряют. Новый посетитель, по внешним признакам, был из таких. С порога он гаркнул девицам:

– Привет, развратницы! Опять вы здесь?

Девицы сделали вид, что это их ничуть не касается, что этого типа они сто лет не знают и вообще: козёл какой-то. А шерстяной тем временем твёрдо подошёл к стойке и потребовал:

– Тамарочка, будь ласкова, накорми! В брюхе – аж кишки узлом завязались.

По всему чувствовалось, здесь он как дома.

– Ох, Генка-Генка, ты бы хоть переоделся, рубашку, что ли, какую накинул, – радостно всполошилась барменша. – А то ввалился, как леший.

Груди, мирно дремавшие под блузкой, вдруг разом пришли в движение, зашевелились, заегозили. И сама она замельтешила за стойкой, как потревоженная белка.

– Некогда в смокинги наряжаться. Если нужен клиент – принимай без галстука.

– Влетит когда-нибудь из-за тебя, чёрта!

– Не базарь. Я сегодня к тебе ненадолго. Забор меняю. Пока дождей нет, надо новый ставить. Покормишь – и я обратно.

– Пельменей положить?

– А то! И водки положи.

– Ах, обормот ты, обормот!

Получив требуемое, повернулся к Лёвиному столу:

– Не возражаешь?

– Не возражаю. Место не занято.

Тот кивнул, смёл с края стола мелкие крошки и устроился напротив Лёвы.

– На юге был? На Кавказе? – спросил он, уставив свои бойкие глаза в Лёвины.

– Был, – соврал Лёва. – На юге.

Нежданный сосед свирепо поскрёб крупными ногтями шерстяную грудь и опять кивнул.

– Вижу, загорел. У нас так не закоптишься. Вроде и жара, а солнце – не то. Откуда только люди деньги берут? Из какого кармана?

– Деньги – это такая материя, они или есть, или их нет, – веско ответил Лёва. – Если они есть, их брать ниоткуда не надо.

– Ну-ну, – неопределённо сказал шерстяной и поднял стакан. Сделав большой глоток, сморщился. – А водка-то тёплая! Тьфу, мерзость. Тамарочка, ты чего мне подсунула?

– Может, тебе и льду ещё наморозить? Кубиками? – барменша вместила в ответ бездну доступного ей ехидства. – Пей какую дала!

И, развернув могучее тело, скрылась за шторкой на кухне.

– Вот жучка! Не баба, а чёрту подарок. Блоху острижёт и варежки свяжет, – шерстяной беззлобно выругался. Затем опять обратился к Лёве: – В жару тёплая водка – примерно как кислое молоко после свежих огурцов. Не скажу, что быстро наружу запросится, но на пищеварение действует очень вредно.

– Зато пиво холодное, – подсказал Лёва, успевший беленькую проредить «Бархатным».

– Знаю. Только пиво хорошо к вяленой рыбе: лещу или плотве, а для крепких закусок оно не годится.

– Тёплая водка ни для каких закусок не годится.

Шерстяной ещё раз внимательно оглядел Лёву.

– А вот тут ты, парень, врёшь. Врёшь, как какой-нибудь брехунец по телевизору. Взять, допустим, зиму. Когда ноги замёрзнут так, что пальцев не чуешь, и руки как деревянные, есть самое верное средство: с мороза, если сразу к столу, опрокинуть стакан тёплой водки. Тёплая водка ничем не заменима: и зубы не ломит, и внутри согревает. Тёплую водку зимой надо пить!

– Почему зимой – тёплую? – обиделся Лёва. – У других народов совсем другие понятия. Я лично знал одного африканца. Он из самой Африки приехал и меховыми изделиями торговал, а зимой пил холодную водку!

– Дурак твой африканец. Холодная водка летом, тёплая зимой – только так будет правильно! В этом виде она стопроцентно даёт то, что душа требует от природы. Тёплую водку следует принимать не наспех, а за столом, и закусывать борщом или салом копчёным. Солёный помидор тоже нелишний. А летом – как раз холодная водка. Она, когда по жилам бежит, бодрит и освежает.

Он глотнул ещё раз, скривил лицо и набросился на пельмени. Они, как пташки, улетали в азартно жующий рот. Руки у него были не совсем чистые, но он этот непорядок в расчёт не принимал и настолько яростно орудовал челюстями, что наверняка до желудка добиралось лишь размолотое месиво, в котором даже при богатом воображении невозможно было признать изначальных пельменей. Затем опять приложился к стаканчику, потянул носом воздух и обратился к Лёве:

– Вот ты, говоришь, на юг мотаешься, пузо у моря греешь? Это хорошо. А ноги когда-нибудь ломал?

– Чьи?

– Свои конечно, не чужие же.

– Нет, – опешил Лёва.

– Я тебе так скажу: не вздумай ломать.

– Да у меня и не было в уме ничего такого, – продолжал изумляться Лёва.

– И правильно! А вот моя Савельевна, венец творения, сподобилась. Ниже коленки. Забралась с веником на стол и оттуда ласточкой вниз. И как только пол не проломила! Я в стайке у поросят чистил, слышу: завыла, будто режут. Вбегаю в дом – она раскинулась на полу и верещит: «Ой-ой, нога!» Какие черти, говорю, тебя наверх понесли? «Паутина в углу». Разглядела какую-то паутину! «А свалилась зачем?» – «Ноги!» – «Что ноги?» – «Ноги не удержали!» Я понимаю, говорю, когда смолоду к твоим прелестям подбирался, тебя ноги не держали. А сейчас-то что? «Расширение в коленках и горбоватость ножных костей!» Расширение у неё! Хочу поднять, она опять: «Ой-ой!» Нет бы, говорю, головой удариться, тогда б – никаких повреждений! Машину выгнал, повёз в травмпункт. Там рентгеном просветили: перелом со смещением. В гипс упаковали, через пять дней сказали явиться. А куда ей с негнущейся коленкой на второй этаж? Она и на диване ногой не двигает. Чуть повернёт – и сразу в крик. Делать нечего – я вместо неё отправился. Смотрю, там возле кабинета калеченного народу человек тридцать – кто на костылях скачет, у кого руки на привязи, а у кого и шея в гипсе. Из всей очереди только я один, как дурак, здоровый! Два с половиной часа отсидел. Вхожу. Так, мол, и так: баба со стола навернулась, ногу сломала, привезти не смог. А врач, такой… в белом халате: а где, мол, её медицинская карта? Я ему, как полагается: «В регистратуре сказали, что здесь». Он на столе бумажки перебрал: «Нет вашей карты, пусть в регистратуре ищут». Я снова на первый этаж. Там покопались и руками развели: «Пусть в кабинете как следует пошарят…»

– Знаю я немцев, – раздавалось за соседним столом. – Они, как на подбор, ушлые. Народ ещё тот!

– А я, что ли, немцев не знаю? – откликался губастый. – У родной тётки муж – немец! Он как спаниель: чёрта с два переделаешь. Утром хлеб маслом намажет и жрёт. Немец – он и есть немец!

– Деваться некуда – тащусь тем же порядком обратно. Этот, в белом халате, – медсестре: «Людмила Анатольевна, может – на полках?». Медсестра, кобыла тощая, зад от стула отлепила, на полках порылась и, точно – нашла. В карте снимки, четыре штуки. Эскулап берёт первый сверху, поднимает, смотрит на свет и говорит: «Да, не повезло: вот и пальцы на правой руке сломаны». Я прямо ахнул – ещё и с рукой беда! А потом вспомнил, как она ложкой лапшу мечет – варить не успеваю, и сильное меня сомнение одолело: нельзя сломанной рукой по две тарелки лапши наворачивать. Одну – куда ни шло, но – две! «Нет, на руки не жаловалась». – «Что значит «не жаловалась?» – «С руками у неё не хуже, чем у вас». Он, прощелыга, вылупил глаза и давай орать: «Не морочьте мне голову! Я же вижу: сломанные пальцы! Большой и указательный». И тут у нас перепалка вышла. Он подпрыгивает, кричит: «Пальцы сломаны!», а я тоже упёрся: «Такого не может быть!» Он: «Может!» Я: «Не может!» «Спорим, – говорю, – на коньяк, что пальцы целые!» Он ещё раз снимок в руках повертел и прямо затрясся: «Так это ж чужие пальцы! Как они в карточку вашей супруги попали? А?» И называет какую-то совсем мне незнакомую фамилию. Я тогда говорю: «Интересное дело! С каким это умыслом вы непонятно чьи пальцы, как пасьянс, по разным картам раскладываете? Мне с её ногой морока, а вы вдобавок ещё и пальцы суёте!» И тут он мне, сукин сын, выдаёт: «Какая разница, что там у неё покалечено. Я на этом самом месте двадцать три года сижу и вижу: все вы, трутни, являетесь на белый свет не затем, чтобы принести государству хоть какую-нибудь пользу, а для того, чтобы что-нибудь себе сломать. Каждый асинец не просто подлец, но ещё и членовредитель!» Это он мне говорит!

От возмущения шерстяной снова хватанул тёплой водки.

Лёва понимающе поддакнул:

– У меня приятель есть. Он, когда в больнице с почками лежал, познакомился с одной – натурально рыжая, метр восемьдесят ростом. Ей аппендицит вырезали. И всё кончилось наилучшим образом: от жены ушёл, работу поменял и теперь живёт с той, которая без аппендицита. Такая вот с ним случилась история. Он ещё говорит, что отсутствие аппендицита абсолютно ни на чём в женском организме не сказывается.

Супруг поломанной жены медленно прищурился.

– Ты на что намекаешь?

– Как это «на что»? – удивился Лёва. – Ни на что. Сидим, разговариваем. Думаю, дай-ка и я расскажу какой-нибудь случай, не молчать же.

– Твой случай к делу не относится. Эка невидаль: с бабами в больнице шашни крутить! Человек на многое способен, особенно когда таблетки с процедурами не помогают, а выздоравливать как-то надо. Я, наоборот, про врачей. Вот скажи прямо, какого ты о них мнения?

Лёва задумался, а заодно как следует отхлебнул из стаканчика.

– Вашей жене исключительно повезло, что к врачу попали вы, а не она. Иначе, увидев целёхонькие пальцы, врач тут же закрыл бы ей больничный. И на ноги никто бы внимания не обратил. Что ноги? На ноги наплевать, когда руки в порядке.

– Я про врачей тебя спрашивал.

– Местным врачам можно, конечно, доверять. Но не всегда. Лично я бы не доверял.

– Согласен! – шерстяной даже ладонью по столу хлопнул. – Наша продвинутая медицина теперь в Израиль удрала, евреев на ноги поднимает. А чего их поднимать, если они и так до самой смерти, как сыр в масле, нежатся? Здесь остались недоучки одни в халатах. У них на первом месте – показатели. Если каждый раз лечить то, что не сломано, в отчётах такой процент выздоровлений можно накрутить – о-о! Самое главное в этом деле – хорошенько перетасовать снимки, а затем разложить по разным карточкам. Я их систему приписок ещё не полностью раскусил, но достаточно!

– А я о чём говорю! Если согнёт тебя с такой силой, что глаза на лоб и кишки в узел вяжутся, надо прыгать в автобус и лететь в областную больницу. А по-другому – никак. Приведу пример. У нас в конторе экономисту-плановику стало плохо, его отвезли к городским эскулапам. Те сразу определили: язва. Лечили-лечили – ничего не помогает. Ну, совершенно ничего! Тогда отправили в область. Областные врачи посмотрели и сказали, что никакая это не язва, чего там местные дурью маются, а самая натуральная пониженная кислотность. Вот как! Принялись ле-

чить по-своему. А на вскрытии выяснилось, что ни то ни другое. Но ближе к правильному диагнозу оказались всё-таки областные светила! Там специалисты лучше.

– А насколько ближе?

– Не так чтобы очень, но ближе!

– Все врачи – жулики, – сказал шерстяной. – Они заставляют нас покупать дорогие лекарства и лечат от тех болячек, которых у нас нет. К их таблеткам и уколам надо присобачивать абсолютно других больных.

– Нет, в их лечении есть определённый резон, – возразил Лёва и подпёр тяжелеющую голову ладошкой. – Любая таблетка, пусть даже не та, какая нужна, для чего-то ведь предназначена. Взять, допустим, тромбофлебит. Только-только он соберётся пакостить в сосудах, а ему – раз! – и упреждающий удар.

– Если так, – твёрдо заявил шерстяной, – то всех нас нужно упекать в больницы и протравливать ещё до начала настоящих болезней.

– Да! И чем раньше – тем лучше. Надо каждого россиянина, каждого чест… – Лёва икнул, – каждого честного россиянина наперёд оградить от геморроев, циститов и камней в печени, а потом уже стопроцентно здоровых подпускать к работе – к станкам, к обогащению угля, к производству мягкой мебели.

– Согласен! – снова кивнул шерстяной. – Но как это сделать?

– Нет ничего сложного!

– Но как, как?

Лёва ощутил своё превосходство: такого рода затруднения для аналитического ума проще пареной репы. Стоит лишь достигнуть нужного градуса, и ты способен разрулить любую ситуацию. Можно не сомневаться: там, наверху, в большой политике, самые заковыристые ситуации по-другому и не разруливаются.

– Да на раз плюнуть! – заявил Лёва. – Месяца два каждого держать под капельницами и кормить всякими таблетками, какие есть. Одна таблетка будет шуровать в печени, другая в почках, а в целом получится нужный результат.

– Но от перелома ног заранее не вылечишь, – глубокомысленно изрёк шерстяной.

– Верно. Гипс заранее не наложишь. Однако в отдельных случаях можно попробовать и гипс. Для профилактики.

– Задам тебе самый важный вопрос. Вопрос, который важнее всех других: а поддаёмся ли мы лечению?

Лёва возвёл глаза к потолку и помедлил. Он не искал там ответа, просто потолок покачивался. И стол, кстати, тоже слегка.

– Поддаёмся. Если долго лечить – поддаёмся.

– Точно?

– Точно!

– А вот ты, – шерстяной нацелился вилкой в Лёву, – согласился бы, чтобы тебя на два месяца упекли в больницу? Согласился бы валяться на койке и жрать таблетки наперёд? Чтобы приносили по целой горсти и говорили: ешь, укрепляйся, мать твою, во всех органах! А после таблеток – уколы, капельницы… Согласился б?

Лёвушка помедлил.

– Может, и да. Но, скорей всего, не согласился б.

– Почему? Один раз потерпеть, зато потом всю жизнь – как новенький.

– Оставаться здоровым любому интересно – тут и спорить не о чем, но мне не по нутру торчать в больнице. Я однажды был там. Помню, в обед кормили щами. Их подавали не-со-лё-ными! Самая отвратительная еда, которую можно придумать – пресная капуста в тёплой воде. Хуже этого ничего не бывает! И потом, если тебе поставили подряд два укола и одно лекарство где-нибудь под лопаткой внезапно наткнётся на другое лекарство – ещё неизвестно, как они себя поведут, что там между ними возникнет.

– Вот-вот! И меня это останавливает! Я нашим лекарям – не пробирка лабораторная, чтобы во мне химические реакции устраивать. Если что-нибудь не то в осадок выпадет – где искать виноватого? Они ж потом всё на мой организм свалят!

– Давайте выпьем.

– Обязательно!

– А за что?

– Какая разница. Не от любви к водке пьёт человек, а от недоверия к медицине.

– При чём тут медицина? – Лёва терял нить разговора, а ещё был сердит из-за того, что потолок раскачивается.

– При том. Всё в итоге к медицине сводится, – сосед поднял пластиковый стаканчик и выдохнул шерстяной грудью. – Ну – будем!

Затем доел последние пельмени и сказал:

– Пойду. У меня там молоток и гвозди на улице. Без присмотра нельзя надолго оставлять.

Кивнув ему вслед, Лёва огляделся. В тесном зальчике сидели слетевшиеся на огонёк люди. И

ещё молодые – сильные и свежие, и траченные жизнью. В динамиках Круг перекинулся на Владимирский централ:

– Этапом из Твери – зла немерено…

Печалься, человек, пока жив! Печалься и веселись!

Кто-то нацелился снять девчонок, а кто-то торопился обновить забор. У кого-то были неприятности с собаками, а у кого-то никаких собак и вовсе не было. Старик очнулся, глотнул вина и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Вот, значит, как…

Компания молодых зашевелилась, собираясь уходить:

– Саня, а музыка у тебя есть? – тревожилась та, что с серьгами.

– Всё будет путём! – обещал Саня.

Они исчезли.

– А где Тимоха? – вспомнил губастый.

– Да, Тимоха где?

– Чёрт с ним, – сказал Аркадьич. – Посидим ещё.

И Лёве хорошо сделалось оттого, что лето на дворе и что дни идут проторённым руслом. Тёплая волна, поднявшись снизу, от желудка, прихлынула к сердцу и выше, к глазам, в которых продолжал покачиваться потолок. Лёва подержал на ладони стаканчик с остатками тёплой водки и медленными глотками допил её.

Утром во всю мочь завопил Доминик.

– Опять ты, подлая скотина, спать не даёшь, – застонал, ворочаясь, Лёвушка. – Удавлю...

Сергей Подгорнов, Виктор Арнаутов и Сергей Побокин

Елена БЕРСЕНЁВА

РАЗМЫШЛЕНИЯ МОЕГО КОТА

* * *

Никогда не ходи в магазин голодной!
Помни правил несколько безотказных:
Не люби женатых, люби свободных –
Не расходуй силы свои напрасно.

Так и есть: влюблённые хорошеют,
Равнодушные – вызывают жалость.
Не давай садиться себе на шею
И сама с родительской слезь, пожалуй.

Не влезай в долги, поживи скромнее,
Если тратить хочется – заработай!
Постарайся стать хоть чуть-чуть умнее –
Не винить в своих косяках кого-то.

От работы дохнут не только кони,
А заботу любят не только дети.
Будет мир в душе – ты об этом помни –
Станет жить приятней на белом свете.

Эта жизнь даёт нам не так уж мало.
Хватит ныть, рискни – поживи довольной!
Людям тоже часто бывает больно.
Улыбнись! Не жалуйся, что устала!

* * *

Боже, пошли мне работу с зарплатой!
Только работу с работой не надо.
Не перепутай, пожалуйста, Боже!
Сделай умнее меня и моложе.
Также пошли работящего мужа,
А тунеядца, пожалуй, не нужно.
Сыну – красивую, сильную бабу,
Чтобы меня не бесила хотя бы.
Срочно пошли отвращенье к спиртному,
Сладкому, жареному и мучному.
И расскажи, если не затруднит,
Как мне понять, что мой кот говорит???

* * *

«Всё, – размышляет мой кот, – суета сует»,
А я ему отвечаю: «Хорош орать!»
«Всё, – продолжает, – пройдёт, всё сойдёт на нет»,
А я говорю ему: «Тише, ложимся спать!»

Мы не спорим, ложимся спать, и проходит всё;
Дни прошедшие ставят в отчёт печать;
Кот пророчит, что завтра придёт печаль.
Отвечаю: «Ну что это ты несёшь?»

БЕРСЕНЁВА Елена *родилась 28 ноября 1974 года. Победитель новосибирского городского конкурса им. Павла Васильева в номинации «Поэзия», 2011 год. Лауреат международного литературного конкурса «Согласование времен – 2012». Финалист международного фестиваля-конкурса «Русский Stil – 2013». Лауреат I степени в номинации «За профессионализм в поэзии» IX регионального поэтического фестиваля «Тареевские чтения» в 2015 году. Публикации в «Литературной газете», журналах «Сибирские огни», «Времена года», «Живой Звук», «Страна «Озарение», «Неуклюжий Парад Ощущений», поэтических альманахах «Лава», «Город поэтов», «Согласование времён», на литературных порталах «Точка Зрения», «Экзистенция», «Белый мамонт» и др. Книги: «Безнадёжно разные» (2014 г.), «Легко» (2016 г.). Член Союза писателей России. Живёт в Новосибирске.*

ОДА РУССКОМУ ЯЗЫКУ

По праздникам и в будни,
В веселье и в тоске
Не забывайте, люди,
О русском языке!

И пусть дела паршивы,
Но власть в твоей руке,
Коль пишешь без ошибок
На русском языке!

Когда застукан мужем
С подругой в уголке –
Оправдываться нужно
На русском языке!

Столпились кредиторы
И держат в кулаке –
Веди переговоры
На русском языке!

Твои четыре ходки
Отметить в кабаке –
Заказываем водку
На русском языке!

Коль создал Бог красивой,
А не овцой в мешке –
Скажи ему спасибо
На русском языке!

Коль золотая рыбка
Дрожит в твоей руке –
Проси, но без ошибок!
На русском языке!

И пусть ругает мама
За двойку в дневнике –
Ты промолчи упрямо
На русском языке!

Появится и сила,
И деньги в кошельке,
Коль говоришь красиво
На русском языке!

ПРОЗАИКУ СЛОЖНО БЫТЬ ЗАИНЬКОЙ

Прозаику сложно быть заинькой,
К поэту он мается завистью,
И в райских рифмованных заводях
Мерещится счастье ему.

Поэт веселится и пьянствует,
Как та стрекоза окаянская,
С глазами святыми и ясными
Поёт неизвестно кому.

И кильку художники трескают,
Рисуя лазури небесные,
Пейзажи земные не местные
Вином заливая сухим.

Прозаику грустно и горестно
Смотреть на беспечное воинство,
Покуда он мучится в поисках
Бессмертных сюжетов лихих.

СИДЕЛИ АНГЕЛЫ НА ЗАБОРЕ

Сидели ангелы на заборе
Собора красного кирпича,
Мечтали ангелы жить на море,
Где чайки прыгают и кричат,

Где моря синь отмывает души,
Где люди правильны и чисты…
Найти бы, братец, такую сушу,
Где мысли честны, дела просты.

Сидели ангелы на заборе,
Пылал закатом рабочий день,
Мечтали ангелы жить на море,
Ронять цукаты в морскую тень,

Рыбачкам стройным дарить ракушки,
Голубоглазых растить детей,
А тем, кто волен и непослушен,
Читать страшилки земных страстей.

Пётр
МАТЮКОВ

СВЕРКАЕТ, ГРЕМИТ АФАНАСИЙ ФЕТ!

В КОНЦЛАГЕРЕ

Ты всё поймешь – вон какой взрослый!
В школу бы... В сентябре...
Мы – как деревья, нам вырежут звёзды,
Ножиком по коре.
Знаешь, там наверху – беспечно,
Печи – это ведь грех,
Мальчик, деревья уходят в печи,
Чтобы попасть наверх.
Видишь, звёзды горят, не тают,
Это наши значки!
Знаешь, а внизу попадают
В печи истопники...

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

Тополь стоял у дома, рос до седьмого пота,
«Такая доля, – любил шелестеть, – такая работа».
Порой говорил с пролетающим свежим остом,
Мол, землю и дом тяну, приближаю к звёздам.
А ветер дул и смеялся, дул и смеялся на это.
«Ты, – говорил, – почти грузовая ракета,
Только гляди, как бы топливо не засохло,
Эй, погоди, а ну покажи, где сопло...»
А после тополь спилили, и ветер заплакал,
А может, совпало, и просто дождик закапал,
Нет, плакал ветер на листики на скелете,
Плач Ярославны по с неба упавшей ракете,
И кажется даже, плакал не ост, а осты,
И кажется также, стали чуть выше звёзды.

ТАКАЯ ВЕСНА

Холодный ветер. Сверкает, гремит Афанасий Фет,
Подходит чайка, важная, как доктор наук,
Говорит: «Я даю один, только один совет –
Мажешься дёгтем, валяешься в перьях, летишь на юг».

И тотчас под куполом нервно звякает гонг,
Журавли подбивают клинья, летят (натурально весьма),
Я говорю себе: «Тихо, парень! Это какой-то гон,
Это весна, не осень; не осень – такая весна!»

Рыбак латает лодку, по борту надпись: «Лукойл».
Дыру затыкает сетью, изолентой крепит мотор.
Откидывает капюшон, мигает, машет рыбацкой рукой,
Подхожу, подаю изоленту – новый моток.

Рыбак говорит: «В пучине, там, где полно путан,
Где всякую пакость со дна наверх в ночи поднимает сеть,
Глотает людей, дома, машины Рыба-кит-депутат,
Так что плыть не советую... Лучше того... – лететь».

МАТЮКОВ Пётр *родился 8 февраля 1971 года. Побеждал в одном из интернет-конкурсов фантастики журнала «Химия и Жизнь», участник семинара Геннадия Мартовича Прашкевича. Публиковался в журналах «Сибирские Огни», «Порог», «Химия и Жизнь». Живёт в Бердске.*

Смотрю на берёзы, некто ставит на них
штрихи,
На белых стволах когтями. И надо же, каждый
год
Бродят поэты стайкой, запоем читают
стихи,
Думают, что стихи читают, но это –
штрих-код.

Крепок, по-русски крепок в мае берёзовый сок!
Ждут и рыбак, и чайка, на юге сверкает
блесна,
«Хрен, – говорю, – вам, ребята, это у вас
заскок,
Это весна, не осень; не осень – такая весна!»

ПИАНИНО И СТАРИК

Пианино выносили в подъезд,
Вчетвером тащили, пятый рулил,
Иногда вставлял словечко «the best»,
Иногда всех четверых материл.

Пианино провожали часы
(Стрелки носиками жались к стеклу),
Фотовспышки недалёкой грозы,
И старик на табуретке в углу.

Пианино раздувало бока,
Словно лошадь, сторонилось пути,
Ни за так, ни за понюх табака
Пианино не хотело идти.

И за это – шпоры глубже ему,
И по клавишам – сиречь по зубам,
Пианино выводили во тьму,
Под веселый тарарам-парарам.

И старик, который вовсе зачах,
Вдруг подумал отчего-то: «Потом
Пианино понесут на плечах
И уложат под дубовым крестом»,
Будто музыка послышалась... Григ?
Ну, по крайней мере, не из попсы,
И сидел на табуретке старик,
И почти остановились часы.

БАРСУЧИЙ ТРАКТ

Идут, идут и идут на барсучий лад,
Бесконечной колонной, тесно сомкнув ряды,
Разносится топот дружных когтистых лап,
Трамбующих древний хребет Уральской гряды.

Выходит один из строя – потрепан, суров,
С коротким хвостом (похоже, кто-то отгрыз),
«Ну что, – говорит, – Гаммельнский крысолов,
Решил и до нас добраться? Мало детей
и крыс?»

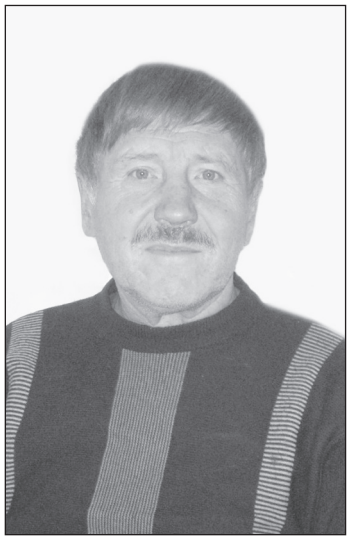
Вот я и думаю: «Что же сказать в ответ?»
А он смотрит мимо, как из-подо льда минтай.
«Нет, – говорю, – у меня ведь и дудочки нет –
Только свисток затоптанного мента».

Кивает, прячет нож движеньем одним –
Не углядеть, в стычках наловчился поди.
Я говорю ему: «Слушай, зачем тебе снова
к ним?
Разве ты знаешь, что там в конце пути?»

Он думает, головой мотает: «Нет, ни хрена...
Кажется только – хорошее-то не ждёт...
Но ты посмотри на них – это идёт страна,
Это моя страна идёт, это мой народ!

И покуда я буду в силах – с ними пойду,
И боюсь не того, кто приходит в ночи,
как тать,
Но боюсь, что останусь здесь, а они пропадут,
А вместе совсем не страшно и пропадать».

И я смотрю на них, на него дураком дурак
(Так смотрит на курицу изделие Фаберже),
И я понимаю, что этот барсучий тракт
Когтями царапает в чёрствой моей душе.



Евгений ЧИРИКОВ

ДНИ СОЛНЕЧНЫХ ИДЕЙ. ДЬЯКОВ – ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ

(Окончание)

ПРИЕХАЛА КОМИССИЯ

7 июля 1972 года в Темиртау пришла телеграмма из Ленинграда: «В соответствии с совместным решением вице-президента АН Миллионщикова и начальника ГМС Федорова к вам направляются ученые для ознакомления на месте с работой в области прогноза погоды. Прошу оказать содействие этим ученым, которые предполагают прибыть в середине июля. Академик Марчук».

Комиссию создали по прямому поручению Д. С. Полянского. Доклад о её работе должен был лечь на его стол. Всё пошло сверху вниз по строго официальной лестнице. Сначала прозаседали (22 июня 1972 г.) ГУ ГМС (Е. К. Фёдоров) и президиум АН (М. Д. Миллионщиков). Их решение спустилось к председателю Научного совета по прогнозу погоды Г. И. Марчуку, который 17 июля и образовал комиссию из специалистов. Их фамилии подавляющему большинству читателей ни о чём не говорят, но в Темир 26 июля приехали лишь пятеро из них: Е. П. Борисенков (председатель комиссии), Н. А. Аристов (секретарь комиссии), В. П. Дымников, Г. Р. Контарев и А. И. Оль.

Эта группа предполагала работать по определённому плану. Ознакомиться на месте с имеющимися материалами. «В процессе личных контактов уяснить» основы составления дьяковских прогнозов. Провести проверку прогнозов с точки зрения критериев и инструкций службы погоды. Оценить их практическую эффективность по отзывам потребителей. Ознакомиться с рукописями и публикациями Дьякова для знакомства с научными основами прогнозов. Далее (в конце августа) провести в Ленинграде научную дискуссию с приглашением А. В. Дьякова. В конечном счёте составить доклад с выводами и предложениями.

Доктор физико-математических наук Евгений Пантелеймонович Борисенков руководил отделом теории взаимодействия атмосферных и океанических процессов Арктического и Антарктического НИИ (ААНИИ) и считался солидным учёным. В будущем он станет директором ГГО. Общительный, обаятельный человек, не избегавший контактов с прессой, которая нередко гонялась за ним после публикации написанной в соавторстве книги о погодных аномалиях в Древней Руси (по материалам летописей).

Кандидат географических наук Н. А. Аристов заведовал лабораторией сезонных прогнозов Гидрометцентра и, судя по всему, особого научного вклада после себя не оставил.

Старший научный сотрудник отдела геофизики ААНИИ Александр Иванович Оль, несмотря на скромную степень кандидата физико-математических наук, имел международную известность как автор открытия одной из важных закономерностей солнечного цикла. Дьяков

ЧИРИКОВ Евгений Стефанович *родился в 1952 году. Окончил филологический факультет Кемеровского госуниверситета. Основная профессия – журналист. Издал две книги художественной прозы. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса». Живёт в Кемерове.*

очень ценил его труды, включая их в список опорных для своей теории.

Два молодых кандидата физико-математических наук (лет тридцати пяти) Валентин Павлович Дымников и Роман Георгиевич Контарев приехали из Новосибирска. Ученик Марчука Дымников работал завотделом гидродинамических методов прогнозирования погоды Западносибирского регионального ГМЦ, а сколько-то лет спустя стал академиком. Трудно сказать, что влияло на судьбу Контарева (в то время старшего научного сотрудника ВЦ СО АН), но он остался просто интересным человеком, который нашёл себя в том, чтобы втягиваться в разные авангардные проекты. В двухтысячном году он умер, но до этого перевёл с немецкого книгу Г. Мартина и Г.-П. Шуманна «Западня глобализации: атака на процветание и демократию», а также вместе с О. Т. Вите руководил работой по изданию труда Б. Поршнева «О начале человеческой истории», который пересматривает традиционные научные представления о происхождении человека. В период приезда комиссии у него сложились с Анатолием Витальевичем самые добрые и доверительные отношения.

Началась работа комиссии со скандала. Учёные вошли во двор и не сдержали возгласов изумления по поводу метеостанции, стоящей среди огорода. Вероятно, кто-то из них не воздержался от насмешливой критики. Кто? Быть может, Аристов? Если рассуждать так, что это не Борисенков, не доброжелательный Контарев, не его товарищ Дымников и не интеллигентнейший Оль…

Единственное свидетельство об этом эпизоде донёс до нас Г. Юров.

Бог Погоды вышел из себя:

– Вы что, учить меня приехали? Или всё же учиться? А ну-ка вон все отсюда! И чтобы духу вашего здесь не было!

Четверо притихших членов комиссии поплелись со двора. Борисенков присел на крыльцо. В его жизни бывало всякое. В войну он служил в дивизионе «катюш», повидал многое, привык понимать людей. Дождавшись момента, когда гнев Анатолия Витальевича уляжется, он постарался найти подход к трудному собеседнику дипломатическим путём. Они разговорились о науке…

Комиссия закончила работу 5 августа. За исключением Аристова, все остальные оставили записи в журнале учёта посетителей, найдя по-человечески добрые слова.

«От имени группы членов комиссии по изучению научных основ методов прогноза погоды, разработанных А. В. Дьяковым, выражаю глубокую благодарность глубокоуважаемому Анатолию Витальевичу за оказанное им гостеприимство и истинное радушие. Мы были поражены Вашей неутомимой энергией и неугасимым стремлением к научной истине. Поистине Ваша жизнь представляет собой подвиг во славу науки, и наилучшим девизом для всей Вашей жизни будет: Per aspera ad astra! Желаем Вам крепкого здоровья и дальнейших успехов на благо нашей науки. А. И. Оль. 01.08.72».

«Глубокоуважаемый Анатолий Витальевич! Очень рад, что случай позволил мне внимательно ознакомиться со всей Вашей активной и весьма плодотворной научной и научно-оперативной деятельностью. Я многому удивлен, но больше восхищен Вашей неиссякаемой энергией, исключительной преданностью науке вообще и метеорологии с астрономией в их единении в особенности. Надеюсь, что в ближайшее же время Ваши труды будут опубликованы. Уверен, что у Вас будет много благодарных последователей, которые будут развивать Ваши идеи и внедрять их успешно в практику. Желаю Вам здоровья, душевного спокойствия, больших творческих успехов. Е. П. Борисенков. 05.08.72».

«…На нас произвела глубокое впечатление Ваша личность, Ваше бескорыстное служение поставленной благородной цели… В. П. Дымников, Р. Г. Контарев. 22.08.72». (Очевидно, они позже навестили Бога Погоды в частном порядке.)

Комиссия уехала из Темиртау вполне довольная. Вскоре по возвращении профессора Борисенкова домой, в Ленинград вдогонку ему пришла телеграмма из Темиртау (17 августа). В ней констатировалось, что подтвердился прогноз от 3 августа, сделанный практически на глазах у комиссии. Речь шла о тропосферных возмущениях середины августа в Мексике, США, Японии и на Кубе. По сообщению «Сельской жизни», небывалые ливни обрушили там две годовые нормы осадков, залили тысячи га посевов и нанесли ущерб в четыре миллиона долларов. «Сердечный привет. Дьяков».

Началась подготовка к совещанию в Новосибирске, намеченному на 14–16 сентября, ожидалось, что будет вынесено объективное

мнение по Дьякову. У него самого были некоторые сомнения на этот счёт.

Контарев убеждал его не страшиться ничего плохого. «Глубокоуважаемый Анатолий Витальевич! Посылаю Вам окончание статьи «Солнце и мы».

Отвечая на вопрос Нины Григорьевны, я сказал, будучи у Вас, что Вам лучше не ездить на заседание комиссии. Но на заседание совета по прогнозу погоды, к работе которого, как мне известно, привлекаются многие ведущие специалисты по астрономии, физике плазмы, магнитной гидродинамике и т. д., я думаю, Вам приехать нужно.

Предполагается, что на совете будут заслушаны два доклада: Ваш и Борисенкова, с изложением результатов работы комиссии. Уверяю Вас, что на совете и вообще в Новосибирске Вы встретите самое доброжелательное к Вам и Вашим идеям отношение. Судя по тому, как идет подготовка к совету, будет сделано все, чтобы Ваши труды были немедленно опубликованы, а Ваши идеи тщательно изучены и немедленно взяты на вооружение.

Я думаю, что это будет тот самый день, к которому Вы шли более 30 лет по столь тернистому пути. Ваше же отсутствие может быть неверно истолковано и использовано вашими противниками. До свидания, Ваш Контарев» (24.08.72).

Но события пошли по другому пути. В тот же день (24 августа) Анатолий Витальевич «имел честь» принять звонок из Москвы и поговорить с самим Полянским, который приглашал его в столицу для изложения идей в научной аудитории.

5 сентября Дьяков приехал на улицу Павлика Морозова, в здание ГУ ГМС, где собрались представители ААНИИ, ГГО, ГМЦ, КазНИГМИ. В числе других выступлений он высказался на тему предстоящего режима погоды в Евразии в 1972–1973 годах.

Через три дня не было предела его возмущению, когда он узнал, какой сюрприз приготовил ему Н. А. Аристов, отвечавший в комиссии за проверку оправдываемости дьяковских прогнозов. Взяв информацию по прогнозам в Министерстве сельского хозяйства РСФСР, Аристов сделал убийственный вывод – 48–52 процента. Эти цифры должны были войти в официальный отчёт о результатах работы комиссии, который готовился к ноябрю. Дьяков расценил это как бессовестную проделку человека, к тому же имевшего наглость просить его о заверении «данных» своей подписью. С гневом ответив отказом, он поспешил к Фёдорову и оставил у Евгения Константиновича заявление: «…считая абсолютно невозможным мое участие в заседании Научного совета по прогнозу погоды <…> в Новосибирске ввиду необъективности, допущенной в процессе работы комиссии <…> прошу Вас заменить мое выступление там докладом на I Всесоюзном совещании «Солнечно-атмосферные связи в теории климата и прогнозах погоды»…». Академик согласился с аргументами возмущённого сибиряка и решил вопрос в его пользу. Так Дьяков оказался в числе участников этого знаменательного совещания, хотя, казалось бы, приглашение ему должны были сделать и без горячих эмоций. Тем более что ответственным за организацию совещания лицом значился его однокашник по МГУ Э. Р. Мустель.

23 сентября Бог Погоды выступил с докладом в Гидрофизическом институте (детище академика В. В. Шулейкина, который присутствовал среди слушателей). 28 сентября его слушали в Севастополе, в Институте биологии южных морей. Оба доклада длились по два часа и были встречены тепло. Между этими докладами (27 сентября) его порадовала статья Ю. Черниченко «Погода на все лето» в «Правде». Затем Бог Погоды приехал в милую его сердцу Одессу по приглашению Одесского гидрометеорологического института. Завершилось научное турне в Минске, в Институте физики АН Белорусской ССР.

Вернувшись домой, он подклеил в тетрадь корреспонденций телеграмму: «С удовольствием прочитал статью в «Правде» 27 сентября, поздравляю с общественным признанием, оно ценнее мнения бугаевых. Желаю дальнейших успехов. Жеребин».

ВЫХОД НА СЦЕНУ

Для участия в I Всесоюзном совещании «Солнечно-атмосферные связи в теории климата и прогнозах погоды» председатель оргкомитета Э. Р. Мустель пригласил директора КМК, Героя Соцтруда Е. М. Салова. Евгений Михайлович поблагодарил за приглашение, сослался на производственную занятость и закончил официальный ответ так: «По обсуждаемому на совещании вопросу сообщаю: руководство,

специалисты КМК в течение почти 20 лет пользуются прогнозами погоды т. Дьякова А. В. в практической работе при планировании транспортировки сырья, ремонтов доменных печей и других металлургических агрегатов; предотвращались аварийные ситуации. Все это способствовало выполнению комбинатом плановых заданий.

Прогнозы погоды т. Дьякова А. В. более достоверны, чем сведения Западносибирского УГМС. В целом считаем, что научно-исследовательская гелиометеостанция Горной Шории зарекомендовала себя с положительной стороны».

В конце октября почтальонка принесла довольно зловещее письмо из Москвы. «Уважаемый т. Дьяков А. В.! Насколько мне известно, дирекция ГМЦ СССР уготавливает Вам расправу на предстоящей конференции. Подготавливаются соответствующие люди, и в основном они будут допущены на конференцию (по пригласительным билетам). Те же, кто желал бы Вас поддержать, не будут допущены. Устраивать расправы в ГМЦ СССР есть богатый опыт. Это вы учтите. Сотрудники ГМЦ СССР».

Анонимное предупреждение скорее всего соответствовало действительности. Наука подковёрных интриг вступала в свои права. Но письмо, копию которого автор или авторы отправили в «Правду», выбивало оружие из рук возможных провокаторов. В случае чего Дьяков выложил бы его на стол Полянского.

Бог Погоды уверенным курсом продолжал свою «революцию», концепцию которой он высказал ещё в 1954 году в письме Эйгенсону – завоевать надо прежде всего понимание в правительственных кругах. Его давний заочный собеседник уже десять лет покоился в могиле, не дожив до радостных дней совещания…

26 октября Дьяков отправил телеграмму: «Москва. Кремль. Первому заместителю председателя Совета министров СССР товарищу Полянскому Д. С. Глубокоуважаемый Дмитрий Степанович! Прошу вас принять меня 30–31 октября 1972 г. Останавливаюсь в гостинице «Россия» в Москве. Дьяков А. В., гелиометеостанция Горной Шории (пос. Темир-Тау Кемеровской области, Садовая, 30).

31 октября он переступил порог приемной в Доме совета министров (Кремль). Ровно в одиннадцать референт Николай Иванович Косолапов пригласил Дьякова войти в кабинет. Дмитрий Степанович усадил его за стол напротив себя. Разговор длился полтора часа, причём визитеру пришлось сдерживать собственную словоохотливость, слушая довольно длинные тирады хозяина кабинета. Полянский долго говорил о роли метеорологии для сельского хозяйства, подчеркнув, что очень серьёзно оценивает работу Анатолия Витальевича в области долгосрочных прогнозов и верит ему, несмотря на попытки некоторых представителей Гидрометцентра умалить и принизить его достижения. Здесь были упомянуты фамилии Багрова и Зверева.

Полянский сказал, что одобрил решение Фёдорова о замене доклада Дьякова в Новосибирске докладом на предстоящем московском совещании. Об этом решении Е. К. Фёдоров лично доложил Дмитрию Степановичу.

Доклад комиссии, приезжавшей летом в Темиртау, уже лежал перед Полянским, который выразил удовлетворение основным выводом ученых: необходимо опубликовать работы Дьякова и сделать их всеобщим достоянием на пользу советской науке.

Анатолий Витальевич вышел из кабинета с крыльями за спиной, наполненный счастьем и чувством огромной моральной поддержки. На следующий день его ожидало событие, подводившее итог всей жизни. По крайней мере, так ему казалось.

В дни совещания Дьяков не расставался с Р. Ф. Усмановым, заместителем председателя оргкомитета, давно ставшим ему другом, пожалуй, единственно искренним за всю жизнь. Рустем Фатыхович предложил ему отказаться от гостиницы и жить у него дома, в небольшой, но уютной квартирке на улице Красные Зори, расположенной в отдалении от центра города (Кунцево). Он сам и его жена Зейнаб Зарифовна, которую Г. Юров описал как «маленькую, сухонькую женщину», служившую в юности лётчиком-испытателем, а затем работавшую авиаконструктором, оказывали сибиряку самое сердечное гостеприимство. Вместе друзья побывали в редакции «Сельской жизни», получив самые горячие напутствия в борьбе идей.

Прохладным утром 1 ноября они отправились на Красную Пресню, в переулок Павлика Морозова, 12. Шестой этаж. Председательствовал на совещании Е. П. Борисенков. Он уточнил у Дьякова:

– Сколько времени вам дать для доклада?

– Сколько всем, столько и мне.

– Речь идёт о двадцати минутах.

– Этого мало!

– Тогда сорок, но не больше.

(Этот диалог описан в «Печальной повести»…)

Проблему увязали. И вдруг возникла ещё одна, никак не предвиденная и шокирующая: Дьяков пожелал и, можно сказать, потребовал, чтобы его доклад прозвучал на французском языке. Зачем? Что за каприз? Что за чудачество? Но, быть может, это была маленькая месть за годы унижений. Вот вы – учёные, а я нет. Я «лжеучёный». Но если вы учёные, то должны знать языки… Пришлось срочно искать переводчицу.

Всего на совещании выступали сорок семь докладчиков из научных учреждений – ААНИИ, ГАМЦ, ИФз, СибИЗМИ РАН, КазНИГМИ… Дошла очередь до Дьякова. Он вышел к трибуне. Импозантный герой жарких споров в научной среде. Сенсационный Бог Погоды. Буйные седые волосы, благородная осанка, чем-то он напоминал героя эпохи Возрождения. Ему почти шестьдесят один год, хотя пенсию и не думал оформлять. Рядом молодая, по-московски эффектная и по-французски пикантная переводчица. За столом президиума на сцене восседают солидные мужи, напрягшиеся в ожидании первых слов. Конференц-зал ГУ ГМС битком набит людьми, которые толпились в дверях и специально радиофицированном фойе. Сотни глаз устремлены на докладчика. Среди учёных сидят представители прессы, в том числе «правдист» Юрий Черниченко, Борис Лесик из «Сельской жизни», Олег Мороз из «Литературной газеты». В замершей тишине сверкают вспышки фотоаппаратов. Тема доклада звучала с будничной наукообразностью: «Использование информации об активности Солнца в гидрометеорологическом прогнозировании на длительные сроки (1940–1972 гг.)». Отчетливо грассируя, Дьяков произнёс по-французски:

– Светлой памяти великого учителя астрономии и метеорологии, основателя Французского астрономического общества Камилла Фламмариона посвящается доклад автором, действительным членом Французского астрономического общества с тысяча девятьсот тридцать второго года.

Затем он свободно, не заглядывая в текст и местами каламбуря, импровизируя и отвлекаясь от строгости изложения, донёс до слушателей квинтэссенцию своих воззрений, как обычно, впрочем, избегая объяснения по конкретной методике прогнозов. Доклад далеко вышел за пределы регламента, даже в оговорённых с Борисенковым рамках, и растянулся на час. Из президиума пытались напомнить о времени, но из зала раздавались реплики:

– Дайте Дьякову высказаться!

По окончании доклада зал утонул в громе овации. Триумф выступления был полный. Докладчик наклонил голову, затем выпрямился и, как написал Г. Юров, отчеканил:

– Служу Советскому Союзу!

Эта патетическая реплика с оттенком остроумия заставила наэлектризованный зал вновь взорваться аплодисментами.

В фойе шло стихийное обсуждение доклада. Мнения слышались разные.

– А что, всё правильно…

– Научное обоснование слабовато…

– Как же, извините, использовать эту методику?..

– Я не верю в методику Дьякова!

– Исключительно эрудированный человек!

– Главное для Гидрометцентра – свести игру вничью!

– У него есть мысли, он не боится ошибиться…

(Реплики записал О. Мороз и воспроизвёл их в «ЛГ» от 03.12.72.)

Доклад прошёл без каких-либо попыток «расправиться», как предупреждалось в том письме. «Очевидно, редакция «Правды» довела до сведения работников ЦК КПСС содержание этой анонимки», – отметил про себя Анатолий Витальевич.

Вечером того же дня состоялось заключительное заседание совещания. На нём было принято решение, отметившее, что исследования по проблеме Солнце – атмосфера Земли, проводившиеся в течение нескольких десятилетий в СССР и за рубежом, позволяют твёрдо сказать: активность Солнца и другие космические факторы существенно влияют на атмосферные процессы, а их учёт имеет большое значение при составлении прогнозов погоды. В формулировке решения приводился список советских учёных, внесших наиболее существенный вклад в гелиогеофизическую проблематику. Дьяков, к его несказанной радости, был назван в первом десятке имён: М. С. Эйгенсон,

В. Ю. Визе, П. П. Предтеченский, Л. А. Вительс, Б. М. Рубашев, А. И. Оль, И. В. Максимов, А. А. Гирс, М. Н. Гневышев, А. В. Дьяков, Р. Ф. Усманов, Э. Р. Мустель, Т. В. Покровская…

С торжествующим удовлетворением можно было констатировать, что профессора Бугаев и Пагава, академик Марчук потерпели сокрушительное поражение, отрицая влияние солнечной активности на тропосферу.

Тезисы докладов совещания были опубликованы в брошюре ГМЦ (октябрь 1972 г.) и в специальном сборнике под редакцией Э. Р. Мустеля (1974).

ДЕТИЩЕ КОМИССИИ

Доклад комиссии Дьяков читал по возвращении из столицы осенью 1972 года. Он представляет собой объёмный машинописный текст в сто страниц формата А4, вручную переплетённый в виде книги. Основные разделы включают в себя историческую справку, написанную Б. М. Рубашевым, сведения о научно-методических основах прогнозов Дьякова, оценку их практической ценности и приложение, призванное иллюстрировать процент оправдываемости практическими примерами.

В исторической справке обстоятельно изложены идеи и успехи зарубежных и советских исследователей по теме «Солнце – погода». Отмечается, что само по себе обращение Дьякова к Солнцу в этом плане не так уж ново. В СССР этой теме посвятили работы ташкентские гелиогеофизики М. С. Жуков, П. П. Предтеченский, К. А. Бродовицкий, ученые Пулковской обсерватории во главе с М. С. Эйгенсоном (и в их числе его ученик Б. М. Рубашев), сотрудники ГГО Л. А. Вительс и Р. Ф. Усманов, а также завлабораторией солнечно-земных связей при ГМЦ Э. Р. Мустель. Все они внесли в тему заметный вклад. Общий аспект их подхода к проблеме, как и большинства зарубежных исследователей, базируется на двадцатисемидневном синодальном солнечном цикле (то есть периоде вращения Солнца вокруг своей оси). Однако Дьяков, судя по всему, двадцатисемидневный цикл не использует.

В главке «Гелиофизические основы прогнозов А. В. Дьякова» приводится схематичное описание его работы как бы глазами экскурсантов. Это интересно. «Хороший объектив и высокое качество изображения позволяют наблюдателю отмечать вихревую структуру солнечных возмущений, малейшие детали развития групп и даже образование светлых мостов, проходящих через тень крупных пятен. А. В. Дьяков считает эти мосты признаком чрезвычайной активности Солнца и называет их «взрывами» фотосферной активности Солнца. Подобные «взрывы» сопровождаются, как правило, увеличением числа пятен в группе, дроблением тени пятен на отдельные ядра, изменением формы полутени. Если такой взрыв происходит вблизи центрального меридиана Солнца, то он считается особенно эффективным в смысле воздействия на атмосферу Земли. Через 3–4 дня <…> в нижних слоях тропосферы, по данным А. В. Дьякова, наступает резкое обострение циклонической деятельности, проявляющееся в виде возникновения тайфунов, ураганов, глубоких циклонов и т. д.

Кроме того, А. В. Дьяков прогнозирует значительные обострения циклонической деятельности с заблаговременностью порядка 10 дней, исходя из появления на восточном крае Солнца групп пятен исключительно большой площади. Если группа пятен смещается от края Солнца до центрального меридиана и немного проходит через него, то такие условия А. В. Дьяков считает наиболее благоприятными для воздействия солнечных образований на земную атмосферу в течение ближайших 6–7 дней. Именно таким путем он давал телеграфные предупреждения в иностранные посольства (США, Мексика, Куба, Япония) о датах возникновения ураганов в Карибском море и Тихом океане. Таким же путем в период работы комиссии 2 августа 1972 г. им было дано предупреждение в адрес канцелярии Совета министров РСФСР».

Отмечено также, что Дьяковым предложен новый индекс, характеризующий динамику развития площади солнечных пятен. «Можно предполагать, что А. В. Дьяков каким-то образом умеет экстраполировать поведение индекса Js на 1–3 месяца вперед. Так, в период работы комиссии автор применял для составления прогноза трёхмесячный период крупных флуктуаций активности Солнца и 18–19-дневный период для более мелких флуктуаций. 27-дневным периодом <…> А. В. Дьяков в это время не пользовался».

Главка «Синоптическая интерпретация А. В. Дьяковым солнечно-земных связей» начинается с наблюдения о памяти живого экспоната, представшего перед комиссией. «У членов

выездной группы комиссии создалось вполне твердое убеждение, что А. В. Дьяков внимательно и ежедневно следит за атмосферными процессами и хорошо знает синоптические особенности своего района и прилегающих районов. Обладая богатой памятью, он в состоянии в уме анализировать сложную последовательность синоптических процессов. Только этим можно объяснить, что он в состоянии вести прогностическую работу, имея ограниченный синоптический архив». В этом отрывке мне видится исток того искажения смысла, который впоследствии получил некоторое хождение, – якобы Бог Погоды не имел никакой особой теории и метода, а делал прогнозы исключительно на основе памяти.

«Борисенков вспоминает о Дьякове как о незаурядной личности: он был и метеорологом, и геофизиком, и астрономом, но самое удивительное было в том, что он обладал феноменальной памятью, позволявшей ему сопоставлять погодные ситуации прошлых лет и использовать их в составлении прогнозов на будущее. Главное в его методе – связь погоды с трансформацией пятен на Солнце» – писали «Аргументы и факты»… Но ведь самое удивительное всё же – метод, а память – не от хорошей жизни, когда мало архивной информации.

Тот же Е. П. Борисенков в «Печальной повести…» вспоминал: «Я его тестировал, спрашивал, какая погода была в период, когда возвращались папанинцы. Он отвечал сразу, где какой циклон был, направление ветра, температура и прочее. Феноменальная память… Помнил всех царей, их жен по имени-отчеству, их любовниц… Помнил фамилии своих следователей после ареста…»

Вообще за клинической бесстрастностью доклада комиссии зачастую стоит бурная жизнь с её страстями. Комиссия избегает оценивать факты, считая, очевидно, что и не вправе это делать в целях объективности. На самом деле здесь больше механистического и формалистического, а может быть, сказывается сознательная уклончивость от принципиального отношения.

«Членам выездной группы комиссии удалось познакомиться с некоторыми черновиками рукописей А. В. Дьякова. Что касается опубликованных материалов, то имеется несколько заметок во французском астрономическом журнале L'Astronomie, несколько газетных статей в районной газете и несколько статей о А. В. Дьякове, написанных журналистами. Публикаций в отечественных научных журналах по вопросам солнечно-атмосферных связей А. В. Дьяков не имеет».

А. В. Дьяков отказался приехать на семинары в Ленинград или Новосибирск (где должны были устроить весь разбор его деятельности по материалам комиссии). Но какие интриги стоят за этими несостоявшимися семинарами, комиссия умалчивает.

Комиссия фиксирует, что в 1952 году Дьяков был уволен за самовольное переименование станции в гелиометеорологическую и составление прогнозов независимо от УГМС. Но какие отношения за этим фактом скрывались – это был бы целый роман.

Говорится про рукопись «О предвидении погоды на длительные сроки на энергоклиматической основе». На неё было получено пять рецензий, две из них отрицательные, поэтому рукопись не опубликовали. А насколько смехотворными были две рецензии, комиссии не касается.

«Сам А. В. Дьяков аккуратно ведет учет всей входящей и исходящей информации. Все его прогнозы переписаны в тетрадь от руки, к каждому почтовому отправлению подклеена квитанция, подклеиваются вырезки из газет с публикациями официальных прогнозов ГУГМС о явлениях погоды и др. Однако этот, на взгляд комиссии, ценный материал является личным архивом А. В. Дьякова. Комиссия имела возможность лишь бегло с ним ознакомиться». «Не личным, а официальным архивом», – пометил в тексте доклада сам Анатолий Витальевич, и с ним нельзя не согласиться.

«Строгой физико-математической теории, позволяющей строить количественные методы прогноза погоды, А. В. Дьяков не имеет». «Имеет», – пометил он сам.

«Что касается метеорологической станции, то она находится в запущенном состоянии. (Дьяков поставил здесь знак вопроса.) В настоящее время гелиометеорологическая станция в Горной Шории представляет собой мало репрезентативную метеорологическую площадку в самом рудничном поселке, на которой ведутся ограниченные метеорологические наблюдения. Кроме того, рядом построена башня, где установлен неплохой телескоп и ведутся наблюде-

ния за Солнцем». Термин «репрезентативность» означает в метеорологии не просто «представительность», а особо выгодный характер местоположения, позволяющий улавливать погодные явления разных географических направлений, каковой (репрезентативной) раньше всегда и считалась станция Горной Шории, расположенная в центре Евразии. Однако в данном кусочке текста заложен, вероятно, всего лишь тот эмоциональный смысл, который у кого-то из членов комиссии остался в памяти как неприятный эпизод. Когда пришедшая на Садовую комиссия стала смеяться над станцией, стоявшей посреди огорода, а Дьяков погнал её вон.

Комиссия упоминает «гипотезу А. В. Дьякова об автоколебательном режиме атмосферы Земли» и при этом не высказывает к ней никакого отношения. Заслуживает ли она внимания? Неизвестно. Так же нейтрально говорится об урагане «Инес».

Полным молчанием обходится в докладе вопрос о том, что не было сделано комиссией вопреки намеченному плану. «Оценить практическую эффективность прогнозов на основе имеющихся отзывов потребителей». «Не сделано», – приписал Дьяков.

«Поручить членам комиссии выполнить следующее: <…> Л. Т. Матвееву прорецензировать статью А. В. Дьякова на 134 стр. (имеется в виду «Предвидение». – *Е. Ч.*); <…> обратиться к члену-корреспонденту АН СССР Э. Р. Мустелю с просьбой дать официальное заключение о работах А. В. Дьякова». Ничего этого не было сделано.

При всем при том комиссия отдаёт должное метеорологу, обслуживающему СССР и другие территории земного шара при штате три человека – он, жена плюс сторож. В целом выводы доклада как будто благоприятны. Утверждается необходимость публикации работ Дьякова. Предлагается создать обсерваторию под научным руководством ГУГМС. Констатируется поток благодарностей от сельхозпотребителей. И вот тут-то начинается самое главное и самое страшное. Подразумеваю вывод комиссии об оправдываемости прогнозов.

«Прогнозы особо опасных явлений погоды, главным образом засух, по оценке самого А. В. Дьякова, имеют оправдываемость не ниже 90 %. Уже одно это обстоятельство требует внимательного отношения к подобного рода прогнозам. Так, для примера можно указать следующее. А. В. Дьяков ведет переписку с агрономами ряда крупных целинных совхозов. Они присылают ему фактические данные о зависимости урожайности от количества осадков. По этим данным, с которыми члены комиссии имели возможность ознакомиться, в годы засух урожайность по этим районам в среднем в 3,3 раза меньше, чем в нормальные годы. Именно по этой причине, а также по причине отсутствия в органах ГУГМС декадных прогнозов комиссия провела выборочную оценку сезонных прогнозов, составляемых А. В. Дьяковым». Таков был исходный тезис по оценке прогнозов, производимой под руководством А. Н. Аристова.

Эта работа проводилась по выборочно взятым телеграммам Дьякова, отправленным в период 1964–1972 годов в Министерство сельского хозяйства РСФСР. Как следует из текста доклада, проверка выполнялась двумя независимыми друг от друга организациями – ГМЦ и ГГО. Весь материал проходил экспертизу по четырём видам: гидрологическим прогнозам (таяние снега, вскрытие рек весной), выпадению осадков, температуре воздуха и ее месячным аномалиям, агрометеорологическим прогнозам. Поскольку прогнозы Дьякова с их «качественными характеристиками» по терминологии отличались от официально принятых в ГМС (с более определёнными количественными акцентами), им давалась нужная интерпретация. Например, у Дьякова: «сильные ливневые дожди», в ГМЦ: «уровень осадков в два раза выше нормы».

В приложениях к докладу приводятся вполне конкретные прогнозы Дьякова (первая графа); вторая графа – «фактически наблюдалось», третья содержала оценку – «прогноз оправдался», «не оправдался», «частично оправдался».

Примеры агрометеопрогнозов. «На юге Западной Сибири, особенно в Алтайском крае, интенсивная засуха в мае, июне и всей первой половине июля, сильные восточные ветры, температура около +30 градусов» (1965). Фактически наблюдалось: «Наблюдалась очень сильная засуха в Западной Сибири: влагообеспеченность яровой пшеницы 50–60 % оптимальной. В Алтайском крае, на юге Новосибирской и Омской областей – 30–50 % минимальной. Средняя урожайность пшеницы – 3–7 га». «Прогноз оправдался».

«Весной и летом 1964 года в Алтайском крае, целинных краях снова последует засуха, хотя менее интенсивная, чем в 1963 году, но на уровне примерно 1962 года». «Засухи не было. Влагообеспеченность яровой пшеницы преимущественно 70–90 % оптимума, урожайность – 10–12 ц/га». «Не оправдался».

Таких сопоставлений в приложениях десятки, однако остаётся неизвестным, как выборочное количество соотносится с общим объёмом телеграмм Дьякова. Согласно докладу, наименьшую оправдываемость показали гидрологические прогнозы (33 %), остальные – где-то на уровне 50 %.

«За период с 1964 по 1972 год в прогнозах А. В. Дьякова упоминалось о возникновении или отсутствии засух в 12 случаях. Из них оправдалось 6 (50 %). Кроме того, не давались прогнозы засух в Нижнем Поволжье и на востоке Северного Кавказа в 1969 г. и очень сильной и продолжительной засухи в восточной половине Европейской территории Союза в 1972 г.».

«Анализ оправдываемости прогнозов, данных А. В. Дьяковым, показал, что она составляет 52 %. Следует отметить, что прогнозы им даются в очень общей форме и в разные годы охватывают совершенно различные территории, то очень крупные (вся территория РСФСР, европейская часть Союза и т. д.), то более мелкие (Северный Кавказ, Поволжье и т. д.). Периоды прогнозов тоже различные – в одни годы даются прогнозы на вегетационный период, в другие – на отдельные месяцы или даже части месяца.

Прогнозы, составленные А. В. Дьяковым, не могут быть использованы для конкретных расчетов ожидаемой урожайности сельскохозяйственных культур, так как в них не дается распределение ожидаемых метеорологических условий или их аномалии в количественном выражении. Дается только общая тенденция аномальности условий увлажнения в отдельные годы (не во все). Так, не была предсказана очень сильная засуха в восточной половине Европейской территории СССР в 1972 году». Заключение составлено старшим инженером отдела агрометеопрогнозов ГМЦ К. В. Кириличевой.

По поводу сделанной по оценке прогнозов работы комиссия несколько раз делает в докладе как бы извиняющиеся ссылки на её «предварительный» и «ориентировочный» характер, связанный с невозможностью получить доступ ко всей массе прогностической дьяковской информации. Объяснение парадокса, который заключается в несоответствии выводов комиссии оценкам потребителей, единодушно утверждающих, что прогнозы Бога Погоды лучше, чем сводки ГМЦ, вскользь относится к желательному, но неопределённому будущему.

Но молва-то о них расходится отнюдь не как о «предварительных». «Дьяков никогда не публиковал своих методов, а потому их нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть. Достоверность его предсказаний при строгом подсчете не превышала, а иногда была и существенно ниже обычных» – из упомянутой здесь статьи «АиФ».

Таким образом, не успев ещё остыть от великого триумфа на совещании, Дьяков потерпел сокрушительное поражение. При этом он расценил выводы комиссии по процентам как «подлую фальсификацию».

От этих процентов зависит всё. Действительно ли он – пламенный революционер науки, трагически обиженный Гидрометцентром, или всего лишь неудачливый энтузиаст с непомерным апломбом. Дилетант со смутными идеями. Он сам прекрасно понимал, что всё это значит.

И надо сказать, что вынесенный комиссией «приговор» до сих пор тяжёлым грузом висит на памяти Бога Погоды. Чтобы отменить его (если это возможно), необходимо объективное исследование с более углубленным подходом, чем сделала комиссия. Множественные отзывы агрономов дают надежду на реабилитацию.

БРЕЖНЕВСКИЙ ЗАСТОЙ

Отметив очередную годовщину Октября и свой день рождения, Дьяков вскоре получил приглашение от Марчука на заседание Научного совета, которое должно было поставить точку по докладу комиссии. Но от этого решающего боя он решил уклониться. Почему? Наверное, мы не знаем каких-то существенных тонкостей, однако не подлежит сомнению, что ему попрежнему не хотелось открывать секрет своей методики, какая бы она ни была – плохая или хорошая.

22 ноября 1972 года Дьяков отправил заказное письмо Полянскому на пяти машинописных страницах. В нём перечисляются научные доклады автора, имевшие успех в разных аудиториях, и критикуются Бугаев и Марчук, представ-

ляющие консервативные взгляды, основанные на отрицании солнечных влияний. Между школами противоположных направлений в исследованиях атмосферы Земли много лет идёт ожесточенная борьба.

«В пылу такой борьбы та из борющихся сторон, которая предчувствует свое близкое и неминуемое поражение, как это бывает среди спортсменов, нередко прибегает к применению недостойных, некорректных приемов, в частности, фальсификациям, необъективным выводам и т. п. Именно так произошло в случае борьбы руководства ГМЦ СССР со мной в области долгосрочного предвидения погоды.

Лаборатория сезонных метеопрогнозов ГМЦ (заведующий Аристов Н. А.) скопировала в августе 1972 года в Министерстве сельского хозяйства РСФСР все метеопрогнозы на длительные сроки, которые я посылал туда по просьбе Главка семеноводства и земледелия… И вот по этим данным упомянутая лаборатория, вернее Н. А. Аристов, вывела показатель оправдываемости моих метеопрогнозов за десятилетие в 48–52 %, то есть показав именно такое число, которое предназначено полностью обесценить всю мою работу в области предвидения погоды за многие годы! <…> Вопиющую фальсификацию этих выводов и всю беспардонность такого приема можно немедленно обнаружить прежде всего из того факта, что мною оказались предсказанными за ТРИ месяца вперед (с февраля) все катастрофические засухи истекшего десятилетия – 1962, 1963, 1965 гг. на территории Западной Сибири и Северного Казахстана, чему свидетелем были Вы лично, получив мои предупреждения об этих явлениях по телеграфу. Кроме того, ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ предупреждения об этом имеются в Министерстве сельского хозяйства СССР!»

К письму Анатолий Витальевич приложил вырезку из «Правды» со статьей Ю. Черниченко «Погода на все лето» от 27 сентября 1972 года.

27 ноября 1972 года специально по теме «О научных и методических основах долгосрочных прогнозов погоды, составляемых А. В. Дьяковым» в Москве прошла сессия Научного совета по прогнозу погоды во главе с академиком Г. И. Марчуком. Совет констатировал, что «тов. Дьяков отказался представить необходимые для работы сессии материалы (тезисы доклада или доклад) <…> объясняя это тем, что доклад на Всесоюзной конференции заменяет его доклад на Научном совете». Однако в докладе на конференции «не указано, какая начальная информация используется и какова та последовательность расчетов, которую необходимо проделать, чтобы перейти от начальных данных к будущим конкретным явлениям погоды». Иными словами, пошаговой инструкции, увы, нет.

Научный совет обращался к шести человекам, упоминавшимся в прессе в качестве благодарных потребителей дьяковских прогнозов, чтобы они пояснили, по какой системе прогнозы оценивают и какую статистику имеют. Было получено четыре ответа. Ни в одном конкретных сведений не содержалось. В то же время полученные комиссией оценки прогнозов (за семь лет) являются низкими. «Следует, однако, отметить, что оценка прогнозов комиссией производилась без участия тов. Дьякова А. В.».

Постановили: доклад комиссии одобрить; считать целесообразным составление Дьяковым прогнозов в опытном порядке в течение 1973–1974 гг. с представлением всех прогнозов в ГМС для объективной оценки; принять к сведению решение коллегии ГУГМС о быстрейшем опубликовании работ Дьякова, «особенно описания метода долгосрочного прогноза погоды».

«В целях эффективного использования телескопов и другого оборудования и вовлечения тов. Дьякова в научный коллектив считать целесообразным передать гелиометеорологическую станцию в Горной Шории в ведение одного из учреждений АН или ГМС и принять меры по ее укреплению».

Академик Фёдоров мог наконец обстоятельно отчитаться перед «Правдой» в свете статьи Ю. Черниченко. Среди разных принятых мер и предложений по солнечно-атмосферным связям он конкретно отозвался о Боге Погоды: «Сибирский гелиометеоролог А. Дьяков был приглашен на Всесоюзное совещание и выступил с докладом. Он участвовал в составлении ориентировочного прогноза на конец этого года и на 1973 год. Гидрометиздату поручено срочно напечатать работу тов. Дьякова, как только он представит ее издательству.

По поручению Академии наук СССР и Гидрометслужбы СССР Научный совет по прогнозированию погоды создал специальную комиссию. Поскольку тов. Дьяков не ознакомил его членов с методическими основами составления своих прогнозов, Научный совет не смог дать им окончательной оценки».

Накануне Нового года произошло одно из самых больших и счастливых событий в жизни Анатолия Витальевича Дьякова. Правительственным указом от 26 декабря он был награждён орденом Трудового Красного Знамени «за большие заслуги в увеличении производства зерна». Позже всяк кому не лень, пишущий о Боге Погоды, не забывал упомянуть эту парадоксальную формулировку. Хотя что же в ней парадоксального?

Поле научного сражения он сдал сам, по таинственной причине так и не захотев раскрыть свои секреты. Боялся кражи интеллектуальной собственности? Но он мог обеспечить публичность вынесения методики на суд учёных. Опасался, что она несовершенна и не обеспечит гарантированных прогнозов на уровне 80–90 процентов? Но тогда к чему все сенсации? Не хотел отдавать монополию? И в этом предположении не видно смысла. Страна и мир сделали бы скачок вперёд в области прогнозов погоды, поставив Богу Погоды памятник. Есть мнение, что методики у Дьякова вообще никакой не было. То есть он полагался на интуицию. И при этом превосходил Гидрометцентр с его сотнями тысяч исходных данных?

Отпраздновали Новый год. Прошло чуть больше месяца после награды, пришедшей, разумеется, благодаря Полянскому, как с ним самим случилась настоящая беда – падение с олимпа. Причину видят в том, что он раздражал членов политбюро ЦК КПСС заходами в чужие сферы влияния, например, протаскивал «своих» писателей в толстые журналы, а лично Брежнева раздражал репликами о его глупости и некомпетентности, о которых генсеку доносили.

Три года Д. С. Полянский пробыл министром, затем работал послом в Японии и Норвегии. Как министр сельского хозяйства СССР он продолжал оставаться покровителем Дьякова, но, скажем, Е. К. Фёдоров ему уже не подчинялся по прямой административной линии.

Возможно, многое из намеченного в планах по солнечно-атмосферным связям рассыпалось в те годы, в частности, из-за этого падения Полянского. Во всяком случае, какое-то время спустя началась полоса «мрачной реакции». Солнечная проблема из научно-академической тематики изымалась. Дошло до того, что из научных библиотек стали выбраковываться книги по этому направлению. Сошла на нет совместная со США программа по исследованиям Солнца. Затем американцы легко нас опередили.

Солнечная тема стала явно «неперспективной» в диссертационном плане. Е. П. Борисенков так и сказал молодым тогда учёным В. Логинову и Б. Сазонову, которые интересовались Солнцем, и посоветовал заняться чем-то другим. Они последовали его совету. Б. Сазонов стал доктором физико-математических наук, В. Логинов, упоминавшийся здесь в главе о Мультановском, – академиком АН Беларуси.

«Быстрейшей публикации» работ Дьякова не получилось. В какой степени он сам виноват в этом? Нельзя исключить того, что где-то он не дожал с терпением, хитростью и саморедактированием, но, пожалуй, для всей этой истории характернее всего понятие негласного запрета. Если бы захотели – напечатали. Мучительная канитель ничуть не прервалась после постановлений о «быстрейшей публикации».

В марте 1974 года в Темиртау пришло письмо из Министерства сельского хозяйства СССР, подписанное заместителем министра А. А. Гольцовым (от 18 числа). Добрый замминистра писал: «Как стало нам известно, Вами подготовлена рукопись-монография по метеорологическому прогнозированию и Вы испытываете затруднение в ее издании. Министерство сельского хозяйства СССР может оказать помощь в издании Вашего труда. Если Вы согласны, то свою рукопись доставьте в министерство, и она будет отправлена в соответствующее издательство».

Дьяков согласен. Через полгода приходит ответ за той же подписью (от 15.10.74): «Уважаемый Анатолий Витальевич! Сообщаю Вам, что полученная Минсельхозом СССР по почте рукопись размножена в четырех экземплярах для подготовки ее к изданию. Возвращаем Вам подлинник и два экземпляра копии. Для передачи рукописи в издательство «Колос» было бы желательно, чтобы Вы, Анатолий Витальевич, сделали на одной копии чернилами дополнения и уточнения, которые целесообразно внести исходя из опыта Вашей работы и наблюдений за последние годы. Необходимо исправить (обновить) абзацы по последним решениям партии и правительства. Копию с исправлениями и дополнениями (без перепечатывания) просьба как можно быстрее вернуть в Министерство сельского хозяйства СССР. Здесь мы ее перепечата-

ем и отдадим в издательство. Позднее Вам придется приехать в Москву для решения возможных вопросов в издательстве».

Самым отвратительным оказался вопрос подновления абзацев с «последними решениями партии и правительства». Их следовало найти в газетах, которые давно ушли на растопку, через силу прочитать трескучую галиматью и любовно процитировать в нужных местах, которые надлежало вдумчиво определить среди научных рассуждений и формул. Нервный, лёгкий на безумные вспышки Дьяков, что называется, плюнул на эту чересчур заумную идею вместе с рукописью.

В том же году Бог Погоды снова потревожил Полянского, формально оставшегося пока членом Политбюро ЦК КПСС. «Я представил 7 сентября 1972 года особое мнение касательно режима погоды на территории СССР в 1973–1974 годах, изложив также и ОСНОВЫ МЕТОДИКИ, разработанной мною для долгосрочного предвидения погоды с учетом воздействия на земную тропосферу энергии активности Солнца. Фотокопию моего документа имею честь Вам представить. Его содержание значительно отличается от тех согласованных, весьма общих и расплывчатых соображений о погоде в 1973 году…, какие были разработаны Совещанием метеорологов 5–7 сентября 1972 года в ГУГМС и переданы Совету министров СССР. Между тем мой документ (особое мнение) начальник ГУГМС Е. К. Федоров предвзято не вручил Вам, скрыв его у себя. Моя статья в «Литгазете» «Когда крепчает солнечный ветер» сделана на основе этого документа.

Все мои предположения оправдались, особенно положение, что 1973 год должен быть вполне благоприятным для сельского хозяйства всей страны как на западе, так и на востоке (Федоров присвоил мой прогноз).

Документ мой прошу опубликовать на страницах журнала «Земледелие», ибо там основы методики, прошедшей испытание временем в течение трех десятилетий (с 1940 года). Достаточно напомнить, что с помощью этой методики мне удалось предвидеть все катастрофические засухи за двадцать лет и предупредить о них заблаговременно руководителей партии и правительства (включая Вас лично)». Он снова упорно апеллирует к «основам методики». Но кто же сможет объяснить, чем «основы» лучше самой методики?

Дьяков и наука существовали в двух параллельных мирах. Конфронтация с официальными учёными кончилась, причём поражением Дьякова. Он по-прежнему не признан наукой – не признан теперь «законно», по праву завершившей свою работу комиссии. В то же время его имя звучит, авторитет практических успехов находится в самом зените. Он проводит экскурсии, с удовольствием читает лекции школьникам, которые, бывает, приходят группами по тридцать – сорок человек. Дом его всегда полон гостей – журналистов, писателей, любопытствующих учёных, сценаристов, кинодокументалистов, доброжелателей, а иногда и просто самозванцев и проходимцев. В специально заведённом журнале учёта посетителей все они оставляют благодарственные записи.

И так проходят годы трудов, суеты, чтения писем и ответов на них, разговоров со всеми интересующимися, заинтригованными судьбой Бога Погоды людьми.

22 мая 1976 года произошло значительное событие. На большом вертолете Ми-8 из Кемерова в Темиртау прилетела группа руководителей вместе с завотделом сельского хозяйства ЦК КПСС Иваном Ксенофонтовичем Капустяном. С высоким московским визитёром прибыли первые секретари Кемеровского (Л. А. Горшков) и Новосибирского (Ф. С. Горячев) обкомов партии. Их сопровождали директор Темиртауского рудоуправления С. Я. Скрипкин и секретарь парткома М. С. Петченко.

И. К. Капустян поинтересовался перспективами урожая зерновых на всей территории СССР. Ответ был: «Перспективы благоприятные, особенно на европейской части Союза. Правда, в Западной Сибири и Северном Казахстане последует засушливый период в тридцать пять суток с конца мая по начало июля 1976 года. Впрочем, эта информация уже отправлена в Министерство сельского хозяйства СССР, Кемеровскому обкому КПСС, всем обкомам Западной Сибири и Северного Казахстана, председателю Совета министров РСФСР товарищу М. С. Соломенцеву…»

Происходили и довольно настораживающие случаи. В журнале учёта посетителей 2 июля 1976 года появилась стандартная, казалось бы, запись: «Уважаемый Анатолий Витальевич! Мы, члены юношеской секции Новокузнецкого отделения ВАГО, благодарим Вас за теплый прием, интересный рассказ о Вашей работе.

Мы узнали много нового и интересного. Пусть Ваша работа приносит только счастье Вам и всем людям».

Увидев эту запись, скрупулёзный Дьяков обратил внимание на отсутствие подписей и приписал: «А кто именно? Подписей-то нет! Анонимщики!» Далее Анатолий Витальевич собственноручно сделал комментарий, называя себя в третьем лице: «История этого визита следующая. Еще в апреле 1976 г. руководитель юношеской секции НО ВАГО – лаборант НГПИ (Новокузнецкого госпединститута. – *Е. Ч.*) Родионов – обратился по телефону к А. В. Дьякову с просьбой предоставить ему результаты наблюдений Солнца, сделанных А. В. Дьяковым в течение 1973, 1974–1975 годов.

– Для каких целей нужно использовать эти наблюдения?

– Мы отправляемся в августе 1976 года на слет молодых астрономов в Баку. И представим эти работы как сделанные нами.

– Но ведь это же нечестно – выдавать чужие наблюдения за свои, ведь вы ни разу у меня на обсуждении еще не были! Это же приписка!

– А иначе в науку не пролезешь, – последовал довольно циничный и откровенный ответ.

2 июля Родионов, видимо, постыдился отправиться сам, отправил четырех молодых астрономов в сопровождении лектора Новокузнецкого планетария В. Синицкой. И вот один из них повторил просьбу Родионова. Ответа на вопрос «зачем?» не последовало. Дьяков рассказал о разговоре с Родионовым. Синицкая была весьма сконфужена. Вот почему никто из них не решился поставить свои подписи…

История эта весьма прискорбная и неприглядная».

Нельзя здесь с Анатолием Витальевичем не согласиться. Мир снова, в который раз, менялся. Люди становились другими.

СЧАСТЬЕ НЕРАЗДЕЛЁННОЙ ЛЮБВИ

Ариадна Ивановна жила в Москве, на Ленинском проспекте, в квартире с подселением. Другим жильцом (дверь по коридору) тоже был немолодой учёный. В комнате её стояли допотопный шифоньер, стол, два стула и тахта.

Она участвовала в работах по вычислению орбитальных параметров гагаринского полёта, в шестьдесят лет защитила кандидатскую диссертацию и выпустила монографию, опубликованную в СССР и за рубежом. Иной раз почтенные профессора-вдовцы предлагали ей руку и сердце, но встречали деликатный отказ.

Не так уж редко в столицу наведывался её любимый Толя, которого в письмах она теперь именовала «братиком», а сама подписывалась: «сестра». В 1960-е годы он останавливался у бывшей жены (хотя иногда и в гостинице, если она оплачивалась из командировочных средств; позже его гостеприимно принимал Р. Ф. Усманов).

Для Ариадны Ивановны его приезды стали великими событиями. Проводив гостя, она долго не могла прийти в себя, переживая каждую мелочь. Может, зря не положила ему в дорогу баночку варенья, боясь, что он разобьёт её и запачкает пальто? Не забудет ли Толенька помыть апельсины? Не будет ли он всю дорогу в поезде голодный? В поезде всегда задают тон какие-то малосимпатичные люди… В голову лезли всякие ужасы. В такие минуты она отчётливо понимала, как дорог ей Толя. Хотелось плакать. Работа отступала на задний план. Ариадна Ивановна думала о носовых платках, которые забыла положить ему в дорогу, о посылках с конфетами для детей… Снова делалось до слёз грустно и больно.

Она писала в письме: «…приехал? Угля у вас нет?.. Болели домашние? Толенька, как бы мне хотелось сделать за тебя все неприятное.

Как то ты готовиться к докладу будешь? Пожалуйста, держи меня в курсе дел… Я постараюсь присутствовать, чтобы тебе не было скучно и одиноко, когда будет доклад. Только напиши» (28.12.60).

«Толенька, радуйся жизни, деткам, солнышку и помни, что, пока у меня есть силы, я все сделаю для тебя…» – писала в другом письме (25.12.60).

Бывая проездом в Москве, долгое время работавшая председателем Темиртауского поссовета А. С. Черданцева с удовольствием ходила по её улицам, радовалась красоте и величию столицы. В душе поднималось чувство гордости за то, что в 1941-м она защищала город в расчёте зенитного орудия. И уж непременно она навещала Ариадну Ивановну. В 1961 году их разговор не мог не зайти о Гагарине.

– Полёт Юрочки – это наша работа, – говорила Ариадна Ивановна.

Как бы высоко ни витала эта учёная женщина в заоблачном эфире, она достаточно трезво оценивала нюансы отношений с Анатолием Ви-

тальевичем. Черданцеву волновала её бесконечная преданность темирскому кумиру.

– Обманывает вас Дьяков и всю жизнь обманывал!

– Нет, он чист, кисанька.

– Он вас в Москву отправил и обещал приехать сам… Говорил, что вы будете вместе…

– И не приехал, я понимаю…

– Ариадна Ивановна! – прямо спросила Черданцева. – Зачем он вам? Он же не любит вас!

– Что ж, пусть так. Я согласна и на такое, что одна его люблю.

Как всегда, Ариадна Ивановна наивно восторгалась кулинарным искусством гостьи, которая всего лишь жарила глазунью.

– Как ты умеешь готовить, кисанька!

И всё выспрашивала о секретах приготовления.

– Да вы что, Ариадна Ивановна! Это же самое простое блюдо!

Черданцева поехала на Ленинградский вокзал, села в вагон.

– Это не ваша мамаша вас высматривает? – спросил пассажир, стоявший у окна.

– У меня нет никакой мамаши… И в Москве, и вообще…

Посмотрела за окно. На перроне стояла Ариадна Ивановна, в двойных очках пытавшаяся разобрать номер вагона (она уже почти ничего не видела). Черданцева вышла на перрон, обняла и поцеловала её.

В 1974 году Ариадна Ивановна Невзорова умерла. Похоронила её Академия наук, которая, вероятно, посылала две телеграммы Дьякову, считая его родственником, может быть, братом. Но по неизвестной причине на похороны он не приехал. То ли не счёл нужным, то ли из-за поезда-самолёта…

Тело её кремировали и прах захоронили в колумбарии АН.

– А вы знаете, Александра Сергеевна, мы с Диной, как Маркс с Энгельсом! – говаривал иной раз Анатолий Витальевич, имея, наверное, в виду ее материальный вклад в созданную им научную теорию.

– Что же вы, как Маркс с Энгельсом, а две телеграммы получили и на похороны не поехали?! – не преминула она осадить этого уже знаменитого, но неприятного ей человека.

Ответа на свой вопрос Александра Сергеевна не получила.

НИВА ПРИЗНАНИЯ

В последний период жизни и работы Бога Погоды его авторитет в области сельского хозяйства остаётся на прежней, никем и никогда не опороченной высоте. География заявок и контактов поразительно широка. Само собой, что прогнозы с неизменной аккуратностью давались для Кузбасса и посылались в Кемеровский обком партии. Но список только областей и краёв, начиная от Киевской области на западе и кончая Сибирью, куда и откуда, не считая конкретных колхозов, совхозов и опытных станций, отправлялись телеграммы, очень длинен. Караганда, Кустанай, Павлодар, Целиноград, Семипалатинск, Новосибирск, Барнаул, Бийск, Свердловск, Омск, Курган, Челябинск, Башкирия, Саратов…

Если сельское хозяйство было главным фронтом приложения дьяковской деятельности, он всё-таки никогда не забывал и об океанских просторах, хотя нельзя сказать, что систематически отслеживал все многочисленные явления погоды на морях. 3 февраля 1981 года ушла телеграмма начальнику центрального узла связи Минморфлота СССР С. И. Развадовскому: «Считаю своим долгом послать вам предупреждение, что в период 5–20 февраля 1981 г. последуют жестокие штормы с ветрами вест норд веста со скоростью 25–30 м/с на всем севере Европы, у берегов Англии, на севере Франции, в Атлантическом океане севернее 50 градуса северной широты…»

Ответ пришёл не из Минморфлота, а как бы из газеты «Известия» от 6 марта 1981 года, где одесский журналист А. Кноп красочно описал злоключения советского танкера «Вентспилс». Сначала погода радовала моряков, согласуясь с прогнозами синоптиков. Как вдруг налетел мистраль – свирепый ветер Средиземноморья. «Вспененное море выглядело снежным полем, по которому с ревом разгуливали валы 10-метровой высоты. Трудно было разобрать, где вода, где небо. И среди неистовой пляски стихии в Лионском заливе маленький танкер…» Капитана поразила внезапность урагана, тем более что обрушился он не в открытом море, а в заливе, в 60–70 милях от берегов Франции и Испании. Ящики с противопожарным инвентарём смыло за борт, металлическое ограждение погнулось… Буря зашвыривала теплоход на гребни огромных волн. Команда мужественно боро-

лась со стихией. Коки готовили пищу, привязав кастрюли к плите… В конечном счёте всё обошлось благополучно, только в порт назначения (Барселону) танкер попал позже, чем хотелось, и не с востока, а с севера.

В дальнейшем С. И. Развадовский стал отвечать на приходящие иногда телеграммы из Темиртау. «Благодарю за информацию. Вашу телеграмму переслал Госкомгидрометy…» (19.08.81).

ЖЕСТОКАЯ ЗИМА

Мир был поделён на две части. Одна угрюмо отмалчивалась, а то и прямо громила Дьякова с профессорской кафедры как дилетанта, лжеучёного, шарлатана, если не как-нибудь похлеще. Другая часть поражалась научному подвигу Анатолия Витальевича, любила его и питала глубочайшее восхищение.

Власти Кузбасса относились к Богу Погоды с должным пиететом. Председатель Кемеровского облисполкома Парфентий Васильевич Гузенко регулярно присылал ему поздравления к праздничным датам, правда, чисто официальные, отпечатанные типографским способом для известного круга лиц, входивших в поздравительный список области. Но П. В. Гузенко и лично не один раз прилетал в Темиртау на вертолёте, всегда с искренним интересом беседуя с Богом Погоды. По рождению крестьянин и по образованию агроном, он проявлял немалую компетентность в сельхозвопросах и в то же время отличался скромностью, чуткостью и вниманием к нуждам людей.

В это время наметились известные финансовые трудности в осуществлении ПИГАП (любимого детища покойного профессора Бугаева) – Программы исследований глобальных атмосферных процессов. В рамках ПИГАП проводились международные эксперименты – тропические, муссонные, полярные – с участием 70 стран, в том числе СССР. В них были задействованы сотни морских судов, буи, спутники, самолёты, станции Всемирной службы погоды. Многомесячные экспедиции приносили не так уж много открытий. На 1978–1979 годы ВМО решила вложить ещё больше средств, чтобы собрать максимум информации, для обработки которой потребуется ЭВМ с быстродействием, 10–15 миллионов операций в секунду.

Учёные выражали сомнение в принципиальной возможности точных прогнозов погоды на длительные сроки. Метеослужба такой высокоразвитой страны, как Франция, «во имя авторитета самой науки» вообще прекратила с 1977 года публикацию месячных прогнозов.

Поэтому телеграмма из Темиртау во Францию от 11 октября 1978 года встретила понятное недоумение. С более привычными чувствами восприняли аналогичное послание в Министерстве сельского хозяйства СССР (от 27.09.78). О том, что Гидрометцентр, взявший на себя в свое время роль судьи прогнозов Бога Погоды и вынесший приговор о их 50-процентном качестве, сам в эти дни сел в лужу с нулевым прогностическим эффектом, говорить не приходится.

«Париж. Астрофизический институт. Ж.-К. Пекеру. Дорогой коллега, считаю своим долгом отправить предупреждение по поводу суровости зимы 78/79 г. По моим предположениям, следует ожидать весьма интенсивные волны холода в третьей декаде декабря, а также января – около минус 20 градусов».

С Жаном-Клодом Пекером Дьяков заочно познакомился ещё солнечный цикл назад – в 1967 году, когда предсказал «неистовую зиму» 1968 года в Европе («неистовой» окрестили зиму журналисты). Ж.-К. Пекер имел труды в области физики звёздных атмосфер, эволюции галактик, космологии. Генеральный секретарь Международного астрономического союза (1964–1967), президент Французского астрономического общества (1973–1976), с 1977 года член Парижской АН, в 1971–1978 годах – директор Астрофизического института в Париже.

«Спасибо за телеграмму. Мы уже одеваемся в теплые манто», – блеснул он галльским остроумием, давая ответ в Темир.

В конце второй декады декабря снег посыпался на Польшу, Чехословакию, ФРГ, Францию. Мороз ударил до минус десяти и двадцати. Во Франции 19 декабря оборвались обледеневшие электропровода. Машины, занесённые снегом, застревали на дорогах. Порой люди в них замерзали насмерть. Только во Франции ущерб составил около четырёх миллиардов франков.

На территории СССР тоже похолодало больше обычного. В Ленинградской области – минус 30–35 перед Новым годом, в Москве на шесть градусов ниже нормы. Зато в Западную Сибирь устремились потоки тёплого воздуха,

подняв температуру на десяток градусов выше нормы.

В Темир пришла ещё одна телеграмма из Парижа: «Спасибо за ваше великолепное предвидение. Можете ли вы, дорогой коллега и дорогой друг («Теперь так!» – пометил Дьяков), прислать заметку о методике предвидения? Надо ли учитывать активность солнца и как?»

Как? Хороший вопрос, мсье Пекер. Ответа на него мы не знаем до сих пор.

ДЕТСКОСТЬ В ХАРАКТЕРЕ

Дьяков никогда не изменял своему целеустремлённому, методическому характеру, в основе рациональному, интеллектуальному, творческому. Его преданность науке удивляла и восхищала всех, кто его хоть сколько-нибудь знал, в том числе самих учёных и тех, кого можно назвать коллегами по профилю деятельности, причём в докторских степенях, и других специалистов: агрономов, физиков, геологов.

К науке он относился с абсолютной бескорыстностью, которую сам отчётливо осознавал и не раз подчёркивал в переписке с научными инстанциями, что работает не ради материальных благ. Более того, вкладывал личные средства, например в строительство обеих башен, на Улудаге и на Садовой. Его личное бескорыстие оказалось чреватым довольно большими жертвами, которые вряд ли можно назвать разумными: дом в Крыму и пенсия. После смерти сестры Ольги Дьяков должен был оформить в наследство её дом, на который он просто махнул рукой, и дом достался крымской соседке Ольги. Достигнув шестидесятилетия, Анатолий Витальевич четыре года не оформлял пенсию, пока жена не решила настоять на этом.

Ещё одна характерная для него черта – это «детскость», замеченная, например, геофизиками во главе с О. А. Квачевским (группа побывала в Темиртау 18 августа 1974 года; девять человек из Ленинграда, двое из Уфы): «Мы, геофизики, сотрудники Всесоюзного НИИ разведочной геофизики, с большим интересом ознакомились с обсерваторией и ее создателем Анатолием Витальевичем. Беседа, которую он провел, поражает свежестью мышления, оригинальностью и какой-то детскостью в самом хорошем смысле этого слова. Пожалуй, Анатолий Витальевич убедил нас в том, что достижение долгосрочных прогнозов погоды, которые так нужны человечеству, – не мечта, а очень недалекая реальность…» (Журнал приёма экскурсий.)

Может быть, и «нескромность» Дьякова росла из того же генетического корешка, что и детская непосредственность. В бытовых случаях, рассказывая о научных достижениях, он нередко ставил акцент на собственную личность, но без малейшей тени эгоистичности.

В «Печальной повести…» приводится одно воспоминание: «…Саша Изместьев рассказал такой эпизод. В начале шестидесятых годов, когда он был младшеклассником, внизу, под горой, было болото, сейчас осушенное. Речка весной разливалась и хлестала прямо через деревянный мост, делая его непроходимым для ребятишек. А надо идти в школу. Ребятишки стояли на берегу, не зная, что предпринять. И вот появлялся Анатолий Витальевич в шортах и рубашке с короткими рукавами. Босиком. Он брал ребятишек под мышки по двое, как щенков, и, осторожно ступая по залитому водой мосту, переносил их на другую сторону. Учитесь, мол!»

С сочувствием относясь к людям, Бог Погоды писал жалобы для горняков, которые поражались, как он, никогда не работая в шахте, мог знать и нормы выработки, и правила медицинского обслуживания, и предельно допустимые концентрации вредных веществ. Иван Замятин, Николай Малиновский, Афанасий Кабанов и другие приходили в избушку метеоролога за консультациями и жалобами. Многим шахтёрам стало обидно, когда пенсию повысили со 120 до 160 рублей. Они, допустим, отработали по тридцать лет и ушли на пенсию в 120 рублей, а через месяц-неделю – повышение… Пустили жалобы по начальству, но безрезультатно. Тогда пошли к Богу Погоды, который, однако, на сей раз отказал в просьбе, объяснив тем, что некие органы предупредили: хватит писать.

Беседуя с журналистами, Дьяков иногда зачитывал отрывок из «Популярной астрономии» Фламмариона, подавая его убеждения как тождественные своим собственным: «Когда люди узнают, что такое Земля, и ознакомятся со скромным положением своей планеты в бесконечности, тогда они перестанут быть безумцами, такими грубыми с одной стороны и такими легковерными с другой; тогда они будут жить в мире, в плодотворном изучении Истины, в созерцании Прекрасного, в делании Добра, в стремлении к развитию Разума, в благородном

употреблении своих высших Духовных способностей».

В этой цитате и впрямь много от самого Дьякова, романтика-гуманиста, наивно верящего в классические идеалы и в то, что гений и злодейство несовместны. «Не замечательно ли, – рассуждал Анатолий Витальевич в «Автобиографии», – что именно <…> мысль о мировой дружбе человечества <…> была выражена Великими основателями учений научного коммунизма: Карлом Марксом, Фридрихом Энгельсом и Владимиром Ильичом Лениным?! Первые двое писали: «Необходимо добиваться, чтобы прекрасные законы нравственности и справедливости, которыми руководствуются в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами в отношениях между народами».

Далее Дьяков цитировал мысль Ленина о том, что без просвещения нет коммунизма и об обогащении памяти знанием всех тех богатств, которые выработало человечество, и о том, что необходимо учиться, учиться и ещё раз учиться.

Вместе с душевностью и человечностью Богу Погоды была присуща необыкновенная вспыльчивость вкупе с быстрой отходчивостью. Просто уникальный случай отобразил Г. Юров в «Печальной повести…». Они с Дьяковым заговорили о возможности публикации в Кемеровском книжном издательстве, о том, что редакторы могут рукопись подправить.

«Дьяков сразу вскидывается:

– Кто подправит? Зачем подправит?

– Наши редакторы, – говорю, – в смысле запятых.

Но Дьяков уже не слушает:

– А ну-ка, погодите! Заходите обратно, – он стаскивает с меня пальто. – Подправят, говорите?

Он несет мне кипу журналов и вырезок:

– Смотрите. Моя статья в журнале «Астрономия» вышла в Париже без единой поправки. <…>

– А вот мое интервью журналу «Турист». Да попробовали бы они что-нибудь исказить!

Дьяков задохнулся. Лицо пошло пятнами. Я пытаюсь объясниться, прошу извинить за неловкое слово. Он приходит в ярость, все более бледнея при этом:

– Никто не посмеет исказить Дьякова. Не дам!

На этот гвалт прибегает Нина Григорьевна… На скуластом лице тревога и чувство неловкости:

– Анатолий, успокойся! Тебе же нельзя волноваться.

И поворачивается ко мне:

– С ним это бывает. Не сердитесь, пожалуйста.

Но я уже начал сердиться. А Дьяков перешел к прямым оскорблениям:

– Книжки, значит, издаешь… Мэтра из себя корчишь… – говорит он с непонятной мне ненавистью.

Пора защищать свое достоинство.

– Вы перешли границу, – говорю. – Вот книга с вашим рефератом. Возвращаю уже сегодня. Очень сожалею. Прощайте!..

И выхожу вон, в сердцах хлопнув дверью». (Вскоре отношения восстановились.)

Этот эпизод оставляет пищу для размышлений. Здесь можно увидеть и гипертрофированное я Дьякова, врождённо присущее ему, и возможное обострение эмоциональных черт личности в период болезни. В другом месте Г. Юров приводит случай, когда Бог Погоды швырнул в печку книгу, в которой один из кузбасских поэтов развязно описал знакомство с ним.

Его научная и жизненная непримиримость достойна специального исследования. Он порвал отношения с матерью (или она с ним?), ссорился в школе с учителями и директором, после дружеской переписки с Эйгенсоном перестал признавать его, уличив в научных заблуждениях. О таких оппонентах, как Кибель, Хромов, Бугаев или Марчук, и говорить не приходится. И в то же время он прекрасно ладил со многими людьми, хорошо уживался с Ариадной Ивановной, Ниной Григорьевной и своими детьми, поддерживал дружбу с Р. Ф. Усмановым и одним из однокашников по МГУ Исаком Богановским.

В студенческом далеке Дьяков спас Богановского, когда тот тонул, – никаких подробностей больше нет. Бывая в Москве, Дьяков навещал приятеля юности, навсегда сохранившего благодарность за спасение. Камилл, ездивший в детстве вместе с отцом, запомнил, как они оживлённо беседовали, вспоминая прошлое. «Сталин – подлец…» В качестве подлеца в беседах фигурировал также студент, который донёс на Дьякова в 1934 году. Им его имя было известно.

К Сталину Бог Погоды всегда относился с должной нелюбовью или ненавистью и с возрастом углубил мысли о «палочном социализ-

ме». Впечатления от сталинской эпохи сливались в его представлении с теми образами, которые оставил Александр Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву». Ему самому довелось путешествовать в Москву, но не из Петербурга, а из Ташкента, видя невообразимые страдания людей.

Чтобы разобраться в коммунистических идеях и сопоставить их с фактом ареста и осуждения в 1935 году, он в большом количестве прочитал труды классиков марксизма-ленинизма и мог цитировать их наизусть. НЭП и её успехи ему пришлось видеть собственными глазами. В сравнении со Сталиным Ленин казался неоспоримо сияющей вершиной…

Относясь к марксизму-ленинизму вполне ортодоксально, Бог Погоды не мог не видеть, как советское общество всё больше и больше разлагалось, всё больше и больше пронизывалось фальшью. Но нельзя сказать, что именно по этой причине (причины могли быть и другими) Дьяков не присутствовал ни на одном поселковом торжественном собрании. На депутатские выборы разных уровней он являлся своеобразно – без пяти минут, а то и без двух минут до полночи, когда избирательная комиссия должна была вскрывать урны. Председательствовала в избирательной комиссии обычно Анна Ивановна Ситько (жена директора школы), секретарские обязанности выполняла А. С. Черданцева. Женщины ворчали:

– Чтобы показать свою занятость, приходит ночью последний!

– С утра весь день работал и к ночи только освободился!

Дьяков всегда до поздней ночи засиживался над книгами, свет в окнах виднелся из посёлка. Он читал научную литературу и периодику, историческую литературу, художественную классику. Среди излюбленных им авторов можно назвать Чехова, Тургенева, Гоголя, Куприна… Да и стоит ли приводить длинный список, в котором есть даже забытые сейчас и полузабытые имена? Как истинный романтик, он с удовольствием в разные годы жизни читал Жюля Верна, Герберта Уэллса, Конан Дойля…

В музыкальной сфере предпочтений его вдохновляли такие непохожие друг на друга Сен-Санс и Бетховен. Эстрадную музыку не любил, по телевизору смотрел только новости.

В журнале приёма экскурсий много отзывов, выражающих поразительное впечатление от личности Бога Погоды. «Уважаемый Анатолий Витальевич! Сегодняшний день мы будем считать одним из самых удивительных и счастливых. Щедростью Вашей души и своими глубокими убеждениями в научной деятельности Вы нас глубоко поразили и нежно тронули. Ехали мы сюда для встречи с Вами и на прогулку. Но итог нашей поездки – это в основном встреча с Вами. <…> Велик тот, кто твердо убежден в своих идеях. Группа железнодорожников Новокузнецкого отделения железной дороги, 60 человек» (22.02.75). «Это неверно, бывают шизофреники, сумасшедшие, тоже твердо уверенные в своих бредовых идеях, например, А. Гитлер», – прокомментировал А. В. Дьяков.

«…Три дня праздника науки, общечеловеческого знания и душевности. За все большое спасибо! Будем ждать Вашу книгу о Фламмарионе. Физик Е. П. Маточкин, Новосибирск» (09.03.76).

«Анатолий Витальевич, Вы открыли мне стихи графа А. К. Толстого, а главное, прекрасно открылись сами в большом многообразии талантов. Спасибо… Физик А. А. Шпунт, Новосибирск» (09.03.76).

«Правда всегда побеждала, так держаться за истину надо нам учиться у Вас… Главный агроном Кустанайского областного производственного управления совхозов М. Ермаков» (20.11.74).

Некоторые авторы отзывов патетически писали о том, что идеи, время которых пришло, всегда побеждают. В те годы это так легко думалось.

НЕИЗБЕЖНОЕ

Всю жизнь Дьяков сам следил за своим здоровьем, не беспокоя врачей. Собственно, кроме насморков, он не мог ни на что жаловаться. С юных лет ему претили вино и табак, чай и кофе, он не ел мясо. Его приоритеты в еде составляли молоко и молочные продукты. По утрам – неукоснительно гимнастика Мюллера, холодные обливания в любое время года. Вода из обледенелого ведра была привычна ему. Грузность тела не мешала чувствовать бодрость и прыгать, как мячик. В апреле он гулял по снегу босиком, ходил в центр посёлка с туфлями под мышкой.

И всё-таки часы неумолимо тикали. Роскошные когда-то волосы редели и седели. Стало напоминать о себе сердце. Появились

ревматические боли. К шестидесяти шести годам Анатолий Витальевич сдал и не выезжал из посёлка. Соседний Новокузнецк и то казался дальней дорогой. Всё чаще в голове гостили грустные мысли, порой ужасавшие его: «Неужели я старик?!» Когда-то ему казалось, что впереди только великий, озарённый светочем разума путь.

Он подумывал о смерти и вечности, о завершении своей биографии и её продолжении в потомках, о том, чтобы передать знания самому образованному сыну, Камиллу, вернувшемуся из Минска после окончания Белорусского университета.

Смерти как таковой, ухода из жизни Дьяков не боялся. Более того, он как-то тешился мыслью о ней, веря, что лишь после неё к нему и придёт научное признание, как заведено в этом завистливом, неприязненном человеческом мире. Ещё нестарый и здоровый, он говорил жене, как всегда, конечно, скорее эпатируя, чем всерьёз:

– Давай уйдём из жизни вместе. Подлецы одолели. Не могу больше!

В 1981 году у него отнялась рука. Врачи, прилетевшие на вертолёте из Новосибирска, отметили нарушения кровообращения, инфарктные явления мозга.

Несмотря на тяжёлое самочувствие, Дьяков продолжал работать, исправно давая прогнозы погоды, отбивая телеграммы по заявкам, снабжая информацией сельхозотдел Кемеровского обкома КПСС. По-прежнему приезжали на практику студенты, приходили туристы-экскурсанты, десантировались корреспонденты и киношники.

С углублением болезненных состояний Дьяков начал замыкаться в себе. Образ собственной могилы на вершине Улудага давал ему пищу для размышлений. Здесь, на горе, дело его жизни. Здесь должен покоиться и прах его. Между тем ещё более, чем смерть телесная, Дьякова тревожило нечто вроде смерти духовной, которая заключалась бы в краже его идей.

Жизнь вокруг цвела и звенела молодыми голосами. Росли и пробивались новые научные силы. Сотни учёных могли с ходу переварить теоретические взгляды Бога Погоды – глядишь, их быстро донесёт до них какой-нибудь прыткий гений, доселе никому не известный. Сколько раз Дьякову приходилось читать о научных кражах. Вот, к примеру, Окен в 1807 году присвоил идею Гете о значении межчелюстной кости у человека и позвоночную теорию черепа… Да что читать. Ещё четверть века тому назад он ясно видел, как хитрят скептики из Гидрометслужбы. Прикидывались внимательными и сочувственными, стараясь добиться «втихую» передачи им всех разработок, не давая никаких обещаний и хотя бы моральной поддержки. Лживость их сквозила во всём. Хотели обвести вокруг пальца! Отнять приоритет!

Страх разрастался, давил и душил. Мнительность заставляла подозревать и студентов в вынюхивании секретов. Приходилось проявлять осторожность в изложении идей.

В эти болезненные годы его особенно занимала судьба своего теоретического наследия. Итоговой, главной книгой его жизни должна была стать «Динамика атмосферы», в отношении которой он получил письмо из Гидрометиздата с выражением готовности опубликовать её. Однако она, отпечатанная машинописным способом на русском и французском языках, так и не увидела свет. По воспоминаниям жены, в отчаянии Анатолий Витальевич подумывал о публикации «Динамики» за границей, но не пошёл на это из опасения перехвата. Действительно, госбезопасность просто «спала» в мыслях учёного (мне это известно из компетентного источника).

7 ноября 1984 года Бог Погоды отмечал 73-й день рождения, совпавший с 67-й годовщиной Октябрьской революции. Приехали дети, собралась вся семья. Разговор зашёл о науке.

– Как же звали того учёного, который…

Все взгляды устремились на главу семьи, никогда не упускавшего удовольствия блеснуть рассказом. Однако вопрошающие глаза сконфуженно опустились, потому что случилось нечто невозможное: отец не мог вспомнить известное имя…

Дети остались ночевать в новом доме, именинник с женой пошли в старый. Анатолий Витальевич прохаживался по комнате, поохивая и постанывая.

– Что с тобой? Болит что-нибудь?

– Нет…

Вызванный утром врач дал направление в больницу Каза (соседнего посёлка), оттуда больного повезли в Новокузнецк. Лишь через неделю врачи диагностировали инсульт. Анато-

лий Витальевич не помнил никого из знакомых и родных, даже детей. Но узнал пришедшую на свидание Нину Григорьевну.

– Увези меня отсюда! Увези скорее!

Назавтра они уехали домой. Человека нельзя было узнать. Вместо без умолку говорливого – немой, который принимал пищу и ложился на диван. Доставал с полочки, что над диваном, книгу, листал… и снова вкладывал её в ряд. Так миновали несколько месяцев, прошёл Новый год.

Утром 15 февраля, в пятницу, Нина Григорьевна пришла в старый домик с газетами. К её удивлению, муж сам поднялся с постели, оделся и обулся, после чего принялся за чтение газет. «Неужели выздоровел?..»

– Толь, ты наших детей помнишь?

– Да ты что, с ума сошла? Как же я их не помню?

– Ну, скажи, Валера в каком году родился?

Анатолий Витальевич образцово назвал всех детей с датами. Не чувствуя себя от радости, Нина Григорьевна ненадолго вышла. Вернувшись, она застала мужа болезненно скрюченным. Из рук его выпал топор, которым он, видно, хотел расколоть чурку.

– У меня сразу всё заболело…

Она – за лекарством в аптеку. Принесла – он лежит на полу.

– Толь, ты чего это на полу развалился? Упал, что ли?

– Нет, я лёг – тяжело…

Нина Григорьевна позвонила Камиллу, который немедленно скатился на лыжах с Улудага, где работал.

– Папа, что с тобой?

– Камилл, пришёл мой конец, я умираю!

…Врач скорой помощи спешила вколоть лекарство. Больного, никогда в жизни не любившего уколы, с трудом удалось уговорить. Когда отлегло, Анатолий Витальевич забросал доктора вопросами по медицине. Та засобиралась, на ходу что-то отвечая.

– Посидите, посидите…

– Нет, пора, меня ждёт другой больной…

Вскоре после её ухода сердце Дьякова остановилось. 15 февраля 1985 года, в пятницу, в 15 часов 15 минут. Какая таинственная закономерность заставила пятёрки выступать одним парадом?

Хоронили его при двадцатиградусном морозе с ярким солнцем. Огромная толпа запрудила центр посёлка, исчисляясь тысячей, если не двумя, человек, разумеется, не без административного ресурса рудоуправления, собравшего всю возможную массу. Но и без того в этом событии ощущалась эпохальная значимость. Кроме местного населения, в похоронах участвовали официальные и неофициальные лица из Кемерова, Новокузнецка, Новосибирска… Без машины, на руках гроб донесли до самого кладбища Каштау. Похоронить тело на горе Улудаг, как завещал Бог Погоды, противоречило правилам.

ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Дети Дьяковых ничем не выделялись среди поселковых сверстников. Мальчишеские интересы располагали больше к природе и беготне на воздухе, чем к корпению над книгами. Отец читал им в подлиннике Фламмариона, тут же переводя, однако ни астрономия, ни французский язык их не увлекали.

Повзрослев, каждый из потомков Дьяковых пошёл собственной профессиональной дорогой. Валерий стал горным электромехаником. Александр – лётчиком на местных и северных маршрутах. Елена, окончив метеорологический техникум, работала в метеослужбе Новокузнецкого аэропорта, затем переучилась на диспетчера.

Камилл учился на физическом факультете Белорусского университета. Благодаря письменным обращениям знаменитого отца в нужные инстанции он не затерялся в далях по вузовскому распределению, а вернулся домой вместе с женой Людмилой и начал помогать в работе гелиометеостанции.

– Ты наследник моих трудов, – удовлетворённо говорил отец.

После его смерти и переписки Камилла с профессором Е. П. Борисенковым, руководившим ГГО, с академиком Ю. А. Израэлем, директором Госкомгидромета СССР, с президентом АН СССР Г. И. Марчуком была достигнута договорённость о передаче гелиометеостанции, заведовать которой стал К. А. Дьяков, в Госкомгидромет. В реальности обсерватория попала под управление новосибирских научно-метеорологических структур. Поработав в этой системе, Камилл Дьяков не увидел полноценных перспектив. Его просили подготовить за три года методику отца, которую он не знал. Для него вообще осталось неведомым, а была

ли методика. Может быть, отец прогнозировал погоду чисто интуитивно? В общем, Камилл ушёл восвояси.

В 1990-е годы развал страны не миновал и Горную Шорию. Темиртауский рудник, к тому времени выработавший свой ресурс, ликвидировался. Телескоп, установленный в башне Улудага, продали. Сама башня постепенно превращалась в руины.

В жизни Камилла наступил своеобразный период: он принял на себя власть в посёлке, избравшись председателем поссовета. За работу взялся с большим демократическим воодушевлением и в полной мере хлебнул горечи, узнав, что означает власть без денег. В советское время всё в посёлке держалось на руднике, поссовет занимался благоустройством, опираясь на производственную базу. Теперь Таштагол выделял крошечную сумму – и крутись как хочешь, отвечая за ямы на дорогах, за пьяных, за кур, залетевших в чужой огород. Полная неразбериха, неопределённость, безответственность вышестоящей власти и неуважение жителей к власти поселковой.

Но и это ушло в прошлое. Сейчас Камилл выглядит вполне респектабельно и в свои шестьдесят с небольшим лет очень крепок и спортивен. Старую развалюху родителей он снёс, построив на её месте уютный двухэтажный особнячок, примыкающий к той же башне. На досуге он занимается там оцифровкой огромного отцовского архива.

Уже не первый год Камилл страстно увлекается пешим и водным туризмом, путешествуя в отпускное время с женой, кем-нибудь из детей и собакой Рицей по таёжным трассам и горным рекам, для чего у него есть катамаран. Двое его сыновей, Анатолий и Павел, и дочь Элеонора, названная дедом в честь Э. Лир, окончили вузы и живут в больших городах.

Работая одно время на поселковой телевышке, с высоты которой обозревается чуть не вся Горная Шория, Камилл был захвачен непостижимым чувством огромности пространства. Ему захотелось высоты ещё и ещё. Так он увлёкся планеризмом. И, паря над землёй на аэрошюте в километровой выси и глядя вниз на горы, леса, реки, дороги и строения, чувствуя, какая мелкая человеческая суетность расстилается под ним, он осознает это как некий момент истины, вместе с драйвом и приливом адреналина.

Похоронив мать в 2009 году, Камилл поставил ей такой же памятник, как и отцу. Родители лежат вместе, в одной оградке.

ПОХОРОНЫ СОЛНЦА

Беседуя с Р. Усмановым в конце 1980-х, Г. Юров прямо спросил его: «Так был ли всё-таки методический секрет у Бога Погоды?» Рустем Фатыхович однозначно ответил, что нет, не было. Есть «индекс Дьякова», приведённый в докладе 1972 года и признанный многими учёными. Так что, мол, этого достаточно, методика для всех желающих доступна.

– Рустем Фатыхович, почему же тогда нет прогнозов, равных по точности дьяковским? Почему же его достижений никто не повторил, не говоря уже о том, чтобы превзойти? – в недоумении допытывался Геннадий Евлампиевич.

Ответ, увы, ничего не прояснил и никак не обнадёжил, а отослал взыскующего истины в туманное царство интуиции. «Нельзя получить достоверный прогноз явлений природы на основе одной лишь логики, без действия интуитивных процессов, происходящих в человеке».

Рустем Фатыхович Усманов родился 22 июня 1914 года в русско-татарском селе. Отец его заведовал школой, где русские учились вместе с татарами. Окончив геофак Казанского университета, он переехал в Москву и начал работать в Бюро погоды СССР. В войну служил в должности военного синоптика и в 1943 году обслуживал полёты правительственных самолётов из Москвы в Тегеран, где проходила конференция глав государств антигитлеровской коалиции. В том же году участвовал в противосаранчёвой экспедиции в Индию.

В послевоенные годы ему приходилось бывать в Австралии, на исследовательском судне «А. И. Воейков» плавать в водах Индийского и Тихого океанов. В первой Антарктической экспедиции он составлял синоптические карты и вот тогда-то задумался о некоторых закономерностях. Оказалось, что на погоду влияет, кроме рельефа суши, строение океанского дна. Подводные котлованы усиливают атмосферные процессы.

В 1961 году в трудах ЦИПа вышла его работа, в которой он связывал атмосферную циркуляцию со скоростью вращения Земли и с гравитационно-магнитными аномалиями.

В начале 1970-х годов Усманов работал старшим научным сотрудником лаборатории

Солнечно-Земных связей, руководимой Э. Р. Мустелем, и вписал в свой актив ряд успешных предсказаний ураганов задолго до их фактического появления (что никому в мире не удавалось и тогда, и сейчас, кроме Дьякова). В своих прогнозах он опирался на дьяковские приёмы.

Из письма А. В. Дьякову (29.08.70): «Я тут тоже в течение нескольких лет составляю опытные прогнозы о возможности формирования тропических циклонов с учетом прохождения активных областей через центральный меридиан (то есть пятен через экватор Солнца. – *Е. Ч.*) – по существу, по Вашему же методу, но с некоторыми дополнительными соображениями, с учетом предварительного благоприятного барического поля, гравитационной и геомагнитной аномальности района возможного формирования тропического циклона и определением возможного сектора активизации атмосферных процессов по времени прохождения центра активных областей через центральный меридиан. Имеется много удачных случаев прогноза тропических циклонов. Эти случаи я стараюсь фиксировать за подписью синоптиков Гидрометцентра, чтобы побольше собрать материалов для статистического анализа оправдываемости таких прогнозов. Особенно удачным оказался случай прогноза тайфуна «Вильда», возникшего 9.VIII этого года и спрогнозированного мною 7.VIII с указанием места его зарождения. За два дня до зарождения этого тайфуна была послана специальная телеграмма во Владивосток и на наш корабль погоды «Прилив», который работал в это время в районе зарождения тайфуна».

Усманов знал, что (по Дьякову) тропические циклоны появляются в местах прямого попадания пучка плазмы, исходящей от солнечных вспышек. Для определения координат образования тропического циклона необходимо точно знать координаты пятен и время, когда пятно окажется на прямой линии с Землёй. В этот момент на освещённой стороне планеты появится тропический циклон. Но это долгота, а широта? Spasatel, который когда-то общался с Рустемом Фатыховичем (и сообщивший об этом в Интернете), сетует на то, что не спросил о широте.

Усманов – человек исключительно эрудированный, творческий и словно самой судьбой назначенный в друзья Дьякову (и А. Чижевский ценил дружбу с Р. Усмановым). Как учёный, Рустем Фатыхович далеко не полностью раскрылся и по отверженности в чём-то повторил планиду Бога Погоды. Умудрённый опытом жизни, на кое-какие вещи он смотрел инфернально и, может быть, демонизировал проблемы или просто трезво оценивал, зная подноготную, неизвестную нам.

Из «Печальной повести…»: «Я искренне недоумеваю, почему государство, заинтересованное в точных прогнозах, не поддержало солнечников хотя бы административно-командным путем?

Усманов смотрит на меня, как на ребенка. Потом решается:

– Вы это должны знать! Черниченко, защитивший Дьякова в «Правде», вскоре вылетел из газеты. Полянский, который заявил, что лично разберется с делом Дьякова, вскоре был смещен с поста заместителя Председателя Совмина СССР. Мне не дали защитить докторскую диссертацию, в 1976 году отправили на пенсию…

Голос Рустема Фатыховича задрожал, на глазах появились слезы».

Он выявил географическую зависимость в отношении к «солнечникам». Хорошо к ним всегда относился Ленинград, с которым соперничала Москва (относясь, соответственно, хуже). А Ташкент, откуда вышли Бугаев, Израэль, Фёдоров, Петросянц, всегда был губителем этого направления.

С невесёлой усмешкой А. Усманов раскрыл Г. Юрову роль научных школ в борьбе идей:

– Дело в том, что любого учёного формируют те обстоятельства, в которых он начинал свою карьеру. Те люди, которые стали его учителями. Есть такое понятие – школа. Так вот, сменить школу так же трудно, как сменить религию. И представители одной школы, заняв командные посты, стараются задавить все другие направления. В этом кризис нашей метеорологической науки. Под этот пресс попал и Анатолий Витальевич Дьяков.

Аналогичную мысль я случайно обнаружил на одном из интернетовских форумов (автор скрывается под ником): «Дело не в хороших или плохих прогнозистах, а в научных школах».

После сильнейшей засухи летом 1972 года министр сельского хозяйства Полянский дал поручение Госкомгидромету СССР разобраться с вопросом долгосрочного прогноза метеоусловий для сельского хозяйства. Не последнюю

роль в этом решении сыграла большая известность и популярность А. В. Дьякова, прогнозы которого ждали и руководствовались ими даже отдельные колхозы, не говоря уже о секретарях обкомов.

В ноябре в Гидрометцентре СССР состоялась специальная конференция, посвящённая вопросам влияния на погоду и климат солнечной активности. На этой конференции выступили десятки докладчиков. По этим докладам можно было оценить общее состояние, в котором находились научные исследования в этой области и насколько далеко они были продвинуты.

Всё это находилось на полярной стороне по отношению к другому направлению, которое в своё время вёл Г. И. Марчук (президент АН СССР) и на что были потрачены миллиарды советских рублей. Суть этого направления сводилась к тому, что основным дирижёром погоды являлся океан, а способы прогноза должны исходить из математического моделирования системы океан – атмосфера, которая представлялась замкнутой. Это направление не предполагалось менять, более того, в 1975 году предполагалось провести эксперимент по программе «Разрезы» по исследованию той же системы океан – атмосфера. Автором этой программы также был Марчук. На неё после засухи 1972 года правительство выделило огромные деньги. После того как программа провалилась несмотря на колоссальные затраты, было выдано резюме: «Проблема долгосрочного прогноза погоды является проблемой века и в настоящее время решена быть не может». Теперь представьте на этом фоне дерзкие прогнозы какого-то любителя из Темиртау. Могли ли они вызвать восторг? В 1976 году тема солнечно-погодных связей официально закрывается, все исследования по этому направлению прекращаются, литература и научные диссертации изымаются из библиотек, учёные, которые пытаются возразить и продолжать эти исследования, под разными предлогами увольняются с работы. Перестают появляться и статьи на эту тему в обычной прессе.

И политика, и научная проблематика 1970-х ушли в прошлое. Современная наука переживает невидимое для большинства из нас, рядовых граждан, но колоссальное напряжение идей. Изучаются лунные, солнечные и галактические ритмы. Открываются неведомые ранее закономерности. Старые проблемы поглощаются новыми, одна из которых связана со знакомым всем в наше время глобальным потеплением.

Остаётся выразить надежду, что дни солнечных идей – идей Анатолия Дьякова – когда-нибудь возродятся и кто-то скажет, что наконец-то время пришло.

Личный архив А. В. Дьякова.

Архив Темиртауского рудоуправления.

Материалы фонда А. В. Дьякова Кемеровского областного краеведческого музея.

Падерин Г. Ловец ураганов // …И экзотика. Новосибирск, 1970.

Юров Г. Печальная повесть о Боге Погоды. Кемерово, 1994.

Принудительный труд: сборник документов. Кемерово, 1994.

В Интернете:

Дьяков А. В. Автобиография.

Щукина О. Неизвестный Дьяков.

Рост Ю. Одинокий борец с земным притяжением. Интернет-журнал «Ритм».

Мария ДУБИКОВСКАЯ

ЖИТЬ БЕЗ ТЯЖЕСТИ!

ЛЕГКОСТИХ

Я решила жить без тяжести –
И без тяжести живу.
Что во сне хорошим кажется –
В то и верю наяву.

Потому с собой из прошлого
Не беру пудовый груз.
Здравствуй, пригоршня с морошкою!
До свиданья, чёрный груздь!

Не мадонною с кошёлками –
Бабья ересь, лук-салат, –
Быть могу и гладко-шёлковой,
Если рядом шелкопряд…

Вместо странного-туманного –
Ярче страсть, ясней слова!
Коль зажечь сумеешь заново –
Можешь свечи задувать!

Мне плечо твоё без надобы –
Мне достаточно руки.
До седьмого цвета радуги
Прыгнем за руку, легки,

И увидим, как с утра блестит
Атлас леса, рек атла́с…
Дай мне, Боже, легкорадостей,
Легкостиший, легколаск.

ТРАМВАЙ

Опять с размаху рухнул в снег
Бедняга Цельсий.
А я – трамвай, мне дела нет,
Я пру по рельсам!

Моторов пых, колодок визг,
Машины встали.
А я кидаю брызги искр
На швы из стали.

Внутри узорно и свежо –
Мороз, хоть тресни!
А я лечу дурным стрижом –
Вперёд и с песней!

За пассажиром пассажир
Идут потоком
И, рты сердечками сложив,
Мне греют окна.

Чего в конце полёта жду,
Вопрос отдельный!
За небо рожками держусь –
И параллельно!

Сквозь ледяное молоко
Гарцую гордо,
И рады бабушка с внучком
Трамвайной морде.

ДУБИКОВСКАЯ Мария Владимировна *родилась в 1976 году. Работает специалистом по рекламе. Победитель международных литературных конкурсов «Золотое перо Руси» и «Акупунктура миниатюры». Публиковалась в журналах «Сибирские огни», «Чайка», «Этажи», «Трамвай», в «Литературной газете». Автор книги юмористических стихотворений «Оччень женское» под псевдонимом Сёстры Карамазовы. Член Союза писателей России. Живёт в Новосибирске.*

Стоят машины, чуть дыша –
Заиндевели.
И машет сверху, мельтеша,
Метла метели.

А мне тепло лететь, звеня,
Ведь к пункту «лето»
Ты едешь в сердце у меня,
Не взяв билета.

ПАРИЖСКОЕ РЫЖЕЕ

От кашне и до штанов
Рыж Париж, каштанов, нов,
Полон красок, крыльев, крыш
Свежевыжатый Париж!

Я твой чижик, ты мой пыжик,
Обтанцуем всё и вся,
Кружим, кружим по Парижу,
Кружим, кружим по Парижу,
Кружим, кружим по Парижу,
Офранцуживаемся!

Мы гуляем, эйфеляем,
Бодро бёдрами виляем,
Взмах – ммм,
Взмах – ааа!
Эскюзе, месье, муа!

Из горла́ глотаем зелье
Наше мадемуазелье –
Чижик-пыжик, где ты был?
Возле Лувра бейлис пил!

Учат улиц алфавиту
Нас туземцы носовито,
Не дождавшись, селяви,
Жёмапеля без любви!

Мы не пашем, мы не сеем –
Куролесим-елисеим,
Вздорных полные пружин,
Дружим-кружим-куражим!

…От штанов до неглиже
Всех румяней и свежей,
Утром, днём и в темноте,
От мирей и до матье,
От пино до фуагра,
Нынче, завтра и вчера –
Ах, Париж, виват, ура,
Пам-пари-пари-ру-ра!

Юлия ФЕДОРИЩЕВА

СЕГОДНЯ МАРТ ОСОБЕННО ПЕВУЧ

МАРТ

Прощай, зима! Под гнётом вязких туч
Не возвышайся хмурой серой кручей.
Сегодня март особенно певуч –
Но завтра станет он ещё певучей.

Он отряхнёт от снега города,
Запустит кровь звенящим диким током,
Броню зимы взломает без труда
И разольётся радостным потоком,

Он отомстит за долгий этот год!
Всю дребедень со сбитого порога,
Я знаю, он с собой не заберёт,
Но окрылит – а это очень много!

Он протрубит, взорвав седую глушь
Победным громом лучезарной меди.
И пусть черны дворы в объятьях луж,
Пусть за стеной ругаются соседи,

Пусть не всегда опорой служит речь,
Пусть рвётся там, где латано и тонко,
Мне надо верить, чтобы уберечь
В себе самой наивного ребёнка.

Я верю в добрый путь и краткий миг.
Я верю в чистый звук и звуку внемлю.
Я верю в сны и мудрость старых книг,
Я верю в то, что солнце греет землю.
Я верю в поэтический азарт.
Я верю в мёд и яблочную мякоть,
И потому – сметай преграды, март!
Ты так красив, что я хочу заплакать.

ФАНТАЗИЯ В СТИЛЕ БРЭДБЕРИ

Старики собираются стаями. Город спит,
Всей громадой фасадов, до самых корней испит.
Монолитный и гулкий, светящийся до небес,
Зачарованный край, небывалый бетонный лес.

Он недвижен, как кит, и безудержен, словно ртуть.
Старики собираются тайно в межзвёздный путь.
На вопросы молчат, напускают туман и дым,
Что-то прячут в комодах, приносят записки им.

Чаще ходят к друзьям, на неделе визитов пять,
То одно, то другое как будто бы отмечать,
И никто не задумался в грохоте вечных тем:
Старики улетают из города насовсем.

Он случайно узнал. Он на кухне сидит один,
Видит шторы, салфетки, берёт себе мандарин,
Говорит: «Мама, мама, ты шутишь. Ты молода!
Что случилось с тобою? Зачем ты летишь, куда?»

ФЕДОРИЩЕВА Юлия Владимировна *родилась в 1986 году. Филолог. Работает специалистом по учёту музейных предметов в Новосибирском государственном музее. Публиковалась в православном молодёжном журнале «Наследник», литературно-художественном журнале «Спешу домой», литературном альманахе «Ликбез», журнале «Культура Алтайского края». Автор книги иронической прозы «Четверо и кот против депрессии» и книги стихов «Лунодень». Живёт в Новосибирске.*

А она отвечает: «Сынок, мне легко, легко.
Сквозняков берегись, кипяти себе молоко».
Озаряются вспышками птичьи тела ракет.
Дремлет город, пылает над ним невесомый
след.

Он глаза открывает. Садится, не помня сна.
По квартире гуляет бесплотная тишина.
Чисто прибрано, в пасмурных окнах
смертельно тих
Мир оставшихся жить как хочется молодых.

Он выходит из дома, бездомно пьёт
хлорофилл.
Видит стройных, подтянутых, полных ума
и сил.
Он приходит на площадь, где небо всего
видней,
Расплываясь солёными точками голубей.

Там за перистым слоем плывёт и дрожит
фантом.
Корабли расщепляются в облаке золотом.
Там летят старики, составляя турниры-блиц.
Оживают их молодость, школа, десятки лиц.

И Гагарин вернулся, и мир, и весенний день!
Из оленьей страны прибегает лесной олень,
Над Медведем-горой неотлучно звезда горит,
И поёт под гитару бессмертный теперь
Дин Рид.

Но таится забота на дне посветлевших глаз:
Как же справятся дети одни на земле,
без нас?
Ничего, пусть привыкнут. Опоры когда лишён –
Вырастаешь скорее. Их время, а нам – хорошо.

ПИСЬМО ПОЭТУ В МИНУТУ БЕЗДЕНЕЖЬЯ

Привет, бедняга Роберт Бёрнс!
Ты сед и травами зарос.
Опережая твой вопрос –
Нет, здесь не рай.
Мы в двадцать первом. Пыль, хондроз,
Вороний грай.

Мы тут снуём среди лекал,
Пустышек-слов, бетонных скал.
Ты ничего не потерял.
За годом год.
Век примиренья не настал.
Он не придёт.

Мир любит власть. Начистоту:
Он маскирует пустоту,
Разит обманом за версту,
Но – без обид.
Свою тщедушную мечту
Берём в кредит.

О Роберт! Новости просты:
Едят милорды, пьют шуты,
И от душевной тошноты
Спасенья нет.
Зато кварталам бедноты
Дан интернет,

А в нём – заморская еда,
Салоны, пляжи, города,
Мы в царстве денег. Не беда.
Всё тлен и прах.
Но есть горячая вода
У нас в домах.

Ты огорчился бы, поэт
(Живее, правда, этот свет).
Я о горах не стану петь
В пылу тоски.
Они прекрасны, спору нет, –
Но далеки.

ПОЭТЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ПИСЬМАХ

Александр Береснев, Леонид Гержидович

4 марта 2016 года ушёл из жизни Леонид Михайлович Гержидович – один из лучших поэтов Кузбасса, хранитель Юго-Александровского родника и огромной души человек. Долгое время поэты Леонид Гержидович и Александр Береснев дружили: работали вместе, бывали друг у друга в гостях и писали письма. 25 апреля 2006 года Леонид Михайлович Гержидович побывал в Кемеровской городской детской библиотеке им. А. М. Береснева. С ним было записано интервью, в котором он рассказал, что его связывает с поэтом Александром Михайловичем Бересневым.

– Скажите, когда и как вы познакомились с Бересневым?

Я работал в Усть-Сосновском преподавателем физкультуры. Проработал два года, и меня перевели работать в Промышленную. Незадолго до этого вышел сборник стихов местных поэтов, кузбасских, и этот сборник начинался стихами Александра Береснева (речь идёт о сборнике «Молодые голоса», вышедшем в 1959 году в Кемеровском книжном издательстве. – *Прим. ред.*). Первое стихотворение заканчивалось строчкой: «И немного, кажется, поэт». Я прочитал этот сборник и уже знал, что в Промышленной живёт начинающий поэт Александр Береснев. А поскольку я тоже писал стихи, уже в армии печатался, мне, конечно, было интересно попасть в такое место, где я мог бы общаться с другими поэтами.

Когда я приехал в Промышленную, меня там хорошо приняли. Я устроился работать в школу № 1 преподавателем физкультуры и сразу же пошёл в редакцию Промышленновской районной газеты «Красное знамя», знакомиться с Бересневым. А как поэты знакомятся? Сразу читают друг другу стихи, чтоб оценить, кто ты такой. По стихам ведь видно человека. Я почитал свои стихи, Береснев почитал свои, вот так между нами сразу завязалась дружба.

В школе я проработал два года, и Саша стал уговаривать меня перейти работать к ним в газету. В то время я был кандидатом в члены КПСС, поэтому меня вызвали в райком КПСС и предложили работать в Промышленновской районной газете «Красное знамя» литературным сотрудником. Начали мы вместе с Бересневым работать. Кабинеты у нас были рядом. С Сашей вместе мы сразу организовали литературное объединение. Собирались мы в нашем объединении почти каждую неделю, по пятницам. Приходили капитан Чернов, Саша Береснев, я, Петяев (он один раз напечатался в газете «Кузбасс»), зам. редактора Жужгин. Чем литературные объединения были ценны? Я, помню, такую поэму написал, графоманскую… На обсуждении Жужгин сказал: «Чудесная!» А Саша: «Никакой тут поэзии нет. Туфта». Ну и правильно. Я потом-то понял, что всё это было туфта. Саша очень хорошо чувствовал слово. Вот такой он был человек. Его все уважали.

В Промышленной он жил на улице Степной. Домик был неказистый. Я всегда удивлялся, как при трудных жизненных условиях он сохранил в себе ребёнка. Он был как маленький ребёнок. Однажды мне сказал: «Стихи я пишу не для детей, а о себе, а они у меня получаются для детей». Саша Береснев был большой ребёнок.

Саша Береснев любил больше всего из животных котов. Про своего кота много писал, а ещё он любил писать про Деда Мороза. Однажды я ему сказал: «Ну слушай, хватит уже писать про Деда Мороза. То он у тебя свою бороду к стеклу приклеивал, то ещё что-то с ним приключалось. Возьми другую тему!» Саша послушался меня и в результате сделал книжку «Приходите в огород». Я тут маленько «виноват», в этой книжке. Мы друг другу всегда помогали.

Приходите
В огород
Посмотреть,
Как мак цветёт,
Как играют
В прятки
Огурцы
На грядке,
Как подсолнухи
В картошке
Тянут к солнышку
Ладошки,
Как от утренней
Росы
У бобов
Блестят усы.
Всё растёт,
Всё цветёт,
Ничему не тесно.
Приходите в огород.
Очень интересно!

Хорошая книжка получилась, тематическая. А коту, например:

Хлещет дождик без разбору:
По скворешне,
По забору.
Кот нисколько не намок –
Он уселся «под грибок».
У него довольный вид:
Как под зонтиком, сидит!

Однако газетчик из меня не получился. Я понял, что это не моё, и уехал в Берёзовский работать, в школу. Саша ко мне приезжал в гости в Берёзовский, а потом, когда он женился и переехал жить в Новосибирск, я ездил к нему. При встречах, уже через годы, мы с ним только и говорили, что о поэзии. Александр Береснев, с которым мне довелось поработать в газете «Красное знамя» Промышленновского района, ещё в молодости помог мне найти путь к настоящим стихам.

В литературном музее кемеровской детской библиотеки им. А. М. Береснева бережно хранятся письма Александра Михайловича Береснева своему другу Леониду Михайловичу Гержидовичу, написанные детским поэтом и журналистом в 1960-х годах, и письмо от 1983 года. Они были подарены именной библиотеке Л. М. Гержидовичем в 2006 году, публикуются впервые.

«Здравствуй, Лёшка!

Как мне хотелось встретиться с тобой, по душам потолковать! А вот не довелось. И не по моей вине. Я отпрашивался, но меня не отпустили. Так и сказали: «Опоздаешь на работу, пеняй на себя». А я, конечно, в понедельник утром не успел бы приехать домой. Это бы ухудшило моё положение. (Я уже писал тебе: мне по настоянию мамаши вкатали выговор. Без записания в учётную карточку. И то слава богу.)

Я ещё раз был в г. Кемерово на областном совещании. Теперь уже писателей и тех, у кого вышли или выйдут в 1964 году книги. Со всеми нашими светилами перезнакомился. Большинство из них добрые душевные люди: Е. С. Буравлёв, Степан Торбоков, Виктор Баянов, Володя Матвеев, Гена Юров, Владимир Измайлов, М. Небогатов, но критикуют здорово. Как говорят, не взирая на лица. Встретимся, обо всем расскажу подробно.

Мою «Снегурочку» будут печатать в г. Свердловске (в Кемерове плохая полиграфическая база). Разговаривал с Глебовой. Она художественный редактор издательства. Она сказала, что ещё 3–4 стиха из книги выбросила. Так что не знаю, сколько стихотворений будет в «Снегурочке».

Я решил серьёзно заняться стихами. Начал работать над второй книгой для детей. Пишу и взрослые стихи. Хотя мало.

Да. Я Е. С. Буравлёву на рецензию отдал все поэтические труды Яши Чернова. Пока ответа никакого нет.

В марте-апреле будет ещё одно совещание. Приедут московские поэты и прозаики. Может, и мне посчастливится побыть на этом совещании.

Я посоветовался с Е. С. Буравлёвым, и он сказал мне, что я могу пройти творческий конкурс в Московский литературный институт им. Горького на заочное отделение. Запрос уже сделал. На конкурс отошлю «Снегурочку». Если творческий конкурс не пройду, давай, Лёха, вместе поступим в Кемеровский пед. на истфак. Как ты думаешь? Иностранный язык сдавать не будем.

Вот что ещё. Отбери своих лучших 3–4 стиха и отправь по адресу: Кемерово, Советский проспект, 44. Кемеровское отделение Союза писателей РСФСР, Е. С. Буравлёву. Осенью нынешнего года выйдет сборник «День поэзии». Там мои стихи, наверно, будут. Вышли обязательно.

Нагряну к тебе или в феврале, или в начале марта.

Л. Н. Толстого три тома – 9, 10, 11 я выкупил, а остальные я переадресовал на тебя. Приеду, привезу книги и шарфик твоей супруге.

За телеграмму спасибо. Получил её вечером в субботу. Ах, как хотелось бы приехать!

Поздравляю тебя, Лёха, с днём ангела! Привет всей твоей родне: Аввакумовне, Инне, Главному керосинщику и всем, всем.

Жду «Купаву». В Кемерово я её не нашел. Приеду, привезу.

Ну, пока.

Но учти, что 29 января мне стукнет 28. Старик уже.

Жму лапку твою, Леонид!

До встречи».

26 января 1964 г., пос. Промышленная

«Добрый день, дружище!

Извини меня и Васю: мы так и не смогли приехать к тебе. Все подробности расскажу при встрече, которая всё же (я очень надеюсь) должна состояться.

О себе писать особо нечего. Живу один у матери. Стал элементщиком (авторское написание. – *Прим. ред.*). Не повезло мне в любви.

Дед Егор заключил союз с весною, а я с издательством на вторую книжку стихов для детей. В неё вошли четыре стихотворения: «Вкусная книга», «Непослушный гусёнок», «Я видел, я слышал», «Кузнечик-музыкант». Это что-то вроде сказок для детей. Книжка будет называться «Кузнечик-музыкант».

В обкоме КПСС прошёл мандатную комиссию. Думаю уехать на четыре года в ВПШ в Новосибирск (очно). Предстоит сдать экзамен и пройти медкомиссию. Не знаю, что получится.

С 16 июля начнутся экзамены в Новосибирске. Всё поперезабыл, надежды мало.

Кто такой А. Шишкин? Он автор «Пацаночки». Где Костюк Коля? Пишет ли он тебе?

Большой привет Аввакумовне и дочерям.

Жму твои руки.

Пиши. Жду.

С холостяцким приветом элементщик Ал. Береснев».

28 мая 1964 г., пос. Промышленная

«Здравствуй, Лёшка!

Спасибо за поздравление. Только ты, видно, большой лентяй: даже письмишко не соизволишь чиркнуть.

Праздник новогодний встретил отлично. Повеселился, как говорится, от пуза.

Да! Приезжал Вася Копуев – наш общий старый друг. Тебе огромный привет от него.

Лёшка! 4 февраля у меня будет пикник по случаю моих именин. Приезжайте втроём. Жду!

В январе буду в Кемерове. Поеду проталкивать второй сборник. Возможно, заеду к тебе.

Если есть у тебя журнал «Дошкольное воспитание», посмотри № 8 и № 12 за 1966 год. Там напечатали мои стихи для детей.

Поклон твоей супруге и Инночке.

Бывай здоров. Пиши.

Ал. Береснев».

2 января 1967 г., пос. Промышленная

«Лёша, здравствуй!

Упрёков тебе я делать не буду, всё равно ты не исправишься и отвечать регулярно на мои письма не будешь. Тебя-то, лентяя, я знаю.

О том, что «Снегурочка» вышла к читателям, вероятно, знаешь. За мной книжка.

Рад, Лёша, за тебя, слышал, что и у тебя скоро будет первенец.

В апреле будет семинар молодых поэтов и прозаиков в Кемерово. Там мы с тобой наверняка встретимся.

Как думаешь проводить первомайские праздники? Хорошо бы махнуть на рыбалку! Помнишь нашу рыбалку?

А может быть, мне к тебе приехать, если ты по каким-то причинам не сможешь к нам в Промышленную приехать? Давай договоримся заранее.

Большой тебе привет от Фомича, Васи Копчина, Коли Костюка.

Привет передавай от меня супруге и своим дочуркам.

Пиши. Жду. Ал. Береснев».

29 марта 1968 г., пос. Промышленная

«Здравствуй, Лёшка!

Только что приехал домой. Подготовил к опубликованию статью и сразу же пишу тебе письмо.

Как я доехал? На том автобусе, после поездки на Октябрьскую, путь был на Рудник. И всё без остановки. Как ты был прав! Иначе бы я не смог уехать домой.

В Кемерово сразу же сел на трамвай и приехал в центр. Ходил в издательство. Никого там не нашёл. Поехал в газету «Кузбасс». Г. Юров был в командировке, а кому попало не стал отдавать стихи. Придётся высылать по почте. Неудачно, конечно. Но ничего. Было бы что посылать.

В Кемерово сел на автобус Кемерово – Плотниково. Автобус запоздал, с промышленновским автобусом Плотниково – Промышленная произошла авария. Ночевал в совхозе «Заря» у знакомых. На работе всё хорошо.

Спасибо за всё. Книгу Володи Гордейчину отдал. От Плотникова до Промышленной ехал на открытой машине. Немного простудился. Шарфик Аввакумовны пригодился кстати.

Ну что ещё? Пишу нескладно: сказывается сон на Южном.

Сейчас пишу большую вещь «Ударник коммунистического труда, или Коллектив веселится». Может быть, название изменю: «Керосин, или Моя гадость», «Итак, за 46-ую годовщину»...

Привет всем, Аввакумовне и, конечно, Инне.

Главному керосинщику особый привет, он ведь тоже поэт.

Лёха! Высылай всё, что сочинишь.

Пока! До встречи!

Береснев.

Приветы передал всем, кроме твоего «благодетеля».

«Здравствуй, Лёшка!

Вчера получил от тебя весточку, а сегодня засел за ответ. Пишу на стуле, т. к. стола у меня пока нет. Мне дали комнатёнку от завода. В ней я и живу бобылём. Была оттепель сильная, снег на крыше растаял (я живу на пятом, последнем, этаже), и в моей комнатёнке заморосил «весенний» дождик. В холоде (спал одетым), в сырости простыл. Признавали пневмонию. Но, слава Богу, рентген не подтвердил диагноз, сейчас на бюллетене. Пью таблетки.

Ну, что ещё у меня весёлого? В редакции – суматоха. Некоторые сотрудники писали на меня анонимки, пытаясь опорочить меня и спихнуть. Не получилось у них ничего. Но эти дрязги никак не способствуют душевному равновесию и, тем более, писанию стихов. Кстати, стихи не пишу с осени – столько всякой пакости в жизни.

Почти год жил в женском общежитии. Вот какой выпал мне удел! За мной был установлен Конт-надзор: как-никак я редактор газетёнки. Вот тут и съезди незаметно в Азию! Мигом вздуют. А ведь ездить-то, хотя изредка, надо.

После нашей встречи с тобой я был в Кемерове два раза. Ночевал у Ф. И. Гаськова. Помнишь, он был ответсекретарём в газете в Промышленной?

Был у Глебовой Л. В. (редактор Кемеровского книжного издательства. – *Прим. ред.*). Она вышла замуж. Я не могу на неё обидеться. Людмила Владимировна ко мне относится хорошо, к моим стихам, правда, далеко не ко всем, – тоже. Во втором квартале в Кемерове выйдет моя книга «Шесть песенок». А должна была выйти в 1982 году – задержка произошла по вине типографии г. Иркутска.

В Кемерове встречался с Геной Юровым. Поговорили очень сердечно, он подарил мне свою книгу стихов,

пригласил ночевать. Мы с ним поматерили тебя за то, что ты так и не передал ему мою книжку. Ну, ты, Лёха, и гусь! Говоришь, нет в тайге почтовых ящиков. Отдал бы мишке косолапому, и он бы, надеюсь, давно разыскал в Кемерове Юрова и передал ему мою книжку.

Мне что-то очень глухо говорил Володя Матвеев насчёт того, что твоя детская книжечка попала в редакторскую «запруду». Но толком он ничего не знал. Ты не огорчайся и не падай духом. Свои детские стихи ты всё равно издашь. Только жаль, что на это потребуется много нервов и много времени. Нефёдова я знаю лично. Он – главный редактор издательства «Малыш». Приедешь, расскажу о нём. Ты очень правильно поступил, что не послал рукопись в «Малыш». Бесполезно. Мою книжку, которая издаётся в «Малыше» по рекомендации самого С. Михалкова, «мурыжат» больше пяти лет. Обещают издать в этом году. А что говорить о тебе, когда тебя никто не знает в Москве. Вот Могутин сразу бы издал. И издаёт. Как это делается, ты знаешь не хуже меня.

Мне непонятно одно: зачем Т. Махалова послала твою рукопись в Москву? Или в Кемерове нет поэтов, способных дать объективную оценку стихам? Все научились подстраховываться?

Я тебе, наверно, уже писал, что в Новосибирске вышла моя книга «Приходите в огород» (в ней 10 стихов). Так эта многострадальная книжка рецензировалась и в Новосибирске, и в Москве, и посылалась в Москву в Госкомиздат на контрольное рецензирование. Мордовали мой «Огород», как хотели. Я уже потерял всякую надежду, но неожиданно из Госкомиздата пришла очень хорошая рецензия. И это решило исход дела.

Пиши мне теперь по адресу: 630049, г. Новосибирск-49, Красный проспект, дом 161/1, кв. 8. Бересневу А. М.

Приезжай, жду. На обратную дорогу дам денег. Подкоплю к этому времени, хотя я и алиментщик. С приветом ведущий Конт-надзор.

30 января 1983 г. Вчера мне исполнилось 47 лет. Вот так! А. Береснев».

30 января 1983 г., Новосибирск

Интервью и письма подготовила к публикации
Елена ДАНИЛОВА, зав. литературным музеем
А. М. Береснева, г. Кемерово

Первый ряд (слева направо) – Эдуард Гольцман, Владимир Матвеев, Александр Береснев, второй ряд – Леонид Гержидович

Николай НИЧИК

«Я БОЛЬЮ СЕРДЦЕ ВЫЖЕГ»

Восемнадцать лет тому назад трагически оборвалась жизнь кузбасского поэта Николая Николаевского. Ему не было и пятидесяти лет...

За несколько дней до того трагического случая я побывал в офисе компании «Кузнецкуголь». И, спускаясь по лестнице, увидел Николая на шестом этаже у окошка, где он обычно курил. На этот раз он склонился к подоконнику. О чём-то сосредоточенно размышлял... Я не подошел тогда к нему, не хотелось мешать, возможно, в этот момент у него рождались новые поэтические строки или он обдумывал замысел статьи о шахтёрах.

А это время у угольщиков было неспокойно: авария за аварией, приводившие к несчастным случаям, закрытие вполне пригодных к добыче шахт под надуманным предлогом их нерентабельности. На предприятиях –бесконечные забастовки. Кое-где, получив небольшой аванс, с последующим обещанием начальников выплатить многомесячную задолженность, шахтёры вновь спускались в забой. В других же местах, зная, что свои денежки вряд ли придётся скоро выбить у вороватых руководителей, отказывались подниматься на-гора, объявляли голодовки. Начали даже брать директоров шахт в заложники.

Думаю, эта тема волновала писателя. В будущем он мог бы, наверное, написать если не поэму о шахтерах, то цикл стихов. Это было то время, когда его талант с каждым годом расцветал, стихи становились зрелыми, набирая неповторимые очертания николаевского стиля. По сравнению с ранним периодом творчества, в последние годы жизни всё чаще появлялись поэтические подборки как в местной, так и центральной периодике.

Как-то при встрече я поинтересовался выходом его нового сборника, над которым он не спеша работал.

– Вот к юбилею, если найдутся добрые спонсоры, возможно, и порадую своих поклонников новым изданием, – как обычно уклончиво отшучивался Н. Николаевский.

Не суждено тогда было ему осуществить творческий замысел. Правда, через полтора года после смерти в одном из местных издательств вышел сувенирный сборник избранной лирики «Золотое сечение» мизерным (100 экземпляров) тиражом, который стал библиографической редкостью. Книга даже не попала в центральные библиотеки крупных городов нашего региона.

И вот в конце 2016 года силами энтузиаста-составителя Николая Калашникова в новокузнецком издательстве «Ник без Compani» появилось избранное «И жизнь до дьявола светла». Поклонники его творчества после длительного 16-летнего перерыва вновь получили возможность встретиться со стихами незаслуженно подзабытого поэта.

В книгу вошло 71 стихотворение. А замысел у составителя возник неслучайно. Он «выяснил, что Николая Николаевского и его творчество у нас в городе не помнят... да в принципе, не то что не помнят – не знают. Нет, старшее поколение, которое лично знало Колю, конечно, помнит. А вот помоложе...» И далее: «...преподаватель вуза... мне ответил: «А где бы я мог его почитать, чтобы хоть узнать о нем?»... А ведь правда – где? Сборники давно стали библиографической редкостью. Даже в библиотеке – только в хранилище».

Составителю довелось перелистать множество региональных и центральных периодических изданий, чтобы отобрать лучшее из лучших, что оставил после себя поэт. В сборник вошли стихи на гражданскую тематику, о природе, любви, историческом прошлом нашего края. Несмотря на то что некоторые поэтические строки написаны много десятилетий тому назад, они не только не потеряли свою актуальность, а наоборот, звучат ещё сильнее. Взять, например, «На юбилей трамвая»:

А как ликует и поёт!
Набитый силой молодою,
Трамвай торжественно идёт...

И далее:

Я заново переживаю
Явленье первого трамвая.
Как будто сам я рихтовал,
И рельс крепил, и стрелки ставил
В эпохе той. Причастный к славе,
Высокий воздух тот вдыхал.

Сейчас в Новокузнецке активизировалось движение за спасение трамвая. С каждым годом сокращаются километры его путей. А ведь это молодость нынешних наших ветеранов, которые строили заводы и фабрики, а потом с ночных смен под стук вагонных колёс возвращались кто в палатки, кто в барачные строения. Трамвай ходил с раннего утра и до полуночи, заменяя металлургам и шахтёрам будильники.

Не могу не вспомнить стихотворение «Мне восемнадцать». Как и в творчестве самобытного поэта Виктора Бокина, оно звучит по-особому искренне, без фальши. Поэт гордится избранной профессией металлурга. Ему, 18-летнему юноше, по душе трудиться в ночные смены, под силу с лёгкостью поднимать «первый груз на плечи». Была, конечно, и усталость. Но она не валила с ног молодого металлурга. Наоборот, приносила радость и удовлетворение. Да иначе и не могло быть! Это только лодыри и хвастуны могут приспосабливаться.

Искал работу. Запах кокса
Приятно нервы щекотал.
Дымился кокс. Тот терпкий дух
Напомнит будни коксохима.
Смешенье красок, газа, дыма.
Он для меня как давний друг.
Хотя из юности ушли мы,
Гори во мне, ночная смена,
Шуми со мной, братва моя.

В сборник включено несколько стихотворений, обращённых к творческой интеллигенции: «Поэт рожден для крупной драки», «Художники – сильный народ», «Круг». Последнее посвящено Виктору Бокину. Здесь философское размышление о месте поэта в обществе, его роли в формировании мировоззрения читательской аудитории, о долге и ответственности за происходящее в мире:

Но сердце не может гореть взаперти
И вырвется – против металла.
Противница долгих и тихих услад
Покроется к сроку рубцами.
Не надо стеречься и стариться, брат,
В полёт устремились мы сами.
И листья резные, седые – взгляни –
Калёные, жёлтые – в круге.
Как нежно на землю ложатся они,
Сливаясь в священном испуге.

Стихотворение «Они живут, не дуя в ус» – какое совпадение и страшное пророчество! Как бы предчувствуя трагическое событие своей жизни и его последствия, Николаевский писал:

Они живут, не дуя в ус,
Те, что однажды похоронят
Меня и землю заборонят.
Вот их я, как чертей, боюсь.
Мне кажется, они давно
Довольно руки потирают
И день и место выбирают...
Такое право им дано.
Ведь похоронят же, куда
От них уйдёшь? Везде достанут.
Гроб закопают и помянут.

Коллеги по перу помнят, как трагически оборвалась жизнь Н. Николаевского прохладной майской ночью 1998 года после семинара профсоюзного актива. Нашли возможность в тяжелейшее для страны время выпустить сборник воспоминаний о нём – «Неоконченный диалог» (1999). «У него появилось до сих пор невиданное желание жить», – вспоминает Валентина Началова, редактор шахтёрской газеты, где он работал литературным сотрудником.

Одну из ежемесячных «Литературных бесед» я посвятил его творчеству. На неё пришли ценители его таланта и многочисленные друзья. Но, к сожалению, среди присутствующих непонятно почему не было близких родственников. Несколько раз приглашали на мероприятие теперь уже взрослую дочь Ксению, близких поэта. Но бесполезно. Никто на вечер его памяти так и не пришёл. Правда, объявился родной брат Николая Михайловича. Он через сотрудницу Новокузнецкого художественного музея передал несколько семейных фотографий.

Последние три года часто вижу Валентину Захаровну Началову. И при каждой встрече она беспокоится об обустройстве могилы Николаевского, необходимости установки памятника.

Вспомнилось, как летом 1996 года поэт похвалился:

– Знаешь, Николай, я закончил интересную вещь о твоём земляке...

– Это прекрасно, – отвечаю ему. – А когда её можно будет прочитать? И, если не секрет, то о ком?

– Об этом чуть позже. Вот поправлю небольшие шероховатости текста...

И действительно, 1 ноября в многотиражной газете «Горняцкая солидарность» была напечатана поэма «Больше, чем хохол». И каким же было моё удивление, что она не о шахтёрах, а о... чеченской войне!

Я тогда спросил его, что хотел он показать в образе земляка Петра Иваненко, которого «вознёс сначала до героя и до подонка уронил». Он как-то задумался, а потом после длинной паузы ответил: «Ты не обижайся, старик, за земляка: здесь всё так, как есть. Сначала он честно работал, возводил новостройки... Потом пришла горбачёвская перестройка, развал Союза, передел собственности... А что в итоге от всего этого досталось нашему герою? Что? «Каких делов ты наворочал. А что же нажил? Геморрой...»

И след П. Иваненко поэт, казалось, потерял. Но ненадолго. Он отыскался в... Чечне. Как и какая судьба его туда забросила, мы и так можем догадаться без слов...

Это был мой последний разговор с Николаевским...

Мы были знакомы с ним с начала 1980-х годов, когда он работал в строительной многотиражке «Металлургстрой», а я приносил туда вместе с корреспонденциями о плотниках-бетонщиках свои статьи, лирические этюды и рецензии-отклики на вышедшие в России книги украинских писателей. Он всё это вместе с редактором Михаилом Койденко готовил к печати.

На Николая Михайловича можно было положиться в любую минуту. Он всегда приходил на помощь. А сколько начинающих авторов он поддержал в начале их творческой жизни! Встречался с ними, делился секретами поэтического мастерства. К нему тянулась талантливая молодёжь, к которой он шёл с открытой душой. Несмотря на большую занятость и семейные обстоятельства (он один занимался воспитанием дочери Ксюши), согласился руководить городским литобъединением «Гренада». Но из-за экономических трудностей он так и не успел провести свой первый литературный семинар.

За то короткое время жизни, что отвела ему судьба, у него вышло три поэтических сборника: «Трудный день», «Обернуться на взгляд», «Круг». К посмертному 50-летнему юбилею вышло сувенирное издание «Золотое сечение». И вот теперь новый сборник – «И жизнь до дьявола светла».

Николай Николаевский любил жизнь, дорожил каждым мгновением. Жил радостями и болями своих земляков. Неправда, что поэты умирают. Они долго остаются с нами. Их жизнь продолжается в стихах, в прекрасных делах. Это по праву можно сказать и о Николае Николаевском. Он это заслужил.

г. Новокузнецк

Николай НИКОЛАЕВСКИЙ

Я ВИДЕЛ КРАЙ ДОЖДЯ

* * *

Поэт рождён для крупной драки,
Фатальной драки на миру.
Враги, житейские овраги…
Он верх одержит поутру.
Поэт, он не меняет флаги.
Смеётся там, где всем смешно.
И плачет там, где мало плачут.
И хорошо, что слёз не прячет,
Когда другому всё равно.
И каждой малостью он жив.
Не мелочь: маленькое солнце,
Как снег идёт, как лист кружит,
Как свежесть льётся из колодца.
Он может быть звездой, и рощей,
И счастьем может, и бедой,
Тревожно, точно ненарочно
Рассветным светом разлитой.
Поэт рождён для крупной драки
Среди людей, народов, вер,
Но – отчуждения барьер!
И вечный бой. Не на бумаге.

МОНОЛОГ ЛЁТЧИКА, БОМБИВШЕГО ХИРОСИМУ

Я выжил из ума.
Спуститься ниже?
Моя душа – тюрьма.
Я болью сердце выжег.
Все умерли – я выжил.
Я выжил из ума.

* * *

Памяти поэта Игоря Киселёва

Перед мраком Вселенной немея,
Но не пряча взыскующий взгляд,
С недопетой судьбою своею
Неразрывные люди стоят.
Срок – всему. Станешь гордою птицей.
Где жильё – там гнездо, где жильё…
Как не хочет со смертью мириться
Бесконечное сердце твоё!

* * *

Нам не уйти от линии прямой,
И это совершенство, боже мой?
И в этом идеал, о боже правый?
Зачем зигзагом водит нас лукавый?
Нас бьёт о стены горькой головой.
В глазах круги, растрёпан гребень славы.
Не знаем, доберёмся ли домой.
Как Одиссей своих врагов рассея,
Блуждал между коварных островов…
И ты, мой друг, похож на Одиссея,
Запутался средь юбок и столов.
Но некто, эскалатор подавая
Иль скатертью дорожку расстеля,
Шепнёт брезгливо: «вот твоя прямая.
Хотя она, возможно, не твоя».
Законченность – с гармонией родство,
И утолённость – торжество таланта.
А где же молодое воровство,
Когда же золотая контрабанда?
…Кривая нас вывозит, но конвой
Уже готов вести нас по прямой.

* * *

Мне восемнадцать. Лёгкий пыл.
Ночные смены я любил.
Был воздух огненный, когда
Ложился первый груз на плечи.
Вся прямота и просторечье
Крутого, умного труда.
Бывало, сильно уставал,
Но на горячем не обжёгся.
Искал работу. Запах кокса
Приятно нервы щекотал.
Дымился кокс. Тот терпкий дух
Напомнит будни коксохима.
Смешенье красок, газа, дыма.
Он для меня, как давний друг.
Хотя из юности ушли мы,
Гори во мне, ночная смена,
Шуми со мной, братва моя.
Всё было так обыкновенно.
Но переходит неизменно
Со мной туда, куда и я.
И запах тот – как кровь по венам.

* * *

Совершеннолетний дождик!
Совершенно летний дождик?
Он начинает свой рассказ,
Наивный, шумный и летящий,
И музыкально всё на час –
Труба, окно, почтовый ящик.
Как этот дождик удивителен,

Сказавший первый раз «люблю»,
А я завидующим зрителем
Молчу, под зонтиком стою.
Ищу я смысл в словах неточных.
Мне очень трудно без него.
Мой дождик, мой первоисточник,
Застенчивость и волшебство.

ВЕЧЕР

Ощущенье, как на старте.
Прокатитесь, кто за мной?
На заснеженном асфальте
По дорожке ледяной!

Вечер, снег, горит реклама,
А дорожка – первый сорт.
Оттолкнёшься, встанешь прямо
И несёт тебя, несёт.

Ближе мир, теплей дыханье,
И надежды свет большой
В этой радости случайной,
В этой малости живой.

Как сменяются мгновенно
На тропинке ледяной
Инженер, студент, военный,
Старичок и мы с тобой.

Дед Мороз оставил мету
И ушёл, укрывшись в снег.
…Поутру дорожку эту
Не заметит человек.

ВЗГЛЯД

В железной клетке зверь не страшен.
Детишки радостно галдят.
И рты разинули мамаши.
Не страшен зверь,
Но страшен взгляд
Внезапно ждущих
Жёлтых волчьих
Гипнотизирующих глаз.
Они притягивают нас,
И невозможно превозмочь их.
…Но впрочем, хмыкнув, очень скоро
Ты наваждение смахнёшь.
К мартышкам отойти смекнёшь.
Вот тут веселье, тут умора.
…Ночь опустилась, словно штора:
За всё, в чём был ты виноват,
За все невидимые раны
Хлестнёт почти что нереальный
Тот леденящий, долгий взгляд…

* * *

Художники – сильный народ.
Картины их пышут здоровьем.
Всё зримо. Аж зависть берёт.
А мы-то кричим, суесловим.

Как светится дно у реки,
Какие воздушные краски!
Слова же – как товарняки
В порожней, грохочущей тряске.

И, может быть, взяв наугад
Простую житейскую тему,
Художник, хитрющий собрат,
В иную проникнет систему.

Заглянет в надзвёздную тьму
Случайно оброненным взглядом.
Припишут потомки ему
Открытие первого ряда.

Как видим мы, чудо творя,
Как чувствуем вовсе не плоско
Пришельцев в мазке дикаря
И ядерный выплеск у Босха!

* * *

Я видел край дождя,
Хотя и густо лился.
До нас не доходя,
Он вдруг остановился.

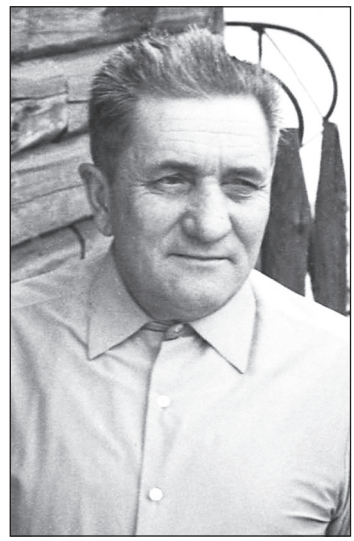
Незримая черта…
Протягиваю руку.
До локтя залита,
А чуть повыше – сухо.

Дождь нарастал, кипел.
Весь горизонт охвачен.
Но был его предел
До срока обозначен.

В попутный ветерок
Вплетался дождь наклонно
И всё ж не пересёк
Черты неизъяснённой.

Вода под стать огню.
В глазах темно от света.
…И грустно на краю
Раздолье видеть это.

Подготовил к публикации Н. НИЧИК



Трофим ШАЛАКИН

ЗАПИСКИ ШАХТЁРА

Глава первая
НА ЕЛАНСКИХ ПРОСТОРАХ, 1711–1929 годы

Назван Трофимом

С 1933 года по документам значусь Трофим Егорович Шалакин, хотя родился под фамилией Шелакин 17 сентября 1918 года в селе Красавка Самойловского района Саратовской области. Фамилию мне и моим родственникам-сибирякам по каким-то причинам изменили в городе Прокопьевске Запсибкрая, а теперь Кемеровской области. К счастью, имя и отчество остались исконными. А назвали меня Трофимом по просьбе сестры отца в честь ее мужа, унесенного из отчего дома вихрями империалистической войны и революции 1917 года.

Боевой офицер

Мой отец Егор Степанович Шалакин. Русский. Родился в Красавке в 1889 году. Считалось, что он умер в результате репрессий в лагере в 1941 году. На самом деле расстрелян в августе 1937 года в Прокопьевске. Местом его упокоения, судя по всему, стал ров на берегу реки Абы в окрестностях поселка Черная Гора.

Отец был крепким физически и 182 сантиметра ростом. Волосы имел рыжие. Ходил быстро. Хорошо владел телом на турнике. В детстве прислужничал помещику Павлу Киевскому. В 1907–1916 годах служил в Русской армии на Кавказе и в Карпатах. Был младшим офицером, участвовал в боевых походах.

Имел три Георгиевских креста двух степеней – высшую награду для солдат и унтер-офицеров за храбрость в борьбе с неприятелем. Кресты изготавливали из серебра. На одной стороне изображали святого Георгия на коне, а на другой – его вензеля. За эти награды давали повышенное жалованье, пока довольствие не увеличивалось вдвое. При этом прибавочное жалованье было пожизненным.

Неравные силы

В империалистическую войну Егор 11 раз ходил в атаки. Как-то их полк держал оборону против австрийцев. Снаряды падали как дождь. Полковника ранили. Его на носилках несли к реке. Он приказал остановиться. Подозвал офицеров. Отдал Егору компас, другим – все, что было в сумке и карманах. Приказал выходить из окружения. А по поводу себя сказал так: «Меня оставьте, иначе погибнете». Воины заняли выгодный рубеж. Но недолго это продолжалось. Подъехал подполковник из штаба и повел всех по логу вперед. Через километр сверху двинулись австрийцы и взяли наших в плен. Пока ставили пленных в строй, подполковник был убит своими же.

Так Егор попал в австрийский плен. Там люди, по его словам, жили неважно, получали свеклу по карточкам. А что тогда говорить о пленных? Они собирали по улицам кости, толкли их, кипятили муку и пили вонючую жидкость. Позже пошли посылки из России, и стало немного легче. Потом обмен пленными. Это делали по небольшому списку.

На работах в Австрии Егор был ранен. А произошло это так. Пленные строили шоссейную дорогу около железнодорожной колеи. Напротив них взорвался поезд с боеприпасами. Егору осколками перебило у правой руки три пальца и задело ногу. Госпиталь в Австрии страшнее плена.

Но мир не без добрых людей. Врач сказал Егору по-русски: «Ты в живых останешься, на ноге плясать будешь, а за руку не ручаюсь». Поэтому Егор и попал

в список на обмен. Пришел пароход из России. Поплыли. Но флот был потрепан. Пробило трюмы корабля. Пароход стал тонуть. К месту крушения подошло судно другого государства и взяло людей на борт.

В 1916 году Егор вернулся в Россию инвалидом. Он географию знал хорошо, понимал австрийский и немецкий языки. Одевался небогато и неброско, но был опрятным и в себя окурки бросать не позволял.

На последние копейки покупал газеты, внимательно читал их и был в курсе последних событий. По характеру – горячий. Однажды на свадьбе племянника поругался с матерью. Снял икону Николая Угодника со стены и ушел с ней ночевать в ригу, где хранили корм для скота.

Горничная при помещике

Бабушка по отцу Аксинья Ивановна Шалакина (в девичестве Малашина) была организатором всех семейных дел. Родилась она в Красавке в 1864 году, а умерла в 1934 году в Прокопьевске. Умная женщина. Среднего роста, темно-русая, с густыми волосами. Хорошо причесывалась и строго следила за собой. Обладала приятным голосом, гадала на картах. Прекрасно готовила. Умела шить на машинке.

Она могла галантно встретить пришедшего человека. Красиво подавала на стол еду, ставила самовар и наполняла стаканы чаем. С поклоном провожала гостей. Она училась быть доброй, когда служила горничной в доме помещика Ивана Семеновича Ротина. Тот дом строили с 1865 года в течение трех лет. Располагался он в трех километрах от Красавки, на берегу Елани.

Лавочник и картежник

Мой дед по отцу Степан Иванович Шелакин. Родился в 1855 году. Был человеком особого склада. Бесконечный труд не любил. В молодости сторожил, караулил бочки, потом начал торговать. Хорошо помню его с четырехлетнего возраста. Он выше среднего роста, темно-русый. Одежду чистую не любил. У него ее и не было. На его голове не волос был, а какие-то сосульки в масле. Ходил нестриженым и небритым. Расчесывался пальцем, пил водку, играл в карты.

Имел лавку метра четыре длины и два метра ширины. Проще сказать – сарай, сплетенный из хвороста, покрытый сверху соломой, с боков обмазанный глиной и побеленный. Дед торговал солью, селедкой, сахаром, леденцами, пряниками, керосином, спичками, дегтем и удочками. Продукты и товары привозил из Балашова от купца Тараксина. Убытков не имел. За ухом носил карандаш, на прилавке стояли весы и лежали счеты. Не знаю, какое образование он имел, но на счетах умел работать проворно. Приходил покупатель, он с ним разговаривал, предлагал что-то. Если у человека не хватало денег, записывал долг в тетрадь.

С дедом мы жили в одном доме, но наша семья питалась отдельно. Нашу большую семью лавка деда не могла прокормить. Поэтому отец, его братья и сестра периодически уходили в работники к помещикам или к зажиточным людям. В дела жены и сына Егора дед не вмешивался. Вел свою жизнь. Как-то ночью пришел в одних кальсонах: проиграл в карты одежду и лавку. И пришли с ним в лавку человека четыре для того, чтобы забрать то, что было на прилавке и полках. Время – четыре часа утра. Егор услышал, взял вилы и встал около лавки. На вилы смелых не нашлось. Лавка уцелела.

Дом и двор

Дом дедушки и бабушки, где я родился (он многие десятилетия был в сохранности), составлял метров 10 длины и 3,5 – ширины. В нем были две комнаты. В первой – кухня с печью русской. На печи спали. Там могли поместиться человека три. Были еще полати высоко от пола. Там помещались еще человека четыре. Вторая комната называлась горницей. В ней стояла печь круглая, которую называли «галоша». Топили печи либо соломой, либо кизяками, то есть особо приготовленным навозом. Навоз замешивали, лошадьми трамбовали, потом сушили, рубили на куски. И он был годен для отопления жилья.

В 1916 году хозяйство в Красавке было бедным, но Егор подобрал семейные вожжи. Начал забирать власть у отца. С боем отобрал ее. Главным его советником стала мать. У нее небольшие средства были. Купили две лошади, плуг, бороны, упряжь, телегу. Стали хлеб сеять. В 1917 году Егор женился. Взял в жены в украинской деревне Полтавка, что в 15 километрах от Красавки, Елизавету Васильевну Левченко, которая была моложе его.

Помню надворные постройки усадьбы. Конюшня. В ней стояли две лошади. Сарай. Здесь помещался остальной скот: корова, телка, две свиньи, 12 овец и примерно 20 куриц. Огород занимал соток 80, имелся сад небольшой: корней восемь вишни и корней шесть сливы. Остальная площадь использовалась под картофель и овощи.

Из сельскохозяйственного инвентаря были плуг, сеялка и бороны. При необходимости дополнительную землю брали в аренду и на ней сеяли пшеницу, рожь, просо, овес, коноплю, лен.

Часто арендовали землю под бахчи. Садили арбузы, дыни. Коноплю и лен перерабатывали до по-

лучения материи для рубах и штанов. Всем этим нужно было руководить, тратить много труда, чтобы одеваться, питаться, играть свадьбы. Поэтому отец и мать работали от темна до темна.

Помню колодец напротив нашего дома общественный, где поили скот зимой.

Скотина делала разминку и охотно шла на водопой. Смотрел я на это с душевной радостью.

Украинская кровинушка

Моя мать Елизавета Васильевна Шалакина. Она украинка, девичья фамилия Левченко. Родилась в 1897 году. Неграмотная, темно-русая, среднего роста. Занималась сельскими делами, воспитывала детей и внуков. Умерла в Прокопьевске в 1977 году. По рассказам ее матери, их род с Украины, точнее – из Полтавы. Потом семья перебралась в столицу Запорожской Сечи – Гуляй Поле, а уже откуда – в Саратовскую область, в Полтавку. Отец матери Василий Павлович Левченко из крестьян. Имя бабушки по материнской линии не помню.

Мать в семейных советах не участвовала. Делала то, что скажут: печь протопить, постирать. И были еще сельхозработы, которые для нее, как и для всех остальных ближних и дальних родственников, начинались в апреле и кончались в ноябре.

Спасение брата

В 1919 году брат отца Василий прислал в Красавку письмо из госпиталя. Лежал в Москве, ходить не мог: отнялись ноги. Их солдатская казарма была в подвале, спали на бетоне, и он простудил позвоночник. Василий просил Егора, чтобы тот привез его из Москвы на родину умереть.

Отец посчитал это своим долгом и двинулся в путь. По сибирским меркам, не так далеко – 700 километров. Но дороги были разбиты. Раненых разрешали вывозить без очереди. В Москве Егор нашел госпиталь. Брата отдали. Они получили извещение на переезд. Прибыли на Казанский вокзал. Билет взяли в организации, которая помогала раненым. Как будто все. Но не тут-то было. Егор вне очереди занес в вагон мешок и поклажу. Вернулся на перрон, чтобы нести брата. А его мешки уже выбросили из вагона. И поезд ушел. Тогда Василий говорит: «На следующий поезд неси первым меня, а потом – мешки». Так и сделали. Была давка, но им никто не мешал. Нашлось место и Егору, где сесть.

Василию было лет 25–26. Аксинья Ивановна приняла все заботы на себя. Делала лежачему сыну ванны из разных трав. И не пропали ее труды. Василий начал ходить. Потом женился на Анне. У них родилась дочь Александра.

Засуха, голод и тиф

В 1921 году Красавку поразила засуха. Урожая не было. Наступил голод. А если и было у кого что-то поесть, то они питались по ночам, чтобы никто не видел. Люди снимали солому с крыш, чтобы накормить скот. К одним землякам я иногда заходил, чтобы переждать дождь или пургу. И вот, когда был у них, пришли люди из сельсовета и начали ходить по огороду, тыкать шомполами в землю. Яму нашли. В ней была свекла. Подогнали подводы, погрузили урожай и увезли. С голодом пришел сыпной тиф. Все переболели.

Последним в нашей семье болел брат отца Василий. В августе 1922 года, когда косили пшеницу, ему стало плохо. Он попросил бабушку послать за Егором. Пока тот ехал, Василий умер. Он оставил отцу костюм и в его карманах несколько золотых монет. Сколько? Это знала только Аксинья Ивановна. И для нее случившееся – тяжелая утрата. Потеряла сына в молодом возрасте.

Начались приготовления к похоронам. Обратились к старейшему священнику с просьбой: как бравого защитника Отечества похоронить Василия на площади. Священник отказал, мотивируя тем, что время выбросит его оттуда. Поэтому похороны прошли на общем кладбище. А деньги и хорошие товары, говорят, были у Василия из монастырей, церквей, которые разрушали во время и после революции 1917 года.

После похорон поделили хозяйство. Жена Василия Анна уехала в свое село Николаевку, а дочь Александра осталась в Красавке. И она жила с нами года два. Потом Анна уехала на Дальний Восток. Взяла с собой дочь. По слухам, позже та жила в Баку.

Замены на марше

Шел 1925 год. При кое-каких неудачах и несчастьях хозяйство отца преображалось и росло. Была построена новая конюшня, расширялись посевы. Во время уборки хлеба нанимали одного человека на сезон. В том же году у Егора и Елизаветы родился сын Петр. Семья прибавилась. Стоило наше хозяйство в 1926 году 900 рублей.

Зимой в дом зашел бывший помещик Павел Киевский, у которого отец в молодости работал. Так что мне довелось видеть живого помещика. Ему тогда было лет 50. Он выше среднего роста, темной кожи. От стопки крепкого напитка не отказывался, но пьяным никогда не был. Мог сеять, пахать, в руках хорошо держал вилы и грабли. Мог работать на молотилке и на тракторе. Знал, где что посеять, какими семенами, где посадить яблоню, где сливу. Понимал животных: какая корова сколько даст молока, какая свинья сколько принесет поросят. Не обижал жен-

щин. Он был богатым, ему его знания помогали. С ним люди здоровались, преклоняли перед ним голову. Он никому не отказывал в помощи. На нем рубаха всегда была чистая. В то время такие люди, как помещик, были не нужны. Их убирали, они мешали.

Бывший помещик осмотрел хозяйство отца и семена, которые были приготовлены для сева. Сказал: «Семена заменить. Скот непродуктивный заменить. И лошадей поменять на более сильных с широким шагом». Послушал Егор Киевского. Заменил семена, скот – корову и лошадей. В том году у отца работы особо много было, но и хлеба уродилось немало. Поп с народом выходил в степь, просил дождя у бога. Потом шел дождь. Поп также отпевал больных, но прежде, чем отпеть, нужно было знать, умрет ли он. И поп знал исход. Так кто же он? Доктор или священник?

Естественный исход

В 1926 году похоронили деда Степана. Он прожил 71 год. Как-то не встал с постели. Егор поехал за врачом, с которым в одном полку служил. Звали его Иван Денисович. Когда тот прибыл, накрыли стол. Доктор отказался от застолья, сказав: «Сначала посмотрю больного». Раздел деда, послушал деревянной трубкой, потом подошел к столу. Егору сказал, чтобы готовились к похоронам. И дня через четыре умер Степан Иванович. Торговля в лавке закончилась. Продолжатель дела среди наших не объявился.

Трудяги-единоличники

Попробую описать единоличное хозяйство. Мне было 9 лет, и в памяти все сохранилось. Возьму хозяйство отца. Он тогда был около среднего возраста (38 лет) или чуть отошел от него. Его хозяйство состояло из двух лошадей. Они каждый год приносили жеребенка. Были две коровы. Они обязаны были принести теленка. От двух свиней ждали 10 поросят, 15 овец должны были приносить 10 ягнят. А куры несли яйца для вывода цыплят. Как будто простая цепочка, но стоит только в одном месте порвать ее, и ничего не получится. Моментально хозяйство начнет падать.

Все должно обновляться. Лошадь устарела – нужно заменить. Корова устарела, не дает молока – нужно заменить. Многое нужно знать, не каждому человеку это под силу. Необходимо иметь помещения, чтобы они соответствовали тому или иному животному, иметь фураж или корм. Это все зависит от летних заготовок. Труда нужно больше летом: уборка урожая, обмолот хлеба. Отец сдавал зерно, скот государству, землю брал в аренду. Сколько, по какой цене, не могу знать. Да и спросить теперь не у кого. Этих трудяг нет, они в земле ждут меня.

Видел умирающих

Зима и весна 1927 года выдались голодными. Правда страшная. Обкладывали налогами до последней рубахи, забирали скот, если он был, и продукты. Это делалось у людей на виду, чтобы все боялись и работали бесплатно. В большинстве случаев обирали припасы зимой. И люди в Красавке умирали. Среди них оказалась моя сестра Александра 1922 года рождения. Самому довелось видеть немало умирающих от голода людей. Трупы грузили на сани и везли к глубокой канаве.

Пошел в первый класс

Любил пасти лошадей, но в тяжелом, 1927 году мне пришлось пойти в школу. Учился неважно, почти на сплошные тройки. Очень редко была оценка выше.

Одежда на мне была холщовая самодельная. Верхняя одежда – полушубок. Их шили на разный фасон.

Время НЭПа

Осенью 1927 года зерно в Красавке некуда было девать, и наш амбар тоже не вмещал его. Отцу пришлось сдавать урожай государству, а в обмен привозить лес для будущего дома. Это делали так: в Самойловку на элеватор отдавали зерно, а оттуда везли во двор лес и кровельное железо. Такая система существовала чуть ли со времен императрицы Екатерины Великой.

Новый дом построили в 1928 году, для чего нанимали плотников. Зерно оставалось, поэтому отец купил в рассрочку еще и молотилку. В нее впрягали шесть лошадей, которые крутили привод. Можно было другим людям зерно обмолачивать. Правда, молотилка не слишком выгодна. От бесперебойной работы лошади стали терять зрение и в конце концов ослепли.

То был период НЭПа, когда государство давало кредиты на покупку техники. Поддержка крестьян сыграла большую роль. В селе был государственный агроном. К нему мог любой обратиться. При всех успехах в 1927 году, такой белый хлеб, какой лежит на моем столе в Прокопьевске в 1986 году, в церкви нашей деревни святили на Пасху: один раз в год. А в остальное время хлеб был у нас черный с отрубями.

Святая помощь

В 1928 году я учился во втором классе. У меня был товарищ. Ходил с ним часто по улице и бывал у него дома. Он хорошо решал задачи, знал арифметику лучше меня. Сказал бы он мне во втором классе: «Трофим, учись писать, задачи решать, тебе

придется много чисел умножать и делить». Но кто знал тогда о таком моем будущем?

Семья друга – шесть человек. Отец 70 лет, выше среднего роста с рыжей бородой, мать 50 лет. У отца двое детей от первого брака – мальчик лет восьми и девочка лет шести, от второго брака – мальчик лет четырех и девочка лет двух. Жили все вместе.

Прикидываю в 1987 году по себе: смогу ли я это сделать? Думаю, нет, потому что я напуган браком.

Дом семьи друга был небольшим – пять метров длины и пять метров ширины, пол – глинобитный, четыре окна – 60 сантиметров вышины и 40 сантиметров ширины каждое. Никаких перегородок. Комната – одна. Когда заходишь, налево – русская печь, за ней – полати, застланные соломой. Над ними – еще одни полати. Внизу отдыхали муж с женой, выше – дети. Когда солому меняли на новую, старой топили печь. В правом углу комнаты на небольшой высоте были прибиты две доски. Это – стол. Пища – хлеб из печи. Пекли его на неделю. К этому печь жарко топили. Я знал все харчи семьи друга: щи, каша пшенная, квас и молоко. Их тогдашнее хозяйство: корова, поросенок. Одежда из плодов их труда: халат, шуба, лапти. Трудились от старого до малого. Иначе погибнешь. В магазине товар купить было не на что. Они назывались бедняками.

Освещали дом намоченной в жирах тряпочкой. Ее поджигали, и появлялся свет. Читать и писать при нем было невозможно.

Но мне не довелось там слышать грубого слова. Там материального недостатка была гора, а икон – две. Поддерживали религию и пост. Он длился две недели. Пища в дни поста – каша, масло, квас. Семья была довольна, что есть крыша над головой, есть тепло и харчи. Для них светило солнце. И планета была для них. Они все это понимали, не болели. Им бог помогал.

Люди могли существовать без электрических проводов, часов и радио. В суровых условиях рождались богатыри. Их можно было послать, куда государству нужно. Пьянки в деревне были редкими, но кулачные бои иногда случались. Были случаи, когда убивали людей. Это – дурость, и объяснения ей нет. Также были люди, которые не презирались. У них было, что покушать и одеть. И они не знали, что такое голод, хотя слишком богатыми не были.

С рекой шутки плохи

В конце лета 1928 года утонул брат Петр. Река Елань плесистая: в некоторых местах вода по колено, а в других – очень глубокая. В тот день мы с матерью убирали колхозный хлеб. Она вязала снопы, а я носил их в общую кучу. Вдруг нас позвали на стан. Там уже были запряжены лошади. Нам сказали: «Нужно ехать домой». Зачем – не помню. Когда подъезжали к дому, около него уже был народ – человек 12. Зашли в комнату. В ней лежал покойник. На второй день – похороны. Много слез было у матери и бабушки. Аксинья Ивановна всю беду приняла на себя: не усмотрела за трехлетним мальчиком.

Замаячили Соловки

В те годы в Красавке замаячили ссылки. Первыми в далекие края увезли семьи кулаков. Нам говорили, что везут их на Соловки. Все хозяйство раскулаченных забирал сельсовет, потом он сдавал имущество в колхоз. При погрузке тех людей на сани или в телеги к ним никто не подходил, кроме детей. Остальные боялись. Кто подходил к ним или пускал в дом к себе, считались подкулачниками. Дочь не могла мать проводить, а мать – дочь. Оставшихся в деревне жителей обкладывали налогами. Ночью вызывали неплательщиков в сельский совет, требовали уплаты задолженности. И после уплаты долгов снова обкладывали налогом и грозили конфискацией имущества. Но все-таки 1928 год не был голодным. У матери и отца появился очередной сын Парфентий, которого в 1933 году в Прокопьевске переименовали в Павла. Семья особо не прибавлялась, потому что один человек рождался, а другой умирал.

Трактора и вечное поселение

В 1929 году в Красавке появились трактора. На них работала бригада механизаторов, в том числе одна девушка по имени Полина. Она была дочерью председателя колхоза. У нее появился ребенок от молодого Михаила. А этот парень попал под кличку кулака. Его отправили на Соловки.

Через три месяца Полина тоже уехала с сыном на вечное поселение. Для чего? Показать сына отцу. Она знала, что никто оттуда не возвращается. Так у молодой семьи с грудным ребенком отобрали родину.

Глава вторая
ИЗ ЯМ – ЗА ТРУДОДНЯМИ, 1929–1932 годы

Пошли в колхоз

В том же году всем активно предлагали работу в колхозе. Были уже и коммуны, но не в нашем селе. По очереди людей вызывали в сельский совет. Первыми в колхоз вступили те, кому терять было нечего, у кого своего хозяйства не было, кто не понимал, как его иметь и что с ним делать. Ведь около хозяйства стоял постоянный нелегкий труд. Наша семья в стороне от колхоза не осталась.

Осенью отец вступил в колхоз имени Калинина. Сдал лошадей, плуг, молотилку и бороны. Зимой работал в колхозной мастерской плотником, а в посевную страду на лошадях подвозил семена к сеялкам. На любой работе на отца никто не обижался. Он с империалистической войны был инвалидом, но делал не меньше других и себя не жалел. Мать во время уборки вязала снопы ржи и пшеницы. Я вязал снопы в колхозе и пас лошадей, быков. На пашне лошади работали от звонка до звонка. Можно и так сказать: от зари до зари.

В родной Красавке мне доверяли пасти табун лошадей – 150 голов. Скакал перед табуном один верхом на лошади с утра до ночи. И не знал усталости. Было вождение лошадей в ночное. Это к принуждению не относится. Лошади были умные. То же самое относится к собакам. Какой ты хозяин, такие и они. Лошади подавали мне свои головы, чтобы надел узду. Потом я хватался за гриву, и лошадь садила меня на себя. Вторую привязывал к той, на которой ехал. Через три километра путал ноги лошадей веревками и – до утра. Потом распутывал им ноги и ехал домой гордый и веселый лишь потому, что подо мной была не машина, а живое существо.

Позже мне пришлось несколько молодых лет быть связанным с лошадьми и в Сибири, в Прокопьевске. Накормленные, они не грызутся, не сердятся друг на друга. Заболела лошадь – на других не кидается, никого копытом не бьет, не требует капли в бутылочке, таблетки, никого не кусает, никого в свою могилу не тянет. Может, потому, что она не господин планеты?

Быки и коровы

Корова. Это животное в Красавке ходило в светлое время дня в стаде, где 80 коров, а также один или два быка. Они огуливали стадо. Пастух хозяину коровы говорил: «Ваша корова приняла быка 10 июня». Для того, чтобы хозяин знал время отела. Корова приносила одного теленка, редко – двух. Они сосали мать, но повзрослевшего теленка мать отталкивала ногой. Она знала свое дело. Хозяйку, хозяина и их семью кормила молоком. Знала быка и принимала его один раз в году.

Бык – крупное животное. Ему природа подсказывала, какой корове он нужен. И он не отходил от нее. Если они за день не нагулялись, то вечером он шел с этой коровой. Не пустить его в домашний загон было невозможно. Он ворота рогами перебрасывал через себя, ломал городьбу, мог сарай развалить. Люди это знали и не выходили на борьбу с ним. Он переночует с любимой, а на следующий день уже не придет. Если он никакой корове не нужен, то он понуро идет последним в стаде, ночует вдали на отведенном ему месте. Его природа одела, обула. Но его обувь боится гвоздей. Не дай бог, бык наступит на гвоздь. Копыто тогда излечению не подлежит. Мне приходилось ветеринару привозить больных животных, поэтому я в курсе. Их копыта как-то защищали, но мне не приходилось видеть подкованного быка.

В 1920-х годах быки в Поволжье кормили людей. На них пахали, сеяли, бороновали, возили грузы. Можно было взять сенокосилку, запрячь пару быков, но при их малой скорости ножи не прорезают, а мнут траву. Лучше запрягать лошадь. У нее ноги длинные и скорость быстрая.

Серьезный звонок

В 1930 году слышал разговор умного человека, который читал газеты. Ему было лет 50. Его слова: «Так не может долго быть, значит, что-то будет». Понятно. Ведь мы ждали того дня, когда станем жить лучше купца и быть выше его хотя бы на шаг. Верил ли я этому? Нет. И осенью к нам ночью пришли двое мужчин. Отец их принял. Это были председатель сельсовета и его секретарь. Для них накрыли стол. Они сказали: «Егор, продавай дом, получай паспорт, а то через год тебя сошлют, ты записан на ссылку». А дом у нас был новый, цинковым железом крыт, поэтому Егор уперся. Считал, если в молодости он был в работниках у помещика, сам вышел из крестьян, все нажил своим трудом, то к богатеям не мог относиться. Но было, как говорится, и другое мнение. Начались оскорбления, унижения. Обложили налогами. Через неделю пришел мельник. Сказал: «Егор Степанович, переходи в мой дом, а я – в ваш. Заплачу разницу». И на этот раз отец не согласился. Вскоре в районной газете было написано, что Егор – кулак, а его держат в колхозе.

Охота на ведьм

Ранней весной 1930 года в нашей деревне люди жили бедно. С нами в колхозе работала женщина. И вот в дом ее отца днем стали сильно стучать. Никто не открывал. А стучали уполномоченные сельсовета. Много детворы собралось. Там был и я. Что же сделали гости? Позвонили в район. Оттуда приехал старший уполномоченный на паре лошадей. Лошади были запряжены гусем, друг за дружкой, иначе по тогдашним дорогам не проехать. Еще был снег, и в нем все проваливались.

Старший уполномоченный приказал сорвать дверь. Сорвали одну дверь, следом – вторую. Зашли в комнату. Там темно. Пол глиняный. В углу стояли нары из пяти досок. Ширина этих нар метра полтора,

от пола вышина – метр. На нарах – помятая солома. На соломе ни души, ни единой тряпки не видно.

Рядом – русская печь. На печи тоже видимого ничего нет. Стали искать живых. Открыли печь. Там был человек. Ему приказали вылезти. И он вылез: совершенно голый, весь в черных пятнах и в саже.

Спросили его: «Что с тобой?» Он сказал: «Нарывы на теле залил смолой». Районный уполномоченный плюнул и уехал. Что же это за неплательщик налогов и какой он кулак? Всех под одну гребенку нельзя подстригать. А 1930 год в наших краях почему-то опять выдался голодным, хотя урожай хороший был. Обозы шли на элеватор с утра до ночи. На лошадях везли зерно, на быках и на машинах – тоже. А нам собирать колосья не разрешали.

На погибель

Отца исключили из колхоза. Публикация в газете на это подействовала. Его арестовали и отправили в балашовский «Мостострой». Дня через четыре коллективизаторы забрали корову и дом. Сначала матери моей сказали: «Пиши заявление на развод и оставайся в доме». Но она этого не сделала. Тогда пришла подвода, погрузили на нее все, что хотели. Распоряжался погрузкой и отправкой наш сосед по фамилии Шелакин.

Отец предчувствовал беду и чуть ранее сложил свои боевые награды и три Георгиевских креста в железное ведро и закопал его в огороде или рядом с ним, где они и покоятся до сих пор. Это место мне неизвестно, потому что отец провел операцию по «захоронению» наград тайно ото всех. После того, как отняли дом, нашу семью увезли за 50 километров от Красавки, в окрестности райцентра Самойловка, в так называемый Яр. Когда тронулась подвода, в ней находились бабушка, мать, мои братья – Павел и месячный Иван. Неглубокий лог или ров, как хочешь, так и называй, стал нашим пристанищем. Ни хлеба, ни топлива, ни работы. Помирайте, пожалуйста.

Жил у дяди

Мне в Яру около Самойловки быть не пришлось. Пока я учился в третьем классе, жил у двоюродного брата Федота Ивановича Шелакина. Дом у него был мал: одна комната и русская печь. В переднем углу – икона Казанской Божией Матери начала XX века. Позже ее отреставрировали и передали в православный Христорождественский храм поселка Таштып Республики Хакасия. Сделал это сын Федота Иван Шелакин, который работал там председателем районного суда. Сам приход в Таштыпе открыли в 1833 году. В 1946 году храм взорвали. Потом его снова устроили. В Красавке у Федота я жил на печи. Продолжал учиться. В 12 лет пытался смотреть на опрятных девчонок, но нищета, унижение и оскорбления побеждали красоту жизни.

Колхозный наездник

Чем же я занимался в Красавке без родителей? Работал, так как меня приняли в колхоз. Пас лошадей, ездил верхом без седла и на гору, и с горы. Выбирал любую лошадь из табуна. Это было мое право. Некоторые деревенские бабы судачили: «Сын кулака, а так быстро ездит на колхозных лошадях». Но эти бабы забывали одно: в то время я был, как и они, таким же равноправным членом колхоза.

Наш животновод не слушал их пустые бредни. Он говорил: «Трофим, выбирай любую лошадь и поезжай верхом». Так что мне много довелось скакать верхом. Всю красоту описать невозможно, когда живое существо – лошадь – танцует под человеком. Такое удовольствие не каждому богом дано.

Человек в это время молодеет. Так сколько красивого, хорошего в жизни! Человек всей красотой планеты за свой короткий век не пользуется, не успевает познать.

Однажды был сильный гром, шел проливной дождь. Из табуна пропали четыре лошади. Они отбились от стада и ушли за 40 километров. Месяца через четыре их нашли в другом колхозе. Удержать табун лошадей в такую стихию, когда деревья лопались от молнии и грома, просто невозможно. У человека возникает ощущение, будто земля трещит по швам. Такое видел раза три. Не хочу сказать, что это плохо или страшно. Просто наблюдаешь природу своими глазами. И себя в ней не ощущаешь. Вздрогнешь, проверишь: руки, ноги целы. И этим бываешь доволен. Так что в такую погоду одну лошадь едва удержишь или на ней едва удержишься, не то что удержать целый табун. Но я – колхозник и к тому же жив.

Науку в школе пришлось забросить, получив образование два с половиной класса. Работал тогда я с утра до ночи. Кормили нас горохом. Летом, когда пас коров, давали дополнительно литр молока. Не помню, какой паек был тогда в колхозе, но, если память не изменяет, давали по 600 граммов хлеба на сутки и на месяц – немного растительного масла.

Под теткину крышу

В 1931 году через комиссию стариков и инвалидов отец присоединился к семье в Яру под Самойловкой. В земляных норах ему пришлось побыть недолго. Поскольку у отца одна рука была неполноценная, он выхлопотал разрешение переехать в пустующий теткин дом в Красавку. Там тоже не слишком хорошо было: неголодные и несытые. Многие люди

также жили впроголодь. Дом тетки пустовал, потому что в 1929 году она с мужем уехала в Саратов. С весны 1931 года вся наша семья опять пошла работать в колхоз. Отработали лето за два центнера хлеба. Дали справку, что он заработан честным трудом. Но председатель колхоза Хомяков хотел все забрать. Люди, которые отбирали у нас урожай, полученный на трудодни, один мешок зерна все-таки оставили. Опять голод, хотя все уродилось на полях, и все убрали. Можно вспомнить и людоедство. Не понимаю, зачем и кем это было сделано?

Пристанище в норе

После уборочной 1931 года семью отправили в новый Яр. Он был на этот раз ближе к Красавке: в пяти, а не в 50 километрах от нее. Отец нанял для переезда киргиза. В Яру изгнанники рыли неглубокие круглые ямы в земле, сверху их перекрывали и присыпали землей. В этом Яру я не только бывал, но и в его норах жил.

Мы ходили на гумна и в те места, где в уборочную страду молотили хлеб. Брали с собой метлы, тарелки, мешки. Выметали из травы зерно с мусором, веяли на ветру, сушили. И к вечеру шли к убогому жилищу, которое и землянкой можно было назвать лишь с большой натяжкой. Около норы зерно толкли, мололи на ручной мельнице и прямо на улице стряпали блины, так как в самом жилище всем можно было поместиться только в лежачем положении. Однако жить было нужно. Поэтому ловили рыбу. У нас были две сети. Но при этом нужна была особая осторожность.

Ночью с отцом шли к пруду. Я раздевался догола, брал в зубы шнур и плыл на другой берег пруда. Там за любой предмет привязывал шнур и плыл обратно. Это в том случае, если было далеко обходить воду по берегу. А когда близко, то обходил пруд бегом, а Егор распускал сеть. Когда обе сети были поставлены, отец разводил костерок, ставил котелок. Потом раздевался, лез в воду, чтобы проверить сети. Что попадало в них, бросал в котелок. Рыбу съедали, воду выпивали. Когда начинало рассветать, отвязывали шнуры, вытягивали сети и в сумерках с небольшим уловом уходили в норы. Иногда встречали нас люди, выносили хлеб в обмен на рыбу. Это делалось тихо, иначе будет беда тому, кто дал хлеб, и тому, кто дал рыбу. А днем – отдых. Более-менее сыты, можно и отдохнуть.

Молотили зерно

Дожили до урожая 1932 года. На уборку хлеба нас по сложившейся традиции приняли в колхоз. Пошли мы трое: отец, мать и я. Отец с матерью работали на молотилке, а ее агрегат гонял трактор. 12 человек обслуживали эту машину. Был заключен договор: часть трудодней оплатит колхоз зерном. Я пас коров. Их было штук 15. Давали литр молока помимо пайка. Паек был такой: один килограмм хлеба в сутки. Утром – 300 граммов, в обед – 400, на ужин – 300 граммов. Получали также талоны у старшего рабочего на полный день. По ним был суп гороховый на первое блюдо и на второе – каша гороховая. В конце сезона получили расчет: нам отдали заработанное зерно. Как будто дальше жить можно.

Семья была из шести человек и ожидалось пополнение. Елизавета Васильевна ходила беременной. После уборочной работы не стало. Ели два раза в день. Это – тоже экономия. Не давали еды больше, потому что каждый хотел побольше съесть, ибо долго было ждать до следующего обеда.

Еда у безработных была из одного блюда – густой суп. Для этого блюда хлеб был не нужен. Ведь суп варили из толченой пшеницы.

Поселили в Репенском

В ноябре 1932 года нас на зиму из земляных нор Яра переправили в опустевший к тому времени поселок Репенский. Он находился в шести километрах от моего села. Там мы жили под крышей до весны 1933 года. Здесь стояли домов 20. Все крыты соломой и все пустые, кроме одного, в котором жил комендант и которого я так и не увидел. Особых издевательств не было. В те дома селили по шесть семей. А семьи были от двух до семи человек.

У нас тогда семья состояла из семи человек. Я не получал пайка. Для обогрева спиливал кресты на кладбище.

Ими топили печь, чтобы согреться. Кто оставался в живых, корм добывал, как умел. Гибли дети и старики. Остальные родственники помочь ничем не могли. Если они и захотели чем-то помочь, то смогли бы сделать это только на свой страх и риск. И только ночью.

Жители Репенского просеивали даже солому. Если доставали муку – на что-то ее выменивали, то добавляли в нее опилки, чтобы еды было больше и на длительное время ее хватало. Ходили на старые гумна, просевали отходы от проса, а к вечеру приносили ведра 2–3 проса, крутили на ручной мельнице, пекли блины. Собирали мерзлые листы от капусты. Осенью мы с отцом ночами, как в Яру, ставили сети, ловили рыбу. Днем нельзя, потому что могли отобрать снасти. К этой пище добавлялись туши со скотского кладбища.

Мы выслеживали, когда уезжали люди, которые закапывали мертвых животных. После них раскапывали захоронения. Отец рубил туши лошадей и коров топором, складывал куски в мешки, сколько

можно унести. После этого промывали принесенное, варили, а из получившегося месива делали котлеты. Добавляли много лука. И неплохая еда получалась по тому времени. Иногда попадались выброшенный теленок или упавшая лошадь.

Помню, зимой нашли мерзлого теленка, привезли его на санках, оттаяли тушу и стали готовить пищу.

Ходили к бабушке по матери. Она жила километрах в 15–20 от Репенского – в селе Полтавка. Туда тайно приходили ночью, днем там нас прятали, чтобы не увидели соседи. А в два часа ночи выходили в обратный путь. Я вез санки с мукой. Ее было не больше 15 килограммов. Делали остановку в другом селе. Нас кормили и давали штук пять плодов свеклы. Двигались дальше. К ночи снова были в Репенском. Нищета неописуемая. Чтобы избавиться от вшей, тряпки кипятили. Борьба за жизнь продолжалась.

Конфискация – путь к голоду

Мне было 14 лет. Могу ли я написать, почему был голод и был ли он искусственным? Один человек на окраине Красавки вырастил 300 килограммов свеклы. Приехали соответствующие люди и ее забрали. Думаю, именно с этого и начинался голод. Его делали. А нищета того времени не поддается описанию. Что я видел? На дорогах лежали трупы умерших, а продукты горели. Как жили? Без запаса продуктов. Вечером заносили в дом вязанку соломы, она согревалась. И в ней спали дети. Утром сжигали солому в печке, чтобы получить тепло. Дети переходили на печь.

Глава третья
ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС, 1933–1936 годы

Обыск при родах

Весной 1933 года многих мужчин в Репенском не стало. Паек по-прежнему не давали. 27 марта 1933 года за оставшимися обитателями поселка пришла вереница подвод. С ними – четыре уполномоченных от сельсовета и председатель колхоза Хомяков. Время было часов 10. У матери начались родовые схватки. А тут заходят и говорят: «Будем делать обыск». Схороненного ничего не было. Заработанная в колхозе пшеница стояла в сенях в мешках. Забрали все. Отец заплакал. Видел его слезы один раз в жизни. Хомяков спросил: «Чего плачешь?» Егор ответил: «Страшно смотреть, когда дети руки будут грызть». Уполномоченные один мешок скинули назад с воза на землю и прикрыли соломой. Бабушка возмутилась: «Женщина рожает, а вы что делаете?» Но на это никто не обратил внимания. О таком отношении к человеку мне не приходилось читать в книгах. Даже полудикие люди так не поступали.

А погода стояла – только радоваться: тепло и весело светило солнце. Обозы двинулись примерно в 11 часов дня. Грузить в них было нечего, да и брать с собой ничего не разрешали. Отец брел этой же дорогой, но не с нами. Пара лошадей, отъехавших от казенного дома в Репенском, была запряжена в сани, а снег под ногами был с водой. Среди людей, которых увозили с родины в неизвестном направлении, в основном были женщины и дети. Они шли и ехали в повозках в халатах, поддевках, овечьих шубах, обуты были в сапоги, ботинки, калоши. Вся одежда была ручной выделки. Багаж – сундуки. В них – постель и одежда. Всего подвод 50 двигалось в сторону районного центра и железнодорожной станции Самойловка. Многие шли пешком, в том числе и я двигался на кровавых мозолях на ногах. Потер все ноги, потому что сапоги были плохо сшиты. Впереди на лошадях ехали люди из НКВД. И сзади – тоже они. Куда шел обоз, никто не знал и не спрашивал. Плакать не плакали. Между собой не разговаривали. Чего-то ждали, надеясь на бога.

«Живой» мост

Обоз подошел к речке с чудным названием Свинушка. Время – час дня. Погода плюсовая. Светило солнце. Река бушевала. Ее ширина метров 40, глубина 20. По временному зимнему мосту переправиться невозможно. Он уже наполовину снесен половодьем. Через оставшиеся от переправы доски шла вода на метр выше. Обоз притормозил и остановился. Ямщики стали кормить лошадей. Люди, сидевшие в санях, поднялись, начали ноги разминать. Подъехали люди из НКВД. С другой стороны берега они решили перекинуть к нам так называемый живой мост. Привезли плахи, веревки. Стали плахи связывать между собой. Когда это сделали, перебросили концы на противоположный берег. Потом натянули живой мост, закрепили с обеих сторон веревками, привязав их к чему можно было.

Направили на мост первую подводу. Лошадь почуяла недоброе и затряслась. Но следом сразу направили другие подводы. Мост стал тонуть. Лошади с санями пошли по брюхо в воде. Наконец, первые сани вышли из полыньи на другой берег, за ними – следующие. Лошади, которые вторыми и третьими шли, так не боялись, как первые. Наши сани переправлялись пятыми. В этот момент братьев – Павла и Ивана – я привязал к саням веревкой. Течение было быстрое и сильное. Можно ли было в случае чего в одежде выплыть? Думаю, не каждый был способен на это. А природа делала свое. Ведь река –

заложник природы, могучий и сильный. Я, бабушка и мать шли пешком. Родившегося в тот день ребенка несла бабушка. Я не запомнил, как его звали. Совсем недолго он жил. Знаю, что это был мальчик. Переправились все подводы. Со стороны смотреть – это зрелище страшное, интересное. Потянули лошади дальше сани. Рядом пошли женщины, дети, все, кто мог передвигать ноги. С нами двигались голод и тиф.

Тогда, мне кажется, я неосознанно понимал, что составляю в этом мире мизерную песчинку и что мне стоит бороться за существование. Сие богом дано и отнимать это грешно сильному у слабого, богатому у бедного. Но что можно было сделать, когда под ногами был снег с водой и не было твердой почвы, после чего государство получило инвалидов и больных?

В Самойловской тюрьме

Обоз прибыл в районный центр вечером. Нас поселили в тюрьме с решетками. Это было большое здание. И окна там были большие. Набили столько народа, что можно было только сидеть. Ели у кого что было. Дети просили милостыню. Тут находился и мой отец. Днем разрешили во дворе костры разводить. Кто свеклу пек, кто кашу варил. Через два дня снова пришли подводы. Всех опять погрузили и повезли на станцию. Там посадили в железнодорожные крытые грузовые вагоны: теплушки или, как их называли, телятники. По 45 человек в каждый. Стали давать по 200 граммов отрубей на человека в день и два ведра воды на всех.

Застучали колеса

Следующей ночью поезд прибыл в Балашов. Остановился. В каждом вагоне по двое часовых с оружием в руках несли охрану около дверей. Говорят, в кого-то стреляли, но мне не доводилось слышать выстрелов. Паровоз немного постоял. Закрыли замки на дверях вагона. Застучали колеса. Ехали сутки без остановок. Куда? Один бог знал. Открывали дверь в вагоне, когда выдавали отруби. Получал их старший, потом шла дележка стаканами. Полученные харчи каждая семья ставила парить в своих чугунках на печку-буржуйку. Ее можно было топить дровами, углем. Горячую пищу ели раз в сутки. И снова лежали сутки – до следующих отрубей.

Прибыли на узловую станцию Ртищево. Эшелон поставили на запасной путь. Нас погнали в мойку. Мылись из тазов все вместе: и мужики, и бабы. Да и какая разница была между ходячими трупами? После помывки повели на медицинскую комиссию. Комиссия в составе шести человек. Был осмотр: руки, ноги есть, сколько тебе лет? Здесь отец догадался, что подходит его гибель. И тогда он на комиссии не показал руку, у которой была перебита кисть.

Проявил офицерскую смекалку. И нам он приказал говорить: здоров, ничего не болит. Хотя в комиссии никто не слушал. Смотрели только на руки, ноги и года. Прошли медкомиссию. Кто был не пригоден, погрузили в другой эшелон. А мы остались на тех же местах. Теперь наш состав повезли двумя паровозами и также с часовыми. А больных, как мы потом узнали, вернули в поселок с комендантом. Слух доходил, что все они там погибли. А из нас кое-кто выжил.

Эшелон подрос

Поезд продолжил бег в восточном направлении. В Пензе добавили вагонов, а с ними – и людей. Отец отстал. Пошел на базар менять тряпки на харчи, а поезд ушел. С ним было еще человек 10. Через сутки они догнали нас. С нами в вагоне ехал недоразвитый парень, лет 16. Он был отправлен из Поволжья с матерью, лет 60, и сестрой, лет 19. Мать его сутулая. Таких людей отношу к выносливым. Слышал, мужики говорили между собой: «Выбросить бы этого урода и бабку в люк вагона, а их порции отрубей и воды поделить». Мой отец вроде бы дал согласие, но что-то помешало этой затее. Что, не знаю. На потенциальных жертв эшелона не подействовал тиф. Тогда поезд иногда останавливали, чтобы выбросить трупы людей, умерших от тифа. Они доехали благополучно.

Та бабка прожила 90 лет, а дочь ее, выйдя замуж, родила точно такого же урода, как и ее мать.

Станция Усяты

Почти через полмесяца – 11 или 12 апреля 1933 года – наш эшелон прибыл на место. Шел по вагону разговор, где мы есть? Но никто не знал. Проскальзывало только: «Станция Усяты». Приступили к высадке. Все тряпки – в прожарку. Нас – в мойку. Всех вместе: женщин и мужчин. Потом – в одноэтажный барак с кухней общей. Накормили. Повели к будущему жилью. Постепенно узнали, что прибыли мы в Западную Сибирь, в город Прокопьевск. И находились недалеко от шахты № 5-6.

В то время Кузбасс шел по пути формирования урало-кузбасского индустриального комплекса, с упором на развитие угольной промышленности и металлургии. По запасам и качеству угля Кузбасс был крупнейшим каменноугольным бассейном мира. Общие геологические запасы угля в нем до глубины 1 800 метров оценивались в 733,4 миллиарда тонн. Географически здесь выделяли Кузнецкий Алатау, Горную Шорию, Салаирский кряж, Кузнецкую котловину и Западно-Сибирскую низменность. Климат тут

резко континентальный: зима холодная и продолжительная, лето короткое и теплое.

В январе 1928 года село Прокопьевское, где тогда интенсивно строили угольные шахты, ВЦИК преобразовал в рабочий поселок с населением 14,4 тысячи человек. К лету 1931 года здесь проживало уже 55 тысяч человек, и поселок преобразовали в город Прокопьевск. Он стал крупным промышленным центром страны. Его протяженность с севера на юг составляла 22 километра и с востока на запад – почти столько же. На этой территории находились 35 локальных территорий. Они появлялись там, где добывали уголь. Над ними возвышались копры шахт и терриконы. А под землей располагался еще один город, с темными проездами и улицами, по которым бесперебойно шел поток угля для советской промышленности, поднимающейся с колен после глубокой разрухи.

Накормили хлебом

Погода стояла теплая. Нас разместили в поселке Березовая Роща. Выдали хорошего хлеба по 500 граммов на человека. Зачислили в комендатуру. Отец пошел трудиться на строившуюся с 1929 года шахту «Коксовая». Позже – 25 декабря 1935 года – была принята в эксплуатацию ее первая очередь мощностью 1,5 миллиона тонн угля в год. Отец в шахте грузил лопатой уголь в вагонетки и убирал их в сторону, поэтому назывался откатчиком. Ходил он в одной и той же одежде и дома, и на работе.

Мать в первые дни после приезда в Прокопьевск положили в больницу с тифом. А через неделю в поселке Березовая Роща в одном из бараков нам дали жилье с клопами. В тот момент наша семья состояла из шести человек. Пока взрослые и подростки были на работе, малые дети оставались с бабушкой. Мне 15 лет. В шахту идти еще рано, поэтому меня посылали в совхоз полоть посевы и убирать урожай. Оплата была такая: кормили – вот и весь расчет. Самая хорошая еда – каша, но не всегда она была. Потом семье предложили жилье в новом двухэтажном бараке, неоштукатуренном.

Мать все еще лежала в больнице. Готовила пищу бабушка. Отец приносил с базара картофель, брюкву, репу. Продавали на базаре также свеклу и молоко. Воду стали подвозить к бараку в бочке. На семью приходилось одно ведро воды в день. Выдали хлебные карточки. Детям полагалось 400 граммов хлеба в день, иждивенцам – 250, шахтерам – один килограмм. Кроме того, детям полагалось 600 граммов крупы, 400 граммов сахара и 400 граммов жира на месяц. Работающему – больше, иждивенцу – меньше. С голода не пухли, сытыми не были.

Немецкий гостинец

Наступил 1934 год. Мать вышла из больницы остриженной наголо. Но главное – осталась в живых. Это очень редкий случай. Большинство больных тифом умирало. Поправилась Елизавета Васильевна окончательно. Вместе с другими женщинами пошла трудиться на кирпичный завод: возить глину на тачке. Я ходил на прополку свеклы, моркови, картофеля. Зарплату не выдавали, но кормили. Так было до осени. Отец пошел на повышение: стал в шахте проходчиком. Работал с немцами, которые трудились на предприятии по договору. Выходные на шахте были по определенным числам. Приблизительно так: 6, 12, 18 числа и далее. Немец, напарник отца, однажды зашел в наш барак. Он принес три кусочка хлеба с маслом. Дал нам по кусочку.

Построили клуб

Спали мы в новом бараке № 95 поселка Северный, относившегося к Березовой Роще, на топчанах, то есть на досках. Под голову и под бока стелили полынь, чтобы не кусали клопы. Но это мало помогало, а жить было нужно. Кое-кто сбегал. Редко кто возвращался. На железнодорожном вокзале стоял пост по поимке беглецов. Нам положено было ходить из барака только по одному маршруту: на работу и обратно. Был ли я лишен прав? Понятия не имею. Но на праздничные демонстрации нас не пускали. Молодежь собиралась на поляне около бараков. Позже в Березовой Роще открыли клуб. Кое-кто женился, но свадеб видно не было. Да и не на что было их справлять. Кое-кто стал покупать велосипеды. Не в магазине, а на базаре или с рук. Нам было не до этого. Семья бедная. Приходилось быть тем довольным, что посмотришь глазами на диковинки. Некоторые люди были более-менее сытыми, так как получали стахановский паек.

Болеть нельзя

Однажды я находился в соседнем бараке. Вдруг туда подъезжает конная повозка с тележкой, а в ней – комендант и женщина-врач. Они зашли в комнату, где был я. Назвали фамилию и спросили, где тот человек, к которому я иногда ходил беседовать на тему лошадей. Он был в следующей комнате без дверей. Прибывшие люди прошли туда. Мне все было слышно. Там лежал больной пожилой мужчина лет 60. Он работал на шахте конюхом, но в тот день заболел и на работу не явился. Комендант с врачом его спросили, почему не на работе. Он, лежа, ответил: «Болею, не могу». Тогда комендант сказал врачу: «Осмотреть и дать заключение». Врач сказала коменданту: «Этот человек инвалид второй группы, его нечего смотреть, ему за шестьдесят лет перевалило». И так она не стала смотреть. А через четыре дня тот мужчина умер.

Пальто и джамы

Появилась мода на сапоги джамы на низком каблуке, у которых голенище собиралось, как меха на гармошке. Стали некоторые люди ходить в пальто. Кое на ком были костюмы. В какой одежде остальные ходили, что носили? Большинство – спецодежду и мелестиновые костюмы. Обуты – кто во что: ботинки, полуботинки, чуни, галоши.

Мы пользовались фуфайками, а отец уже носил пальто. Купил он его на базаре очень дешево. Кто-то умер. У родственников была печаль, и они чуть ли не бесплатно отдали старое пальто. Ходили домой с работы в той же одежде, в которой трудились. Отец после подъема на клети из шахты, перед тем как идти домой, отряхивался от черной пыли, заворачивал в тряпку комок угля. В квартире топили этим углем печь и в тепле сушили его одежду, пока он спал. Развлечений не было. Но отец находил газеты, читал их и сам с собой разговаривал, получая от этого кое-какое удовольствие. Воду к нашему жилью подвозили в бочках на лошади и отпускали по талонам.

Все основное для жизни отпускали по карточкам или талонам. И кое-что можно было купить только на базаре. Магазины были харчевые. В них можно было получить продукты по карточкам. Люди вокруг были в большинстве своем мужчины до 50 лет. Такие, которые нечестно трудились, не встречались. Частыми становились несчастные случаи в шахте, люди также болели и с каждым днем убывали. Как окружающие относились к тому, что их товарищи погибали? Спокойно, как будто так и нужно было. Чему они верили, какому богу молились, была ли в силе религия? Нет. Это была борьба каждого человека за свою жизнь. Я жив – до остальных дела нет. Человек заболел и умер в больнице. Младенцы умирали. Люди не видели яблок, варенья, фруктов. Были лишь брюква и репа. Но люди, удерживаемые комендатурой, стали в тайгу ходить за ягодой. Хотя это и являлось нарушением, но за него особо не наказывали.

Среди нас были старики, женщины и девушки. Но девушек было мало. Изредка были свадьбы, где играла гармонь. В армию нас не брали. Дети ходили в школу. Жизнь шла своим чередом. Барачные люди чего-то ждали.

Выучился на каменщика

Зимой 1934 года я поступил в строительное училище. Срок обучения – полгода. Там кое-что преподаватели рассказывали, а мы записывали. Жить можно. Сдали экзамены, получили удостоверения каменщиков и хлебные карточки. Давали 800 граммов хлеба в сутки, а на месяц – крупу, сахар, жиры. И это – все, что положено. С голода не умрешь. Учеба шла у меня не слишком хорошо. Я был моложе всех. Последний месяц нас посылали на объекты.

В Березовой Роще на строительстве домов на улице Кирова проработал один месяц. Мог камни, кирпичи носить и укладывать их не слишком хорошо. Поселок Березовая Роща состоял из нескольких более мелких поселков, окружавших шахту № 5-6. Метрах в 500 от шахты росли березы. Их было штук 30. Думаю, поэтому так назвали поселение. Оно было особой территорией, люди здесь жили по определенному режиму, о чем говорили названия улиц: НКВД, Диктатуры, Комендантская и Революции.

Говорили, что на улице НКВД жили немцы. Они размещались в отдельных домах и были чистоплотными. В каждом доме была хозяйка, которая мыла, стирала. Улицу Кирова вымостили песчаником, который возили на лошадях из каменных карьеров.

Березовая Роща объединяла пять поселков. Наш поселок назывался Северным и состоял из двухэтажных строений из досок, плит из стружек. Русский, Башкирский поселки и Центральный были из одноэтажных деревянных бараков. Немецкий поселок: двухэтажные дома из плит из стружек. Там жили немцы, которых обслуживал инснаб, а на работу возил красный автобус. По сравнению с нами они жили на широкую ногу.

Мы на работу ходили своим ходом. Это километров пять в одну сторону. И большинство передвигалось группами человек по 5–6, с топорами и кайлами. Кто трудился в шахте, не всегда пользовался мойкой. Чтобы не терять время, шел в грязной одежде в барак, сушил ее над печкой и снова шел на труд.

Я не знаю, сколько людей жило в Березовой Роще. Думаю, тысяч 30, хотя могу ошибаться. За Башкирским поселком было кладбище, которое круглые сутки принимало постояльцев.

Бабушкина голодовка

1934 год был чуть легче 1933-го. Получил зарплату – можно на базаре купить пшена и сварить кашу. При таком житье мать с работы рассчиталась, стало две хозяйки: она и бабушка Аксинья Ивановна. Тут надо уточнить следующее. Бабушка приехала из Красавки в Прокопьевск добровольно. Она могла остаться в своей деревне или уехать к дочери в Саратов, но предпочла муки вместе с семьей сына Егора. Поэтому ее не поставили на учет в комендатуру. А коли нет в списках, то нет и малого иждивенческого пайка хлеба, нет и кружки воды по талону. В бараке в Березовой Роще стола у нас не было. Обедали на полу. В 1934 году бабушка объявила голодовку. Это все было на моих глазах. Она не стала принимать пищу, ссылаясь на то, что она нам – не помощник, а

только мешает. Такая смерть – тяжелая. Прошли две или три недели. Вечером начался с ней приступ.

В это время мы все жили в одной комнате, потому что в другую подселили вновь приехавших в город людей. Комната спасала от дождя, ветра и холода. Больше деваться было некуда. Аксинья Ивановна перед смертью попросила меня: «Трофим, принеси холодной воды». Я обратился к матери и нашей дальней родственнице Марфе. Они были на кухне, говорили, что плохо Аксинье Ивановне, и посоветовали сходить на улицу и у кого-нибудь попросить воды. Но здесь, если был у кого-то колодец, то он его запирал на замок, чтобы никто не притронулся к свежей воде.

Я мог свободно принести бабушке воды только из болота. Но в этот раз пошел я к колодцам и стал ждать, когда кто-нибудь придет сюда за водой. И вот к одному источнику подошла женщина, открыла замок, подняла крышку, загремела цепью.

В это время я уже был около нее. Она сразу предупредила: «Не подходи, не дам воды». Тогда я издали рассказал обстановку и для кого нужна вода, что человек свежую воду из колодца выпьет в последний раз. Женщина распрямилась и сказала: «Тогда подойди с котелком поближе». Я подошел, она из своего ведра налила воды больше половины котелка. Я сказал: «Спасибо». Сам не дотронулся до воды. Пришел домой.

Бабушка о чем-то говорила с Марфой и, увидев меня с котелком, спросила: «Принес воды?» Я сказал: «Принес из колодца». И добавил: «Никто ее не пил». Она сказала: «Спасибо». Я подал котелок, она попила, посмотрела на меня и сказала: «А теперь ты попей, если хочешь». Попил и я. Она на меня посмотрела и сказала: «А сейчас до свидания, я умирать буду». Я ничего не ответил и вышел из этой комнаты. Дело было вечером. Подошел с работы отец. Аксинья Ивановна, я слышал, и ему сказала: «Егор, я умираю». И умерла. Ей было лет 70.

Я признаю эту женщину за героя, который для других пожертвовал своей жизнью. По-моему, она имела хорошее здоровье от природы. Уверяю, она в той силе могла прожить еще не меньше 15 лет.

На другой день – похороны. Сделали гроб, одели бабушку, положили в гроб. Нужно нести, а могилы нет. Егор пошел к старшему барака. Он дал четыре человека, чтобы до кладбища донести. Это было не так далеко – полтора-два километра. Чуть в горку и под горку. Донесли до кладбища. Люди ушли. Мы с отцом выкопали могилу, опустили, закопали гроб и пошли домой. Сделали помины. Сварили кашу, помянули бабушку и легли отдыхать. Дело сделано, но семья стала меньше. Думала ли бабушка, что ее похоронят в Сибири? Нет. Так бог распорядился. И могила ее ушла в шахту. Ребятишки бегали по тем обвалам и видели торчащие из их обрушившихся краев гробы. Что поделаешь, такое было время. Но тогда кладбище работало день и ночь.

Я знаю такой случай. У одного шахтера умер ребенок, он стал просить начальника отпустить пораньше с работы на похороны. И услышал в ответ: «Успеешь после работы похоронить». Поскольку работа длилась по 14 часов, то похороны были ночными.

Служил ямщиком

Осенью 1935 года пришел на стройку в Березовой Роще заведующий здешним конным двором. Он спросил: «Кто может на лошадях работать?» Нашлось двое, в том числе и я. Повел нас заведующий «живым автопарком» на конный двор, показал телеги, лошадей. Предупредил: «Завтра с утра приходите и приступаете к работе». Лошадей я уважал, и они мне послушно служили. Брал в руки вожжи – у меня и коней сразу менялось настроение, поднимался дух. Они качали головами и будто говорили: терпи и останешься в живых. Они по запаху знали мое имя, только не говорили слово «Трофим». Описать это невозможно. Все заложено в этих животных природой. Какое у них чутье. Как они могут поднимать настроение. Это я знаю. С машиной лошадь сравнить нельзя.

На следующий день я запряг две лошади и отправился за мастерами-строителями. Проехал четыре километра. Привез мастеров в контору. Зашел туда, выпил стакан чая, съел булочку. Потом пошел лошадей кормить, а вечером домой мастеров отвез. Зимой морозы подходили к минус 50 градусам. Иногда температура воздуха опускалась до минус 52. Лошади задыхались. Нужно было им ноздри ото льда очищать. При низкой температуре ломались оглобли, если нужно было заново запрягать пару лошадей. А если пурга, то белого света не видно. Но я в любую погоду запрягал. Лошадь привыкает к человеку, как собака. Если надо, кони будут тянуть телегу по колено в грязи. При мне была пара лошадей желтых. Лошади государственные. И они меня делали веселым, довольным. На них можно было съездить по своим делам, но их у меня не было. Мне было всего 17 лет.

Одет я был так: рубашка, кальсоны, стеганые штаны, фуфайка, плащ брезентовый. Получал карточку на 800 граммов хлеба в день. У меня в голове не было, что мне еще что-то нужно. Еще была пища – кисель из брюквы. Были доступны вода, кипяток и что сам найдешь. Или что тебе дадут другие люди. Харчи моего обеда: хлеб, кипяток, кое-когда – с сахаром чай. Работа длилась по 12 и больше часов. Никакой доплаты. После хлебных карточек был оклад – 80 рублей в месяц.

Возил прораба

К строящейся школе в Березовой Роще я приезжал на лошадях в 1935 году, когда привозил сюда прораба. Это был Владимир Яковлевич Фукс. Его рост – полтора метра, по образованию – техник, у него жена – врач, семья – семь человек. По национальности еврей. Со мной обращался по-человечески. Убрал его 1937 год. На строительстве домов и других объектов Березовой Рощи работали китайцы и трудовые переселенцы. В основном строили вручную. Механизмы – тачка и лопата. Была, правда, бетономешалка.

Я на лошадях возил камень, шлак, песок. Они выполняли мои указания в любую погоду, и меня это радовало. Забывал все невзгоды и делал вывод: какой жеребец – такой и жеребенок. Мои животные за сто метров слышали мои шаги, ставили уши топориком, поднимали их вверх. Они понимали слово «дружба». Они слышали мое дыхание, шли в ногу, сами подбирали ногу, так им было легче везти экипаж. Они мне создавали радость, поднимали настроение, говорили: «Живи, Трофим». Может это сделать велосипед? Нет. Это мертвое творенье без души. А так – время идет. И с ним проходит жизнь человека.

Протестовали китайцы

В конце сентября 1935 года меня срочно вызвал заведующий конным двором. Зашел в кабинет. Он сказал: «Трофим, поедешь далеко, возьми для лошадей по норме овса, а сейчас иди и запрягай их, поедешь на Тырган, к общежитию. Там выйдет китаец-переводчик и скажет, куда ехать дальше». Ушел от начальника, подмазал экипаж, напоил лошадей, получил овес. Запряг пару. Поехал на Тырган, дорога – сплошная грязь, хотя пара лошадей тележку легко везла. Дорогой подвязал своим рысакам хвосты, чтобы по грязи не волочились.

Подъехал к общежитию. Вышел китаец лет 40, высокого роста, сухощавый. Спросил, как меня зовут. Ответил: «Трофим». Он сказал: «Это имя не забудешь». Сел в телегу. На нем был серый плащ. Китаец сказал: «Поедем в столовую, там позавтракаем, потом – дальше». Подъехали к столовой, он говорит: «Пойдем со мной». Обед был подан на двоих: суп, котлеты, компот. Пообедали, сели на телегу. Я пошевелил вожжами, и мы поехали. Он спросил: «До Шарапа знаешь дорогу?» Мой ответ: «Знаю». Он продолжил: «Как ехать дальше, потом скажу». Он говорил по-русски свободно. Вот его слова: «Куда мы едем, там – забастовка китайцев. Бастуют. Они воевали с японцами и отступили в Россию». По его словам, это была Квантунская японская армия. Доехали до Шарапа, поднялись в гору. Он показывает: «Вот – дорога, по ней нужно ехать двадцать километров». Эта дорога была повыше, грязи стало меньше. Поехали быстрее.

Проехали те версты, показался длинный сарай. Это была столовая. Вокруг нее – много народа. Переводчик сказал: «Поворачивай к столам». Столы были из досок сбиты длиной 20 метров. Китайцы были одеты во что попало. На ком куртка грязная, рваная. Кое на ком фуфайка рваная, грязная. Головной убор – шапки, тряпки. Это были бывшие китайские солдаты. Переводчик поздоровался с их командиром. В этот момент полетели в нас гнилая картошка, свекла и комки земли. Мои лошади стали фыркать и трястись. Я слез с козлов, взял повода в руки. Переводчик встал на телегу и стал громко говорить по-китайски. Перестали бросать чем попало в лошадей и в нас. Он говорил с полчаса, потом обратился ко мне: «Трофим, покорми лошадей». Я выпряг их, хомуты не снимал, принес сена, положил в тележку, лошади успокоились, стали есть.

Переводчик говорит: «Пойдем обедать». Зашли в столовую. Был отдельно накрыт стол на двоих. Пообедали. Я вышел на улицу, дал овес лошадям, потом напоил их. Подошел переводчик и сказал: «Трофим, запрягай пару, дорога – дальняя». Запряг, сели, поехали. Он мне рассказал, почему бастовали. Из-за плохого питания. В суп клали немного картофеля, а остальное – листья от свеклы. Сейчас я думаю, где же он учился? Он поднимался на телегу – говорил по-китайски, спускался – говорил по-русски, писал, читал по-русски.

Награда – взгляд коня

На конном дворе был кузнец, лет 50, среднего роста, темно-русый, сухощавый, из ссыльных. Он подковывал лошадей. Мне доводилось водить к нему лошадей, на которых работал: подковывать их, подтягивать им подковы. У него был специальный инструмент. Он сам сделал все приспособления. Можно их было показывать на выставке. И он все красиво держал в своих руках. Он любовался своей работой и делал ее так, что комар носа не подточит.

Закончит работу, оботрет руки о фартук и смотрит, как пошла лошадь. В его новых подковах она никогда не хромала, была довольна. Кузнец работал красиво. Сказал ли кто ему простое слово: «Спасибо»? Лошадь говорить не может, только смотрит на него ласковыми глазами. Эту награду он получал от животных. Очень сложна природа. Познать все человеку невозможно. Существование его на планете короткое. Не знаю последствий жизни этого кузнеца. Таких людей в то время убирали. Передал ли он свою красивую работу молодым? Думаю, что нет. У нас тогда это было не в моде.

Лошадиный доктор

На конном дворе был свой ветеринарный врач. Его чин не велик. Доктор появлялся на службе в чистой рубахе и в чистых ботинках. Ему было лет 40. Он знал животных. Знал, как их подковать, как кормить, напоить, какой мазью помазать им рану. Отличал свинью от коровы. И знал, кто из них какую пользу приносит человеку. Ходил он по планете гордо и знал себе цену. Этим и был доволен. Его арестовали в 1936 году. Таких власть не уважала, хотя он был ангел, чужого не брал, никого не оскорблял. Проще – мастер своего дела. Из жизни такие люди уходили раньше других, даже не передав своего мастерства своим детям, внукам. Это я заметил еще в детстве.

Механик с образованием

В конце 1935 года мне дали лошадь, на которой возил одного специалиста – 40-летнего главного механика стройконторы Георгия Федоровича Филатова. Он человек грамотный. Какой вуз окончил, не могу знать. Был послан в Сибирь на пять лет. Он, можно сказать, земляк по моей малой родине. Его отец имел в Саратове на Волге пароход. Когда-то его жена работала в радиоузле диктором. Жил он в достатке, держал домработницу. Управлять лошадьми он мог лучше меня. Иногда Филатов с иностранцами спорил. Думаю, он не знал, кто жил в нашей колонии, хотя жизнь таких людей, как я, он видел и понимал.

Он хотел с меня снять присылку в Кузбасс, потому что чувствовал: комендатура загонит меня в шахту. Филатов предлагал мне стать учеником токаря или высоковольтного электрика: «Трофим, запишу тебя на курсы электриков». Ничего я ему не ответил. Он сказал: «Тогда ты погибнешь». И это было правильно. Я остался в живых случайно. За счет молодых лет и душевного спокойствия.

Заплатили сверхурочные

У главного механика стройконторы Георгия Федоровича Филатова, которого я возил на лошади в бричке, был друг-прокурор. Я их вместе на том же гужевом транспорте порой доставлял на охоту. Однажды прокурор сказал мне: «Трофим, ты с темна до темна с лошадьми, и никто тебе за переработку не платит. Напиши мне заявление и в нем укажи, в какой день, сколько лишних часов отработал, я подпишу, и тебе оплатят». Я написал, приехал к нему, он подписал: «Оплатить в суточной срок». Привез бумагу в контору, отдал бухгалтеру. Он там расписался. Я спросил: «Что, не будешь платить?» Он сказал: «Сейчас заплатим». И выдал 120 рублей. Но эти деньги были заплачены со злом.

На тяжелый труд

Вскоре мне сказали: «Кучером ты не должен быть, тебя привезли сюда на самый тяжелый труд». Летом 1936 года вызвали в комендатуру и сначала послали в совхоз на две недели. Там сказали, в какое отделение идти. Пришел я в это отделение. Столовая – на улице. Там, где можно было отдыхать, стоял огромный шалаш из соломы с печкой-буржуйкой и нарами, застланными соломой. Кое-когда печь топили. Но я догадался, что там море вшей. Что же делать? Были люди и кроме меня, которые так же думали. И они спали на улице в стогах. Выкопаешь себе в скирде сена нору и там скрываешься ночью. А в прохладное время ищешь другое место, где можно согреться. В конце второй недели, когда уже были отработаны дни, я зашел в шалаш, чтобы дождаться старшего и взять справку. Задремал. Люди пошли на завтрак.

Я проснулся, нашел старшего, взял справку и побрел с полей в свой барак в Березовую Рощу.

Нужно было пройти восемь километров. Прошел километра два, а дальше не могу идти: заедают вши. Подошел к попавшемуся на пути пруду с тихой стороны. Снял рубаху. Вся она была усыпана вшами. Взял щепку, какая под руки попалась, и начал соскребать кровососов с рубахи, потом – со штанов. Погрузил все в воду, думал, они захлебнутся. Солнце светило. В затишье можно было посидеть и голому. Подсушил одежду, а голову не открутишь. Двинулся дальше. Пришел домой, рассказал все матери. Она затолкала в чугунок мою одежду для прожарки. Голову помыл в горячей воде и прочесал свои вихры частым гребешком.

Жить стало легче. Такое в своей жизни пришлось пережить один раз. Через некоторое время мне снова повторили, что привезли меня не слугой быть, а на самые тяжелые работы. И осенью послали копать картошку в совхоз. И там я пробыл семь месяцев. Нас туда нагнали сотни. Работали словно проклятые.

Люди сюда были привезены из Тамбова, Саратова, Орла, можно много перечислять других городов. Работали здесь же китайцы, японцы, немцы. А также – татары, башкиры, чуваши, марийцы и мордва. Что делали? Добывали уголь, обрабатывали землю, согревали страну, строили гигантские заводы, где варили металл для нашей планеты, которым скручивали ее, чтобы она не развалилась.

Война классов

Напиши кляузу на своего отца – мы тебя примем в комсомол. Такими были принципы того периода. Мне довелось видеть в 1936 году, как люди в шахте отбирали кандалы друг у друга.

Один человек рассказывал, что из европейской части страны зимой на санях их повезли сначала в Казахстан. Не доезжая до селения их встретила толпа людей. Доехали сани до толпы, полетели камни. Кто-то остановил произвол. Но так были натравлены люди друг на друга. Армия, НКВД, вооруженные люди против детей, стариков. Впереди был комсомол. Самое большое мое удивление в том, как может человек все перенести: голод, холод, нечеловеческий труд. Сказать, что человек жил, нельзя. Существовал – это правильно. Он плодился, нарождались дети. А вот этого понять не могу. Он имел совесть, несмотря на то, что его заставляли шуметь, оскорблять другого.

Глава четвертая
МОИ ПОДЗЕМНЫЕ ЛАБИРИНТЫ, 1936–1941 годы

Направили на «Коксовую»

Принес я справку в комендатуру о том, что на селе отработал положенное время. Комендант предложил работу поближе к бараку – на шахте «Зиминка». Я попросил не посылать меня туда, так как отец работал на «Коксовой» имени Сталина. И комендант дал мне туда направление.

Территория шахты была опутана колючей проволокой, стояли часовые, хотя никто ничего не воровал. Пришел в комбинат шахты. Внутри там был большой зал, из зала по левую руку – участки шахты. Их было в то время штук 16. У каждого – двери. И рядом – маленькое окно. Подходишь к этому окну, стучишь, открывает секретарша. А начальник от нее – метра за два. Говоришь: «Пришел на работу устраиваться». Подаешь направление коменданта. Она передает начальнику. Он говорит: «Посмотри». Она высовывает голову в окно. Посмотрела, что-то сказала начальнику. Тот пишет приемную записку, она отдает ее поступающему.

Ходить с приемом долго не надо: к одному врачу. Пошел на комиссию. Врач был мужчина лет 45. Когда я вошел, он предложил сесть. Спросил, хочу ли я работать под землей или нет? Если нет, то он обещал найти что-нибудь другое. Я побоялся другого предложения и согласился спуститься в шахту. Приняли откатчиком. С этого же начинал шахтерский путь мой отец: грузил уголь лопатой в вагонетку и откатывал ее в сторону. Я получил чуни, литые из резины, с дырками по бокам.

Помню, моим мастером был молодой инженер Николай Иванович Линденау (1911–1995). Он выпускник горного факультета Томского индустриального института. Через год стал начальником технического отдела нашей шахты, а затем возглавил шахту «Черная Гора», позже 15 лет руководил Восточным научно-исследовательским институтом по безопасности работ в горной промышленности. С его именем, как потом напишут в специальных журналах, связано совершенствование систем разработки угольных пластов и внедрение в шахтах комплексной механизации.

В декабре 1985 года было 50 лет шахте «Коксовая». Мне был передан устный привет от Линденау. Он спросил у одного пенсионера, кто остался в живых, тот сказал: «Еще живой коногон Трофим». Он сказал, что помнит меня молодого и попросил ветерана передать мне привет. Получил я этот привет и удивился. Прошло много лет, но горный инженер сохранил в памяти образ коногона, хотя перед его глазами прошли тысячи таких, как я. Ведь тогда каждую неделю в Прокопьевск по железной дороге подвозили новых людей эшелонами.

Лопата с крючком

На «Коксовой» меня направили работать в первую, то есть утреннюю, смену. Пришел в комбинат, сел на лавку, вышел мастер, стал делать наряд. Послал меня работать с женщиной, которых в шахте тогда было немало. Пошел я в мойку, разделся, облачился в кое-какую спецодежду, встал в очередь, чтобы получить лопату. Тут была огромная очередь. Получил лопату с крючком, пошел в клеть с напарницей. Поехали на лифте под землю. Никакого страха не ощутил. Дошли до места. Это была огромная нора, подкрепленная бревнами там, где сверху текли потоки холодной воды. Нашли мне черенок к лопате. Подкатили вагон. И начались горняцкие будни: бери больше, кидай дальше.

Дня через четыре меня послали перекидывать уголь с мужчиной. Это был человек лет 40, по фамилии Тололаев. Он сказал, что мою лопату нужно сносить в механический цех, чтобы ее подрубили. И тогда ей можно будет нормально работать. Так и было сделано. Помог он мне наладить и освоить веками незаменимый шанцевый инструмент. И мы с Тололаевым проработали пару месяцев. В это время в шахте трудились русские, немцы, китайцы и горняки еще нескольких национальностей. Людей хватало, так как каждую неделю эшелоны подвозили новых. Ходили артелью за два часа раньше до смены и на два часа позже после работы. Было три рабочих смены. В шахтовых резиновых чунях я уходил домой. Вымою мокрый и грязный носок, сухой надену и – пошел отдыхать. Позже тот мой напарник работал с чехом и немцем. Мастер мог оскорбить. Был один выход: с ним не связываться, не оговариваться, иначе уморит голодом или посадит в тюрьму.

Как получали наряд-задание на работу? В кабинет начальника пройти невозможно. Он людей, ему подчиненных, всех не знал в лицо. Они сидели в зале ожидания. Горный мастер заходил в кабинет.

Выйдя из кабинета, расставлял людей по местам шахты. И они шли в мойку переодеваться. Подходил ли кто к начальнику с житейским вопросом? Нет. Жилья? Нет. Воды? Нет. Ему нужна была работа. Для него было безразлично, где ты живешь: в трубе, в земле, как ходишь на работу. Ему это не нужно было. Он знал: никто никуда не убежит.

У каждого своя гордость

Как я уже говорил, на шахте «Коксовой» перед 1937 годом работало много немцев и чехов. Они никого не оскорбляли. Могли держать топор, лопату и пользоваться другим инвентарем. Снабжали их харчами и платьем в особом магазине. Мне не пришлось быть в таком магазине не потому, что не пропускали. Пройти было можно, чтобы посмотреть на ассортимент товаров. Наши люди не заходили в инснаб, потому что имели свою гордость.

Иностранцы в наш буфет на шахте тоже не заходили. Они одеты были по сезону, возили их на работу и обратно на автомобиле. А мы передвигались исключительно пешком. Можно было отличить их от нас по лицам. У них лица были свежей уверенного хозяина колонии. Это были культурные люди. Если иностранец увидит оборванного, опухшего от недоедания местного ребенка, не бросит ему кусочек хлеба, а подойдет, подаст в руку и скажет: «Кушай». Кем эти иностранцы служили? Среди них были рядовые проходчики, а также механики и электрики. В конце 1936 года, словно почувствовав неладное, иностранные специалисты покинули шахту.

Из Нарыма направляли в Кузбасс

В то страшное время со мной в паре работал товарищ из ссыльных кулаков. Но сначала он жил в Нарыме. Эта таежная комариная местность севернее Кузбасса – в Томской области. Оттуда его привезли эшелоном и спустили в прокопьевскую шахту. Звали его Григорий Муковников. Года два с ним я работал. Ему было лет 30, его рост 175 сантиметров. Но одни кости и жилы, которые были из стали сделаны. Он был способен сутками работать. Что мы с ним делали за 12 часов, то делали 10 человек. Он был женат, у него две девочки. Его жена очень хорошо готовила. Он был честен, справедлив.

Мне этого человека лет через 15 пришлось встретить на прокопьевском базаре. Он уже стал дедом, но остался таким же сухим, как щепка. Он увидел меня и подошел.

Я вижу, что у него слезы на глазах. Говорю: «У тебя горе какое или беда?» Он: «Нет, Трофим, ни горя, ни беды. Я просто вспомнил, как мучился и как в живых остался. Когда приснится прошлое, вздрагиваю, чего-то боюсь». И вот другие его слова: «Приснился сон, что мы с тобой работаем. Проснулся, по спине мороз пробежал, я ощупал себя, убедился, что это был сон, и больше в эти сутки не уснул».

Григорий Муковников рассказал мне про случай в Нарыме. Шел 1933 год. Он трудился в артели лесорубов. В тайге они заготавливали хвойные ветки и из них выпаривали пихтовое масло. Артель состояла из восьми человек и работала далеко от жилья. За лесорубами были закреплены пять лошадей, на которых подвозили хвою. С питанием в межсезонье было плохо в тайге. Среди заготовителей леса был сын заведующего конным двором. Он предложил зарезать лошадь, чтобы не умирать с голода. Решили в случае чего сказать, что лошадь пропала, а найти ее не смогли. Так и сделали. Закололи лошадь. Мясо, кишки и все потроха, загородив ручей хворостом, сложили в воду. В ручье вода была холодная, как лед. Брали мясо оттуда, рубили топором, варили, съедали конину, а бульон выпивали. Как будто ожили. И дела пошли лучше.

Отбыли сезон, приехали в поселок, сдали масло пихтовое, лошадей. А про ту лошадь, которую съели, никто не спросил, как будто ее и не было. Прошло года три. И сын спрашивает отца на конном дворе: «Ты помнишь бурого мерина?» Тот отвечает: «Помню, но что-то давно его не видел». Сын: «Так мы его съели в 1933 году, а сейчас 1936». Отец все бросил. Побежал к коменданту. То был молодой лейтенант. Вечером всех вызвал, расспросил, как дело было, и сказал: «Вы видите, что делается сейчас». Лесорубы начали просить помилования, чуть не вставая на колени. Все же восемь человек упросили одного. И комендант сказал: «Идите домой, а я подумаю». Обошлось тем, что восемь человек заплатили за мерина, которого съели. Вот какие люди жили в Нарыме и в Прокопьевске. А где была малая родина этих сибиряков, я не знаю.

Простояли всю смену

Случилось то, о чем не подумаешь. Работали на погрузке угля в ночь. Стоял нагруженным состав угля из 12 вагонеток. Была дана заявка на порожние вагоны, а их не давали. Прошел час. Я подошел к телефону, повторил заявку на порожняк и спросил: «Скоро ли пришлют электровоз за углем?» Диспетчер ответил: «Скоро». Еще через час пошли звонить мои помощники. Им так же ответили: «Порожняк скоро будет». Потом я пошел звонить. И так всю ночь мы не давали покоя диспетчеру, а нам не давали порожних вагонеток. Под утро пришел горный мастер. Помню его фамилию – Иванов. Он спросил: «Сколько вагонов погрузили?» Я ответил: «Ни одного». Он схватил палку – и за мной. Я бежать, он с палкой – к мотористкам и успокоился тем, что нас арестуют.

Вышли мы на поверхность. Я помылся в мойке, начальник дождался меня и повел в дежурку. Там

уже находились мотористки. Меня им пришлось подождать. Бояться чего-то? Мне это в голову не приходило. С мотористками зашли в отдельный кабинет. Там был человек из особого отдела НКВД. Он волновался, поэтому не сидел, а стоял. Горный мастер сидел около стола. Спросил меня незнакомый человек: «Сколько раз я звонил диспетчеру насчет порожняка?» Я ответил. Он: «Видел ли я горного мастера?» Тоже ответил, как было. Мне сказали: «Иди домой». А горного мастера я уже больше не видел. В тот же день у нас был другой мастер. А в голове моей на тот момент была лишь одна думка: остаться в живых и не погибнуть с голода.

Подземный кучер

После двух месяцев работы откатчиком на подземной погрузке угля мне снова дали лошадь. И я стал подземным кучером – коногоном. В темной шахте снова рядом со мной была лошадь, которую я опутывал цепями и возил с ней вагонетки с углем. Эта работа была полегче, но опасная. Подошел к лошади, прицепил вагоны. Но они могли забуриться, то есть сойти с рельсов узкоколейки. Отвез я порожние вагоны поближе к забою, потом привез груженые на выгрузку к бункеру, откуда уголь другими путями шел на-гора, то есть на поверхность земли. А природа между тем делала свои дела. Проходили весна, лето, осень и наступала сибирская зима.

Барачные разборки

Шел все тот же 1936 год. В это время в магазине уже можно было купить прозрачную, как слеза, водку и синий-синий денатурат. Люди стали понемногу выпивать, но – строго в выходной день. О прогулах разговора не было. Пьяного увидеть невозможно было. Однако разборки бывали. Например, в нашем двухэтажном бараке в квартире первого этажа жил мужчина лет 40. Семья – человек пять. Над его квартирой – другой, лет 50. Его семья – четыре человека. Дело было весной. Часов в пять утра человек со второго этажа вышел на улицу и стал копать землю под грядку напротив своего окна. С первого этажа мужчина увидел, что напротив него копают землю, выпрыгнул в окно без рубахи и стал возмущаться. Человек со второго этажа своей лопатой сломал плечо и руку мужчине с первого этажа. Вот какая была ненависть и зависть. Чем можно объяснить это? Хотя у матери моей под барачными окнами тоже была грядка с зеленью. И никто на нее не набрасывался.

Уходили в неизвестность

В 1937 году я продолжал служить на должности коногона. И со мной рядом всегда была закованная в цепи лошадь. Она мне подчинялась. Это умное животное. Но разговор сейчас не о ней. В тот год люди, приехавшие со всей страны наращивать мощь Прокопьевска, стали убавляться пачками. Наступала ночь, приходили в дома сотрудники НКВД и уводили людей в неизвестном направлении. В то время еще не появившийся на свет ребенок уже мог называться сыном или дочерью врагов народа или их пособников. Как объяснить внукам, что люди были лишние и их убирали? Это было выгодно – взять из человека все силы, потом убрать его. Не нужно платить пенсии.

Вот горный мастер Иван Иванович Петренко, среднего роста, темно-русый, хромой. У этого человека лодырей не было. Все трудились. Он никого не подгонял. Но его убрали на вечность. Научил ли он своему таланту молодого? Нет. Его золотые руки могли держать топор, лопату, молоток. Передал ли он свой опыт молодым? Нет.

На работе стало больше травм, завалов. Люди боялись, шли в опасные места и там погибали. Немцы, чехи, как уже говорил, чуть раньше уехали с шахты «Коксовой». Когда красный автобус с ними уходил, на улице можно было подобрать окурки. Остались на шахте башкиры, татары, русские. Они не хуже иностранцев трудились. Стали специалистами своего дела. Оставались также в шахте трудиться люди с прозвищами кулаков. Начальник их оскорблял, как хотел. А мне лучше этих тружеников не приходилось видеть. Они имели совесть.

Ночной конвой

Однажды в 1937 году я вышел из шахты после второй смены очень поздно. Ведь мастер мог держать меня столько, сколько хотел. Вот и я до 12 ночи должен был работать, а вышел из шахты в три часа следующего дня. Помылся в мойке. Иду по тихой улице в рабочих гремящих ботинках. Вдруг чувствую, что кто-то толкает меня сзади. Оглянулся. Там – море людей, не меньше тысячи, кругом кавалерия и собаки. Мне подали команду: «Отойди в сторону».

Отошел. Подъехали ко мне на лошади и спросили: «Откуда ты?» Сказал: «С работы». Они: «Кем работаешь?» Я: «Коногоном». Документ у меня был – пропуск. На нем написано: «Коногон». Они посмотрели пропуск и отдали назад. Сказали: «Спускайся в канаву, иди в противоположную сторону. Когда нас не будет видно, пойдешь, куда тебе нужно».

Предчувствие ареста

Мне довелось видеть отца, бывшего офицера русской армии, в разных ситуациях. В годы изгнания он ходил в потертом пальто, подбирал выброшенные газеты, чтобы почитать их, но в себя бросать окурки не разрешал и оскорблять себя не

позволял. Говорил: «Я – офицер». Он мог своим горбом добиваться успехов в сельском хозяйстве, держать в руках метлу, веник, лопату, топор. Я хорошо помню последний разговор со своим отцом – Егором Степановичем Шалакиным. Тогда я уже и сам чувствовал, что он стал побаиваться нежелательного для него разворота событий.

И в 1937 году он говорил мне: «Трофим, что-то много людей забирают. В случае если меня заберут, ты не бросай семью – мать и братьев, вывези всех из Сибири в теплый край и оставь там, а сам живи, как удастся». В июле 1937 года отца арестовали. Для нас это событие было намного страшнее ссылки, так как семья была окончательно выброшена за борт жизни. За таких людей никто не отвечал. Можно их было избить, насиловать, только скажи, что отец был взят в 1937-м. В школе могли детей арестованных родителей бить, на учебу в техникумы не принимать. И мы в который уже раз начали жить без отца. Известий о его судьбе не было.

Матери пришлось устроиться на обогатительную фабрику отборщицей породы из угля. Взяли мы с ней ношу на двое плеч и потянули лямку. Кое-как концы с концами сводили. Хлеб ели, варили лапшу. Но в отношении отца меня почему-то никто и никогда особо не упрекнул. Может быть, потому, что я в споры не ввязывался и обходил их. Лучше это или хуже? Вероятно, люди понимали, что шла очередная политическая кампания. Да, время было такое. Оно прошло. Никто его не оспорит. Что у меня в ту пору было, все отдавал государству, не жалел себя и старался находить выход из любой самой сложной ситуации.

Сватовство у калитки

Это было в 1938 году. В гордом одиночестве я шел по улице из частных домов. Было лето, 16 часов. Около одного из домов стояла женщина лет 45, рядом с ней – девушка лет 18. Почти дошел до них. Они были от меня метрах в восьми. Больше людей не было, только мы трое. Женщина подала сигнал: «Эй, парень!» Я догадался, что это мне. Остановился. Женщина продолжила: «Бери замуж, тебе с такой девушкой жить легче будет». И показала пальцем на барышню.

Прошел мимо. Что я мог сказать? Подготовлен ли был к ответу? Нет. Я женщин обхожу стороной. Да, еще я не говорил: некоторые так и остались неженатыми до смерти. Нищета, голод – не игрушка.

Учился в техникуме

В 1938 году угольная шахта «Коксовая» имени Сталина была признана лучшей в Советском Союзе. И в этом же году, несмотря на недавний арест отца, я смог поступить в вечерний техникум горных специалистов. Направление туда дал мне мой начальник. Пошел сдавать экзамен. Принимал его завуч мужчина. Я написал диктант. Преподаватель проверил его и подал мне. Там больше ошибок, чем сам диктант. Мне неудобно, но что сделаешь? Завуч посмотрел на меня и сказал: «Слушай, Шалакин, можешь написать автобиографию?» Сказал: «Могу». Завуч: «Напиши». Я написал. Он прочитал и сказал преподавателю: «Зачислить». Мне сказали: «Приходи учиться». И я приступил к науке. Учился средне. Какую цель имел? Никакой? Отец Егор все забрал с собой, а нам оставил борьбу за жизнь. А я ни о каком своем будущем не думал. Однажды пошли на перемену в техникуме. Стал проходить около стола учительницы. Она: «Шалакин, останься». Я остановился. Это была женщина небольшого роста, лет 50. Она сказала: «Слушай, Трофим, я смотрю на тебя: какой ты сын кулака? По характеру времени мы тебя должны исключить из техникума. Исключать не будем, если ты напишешь ходатайство в Верховный Совет о снятии притязаний». Я сказал: «Напишу».

Заявление в Верховный Совет СССР о том, что никакого отношения к врагам государства не имею, я написал и послал. И остался учиться. Проучился полтора года без отрыва от производства, до 1940 года.

Книжная революция

Однажды осенью 1938 года я шел с работы после второй смены. Был третий час ночи. Дохожу до клуба шахты имени Ворошилова. Это большое здание. Около ворот и городьбы клуба стоят двое мужчин и женщина. Им лет по 30. Озабоченные лица. Когда поравнялся с ними, они сказали: «Постойте».

Я остановился, брать у меня нечего, да и терять нечего. Говорит мне мужчина: «Вот мы изъяли книги, где упомянуты враги народа». Одну фамилию помню – Бубнов. Мне сказали: «Эти книги мы уничтожим. Но нам нужно, чтобы одно постороннее лицо подписало акт об этом. Пойдем с нами в подвал». Пошли все трое в подвал. Там лежала гора книг, рядом была топка кочегарки клуба. Спрашивают меня: «Будешь присутствовать при уничтожении?» Я подумал, да мне за сутки не просмотреть, не то чтобы перечитать эту гору. Они: «Тогда ты на нас надейся». Что делать? Бежать некуда. Подписал разборчиво акт и ушел. А кому я нужен? Где я был, никому не рассказывал. И до сего дня об этом знаю я один.

Опасные забои

До 1939 года хлеба вроде ели досыта. После работы можно было сходить в клуб шахты № 5-6 имени Ворошилова, где кое-когда показывали кино или организовывали танцы. Молодежи было много, особенно мужчин. Это потому, что девушки могли в

ссылку не попадать. Если девушки во время набора людей в Сибирь где-то работали или были в прислугах, за такими не гонялись. Их ссылка могла обойти стороной. Кое-кто женился. Но началась финская война. Кулаков и их последышей не брали на войну.

В шахте стало пахнуть недостатком людей. Травмы происходили каждую смену. Мне пришлось быть на похоронах одного забойщика. Нас отпустили на два часа пораньше с работы. Человек 10. Была дана лошадь. На подводе лежали лопаты и крест. Покойник был закрыт. От гроба запах невыносимый, потому что его на четвертые сутки из-под завала достали. Восемь километров тело попеременно несли. Закопали. На поминки – никакой лапши или стопки. Почему люди шли на смерть? Потому что напуганы были до смерти.

Прокатился на велосипеде

В нашей смене работал забойщик Бочкарев. Жена у него – швея. Впоследствии он уехал в Уфу. Как-то шли мы с ним с работы перед выходным днем. Он спросил: «Трофим, что ты завтра будешь делать?» Я ответил: «Не знаю». Он: «Ты приди к нам, возьми велосипед и покатайся. Когда накатаешься, тогда привезешь». Я говорю: «А жена не против?» Он: «Нет, я с ней поговорил». Пришел к ним на следующий день. Было видно, что люди живут в достатке. К столу не сел, не посмел. Накачал насосом колеса велосипеда и поехал, куда мне хотелось. В то время такая роскошь не каждому была дана. Мы были плохо одеты, но не голодны. Другой мой знакомый был бригадиром в лаве. Так называют забой, где добывают уголь. В 1939 году он купил мотоцикл двухколесный. На следующий день к нему пришли люди из НКВД и спросили, где он взял деньги на покупку техники.

Город рос

Тем временем в Прокопьевске вырастали новые горняцкие поселки: Зиминка и Голубевка. Начали застраивать Тырган. Накануне Великой Отечественной войны Прокопьевск представлял собой крупный город, в котором, по данным переписи 1939 года, уже проживали 107 тысяч человек.

Бросил техникум

Ушиб палец, был на бюллетене. И с того времени перестал ходить в вечерний техникум. Почему? Бог знает. Бросил учебу. И все. Среди студентов были люди и грамотнее меня, и похуже. Но цели никакой у меня не было, потому что мосты подо мной были поломаны, не на что было опереться. Да и из шахты я выезжал последним. Ведь пока весь уголь не выгрузишь, не отпускали. И приходил после учебы на работу измученный. Некогда было готовиться к урокам в техникуме. Из техникума потом приходили ко мне, просили, чтобы вернулся. Но я этого не сделал. Ошибок в конспектах у меня было море. Даже самому неудобно было брать в руки свои тетради.

Пристрастился к чтению

Шел 1940 год. За большой вклад в обеспечение металлургии Советского Союза коксующимися углями коллективу шахты «Коксовая» было передано на вечное хранение Красное Знамя, учрежденное Народным комиссариатом угля и редакцией газеты «Правда». Тогда к работе шахтового коногона я привык, к водке – нет и к картам – тоже не привык. И в том году моя фамилия была упомянута среди лучших рабочих нашего предприятия в местной газете. Горный мастер рассказал журналисту о нашем ударном труде и среди других назвал меня. Заметка была небольшой, но все равно приятно удивила.

Кое-кто из моих ровесников в то время женился. У меня в голове этого не было. Я стал читать книги, какие попадали под руку, какие советовали окружающие. Стал знать, что такое любовь. Книги мне подсказали, кто есть человек.

Мать много работала, стирала наши тряпки, кипятила, чтобы всех нас дома и на работе вши не съели. Людей в шахте часто смертельно травмировало. Часто оставались одинокими молодые женщины с единственным ребенком. А какая хорошая девка пойдет в семью нищенскую?

Хлеб в 1940 году продавали. Хлебных военных карточек еще не было. На шахте в буфете можно было купить бутылку фруктовой воды и кусок хлеба. Как-то стало известно, что продавцы фруктовую воду разбавляли простой водой. Был суд. Чем дело кончилось, до меня не дошли разговоры. Ходил на работу своим ходом и с работы – так же. За два часа раньше – туда, на шахту, и на два часа позже – оттуда домой. Жил одной работой. А если бежать с незаконной каторги? Во-первых, нищий. Во-вторых, нет документа никакого. Бежали кое-кто. Это было очень редко. Я знал побега три. Кого-то назад привозили, но большинство беглецов не возвращалось. Потом побегов стали делать меньше, потому что на шахте остались те, кому некуда было бежать.

Лошадь сломала ногу

Когда был подземным коногоном на шахте, шел по железнодорожным путям рядом с лошадью, чтобы вывезти ее в клети на-гора. И вот лошадь неправильно ступила ногой. То есть – не на шпалу, а мимо. Упала и сломала ногу. На меня было передано дело в прокуратуру.

Следователь сказал: «Принеси паспорт этой лошади, за сколько продали мясо, за сколько сдали шкуру и свою характеристику». Все это я собрал.

Нужно было принести документы в прокуратуру к шести часам вечера. Начальник написал характеристику, а заверить ее надо было у начальника шахты. Это – проблема. Там стояла охрана, секретарь.

Когда я стал спорить, начальник услышал, вышел и спросил у меня, в чем дело. Я сказал, что мне нужно бумагу в прокуратуру нести к шести часам вечера. Он подписал и поставил печать круглую. Принес я все бумаги, отдал следователю. Он прочитал, сказал: «Должно быть, твоя правда. Вот сейчас жди меня, пойду к прокурору».

Я сидел в коридоре. Сказать, что я боялся? Нет. Да, я не знал, чего бояться. Вот прошел час. Выходит следователь. Говорит мне: «Пошли». Пришли к нему в кабинет. Он говорит: «Прокурор закрыл дело». Я не понимал, что такое «закрыл». Он мне пояснил: «Кто на тебя подавал, теперь может только в Москву подавать жалобу. Иди и спи спокойно». Я сказал: «Спасибо».

Распух палец

Мне нужно было идти в ночь на работу в шахту, а я из-за прокуратуры минуты не спал перед сменой. Тут слышу по руке: ушибленный средний палец дергает так, что нет терпения. Посмотрел на него, он распух дальше некуда. Поликлиника работала в две смены, но я решил идти в больницу. Все же бог должен быть.

Пришел в больницу, это был конец работы. Оставался час, больных уже не было. Меня сразу вызвали. Я зашел, врач был мужчина в очках. Он спросил: «Это ты от пальца не спал?» Я ответил: «Нет, был вызван в прокуратуру и весь день был там». Доктор: «Помочь ничем не могу, палец нужно вскрывать, а обезболивающего нет ни грамма, приходи завтра утром, а если будешь терпеть, вскрою, дам больничный». Подал руку, отвернулся. Он за один прием вскрыл палец, набил бинты в рану, завязал. Выписал больничный лист на три дня. Пошел я спать. В это время сон для меня был дороже харчей. После этого поставили меня на два дня на яму уголь выгружать из вагонов. Тяжелого там не было труда, да и меньше было ходьбы.

Попробовал алкоголь

В 1940 году мне было 22 года. По природе положено жениться. Я уже почитывал кое-какие книги – и глупые, и умные. Предполагаю, что из них я узнавал, что люди на земле разные и подстригать под одну гребенку всех не положено. А у меня самого – голимая пустота в жизни. Поддержки ни от кого никакой, даже – словесной. Вовремя не женился, да и не стремился доказать, что я богат. У меня в голове этого не было. А что я вроде бы нищий, так я себя таковым не считал лишь потому, что я никогда не просил ни у кого помощи. Но в том году я первый раз в жизни был пьян.

Дело было в августе. Отдыхали всем коллективом участка шахты не по воскресеньям, а по четным числам. Примерно так: 6, 12, 18 числа и далее. В выходной день я был около магазина. Ко мне подошел знакомый, с которым работали в одной смене. Тоже коногон. Помню его. Фамилия Плюскин. Ему было лет 35. Он спросил: «Куда идешь?» Я ответил: «Домой». Он попросил, чтобы я помог ему донести сумки. В них было три четверти водки и еще что-то, но что точно, уже не помню. Он сказал, что у него день рождения и его ждут дома родные. Взял я по сумке в каждую руку. Пошли. Идти не так далеко было. Жил он на втором этаже в доме в центре Прокопьевска. Считался вольнонаемным рабочим, к кулакам не относился.

Квартира была хорошая по тому времени. Родни собралось человек 12. Люди были неплохие, хотя мне некогда было их рассматривать. Сразу усадили за стол. Выпил я махом два стакана водки. После второго стакана стал искать помойное ведро. Мне его отыскали. Меня рвало. Потом вышел на улицу, не сразу смог определить, в какую сторону идти домой. Кое-как сориентировался и пошел. За ночь отлежался. Та моя пьянка надолго запомнилась.

В дальнейшем к пьянкам-гулянкам я пристрастен не был. Лишь по ходу дела участвовал, когда кто-то приходил в гости. Так было принято. Ходили люди друг другу, и на этом поприще формировались пьянки. Варили из сахара жидкость – бурду – без всяких рецептов. От браги человек лишался разума. А почему пили и ходили друг к другу? Потому что почувствовали, что остаются в живых. Может быть, ко мне больше ходили, чем к другим. Это вина моя. Можно было не выгонять гостей, а принимать без спиртного. И они больше не пришли бы. В том же году Плюскин погиб в шахте. Никто не видел, как это случилось. Вытащили его из-под вагонетки с углем мертвым. Мне пришлось и на его похоронах быть.

Лучший друг

Я освоил работу подземного коногона на угольной шахте. Лошадь меня всегда ждала. Когда брал ее под уздцы, слушала меня. Все, что нужно ей делать, делала. Начиналась работа так. Приходишь на шахту, получаешь наряд, идешь в мойку, снимаешь чистую одежду, проходишь в грязный отдел раздевалки, надеваешь спецодежду – брезентовый костюм и кое-какие тряпки под него. На ноги – резиновые чуни или литые калоши. Привязываешь их к ногам, чтобы не потерять. Идешь получаешь «лапу» – свой шахтовый номер – в большой очере-

ди. Потом подаешь номер, идешь за лошадью. Она уже ждет тебя. Ставили на один этаж клети две лошади и тут же находились два коногона. К подходу к клети лошади с боязнью относились, но в самой клети при спуске вглубь шахты стояли спокойно, выходили и шли к месту работы. Кое-когда пешком далеко было ходить. Ляжешь поперек спины лошади, и она сама до места идет. А ты немного светишь лампой на дорогу. Приходим на свой участок. Надеваю на лошадь цепи, прицепляю шесть вагонеток двухтонных – и поехали: то туда, то обратно.

Коногон стоит на переднем вагоне, на буфере. Светит лампой для лошади. Она везет состав и подбирает цепь в натяг. Так нужно, потому что иначе, если цепь будет волочиться по земле, вагоны могут лошадь задавить. Поэтому лошадь цепь не опускает вниз. И так – всю смену. В начале смены работы меньше, в конце – больше, потому что угля больше идет. За себя все делал. Ругать и оскорблять – этого не было от мастера, хотя он находился всю смену около коногона. Через него шла добыча угля. Неслучайно мастер в газете похвалил меня.

К концу 1940 года в шахте стали работать свои специалисты. Но присланных из других регионов страны обычно ставили не выше мастера. Остальное начальство – вольнонаемные. Новых людей на шахту подвозили каждую неделю. Но эшелоны с кулаками после нас уже не прибывали. Такого рода ссылка закончилась на нашей. Комендатура стала меньше тревожить. Мы жили работой. Ходили в шахту каждый день, одевались кто во что. Большинство ходило в фуфайках. Люди молчали и чего-то ждали. Кто поразумнее, говорил: «Так всю жизнь не должно быть». Денег на пищу хватало, кое-когда можно было купить тряпки – одежду. Некоторые завели свое хозяйство, купили коров, держали в стайках около домов и бараков куриц, петухов и свиней.

Ярлычное время

Жизнь шла, часы отбивали дни и ночи, а мои золотые годы гибли, и помочь в этом было некому. Нищета и оскорбления. От жизни можно было уйти только в могилу. Но это не выход и не достоинство. Я считаю, за жизнь нужно бороться, что и было. Семья арестованного в 1937 году отца без него подрастала. В первую очередь – мои младшие братья-иждивенцы Иван и Василий. Они уже ходили за хлебом. Одеты были кто в чем. А я? В 10 лет считался сыном кулака, в 20 лет – врага народа. Наш труд был практически бесплатным.

Врагов не видел и не знаю

Пока не вышло из памяти. В 1989 году почтальонка принесла мне домой газету «Комсомольская правда». Это сильная газета. Правдиво пишет. Достойные корреспонденции публикует. Девушка, ей 14 лет, писала, что где-то читала про 1930-е годы. Спрашивает газету, где же были люди, почему они не добились справедливости? Подумал, как можно ответить на такой вопрос. Ведь он и меня касается. Мне тогда было не очень много лет. Почему бы не сказать – многое было не по-коммунистически, не по-человечески.

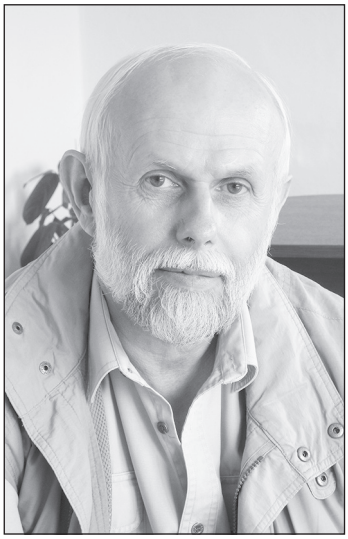
Семья Трофима Егоровича Шалакина, 1956 год

Знаю одно: врагов государства я не видел. Их просто не было. Но я боялся смерти, оскорблений, и это росло с каждым днем. Все это прочувствовал на своей шкуре. Считаю, что мои молодые годы прошли в борьбе со смертью. Мне встречались старики в бане. Они говорили, мол, перед войной шли эшелоны в Германию, растаскивали в стране кто что мог. Мне не придумать, как для правнуков писать такую историю. Такое большое государство заслуживает справедливой истории, но ее нет. Что помню за 70 лет? Единоличное хозяйство, колхоз, совхоз, войну, голод искусственный, шахту, ссылку, ярлык «сын кулака», ярлык «сын врага народа». Ссылали не помещиков, а могучую и все могущую рабочую силу. Так кто опишет все это?

Прочитал в газете: будут в моем городе строить храм. Люди заслужили серебряный храм, хотя их почти нет в живых. Осталось мало. Мне довелось видеть, как красиво в их руках держался инструмент. Они, в прямом смысле слова, мастера. Говорить, сколько таких погибло, не стоит. Мы все – временные жители планеты. Увидят тот храм их правнуки. Это большое дело. Звон колоколов успокаивает старого и малого, любого человека. Думаю, храмы помогут сделать людей человечными. Ведь мы уже дошли до таких ворот, что дальше ехать некуда.

Публикация Г. ШАЛАКИНА, г. Кемерово

Продолжение следует



Владимир ЕРЁМЕНКО

СВЯТИТЕЛЬ ИННОКЕНТИЙ

Драматическая поэма

От Господа стопы человеку исправляются.
Пс. 36:23

ПРОЛОГ
Воскресения Свет

Воскресения Свет!
Бог-Любовь во Спасенье!
Большей Радости нет,
Выше нету Явленья!

Можно ль жить не любя?!.
Смерть дорогу завьюжит.
Только знаньем Тебя
Освящаются души.

Боже, благослови
На земные мытарства!
Только Силой любви
Восхищается Царство!

Через радость и боль,
Через немощь – в Дорогу!
Труд, молитва, любовь –
Восхождение к Богу.

Свет небесный, сияй,
Над землёй разливайся!
Каждый сердцу внимай
И для Бога старайся.

В нашей общей судьбе
Знаем радость и муки –
Послушанье Тебе
Выше всякой науки.

Славим Свет Бытия,
Славим Жизни цветенье!
Я – пшеница Твоя,
Ты – моё Воскресение!..
Слава Отцу и Сыну и Святому Духу
Ныне и присно и во веки веков.
Аминь.

СЦЕНА ПЕРВАЯ
Рассвет

1

И о а н н (ребёнок, солист детского состава хора)
Господи, какая красота!..
Предрассветных сполохов зарницы…
В Небесах и сердце – чистота,
Будто что-то главное случится.

О т е ц *(выделяясь из хора)*
Да, случится!.. Сбудется, сынок,
Всё, чему даровано случиться…
Ты моя былиночка… Росток…
Будем, значит, на земле трудиться.
Поднимайся, милый… Помолись…
Божье на день ведай послушанье!..
Строго помни, что земная жизнь
Есть к Небесной Жизни возрастанье.
Потому – молитва, труд, любовь,
Соисканье сладкой Божьей Воли…
Господи, спаси родную кровь
От случайной смерти и недоли…
От страстей губительных оков,
Упаси от нападений острых…

И о а н н
Папа, папа, я уже готов!..
Папа, папа!..

Отец
Открывай «Апостол».
Иоанн *(читает)*
…Шум внезапно сделался с небес
И наполнил дом, где находились…
(отвлекаясь от чтения):
Господи, воистину воскрес!..
(продолжает чтение):
И на каждом строго разместились
Огненные языки!.. Отец,
Поясни подробней это слово!..
Отец
Милый мой, благословен Творец, –
Духа все исполнились Святого,
Что Господь прорёк им, возносясь!..
Обещая в помощь!.. В утешенье!..
Видишь, сын, какая с Небом связь
Наших душ!.. И нашего служенья.
Всё!.. Готовься к службе…
Иоанн
Папа, пап,
Я ещё немножко погуляю…
Отец
Погуляй… Любимый Божий раб…
Боже мой, а красота какая!..
Иоанн
Господи, какая красота!..
Предрассветных сполохов зарницы…
В Небесах и сердце – чистота,
Будто что-то главное случится.
Отец
Да, случится!.. Всё уже пришло,
И тебе даровано Спасенье…
И оно тебя уже нашло…
Иоанн
Будто я в Раю на Воскресенье!..
Отец
Да, в Раю, когда в душе светло!..
Пять тебе годочков скоро, милый.
Грамоте учись, сынок, зело,
Набирай полней духовной силы.
Будешь в храме Божием служить,
Как небесной радости звоночек!..
Иоанн *(в предчувствии):*
Папа!.. Папа!!. Папа, надо жить!!!
Мать *(выходя из хора)*
Умер папа, Ванечка, сыночек!..
Господи, спаси и сохрани
Наших малых четверых детишек!..
Ой горьки, тяжки, мой Боже, дни…
И ночей проплаканных – излишек.
Сразу путь судьбы не разберёшь…
Ой крута порой её дорога!..
Ваня, ты у дяди поживёшь…
Всё ему, тебе и мне подмога.

Уходит с Иоанном, растворяется в хоре. Хор сочувствует, принимает участие в их судьбе.

Иоанн *(уже взрослый, священник, выходя из хора)*
А в семь лет, как папа говорил, –
Я уже читал «Апостол» в храме…
Мать
И твой голос утешеньем был
Прихожанам всем… Не только маме.
В восемь лет его в пономари
Батюшку определить просила…
Но как ни суди, как ни смотри –
Большая его крылила сила!
Из родного малого села
Увлекало Неба притяженье…
Господи, Благи Твои Дела
И Тебе смиренное служенье!
Да ликует в ясном сердце Свет,
Всех печалей камни изотрутся!..
Он уже священствует семь лет
В храме Благовещенском Иркутска.
Иоанн
Папа, папа, нынче, как вчера,
Нам с тобой учиться и стараться!..
Полюбил я с раннего утра
Задолго до службы просыпаться,
И молиться, и гулять чуть-чуть,
И вдыхать Божественные Силы…
Господи, как твой прекрасен путь
С самого рожденья до могилы.
Господи, какая красота!..
Предрассветных сполохов зарницы…
В Небесах и сердце – чистота,
Будто что-то главное случится.
Ты смеялся: «Да, любимый раб,
Божий предрассветный колокольчик,
Всё уже случилось!»… Папа!.. Пап,
И у нас с женой уже сыночек.
Папа, папа, я люблю детей –
В них так много Царственного Света!..
Помолись о маме, пожалей…
Вот оно – мгновение рассвета!..
Хор
Анга серебристая течёт,
Млечное небесное сиянье…
Вечное дыхание высот,
Трепетное чудо мирозданья.
Колокол!.. Открылись Небеса…
В жемчугах росы туманной травы.
Зазвучали птичьи голоса.
Всё Твоей полно Державной Славы!

Солнце златоглавое встаёт,
Сердце из груди взлетает птицей!..
Вот он Твой Божественный восход!..
Светлая Пасхальная седмица.

2

Девочка
Я спросила солнышко родное:
«Для чего ты светишь, красота?!.»
И сказало солнце золотое:
«Для тебя!.. Для мамы!.. Для Христа!..»
Мальчик *(подыгрывая)*
И для папы!.. И для всех на свете!..
Девочка
Ну-ка, не подслушивай давай!..
Матери (женский состав хора)
Дети!.. Дети!.. Дети, дети, дети!..
Мальчик и Девочка *(вместе)*
Мама, мы играем!
Матери
Ну, играй!..
Девочка
А тебе, насмешник, я отвечу
Притчею по твоему уму.
Посмотри: пока ещё не вечер,
Подрастёшь – узнаешь, что к чему!
Дети
– Батюшка идёт!..
– Батюшка!..
– Батюшка!..

Дети бегут к нему, обнимают.

А у нас уроки будут?.. Да?!.
Иоанн *(улыбаясь)*
Вы меня в который раз спросили!
Как обычно, дети, как всегда, –
В воскресенье перед литургией.
Дети
Ты, батюшка, ты нас бы не бросал!
Иоанн
Да разве кто меня к тому неволит?!.
Дети
Нет!.. Ты б от нас совсем не уезжал!..
Иоанн *(в раздумье)*
Уста младенца истину глаголят…
Все, дети, мы у Господа в руках…
(Шутливо строжится.)
Но не капризны и не шаловливы
Чтоб были!.. Как Отец на Небесах!..
Смиренны и в любви трудолюбивы.
Дети
– Да мы не против!..
– Мы, конечно, «за»!..
– А ты бы был митрополитом нашим!..

Иоанн *(смеётся)*
О Господи, ну что за чудеса!..
А ну-ка, кыш под крылышки к мамашам!..

3

Женский состав хора
Заиграло солнышко
В самом малом зёрнышке,
Распрямилась веточка –
Вырастай!..
Стебелёчек-сабелька,
Золотая капелька,
Мир в подарок, деточка,
Принимай!
Горести и радости,
Утесненья, сладости…
Сердцем, Бога слышащим,
Выбирай!
Ангелы-хранители,
На земле – родители,
Путь укажут ищущим
В светлый Рай!
Хор
Через горе – Благовест!
Иго моё – Благо есть!
Наша ноша крестная
На Пути!
Да пребудут силушки,
Укрепились крылышки –
В Царствие Небесное –
В Путь! Лети!

СЦЕНА ВТОРАЯ
Жребий

1

Получена депеша из Синода, призывающая кого-либо из священнослужителей епархии для проповеднической миссии на Алеутских островах. Приглашение к миссионерскому служению получает в числе других и священник Иоанн. Главный герой – в размышлении.

Хор *(помогая принять правильное решение)*
И в Небесах, и в сердце – чистота!..
Расти в себе Высокое призванье.
Иди Путём завещанным Христа,
Не уклоняясь тяжести страданья.
Не избегая боли!.. Иоанн,
Тебе Господь – защита и отвага,
Тебе служенья жребий высший дан,
А иго Божье – истинное Благо!
Иоанн *(выходя из размышления)*
Да, Господи, благи пути Твои
И высоко призванье в Сослуженье!..

Своих велений к нам не утаи…
На днях пришло Синода порученье
На Алеутах миссию открыть,
Точнее, утверждённую продолжить…

Хор *(активнее)*
Так значит, отче, так тому и быть…

Иоанн
Но кто из нас её осилить может?!.
Где взять апостольства священный пыл
На весь туземный дальний окенарий?!.
Их тридцать лет тому назад крестил
Монах духовной миссии Макарий…

Хор *(убеждающе)*
Но паства слабо, брат, укреплена
В Законе, Боге, Свете, Христианстве.
Порой такая бедная она,
Что ищет Свет опять в своём шаманстве.

Иоанн
Да, Господи, но ведь у всех приход
И семьи здесь… И сыновья… И внуки…

Хор
Ты помнишь, отче: «Будет счастлив тот,
Тот, кто поедет!..» – прихожанин Крюков
Сказал тебе… Ты помнишь, Иоанн?..

Ретроспекция-воспоминание недавнего эпизода с Крюковыми и Епископом Михаилом.

Иоанн *(со вздохом, умеряя ораторский пыл собеседника)*
Да помню, Крюков, я твои рассказки!..

Крюков *(проникновенно)*
Тебе билет, отец, счастливый дан!..
Я сорок лет трудился на Аляске.
Простор, свобода, море, красота,
И каждому – любимая работа!..

Иоанн
Что часто просто телу суета,
Когда о духе брошена забота.

Крюков
Ну не скажи!.. Там миссия, отец!
Не осуди, не сотвори огула…
Ты посмотри, куда – с конца в конец –
Иркутская епархия шагнула!..
А вы же – ни руки и ни ноги
На помощь не поднимете!.. Как спелись!..
Синод Священный просит: помоги!..
А вы всё кочевряжитесь!.. Заелись!..
Никто не хочет ехать!.. Боже мой!..

Иоанн *(в раздумье)*
Ты прав во многом, старший брат
мой Крюков!..
Не в дом земной идти… А вверх – Домой!
Вот в этом христианская наука.
(Убеждённее.)
Да, в этом Путь во Царствие, Иван!..
Во Царство Божье нет Пути милее!
Нам Указатель этот Богом дан,
Держите по нему стопы смелее!..
Хотя у всех тут семьи и приход,
И не возьмёшь вопрос в колы да в пики!..

Крюков
Я чую, отче, будет счастлив тот,
Тот, кто поедет!.. Я иду к владыке...

Иоанн
Я тоже буду… Зван на этот час.

Крюков
Тогда до встречи!.. Я – ещё по делу...

Хор
Когда коснётся каждого из нас
Дух Божий до сердечного предела,
Когда душа и тело воспарят
На подвиг Благовестия и муки,
Тогда, пусть что там и ни говорят,
И ноги поднимаются, и руки,
И сердце бьётся птицею в груди,
И воспевает Славословье Богу!..

Крюков
Владыко!.. Попрощаться!..

Епископ Михаил
Заходи.

Крюков
Благословите, отче, на дорогу.

Епископ *(благословляя его)*
Благословен воистину Отец,
И Божий Сын, и Дух Животворящий!
Благословен в творении Творец,
Творение на Небо возводящий!
Ты уезжаешь… С Богом, Иоанн!
Передавай поклон в концы святые.

Крюков *(вздыхая)*
Там, отче, много дел, и много стран,
И интересов… Только все – земные.
Пушнина, мясо, рыба, корабли,
Порой разбой, обман, разгул, коварство…
Не видят, что на Небе, что в дали
И что внутри… Не знают Божье Царство.

Иоанн *(входя)*
Владыко!..

Епископ Михаил
Вот и отче Иоанн!
Входи, входи!..
(Благословляет его.)
Вот – Крюков!.. Уезжает…
Мне им сейчас отчёт подробный дан:
Как дело на Аляске!.. Просвещает!..

Крюков *(подтверждая сказанное, продолжает)*
Да, хоть миссионером крещены,
Но миссия слаба, владыко, очень.
И – пропадают божии сыны.
И слух закрыт у них, закрыты очи.
Закрыто сердце. Кажется порой,
Что ноги вражьи спутывают путы!
Они так неприглядны, Боже мой...
Но как добры туземцы-алеуты!
(Увлечённо.)
Наивны и добры до простоты,
Светящейся и в Небо восходящей!..
Владыко, я подобной чистоты
Не видывал!.. Как Свет в могильной чаще!
Как звёздочка в ночи, как свет во дни.
И правду чуют и душой, и кожей!
Из всех бесед, на темы все, они –
Закон предпочитают слушать Божий.
И любят в пост строжиться и говеть,
И телом соблюдать закон и сердцем!
На них так любо-дорого смотреть!
Они, Владыко, – Божии младенцы…

Иоанн с этого момента особенно внимательно слушает Крюкова.

И вот они с зари и до зари
В своих трудах… И молятся как дети!..
Иоанн
Что ты сказал?! А ну-ка повтори!..
О Боже мой!.. Апостольские сети!..
Крюков *(в растерянности к Иоанну, к Владыке)*
Отец!.. Владыко!..
Епископ Михаил
Ваня, что с тобой?!.
Иоанн *(смотрит вверх)*
Как хорошо, что Ты вошёл в беседу!..
Я еду!.. Еду!.. Еду, Боже мой!..
Благослови, Владыко!.. Еду!.. Еду!..

Опять нынешняя картинка, нынешнее время.
Иоанн в раздумье.

Хор
Так что ж ты снова медлишь, Иоанн?!.
Ведь, право, было избрано решенье!..
Ведь жребий твой Благословенным дан!..
Иоанн *(решительно)*
Да, Господи, к Тебе моё движенье!
К Тебе иду и телом, и душой,
К Тебе – Всеозаряющему Свету!..
Я еду!.. Еду!.. Еду, Боже мой!..
Родные!.. Дорогие!.. Еду!.. Еду!..

2

Женская часть хора
Матушка!.. Матушка!..
Матушка, сбирайся!
И сыночка-ладушку
Укрывай-старайся!
Матушка Екатерина
Закатилось солнышко
За густой лесочек…
Золотое зёрнышко!..
Маленький сыночек!..
Мужская часть хора
Обложили облаки
Горизонт в округе!..
Иоанн
Обретайте облики,
Мои верны други –
Ангелы, архангелы –
Светочи Вторые!
Благовест, Евангелье,
С нами – все святые!..

Помогите явственно,
Укрепите силы!..
Будь со мною Царственно,
Господи!.. Помилуй!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ
Путь

1

Матушка Екатерина и Отец Иоанн завершают сборы. Последние взгляды вокруг, внутрь себя, в предстоящую дорогу. Прощание с домом.

Хор
То ни ветер шумит по-над бором,
То ни ворон полночный летит…
Матушка
То сердечко моё разговором
Взволновалось!.. Болит и болит.
Разверзаются хляби земные,
Раскрываются Дали Небес…
Ой, родные мои, дорогие!
Впереди только воды и лес…
Испытанья!.. О, добрая Лена,
До Якутска наш путь по тебе!..
Иоанн *(подбадривающее)*
Что печаль? Воробью по колена!..
Матушка
Милый муж говорит…
Иоанн
По судьбе!..
Божий Промысел!..

Матушка
Господи Боже,
Всё по силам нам будет с Тобой.
Только силы Ты нам приумножи
И на сердце даруй нам покой.
Престарелую маму Ивана,
И меня сохрани, и его,
И сыночка, и брата Стефана
От налётного злого всего.
Распахни Свою Волю над нами,
Пусть во Благо вершится поход…

Светает.

Вот и Даль разомкнулась крылами,
Златоглавое солнце встаёт.
И печали ночные, как совы,
Растворились-исчезли во мгле!..
Мы готовы, наш Боже, готовы
К Небу Путь пролагать по Земле.

Рассвет.

Только дерзости нашей способствуй
И от смерти внезапной укрой…

Солнце.

Хор
Только сам, человече, не робствуй!..
Матушка
Всё по силам нам будет с Тобой!
Вот любимый мой Волю Благую
Во главу поставляет Судьбы…
Иоанн
Я Единственной Доли взыскую,
Мы Твои, Благодатный, рабы.
Мы друзья Твои Вечери Тайной,
Воли Благословенной сыны.
Не позволим судьбине печальной
Проникать в наши яви и сны.
В наши мысли, слова и поступки,
В наши Богу благие дела!..
И унынья не дай и минутки,
Сохрани нас от всякого зла.
Так иду, и люблю, и радею,
И о Благости Божьей пою.
Ничего своего не имею,
Только, Господи, Волю Твою!

2

Мужской состав хора
Расшумелись ветры,
Разгулялись волны!..
Сосны, пихты, кедры,
Перевалы горны!

Иоанн
Путь лежит далёкий!..
Анга, до свиданья!
Дом мой светлоокий!
Родина!.. Скитанья…
Хор
Но держись дружнее,
Горсточка Иркутска!..
Мужской состав хора
Дальше – посложнее:
На Охотск с Якутска.
Хор
По болотам топким,
Тёмными лесами –
Здесь не место робким –
Льдистыми хребтами!
Женский состав хора
Перевалы, реки
И ручьи-речушки…
Божьи человеки –
У судьбы игрушки!
Хор
Но крепится сердцем
Сей мирок охранный:
Мать, жена с младенцем,
Брат и сам – Избранный.
Прочь гони сомненья!..
И в тайге, как в храме, –
Божьи песнопенья!..
Тыща вёрст верхами!..
Женский состав хора
Ой, Россия, песни
По твоим окрайнам!..
Иоанн
Господи, воскресни!..
Матушка
Дева, помогай нам!..
Иоанн
Боже мой!.. Светает…
Мы у цели, вроде!..

Дальний шум моря, крики чаек.

Матушка
Что там?!.
Иоанн
Крики чаек…
На реке Охоте!..
Хор
Дело непростое!..
Смейся или плачь ты –
Шум моря сильнее.
Шум морской прибоя!..
На Охоте – мачты!

Путь к концу пространный,
Заслезились вежды –
Вот он, долгожданный,
Сам Охотск прибрежный!

Близкий шум моря.

Иоанн
Дальше легче – морем,
Сердце вольно бьётся!..
Матушка
Счастьем или горем
Путь наш обернётся?..
Хор
Вышним Промышленьем!..
Чайка – Божья пташка!..
Место назначенья –
Остров Уналашка!..

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ
Миссия

Хор
Просторы!.. Даль!.. Великий океан!..
Вода, и небо, и клочочки суши!..
Господь вручает, отче Иоанн,
Тебе пасти младенческие души.
Иоанн
Но скудость, Боже!.. Крайняя нужда
Во всех делах!.. В миссионерском тоже.
Но всё же, Боже, горе не беда,
Всё – слава Богу, Господи мой Боже!
И пищу Ты даёшь на каждый день,
И тяжести – коль в радости – не слишком!..
Матушка
И мыслей горьких исчезает тень:
Землянка-юрта!.. А теперь – домишко!..
О, сколько здесь уже мы солнц и лун!..
А миссия всё длится, длится, длится…
Иоанн *(рассказывая Матушке)*
В Великий пост на острове Акун
Не знал, что чудо Божие случится!..
Такое в сердце вечно сберегу,
И в самых смелых не мечтал надеждах…
Впервые еду к ним… На берегу
Меня встречают в праздничных одеждах!
И обнимают!..
Ретроспекция-воспоминание: картинка на острове.

Алеуты (часть хора)
Отче Иоанн!..
Иоанн
Да, Господи, откуда же?!.
Алеуты
– Да знаем!..
Старик сказал Смиренников, шаман…
– И вот тебя на радостях встречаем!..
– Сказал, что нынче должен ты приплыть,
Чтоб мы тебе свою явили дружность…
– Что ты молиться будешь нас учить!..
– И описал нам всю твою наружность…
– Вот, как ты есть!..
Иоанн
А видеть старика
Могу ли я?..
Алеуты
– Конечно!..
– Наш он, здешний…
– Но вот сейчас его здесь нет пока,
А как приедет, сам придёт, конечно…

Опять дом Иоанна.

Иоанн
И, представляешь, Катенька, – пришёл!
И рассказал!.. Ты лишь послушай фразу…

Ретроспекция-воспоминание.

Смиренников
В одеждах белых двое…
Иоанн
Где нашёл?..
Смиренников
Нашли меня!.. После крещенья сразу.
Они живут недалеко, в горах…
И говорят, что будет мне, что было…
Иоанн *(к Матушке)*
Я чую в сердце трепет, Божий страх…
И описал – Святого Гавриила!
И Спутника его.
(К Смиренникову.)
А можно мне
Их видеть?
(Матушке.)
Вопрошаю осторожно.
Смиренников
Я их спрошу во следующем дне…

Опять дом Иоанна.

Иоанн
Ушёл… На сердце радостно-тревожно.
Но Миссия зовёт к своим делам…
(Вдруг прерывает рассказ, задумчиво.)
Ты знаешь, Катя, если откровенно,
Я замечаю, хоть и трудно нам,
Порой предельно, но – Благословенно!..

Я чувствую, чем более в трудах,
Тем большую Поддержку получаю…
Любовь, мы знаем, изгоняет страх…
Я на себе всё это ощущаю…
Как будто бы Она меня ведёт,
А миссия сама собою длится!..
И дел таких бурлит водоворот,–
Порой не успеваешь надивиться!..

Ретроспекция-воспоминание
недавнего посещения островов.

Хор *(возвышенно-динамично)*
В просторе моря кто там?!. Имярек!..
В стихии моря на волне-кургане!..
В пучине моря страждет человек
На малом древе!.. В море-океане!..

Шторм.

Высокой накрывается волной
И водным поглощается провалом!..
И пропадает свет над головой!..
На малом древе, Господи, на малом!..

Усиление шторма.

И тьма хрустальной пеною горит,
И не понять, что есть на самом деле!..

Шторм постепенно стихает.

К очередному острову прибит –
Выходит с лодкой из морской купели…
И падает ничком на скальный брег,
И суша ходит ходуном в тумане…
Кто это, Боже, раб Твой?!. Имярек…
На Алеутах отче Иоанне.

Опять дом Иоанна. Шум моря, чайки.

Иоанн *(возвращаясь из воспоминания)*
Я чувствую, Крестом обороняясь,
Как бы с бедой сражаясь в поле ратном,
Такую с Небом родственную связь!..
И Помощь… В каждом деле благодатном…
Вот так, мой друг!.. И всё – не просто так…
И это подтвердилось на Акуне…
Хотя, казалось, вроде бы, – пустяк!..
Так вот что, значит, было накануне…
Да-а-а… Миссия зовёт к своим делам,
Да так, что время и не замечаю…
Я проповедал дальним островам,
Вернулся на Акун, – его встречаю,
(Поясняет.)
Смиренникова…

Ретроспекция-воспоминание: остров Акун. Море, чайки.

Иоанн
Что спросил, Иван,
Своих друзей: могу ли я их видеть?
Смиренников
Спросил, отец… Ответ был добрый дан:
Принять готовы, чтобы не обидеть…
Сказали, правда: «А зачем ему
Нас видеть, коль тому, чему мы учим,
Он учит сам по сердцу и уму?
И нужно ль торопить подобный случай?..»
Ну, так пойдём, отец, коли готов…
Иоанн *(выходя из воспоминания)*
Но страх напал и полное смиренье...
Я, грешный, не свяжу и пару слов,
И, не дай Бог, почую возношенье,
И возмечтаю много о себе…
Я, недостойный, встречи не решился
И в покаянно-трепетной мольбе
К Творцу в смиренном плаче обратился.
Затем Ивану наставленье дал
И всем его собратьям-алеутам,
Чтобы никто уже не называл
Его шаманом… Потрясённый чудом,
Я, Катенька, готов служить!.. Служить!..
Во славу Божью и на радость людям!..
Вот это только означает – Жить,
А умирать, конечно же, не будем!
Хор
Да будет так!.. Аминь!.. Аминь!.. Аминь!..
Иоанн *(в размышленье)*
Не унести же это всё в могилу?!.
Ведь это – Божья Милость!.. Благостынь!..
Хор
И написал Владыке Михаилу.
Иоанн
В смирении и трепетной любви
Я в Божьей воле должен подвизаться…
Что делать мне, Господь, благослови
И помоги, Владыко, разобраться…
Да просветит Благословенный Свет,
Чтоб на Пути Любви не оступался…
Хор
А из Иркутска весть через шесть лет
Пришла, когда Смиренников скончался…
Детишки, школа, трудности, семья
И радости крещенского улова!..
Апостольская сладость жития:
Вся – проповедь Божественного Слова.
На много Алеутских островов
Раскинулась забота Иоанна…

Алеуты (часть хора)
– Нет, ты скажи, отец, без дальних слов…
– Скажи нам прямо…
– Ясно…
– Без тумана…
– Скажи зачем?..
– Какая польза нам?..

Иоанн
И вы как на духу ответ держите…

Алеуты
– Согласны, да…
– Скажи, зачем мы вам?..

Иоанн
Не нам, не нам, но Богу послужите!

Алеуты
– А чем служить, коль наша жизнь плоха?
– Ты видишь сам, как наша жизнь убога.
– В чём польза вам, что будем без греха?!.

Иоанн
Не нам, не нам, а всё – во славу Бога!

Алеуты
– Нет, ты скажи по сердцу и уму –
Не видишь, что народ не понимает,
Чем мы, скажи, помощники Ему?!.
– Что, Богу нашей славы не хватает?!.

Алеуты смеются.

Иоанн
Да, Богом принимается любовь
Своих творений, Богу благодарных!
Он во Спасенье отдал Свою Кровь,
Он прежде нас – нас возлюбил… Злонравных…
Он нам свободу выбора даёт –
Любить иль нет, пусть каждый выбирает!
Он без любви ответной не спасёт…
Он только вместе с нами нас спасает.
И в этом – Дар Свободы и Любви,
И Царствие Божественное людям…

Алеуты *(серьёзно)*
– Нас, отче, с Богом быть благослови!..
– Мы Царствие Его трудом добудем!..

Один из алеутов *(с нетерпением)*
Как, скажи, туда пройти?!.
Дай тебе известное
Указание Пути
В Царствие Небесное!..

Алеуты
А ты, Стефан, отбрось корысть да лень,
И хитрости избавься понемногу…

Алеуты смеются.

Стефан
А-а-а, перестаньте!..

Алеуты
– Точно!..
– В тот же день
Увидишь в Царство Божие дорогу!..
– Прямую, как стрела по небесам!..
– Да вот – грехи!..
– Как с ними-то расстаться?!.

Алеуты смеются.

– И страсти?!.
– И долги?!.
– Оставишь нам?!.
– А сам в Раю?!.

Стефан
Да хватит вам смеяться!..

Алеуты *(к Иоанну, серьёзно)*
– Да-а-а, видим, – ничего ты не таишь,
Твои слова для наших душ прекрасны!..
– Теперь ты ясно, прямо говоришь!..
– Крести нас, отче!..
– С Богом мы согласны!

Хор
Крещение Господнее! Итог
Трудов усердных!.. А точней – начало!..

Иоанн
Мы видим, благодатным в помощь Бог!
Как будет, есть и как всегда бывало!
Ну а теперь – с молитвой строить храм!..
И как бы здесь не допустить промашки…
Ведь это дело не знакомо вам,
И где взять лес в безлесной Уналашке?!.

Хор
Но для чего Господни чудеса,
И для чего Любовь-молитва к Богу?!.

Пантомимическая картинка строительства. Привезли лес. Разгрузка. Мужская часть хора поднимается на подмостки, женщины и дети помогают работе внизу.

Пошли леса, леса, леса, леса, леса…

Алеуты
Мы в Небеса мостим себе дорогу!

Иоанн *(радостно подбадривая)*
И как бы тьмы не силился протест,
В трудах – подмогу Божью получайте!

Хор
И вот он, вот он!.. Принимайте крест!

Иоанн
И храм наш Вознесения венчайте!

Мужская часть хора принимает спускающийся сверху церковный купольный крест храма, устанавливает его, закрепляет на подмостках. Среди мужского хора – двое в белых одеждах. Это Ангелы. Сцена представляет собой храм Божий. На заднем плане – крест. По всей сцене – хор.

Мальчик
Мама, мама, мы прямо сами храм!
Иоанн *(ко всем)*
А разве вы не знаете, что вы – храм Божий! И трудами своими освящаете его! Любовью восхищаете Царство.
Хор
Боже, благослови
На земные мытарства!
Только Силой Любви
Восхищается Царство!
Через радость и боль,
Через немощь в Дорогу!
Труд, молитва, Любовь –
Восхождение к Богу.
Свет Небесный, сияй,
Над Землёй разливайся!
Каждый сердцу внимай
И для Бога старайся.
В нашей общей Судьбе
Знаем радость и муки –
Послушанье Тебе
Выше всякой науки.
Славим Свет Бытия,
Славим Жизни цветенье!
Я – пшеница Твоя,
Ты – моё Воскресение!.
Мальчик
Мама, а с ними – Ангелы!..
Мать
Конечно… И с нами тоже…
Смиренников
Видишь, отец, они – с нами!..
Иоанн
Кто?
Смиренников
Друзья мои… *(Указывает на Ангелов.)* О которых я тебе говорил.
Иоанн *(оглянувшись)*
Господи!.. Боже мой!.. *(Крестится)*.
Они с нами!.. Конечно, с нами…
Господи!.. *(Крестится)*. Слава Тебе!

СЦЕНА ПЯТАЯ
Свершения

Хор
Радуйтесь, Земля и Небеса, –
Божья воля с нами пребывает!..
Радуйтесь! Ликуют голоса
Ангельские!.. Души окрыляют!..
Радуйтесь!.. Благословен Творец –
Мы везде в Раю до мест безвестных!..
Иоанн
Да, в Раю, как говорил отец,
Коль светло в душе от дел Небесных!
Хор
Радуйтесь! В заботах и трудах
Иго Божье Благом прозревает!..
Радуйтесь, блаженные, – в сердцах
Царство Пренебесное сияет!
Радуйтесь, кто к радости готов,
Кто трудами гонит лени сумрак!..
Шестьдесят в приходе островов,
Сотни дел и тысячи задумок!
Несколько уже воскресных школ
И церковно-приходских!.. Больница,
Дом сиротский, трапез общий стол –
Радостью сияющие лица!
Азбука!.. Евангелия свет!..
Алеуты (часть хора)
На своём наречье алеутском!..
Хор
А затем через пятнадцать лет –
На калошском, также на якутском!..
И на русском, радуясь, прочти!..
Иоанн
Господи, дела Твои благие!..
Хор
Книга «Указание Пути
В Царствие Небесное», другие
Многие заметки и статьи,
Проповеди, сердцу откровенны!..
Иоанн
Господи, благи пути Твои,
Все дела Твои благословенны!..
Многие ремёсла и дела
Вместе одолели непростые!..
Грамотность туземцев возросла –
Большая, чем в среднем по России!
Требуется увеличить штат,
Содержанье на Аляске причта…
Хор
Отпуск многомесячный… Кронштадт…
Встреча с Николаем Первым лично.
Петербург, Синод, дела, Москва –
Всё идет-слагается управно, –
Филарета славные слова…
Филарет, Митрополит Московский
В нём зерно апостольское явно!..
Хор
Издаются книги и статьи,
Переводы движутся быстрее…
Иоанн
Господи, благи Твои пути!..

Хор
Возведенье в протоиерея.
Новое ходатайство в Синод –
Миссию расширить предлагает…
Тяжестью тридцать девятый год:
Матушка в Иркутске умирает…
Иоанн
Катенька!..
Матушка
Всё, милый, хорошо!..
Деточек храни в своём служенье…
Иоанн
Господи, о чём просить ещё?!.
Сотвори Твоё упокоенье
О рабе послушливой Твоей!..
Господи!.. Вот как оно бывает!..
Хор
Обустроив быт своих детей,
Чин Великой Схимы принимает.
С именем святого земляка,
Первого епископа Иркутска…
Иннокентий, Божия рука
На тебе!.. И – бóльшая нагрузка.
Да, делами службы нагружён,
На предельном напряженьи нервы…
В сан архимандрита возведён,
Снова встреча с Николаем Первым.
И на много в даль грядущих дней
Путь его дальнейший обрисован!..
Новая епархия!.. И в ней
Он – епископ!.. Хиротонисован!..
Вновь на Ситху!.. Путь через Сибирь,
Через свой Иркутск – на Алеуты!..
Иннокентий
Вот она – моя родная ширь –
Родина!.. Небес земное чудо!..
Хор
По приезде – впереди всего –
В храме Благовещенья служенье!..
Бывшие сокурсники его
Подходили под благословенье.
В душах даже – трепетный испуг…
Бывшие сокурсники (часть хора)
– Как же, явно чудо разумеем!..
– Бывший дьякон, семинарский друг
Превращается в архиерея!..
Хор
Снова Пасха Светлая в сердцах!..
Воскресенье Божье восхвалили.
И на многих славя языках,
Литургию Божию служили.
Звоны колокольные!.. Народ,
Благодарный, тёк к нему, теснился…
Народ (часть хора)
Ангела Хранителя в поход!..
Хор
Дорогим могилам поклонился…
Всем благословенье преподал –
Отчему всему родному дому…
К раке Иннокентия припал –
Тезоименитому святому…
И в Новоархангельск!.. Ближний путь!..
В Русскую Америку!.. Заботы…
Некогда порой передохнуть –
Открывались новые приходы.
Церкви и часовни освящал!..
Ревностно держал судьбы поводья!
И тысячевёрстно объезжал
Божии обширные угодья!
Каждому старался донести
Слово Божье, чем и вдохновлялся…
Иннокентий
Нераденья, Господи, прости…
Хор
На оленях, на собаках мчался.
Путь к сердцам людским одолевал
Непроезжий ранее, нехожий!..
И в ответ, стараясь, получал
Утешенья в Благодати Божьей.
Иннокентий
Господи, как слушают они
Слово Благовестия и Царства!..
Покрывают Благодати дни
Все земные муки и мытарства.
Вот уже со временем Иркутск
Во своих владениях теснится…
Хор
Кафедру перенесли в Якутск,
Ширятся епархии границы!
Праздничный в Якутске перезвон!..
В кафедральном Троицком соборе
Чин богослуженья совершён
На якутском языке!.. И вскоре
Этот день по просьбам прихожан
Праздничным в историю вписался!..
А Владыке – новый подвиг дан:
На Амурской миссии старался.
И, как в каждом деле повелось,
В Благодати Божией и Силе –
В Приамурье знамя вознеслось
В честь соединения с Россией.
Благовещенск, Богом освящён,
Центром стал епархии обширной…
Иннокентий
Господи, дай силушки ещё
Потрудиться здесь для жизни мирной!..
Как Ты мне всегда давал!.. Всегда!..

Хор
И его с растущим интересом,
Даже и в преклонные года,
Иностранцы звали Геркулесом.
Да, могучий телом и душой,
Прозревавший горние маршруты,
Но сражён был новостью большой –
Проданы Аляска, Алеуты!..
Иннокентий
Господи, душа горит огнём –
Не могу понять продажу эту!..
Хор
И об отношении своём
Отписал Владыке Филарету.
Иннокентий
Не могу!.. Владыко, поясни!..
Или это для России надо?!.
Тяжкие стоят над миром дни…
Миссия!.. Трудов моих отрада!..
Как ценить, о Господи, прости,
Временное, забывая Вечность?!.
Ведь нельзя Спасенье обрести,
Ставя главным в Жизни быстротечность!..
Временное ставя выше Сил,
Сотворивших временное!.. Боже,
Сохрани, что мною совершил,
Или – если надо – уничтожи…
Как осмыслить Промысел, Господь,
И в Пути Твоём не ошибиться?!.
Дух горит, душа пылает, плоть…
Господи, дай силушки трудиться!..
Хор
Да, могучий телом и душой,
Хоть и на покой почти готовый…
Но уже немыслимо большой
Бог ему готовил жребий новый.
Да, сынам Своим Он знает вес,
Что не видят гордые невежи…
И как гром – известие с Небес –
Было получение депеши
Из Синода… И она гласит…
Иннокентий
Господи, как мне осмыслить это?!.
Хор
Иннокентий есть митрополит
По кончине в Боге Филарета.
Поражённый вестью больше всех,
Ото всех на день уединился…
Иннокентий
Господи, покрый и малый грех…
Хор
На коленях до утра молился.
Иннокентий
Без заслуг и видимых причин…
Промысел Господень – безусловно!..
Боже мой, – духовный главный чин
Высшей иерархии церковной!..
Как из тьмы прозревшая заря!..
Даруй, Боже, силы ко служенью…
А ведь даже для пономаря
Не пришёлся я в своём селенье…
Господи!..
Хор
Но в Боге пономарь
Держит сам селение родное…
Целый мир… И дьяконский орарь –
Божие напутствие благое…
Иерей… Епископ… А теперь…
Иннокентий
Господи!..
Хор
Своей судьбе дивился…
Да, всегда открыта в Царство дверь,
Кто его в трудах не сторонился.
Кто его делами приближал,
Нелукаво Господу старался,
Дух Святой в своей душе стяжал,
К Жизни Вечной в Боге подвизался.
Иннокентий
Во смиренье Господу служить…
А ведь мне уже – восьмой десяток…
Но ведь это только значит – Жить!..
Вот ответ – и искренен, и краток.
Хор
Путь в Москву по весям-городам!..
И – Небес распахнутые Дали!..
Радостный простор колоколам!..
А в Иркутске!.. Как его встречали!..
Иркутяне (часть хора)
Вот он, Боже, наш митрополит!..
Иннокентий *(в раздумье)*
Так детишки, помню, рассудили…
Хор
Истина с Любовью говорит!..
Бывшие дети (часть хора)
– Да, Владыко, помним…
– Говорили!..
– Ты прости нас!..
Иннокентий
Милые мои!..
Хор
Литургии, встречи, расставанья!..

Иннокентий
Господи, благи пути Твои
В радости, заботах и страданье!..
Господи, верны Твои слова,
В них Твои сыны души не чают!..
Хор
И Первопрестольная Москва
Своего Владыку величает!..
Дел необозримый океан!..
Но очам внимательным приметней
Вышний путь, к которому призван
Божий раб, Владыко Иннокентий.
Господа за всё благодаря,
О Святой Руси – труды-дерзанья!..
О Первостепенном у царя
Главная беседа!.. Пониманье…
Новые ходатайства в Синод –
Разрушенье ложных пьедесталов:
Наступленье важное ведёт
Резкое противу либералов.
Против их вмешательства в судах
И в делах церковных заведений,
Против послабления в трудах
Семинарий, школ и академий.
Против обмирщения сердец,
Приниженья Высших Идеалов!..
По России из конца в конец –
Миссии, церковные журналы,
Общества, апостольства труды –
Просвещенья служба непростая.
Нелегки правления бразды.
Миссии в Монголии, Китае,
В близкой нам Маньчжурии. Смелей
Дело разрастается, бодрее!..
На Благое – силы не жалей!..
Миссии в Японии, Корее.
Иннокентий
Алеуты, Боже, не забыть
И Аляску, хоть они не близко –
Вот решенье Промысла: открыть
Миссию Твою и в Сан-Франциско!..
Хор
Служба на закладку алтаря
Главного Святилища в народе!..
В душах – ликования заря:
– Храм Христа Спасителя возводим!..
Десять лет ещё тяжёлый крест
Нёс Владыко своего смотренья…
И по всей стране до дальних мест
Достигало в Господе служенье.
Сердце ко служенью приготовь!..
Щедрые душевные затраты…
Общая народная любовь…
Царские, церковные награды.
С детства сети праздности отверг,
До кончины в Господе трудился…
Чувствуя отшествие, в четверг
На Страстной неделе причастился…
Попросил себя соборовать…
Иннокентий
Господу свои сердца приносим…
А кому же на Исход читать?..
Пусть Преосвященнейший Амвросий…
Друг мой!.. На моих похоронах
Слово назидания скажите…
Чтобы каждый помнил Божий страх…
А речей… Речей не говорите…
Пусть глаголет Божья Чистота,
Простота, как в малой Божьей птахе…
А в речах – порою пустота,
Истинная Мудрость в Божьем страхе…
Много похвалы в речах пустой…
Проповедь скажите не для вида.
Вот она – псалом тридцать шестой
Псалмопевца нашего Давида.
Все пути от Бога моего
Человеку, слышащему Бога,
И стопы исполнятся его
Благодати, хоть тяжка дорога,
Труден путь, но Господом своим
Утешайся, в Господе старайся,
И тогда всегда ты будешь с Ним…
Только так!.. И только так Спасайся.
Бог тебе Защита и Отец,
А лукавый, злобный и ленивец,
Как о том глаголет Сам Творец, –
Истребится в веки нечестивец.
Всё творится Господом в тиши…
Всё во благо наше, коли просим…
Ну, читай же на Исход души,
Друг Преосвященнейший Амвросий…
Амвросий. Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь. Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас…

Его голос постепенно уходит на второй план,
на первом плане – фрагмент из первой сцены.

Иоанн (ребёнок)
Господи, какая красота!..
Предрассветных сполохов зарницы…
В Небесах и сердце чистота,
Будто что-то главное случится.

Отец
Да, случится!.. Всё уже пришло…
И тебе даровано Спасенье…
И оно тебя уже нашло…
Иоанн и Иннокентий *(вместе)*
Будто я в Раю на Воскресенье!..

По второму плану – голос Амвросия, завершающего канон. Среди хора появляются Ангелы.

Ангелы
В мире всё уже завершено –
Дело Воскресения творится!..
Проросло Небесное зерно –
Урожай приносится сторицей…
Голос с небес
В житницы Блаженные укрой,
А плевелы попали худые…
Хор
Душу со Святыми упокой,
Приими в Обители благие!..
Амвросий *(заканчивая чтение канона)*. Прими в мир душу раба Твоего сего Иннокентия и покой ю в вечных обителях со святыми Твоими, благодатию Единородного Сына Твоего, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, с Ним же благословен еси с Пресвятым и Благим, Животворящим Твоим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь!
Иннокентий
Прочитали?..
Амвросий
Да.
Иннокентий
А где «Аминь»?..
Хор
Повторили… Господи помилуй!..
Иннокентий
А какая в мире Благостынь,
Хоть земные покидают силы!..
Господи!.. Всемилостивый Царь!..
Боже мой!.. За всё меня простите!..
Мой возьмите дьяконский стихарь,
В стихаре меня похороните…
Хор
Так и было… Не было «похвал» –
Все от сердца в Боге говорили…
Было всё, как он хотел… Сказал…
Жил по Богу, в Боге хоронили…
Ангелы
Дух раба приемли Своего!..
Хор
Лишь небес коснулись солнца блики, –
О земном успении его
Утром возвестил Иван Великий.
Свет Небесный светится во мгле!..
И животворит нас слово это!..
Тело было предано земле
Близ могилы друга Филарета…
В Боге дел его сияет свет,
Всё творил, как Господом замыслен!..
Всё во Благо!.. И через сто лет –
Церковью в Небесный Лик причислен
По Закону Слова Твоего!..
И Твоим Животворящим Светом
Нас храни молитвами его
И в Небесном мире, и на этом.

На горизонте сцены высвечивается икона Святителя Иннокентия.

Иннокентий
Избирайте горние тропы,
Трудные и – веруйте как дети!..
Богом утверждаются стопы
Жаждущего Жить в Небесном Свете!
Хор
Свет Небесный, сияй,
Над Землёй разливайся!
Каждый сердцу внимай
И для Бога старайся.
В нашей общей Судьбе
Знаем радость и муки –
Послушанье Тебе
Выше всякой науки.
Славим Свет Бытия,
Славим Жизни цветенье!
Я – пшеница Твоя,
Ты – моё Воскресение!..

Подготовлено к публикации
Л. ЕРЁМЕНКО, г. Кемерово

Валентина СЕМЁНОВА

ОТСТАИВАТЬ НАСТОЯЩУЮ КУЛЬТУРУ – ДЕЛО НЕЛЁГКОЕ, НО НЕНАПРАСНОЕ

Растекаясь ручьями большими и малыми, Дни русской духовности и культуры прошли по земле Иркутской в 23-й раз и, как обычно, вобрали в себя события общероссийского размаха и мероприятия местного порядка.

* * *

Прологом нынешнего «Сияния России» стала мировая премьера 23 сентября в областной филармонии, в день открытия нового сезона Губернаторского симфонического оркестра. В 1-м отделении концерта прозвучала «Симфония» Георгия Свиридова. Именно Иркутску доверил первое исполнение раннего произведения великого русского композитора второй половины XX века исследователь творчества, музыковед, директор Свиридовского института и племянник Георгия Васильевича Александр Белоненко, обнаруживший «Симфонию» спустя несколько лет после кончины её автора. Сам Свиридов не придавал большого значения своему сочинению студенческой поры и, как известно, вообще отошёл от жанра симфонии. Однако слушателям пришлось убедиться, что в этом первом крупном произведении молодого композитора заключена большая выразительная сила. Видны в «Симфонии» и подступы к будущей «Метели», и «Курским песням». И потому остаётся только предполагать, не суждено ли было Свиридову в XX веке сделать новый шаг в развитии симфонического жанра в русском национальном направлении. Ведь, по свидетельству Белоненко, Д. Шостакович называл Свиридова «прирождённым симфонистом».

Почему был выбран Иркутск? В своём выступлении во время концерта Александр Сергеевич объяснил это так:

– Здесь жил крупнейший писатель современности Распутин, которого связывала со Свиридовым многолетняя дружба, здесь знают и любят Свиридова. Мне понравился симфонический оркестр, которым руководит Ирман Лапиньш, мы с ним вместе учились в консерватории. И я подумал, что этот оркестр и этот дирижёр отнесутся трепетно и ответственно к свиридовской «Симфонии».

Общее радостное волнение от встречи с вновь обретённым творением русского музыкального искусства объединило зал и сцену и прорвалось горячими аплодисментами, подтверждающими, что ожидания слушателей оправдались.

* * *

Открытие Дней русской духовности и культуры проходило 25 сентября. Утром, как обычно, – праздничное богослужение в соборе Богоявления, крестный ход к Соборной площади и молебен «Во славу земли Иркутской», продолжение – в городском Театре народной драмы, одной из основных площадок праздника.

Главным событием второго дня, 26 сентября, стало открытие памятника на могиле Валентина Распутина в ограде Знаменского монастыря. Установлен крест, исполненный в камне. Митрополит Иркутский и Ангарский Вадим совершил заупокойную литию, присутствовали представители областной и городской власти, родственники писателя, гости «Сияния России», общественность.

Имя вдохновителя Дней русской духовности и культуры, словом и делом радевшего как за малую, так и большую родину, продолжает звучать в городах и посёлках области, везде, где заходит речь о литературе, о действительности, полной противоречий и требующей от человека совестливого отношения ко всему, что происходит вокруг.

Ядром «Сияния» остаётся живое писательское слово, всегда открывающее слушателям нечто новое в примелькавшихся картинах жизни. Гости этого года – представители Союза писателей России, лауреаты различных литературных премий – в сопровождении иркутских писателей и сотрудников Дома литераторов в течение недели выступали в студенческих аудиториях, библиотеках Иркутска, Ангарска, Шелехова, Усолья-Сибирского, в том числе посетили такие удалённые точки области, как посёлок Усть-Уда, где окончил среднюю школу В. Распутин, и село Анга – родину святителя Иннокентия (Вениаминова). В некоторых поездках участвовали и музыкально-песенные ансамбли.

Сергей Куняев – критик и историк литературы, член правления Союза писателей России, заведующий отделом критики и публицистики «Нашего современника» представлял журнал, которому в октябре исполняется 60 лет. К слову, за годы праздника не однажды посетили Иркутск и главный редактор Станислав Куняев, и его заместитель Александр Казинцев, а затем и добрая половина общественного совета журнала. Сергей Станиславович напомнил о давней традиции «НС отдавать свои страницы талантливым авторам из провинции. Так в своё время пришли к читателю Астафьев, Белов, Носов, Распутин, а сегодня, в частности в сентябрьском выпуске, опубликованы сразу нескольких иркутян: Байбородин, Забелло, Максимов, Хайрюзов, дебюти-

ровал Михаил Корнев. Журнал уделяет много внимания молодым, участвует в их форуме, публикует лучшее, и это уже приносит свои плоды. Куняев поделился с читателями и радостью, и грустью:

– Тираж «Нашего современника» сегодня составляет сумму тиражей трёх толстых журналов – «Нового мира», «Знамени» и «Октября», то есть идёт впереди. Однако же это всего шесть с половиной тысяч на всю Россию и несопоставимо с массовыми тиражами прошлых лет! И дело не в конкуренции литературы с телевидением и компьютером. За двадцать пять лет власть сделала всё, чтобы журналы и книги не доходили до читателя. Год литературы отметился закрытием огромного количества библиотек в России. Но редакция продолжает встречи с читателями, и это побуждает их следить за журнальными новинками.

Большой интерес вызвала книга С. Куняева о поэте Н. Клюеве, вышедшая недавно в серии ЖЗЛ. Несколько привезённых экземпляров разошлись мгновенно. А вот фрагмент из выступления народного писателя Удмуртии Вячеслава Ар-Серги, прозаика и поэта, драматурга и переводчика, автора более сорока книг, опубликованных в Удмуртии, России, ряде зарубежных стран: «Я работаю в разных жанрах: творчество едино. Идея приходит и диктует: напиши меня романом, пьесой, стихотворением».

Поэт прочитал свои стихи «Летяга», «Ветер покаянный», «Лунный бал».

Как известно, сфера критики близка не всем читателям, однако Вячеслав Лютый из Воронежа, увлечённо работающий именно в этом жанре, привлёк внимание своими суждениями о его нынешнем состоянии на пресс-конференции писателей, которая состоялась в областной библиотеке им. И. И. Молчанова-Сибирского: «Говорят, критика умерла. Это оттого, что издательства задают тон и берут в услужение критиков, которые должны оправдывать их книжную продукцию. Черта времени, так будет не всегда. Независимое суждение – большая редкость, но оно необходимо. Важно, чтобы при появлении новых книг возникало эхо, а теперь повсюду вата... Культурное пространство разорвано, как это преодолеть? Вижу выход в содружестве региональных журналов».

Сергей Донбай, поэт и главный редактор журнала «Огни Кузбасса» (г. Кемерово) продолжил мысль о содружестве, поделившись опытом перекрёстных публикаций произведений сибиряков в журналах «Сибирские огни», «Бийский вестник», «Сибирь» и др.

И на пресс-конференции, и в дальнейших выступлениях писатели задели немало волнующих тем.

Писатель и критик из Самарской области, в прошлом забайкалец Эдуард Анашкин вспомнил о знаменитом Читинском семинаре, открывшем целую плеяду талантливых иркутских писателей. Там он познакомился с Валентином Распутиным. Дружба, наметившаяся тогда, окрепла в последнее десятилетие, и сегодня Анашкин работает над книгой о нём. Гость и земляк передал в дар областной библиотеке бюст Распутина работы скульптора Н. Селиванова. Выступивший вскоре молодой поэт Василий Попов (тоже гость и земляк – ангарчанин, обосновавшийся в Москве) предложил закрепить традицию и провести всероссийский семинар молодых писателей на Иркутской земле.

Гуманитарный факультет пединститута встречал писательскую группу в своей самой большой аудитории, где присутствовали и студенты, и преподаватели, и по тому вниманию, с каким слушали гостей, чувствовался интерес к каждому выступлению.

Открывая встречу, председатель Иркутского отделения СП России Ю. Баранов зачитал приветствие празднику «Сияние России», полученное от его инициатора, представителя русского зарубежья Александра Шахматова, вернувшегося в Россию в 1990-х годах. Это он в 1990-е годы организовал в Приуралье несколько таких праздников: «Душа России», «Казачий Покров», «Сияние России», «Зов Руси» – и подсказал идею проведения подобного в Иркутске Валентину Распутину. Вот несколько строк из этого послания:

«Слава Богу, русскому народу, великой России, что уже 23 года проходит праздник «Сияние России» в граде Иркутске и области! Печально, что уже не будет с нами отца исторического и знаменательного события, Валентина Григорьевича Распутина, русского писателя-классика XX века. Но жизнь продолжается, и мы обязаны в память о нём закреплять, прославлять и передавать молодому поколению величайшее русское духовное и культурное наследие не только на российской земле, но и в Русском мире!.. Сердечно поздравляю, желаю душевной радости всем участникам... Всегда ваш Александр Васильевич Шахматов...»

Первое слово было предоставлено С. Куняеву. В его рассказе о «Нашем современнике» звучали имена выдающихся авторов этого журнала, среди которых литературоведы М. Бахтин и В. Кожинов, публицист И. Шафаревич, политолог и философ А. Панарин. Эдуард Анашкин прочитал свой короткий рассказ о том, как в детском доме старшие ребята опекали младших, особенно сильно тоскующих о родителях, и будущие педагоги затихли, сопереживая трогательной истории, не придуманной, а случившейся с писателем в детстве. Анатолий Байбородин тоже коснулся школьной темы, но уже с юмором: поделился впечатлениями о своём кратковременном учительстве, где на каждом шагу подстерегали неожиданности.

Было и серьёзное – писатель прочитал отрывок из своего очерка о С. Есенине, опубликованного в журнале «Москва». Поэт из Братска Владимир Корнилов прочитал несколько стихотворений из новой книги «Исповедь». Вспомнил и одно из ранних, посвящённое учителям.

Что касается встречи в ИрГУПСе, то о ней приведём отзыв одного из организаторов – Людмилы Васильевой.

«По русскому обычаю и сложившейся традиции, с хлебосольным гостеприимством встречали сотрудники и студенты вуза известных писателей, поэтов, критиков России и Иркутской области. Гостей представил наш земляк, поэт, секретарь правления Союза писателей России Владимир Скиф. Он отметил знаковое событие этого дня – открытие памятника на могиле Валентина Распутина. Скиф прочитал стихотворение, посвящённое памяти писателя, «Не верю», принадлежащее перу студентки Иркутского филиала ВГИК Елизаветы Оводневой, которая вслед за тем выступила со своими стихами, навеянными поэзией Есенина и Цветаевой. Критик Вячеслав Лютый сразу же подметил личностность, ощутимую в каждой строке молодой поэтессы, выразительность чтения, после чего поделился своими размышлениями о литературе.

Приняла участие во встрече и молодая художница, увлечённая керамикой, член Союза народных мастеров Прибайкалья Валентина Голендеева. В её экспозиции была представлена авторская керамика фамильной династии, где переплетаются традиционные образы славянской и восточной мифологии, озера Байкал, животных, рыб и птиц, а, обращаясь к студентам, пожелала им познавать мир во всём многообразии его красок.

Этот день, безусловно, дал хороший заряд началу нового учебного года в нашем вузе».

В библиотеке «Алые паруса», по отзыву её сотрудницы Гюльнары Осиповой, возник горячий разговор об отношении к поэзии в наши дни: «Поводом послужило четверостишие гостя из Кемерова поэта Сергея Донбая, можно сказать, весьма пессимистичное:

Вымирает читатель стихов,
В трубку стиснув тетрадную пропись.
Он как будто уходит на зов
(Сам себя заманил крысолов)
В Интернета безвыходный хоспис.

Гости, среди которых были ангарчанка Людмила Соболевская и двое иркутян, высказали своё мнение. Артём Морс заметил, что поэзия во все времена интересовала узкий круг читателей, и наши дни не исключение. Светлана Михеева считает, что многое зависит от воспитания и традиций в семье. Если родители читают детям, говорят о литературе, то и дети будут читать. С. Донбай добавил: «К сожалению, для многих смыслом жизни стали деньги и потребительство, отчего ценность книги упала».

Мириться с этим нельзя – таков был общий настрой разговора, и потому вспомнились слова Д. Лихачёва: «Чем больше человек окружён духовной культурой, погружён в неё, тем он счастливее, тем ему интереснее жить...», которыми завершился разговор. Гости подарили библиотеке книги с автографами, за что им особая благодарность».

В Саянске в этом году побывали В. Ар-Серги и А. Байбородин. На выступлении речь зашла о межнациональных отношениях в Российской, затем Советской империи и нынешней России. По словам А. Байбородина, и гость, писатель из Удмуртии, и он, писатель-сибиряк, пришли к единому выводу: Россия – как летний луг в радужном свечении ярких цветов-соцветий, созвездий самобытных национальных культур. А посему долг истинного патриота Великой России приложить все творческие усилия для того, чтобы многонациональное российское поле не обратилось в серый, бездушный и бездуховный космополитический полигон глобалистов, утратив традиционно-культурное разноцветье. Писатели России, выражая эстетическое своеобразие этнических культур, показывают мудрость традиционных национальных этик, в основе которых издревле были заложены высокие нравственные идеалы – любовь к своему народу, любовь к малой родине, из которой вырастает и любовь к Отечеству, к России, нестяжательство, честность, милосердность...

В Центральной городской библиотеке им. А. В. Потаниной 27 сентября состоялась презентация книги Андрея Румянцева «Валентин Распутин», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей».

Упомянем о встрече, которая прошла там же 29 сентября и которую можно назвать «Писатель о писателе», поскольку поводом для разговора стала документальная повесть Александра Лаптева «Армань», посвящённая судьбе известного сибирского прозаика и поэта Петра Петрова, в числе первых иркутских литераторов получившего в 1934 году билет члена Союза советских писателей. Имя его носит Иркутский Дом литераторов.

Повесть опубликована в № 9–10 журнала «Сибирские огни» в 2016 году как главы из книги, которая готовится к выходу в одном из московских издательств.

* * *

Концерт заслуженной артистки России Татьяны Петровой вновь прошёл в Иркутске и городах Приангарья, как всегда, с большим успехом – так заду-

шевно звучат в её исполнении русские песни и романсы. Визитной карточкой певицы можно назвать песню на слова иркутянина Андрея Мингалёва «Встань за веру, русская земля», созданную в Иркутске, она далеко разнеслась по свету и теперь звучит уже в память об авторе: Андрей Мингалёв совсем недавно, летом, скоропостижно ушёл из жизни...

В этом же году родилась ещё одна иркутская премьера: певица представила песню на слова Владимира Скифа «Бессмертный полк», впервые исполненную ею с детским хором при Московской консерватории. Музыку написал композитор Владимир Беляев.

Две встречи с Н. Бурляевым, президентом Международного кинофестиваля «Золотой Витязь», – в театре народной драмы и в областной филармонии – безусловно, яркая краска в завершении «Сияния». Мужской ансамбль «Иркутская застава» исполнил песни «Первопроходцы» и «Крым – наша земля»; вторая считается неофициальным гимном Крыма. Обе песни, слова и музыка, написаны М. Корневым. Выступление Николая Петровича Бурляева в одной программе с артистами иркутского театра было дружески-тёплым, напрочь лишённым официозности, и знаменитый деятель российского и мирового кино предстал перед собравшимися в зале как человек свой, удивительно близкий по мировосприятию. Что и подтвердилось, когда им были прочитаны три стихотворения: «Клеветникам России» А. Пушкина, «К ненашим» Н. Языкова, «К славянам» Ф. Тютчева («Привет вам задушевный, братья...»), с историческим комментарием, из которого следует, что судьба современного славянства – продолжение драмы, явившей себя в XIX веке.

– Легко не будет никогда, – сказал Бурляев, – но мы упорно отстаиваем ценности славянского мира, идеалы русской классики и убеждаемся – дело это не напрасное. В том, что в России появился документ «Основы государственной культурной политики», а вместе с ним надежда на утверждение высокого искусства, есть и частица наших трудов...

г. Иркутск

Открытие фестиваля «Сияние России».
С. С. Куняев, В. В. Ар-Серги, В. Д. Лютый, С. Л. Домбай, Э. К. Анашкин, В. В. Корнилов, В. П. Скиф

Наталья МИЛЮТИНА

«ИЩИТЕ И ОБРЯЩЕТЕ»

В нашем семейном архиве много лет хранится коротенькое письмо за подписью Михаила Александровича Шолохова – писателя, который оставил нам не только талантливые произведения, но и историческую летопись советского государства.

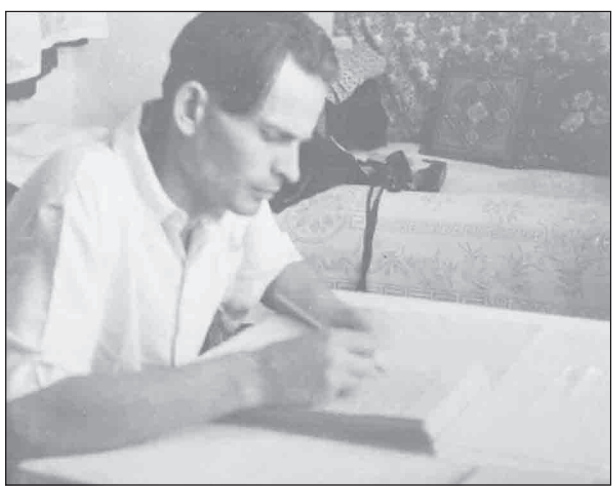
Оно датировано 11 ноября 1948 года. Такой знакомый автограф! Поскольку письмо весьма лаконично, позволю себе привести его полностью:

«Уважаемый т. Дубский! Рассказ, с моей точки зрения, слабенький, но работать Вам стоит. «Ищите и обрящете». Желаю успеха!

С приветом Михаил Шолохов».

Вот такое своеобразное благословение получил мой отец Василий Фёдорович Дубский от будущего лауреата Нобелевской премии, известного и популярнейшего писателя, которому он не постеснялся отправить на рецензию один из своих рассказов – «Стрелочница». Отец тогда был уже довольно опытным журналистом, но на литературном поприще делал первые шаги. Был активным членом литературной группы при редакции газеты «Кузбасс». Об этом свидетельствуют опубликованные в газетах, альманахе «Огни Кузбасса» и в журнале «Сибирские огни» рассказы и повесть.

В сентябре 1949 года отец принимал участие в совещании творческого актива журнала «Сибирские огни» в Новосибирске. А в 1953 году впервые побывал в Москве. Решением секретариата Союза советских писателей ему была предоставлена творческая поездка на 30 дней и выделены командировочные – полторы тысячи рублей из Фонда помощи молодым авторам – большие деньги по тем временам. Надо ли объяснять, сколько эмоций вызвало это событие у рано осиротевшего воспитанника детского дома. Вернувшись из поездки, он много рассказывал о своих впечатлениях, новых планах. Кстати, до сих пор хранится у нас и голубой билетик, по которому он побывал на выставке подарков И. В. Сталину от народов СССР и зарубежных стран, на Волхонке. Любопытно примечание на обороте: «В верхней одежде и галошах вход в залы выставки не разрешается». А вот письмо за подписью кузбасского писателя, тогда редактора Кемеровского областного книжного издательства, Ивана Балибалова: «Вашу повесть готовлю в очередной номер альманаха («Огни Кузбасса». – *Авт.*). Срочно шли последние главы. Жду. Напрягай силы и выжимай из сердца весь жар. Мужайся и работай, работай, работай. Вырывайся скорее в Кемерово на несколько дней. Жду глав и приезда твоего. Привет. Балибалов».



Тогда, в 1955 году, отец с женой и двумя детьми (я ещё не родилась) перебрался в Таштагол, где работал редактором газеты «Красная Шория». А позднее снова вернулся в Кемерово, стал редактором отдела промышленных передач областного радиокомитета. Хорошо знал производство, особенно угольные предприятия, поэтому героями его радиосюжетов и рассказов были в основном люди труда – шахтёры.

У отца было много творческих планов, но, к сожалению, ему отпущена очень короткая жизнь: в 1958 году его не стало. Он умер в возрасте 35 лет, оставив сиротами пятерых дочерей (две из них – от его первого брака).

Напутствие Шолохова «Ищите и обрящете» в какой-то степени всё-таки сбылось: пусть не суждено было отцу реализовать себя на писательском поприще, но в нашей семье всегда поддерживался интерес к литературе и журналистике. Мама, Мария Егоровна, рассказывала о его дружеских связях с писателями и журналистами тех лет, хранила дневники, письма, рукописи. Человек начитанный, грамотный, она, можно сказать, была литературным секретарём отца: он с ней много советовался, обсуждал задумки.

Ей очень хотелось, чтоб мы хоть в чем-то стали преемниками отца. Познакомила нас, детей, с другом отца, известным поэтом Михаилом Александровичем Небогатовым и маститым журналистом Павлом Иосифовичем Бекшанским (позднее, когда

я стала взрослой, мы бывали у него вместе с моим мужем Сергеем Арсентьевичем). После смерти отца Бекшанский, как мог, поддерживал нас, улаживал юридические вопросы.

Наверное, благодаря отцу многие в нашей семье выросли неравнодушными к творчеству, литературе, журналистике: филологами стали моя старшая сестра, двое её детей – сын и дочь (сын – кандидат филологических наук). Филолог и моя старшая дочь. Я в журналистике сорок лет. Сегодня моя старшая внучка учится на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Вот такая преемственность поколений.

Получается, я продолжила дело отца: почти 18 лет работала на Кемеровском областном радио ведущей программ. Когда пришла в этот коллектив в 1986 году, приятно было узнать, что моего отца помнят старейшие радийщики: Иван Андреевич Сокол, Василий Фёдорович Холодок, Лидия Павловна Кулик, Тамара Дмитриевна Кутайсова, с которыми мне довелось работать. Добрыми словами вспоминали о нём известные журналисты Фёдор Мефодьевич Ягунов, Максим Гаврилович Щербаков, диктор кемеровской телестудии Татьяна Павловна Болотникова, отец моей подруги и коллеги Татьяны Микельсон – Павел Иванович Антипов, возглавлявший много лет областную журналистскую организацию.

К сожалению, когда умер мой отец, я была слишком маленькой, – мне не исполнилось двух лет. Но я хорошо помню с детства имя Небогатова и рассказы мамы о дружбе отца с ним. Когда я в 1973 году окончила десятый класс, мы с мамой были в гостях у Небогатовых, в той самой квартире на Советском проспекте, где позже на доме была установлена мемориальная доска.

Михаил Александрович и его супруга Мария Ивановна нас тепло встретили. Он меня подробно расспрашивал о том, чем я интересуюсь. Я рассказала, что мне нравится литература, неплохо пишу сочинения. Вот теперь стою перед выбором, куда пойти учиться дальше. А с мамой они вспоминали отца, говорили о детях. Тогда я и услышала от Михаила Александровича, что мой отец был одним из самых близких его друзей; он сокрушался о его таком преждевременном уходе.

Кстати, мои сестры были знакомы с семьей Небогатовых ближе, поскольку они старше меня: Галина – 1948 года рождения, а Нина – 1949.

Помню, и Михаил Александрович, и Мария Ивановна всё время говорили о «хорошке». Как я поняла, так называли младшего сына – Володю. И их, и наша семья были многодетными, так что поговорить было о чём. Получается, что в тот день Михаил Александрович благословил меня на поступление на филологический факультет пединститута (позже он стал Кемеровским государственным университетом).

И ещё интересный факт. Спустя более сорока лет от Нины Михайловны Инякиной я узнала, что Михаил Александрович очень любил рисовать. Сама я окончила изостудию, вот и металась тогда, после школы, в сомнениях, чему посвятить себя. У меня до сих пор лежит в архиве комсомольская путёвка в Дальневосточный институт, на факультет изобразительного искусства. Родители (мама и отчим) меня, конечно, не отпустили.

Помню, тогда, при встрече, я этими сомнениями с Михаилом Александровичем поделилась, а он посоветовал продолжить дело отца – так вернее будет.

В нашей семье всегда следили за публикациями М. А. Небогатова в областных газетах, альманахе «Огни Кузбасса», в его сборниках, как интересуются успехами и достижениями близких людей.

Что ещё я с детства знаю? У моей старшей сестры Галины Васильевны хранится семейный фотоальбом, там снимки отца, сделанные при жизни и во время его похорон. В самом начале в нём стихотворение Михаила Александровича Небогатова, написанное на смерть папы. Под заголовком «Шахтёрская душа» оно было опубликовано в 12-м номере «Огней Кузбасса» за 1959 год:

Метель заметала дорогу,
Топила огни фонарей...
Спешил он к родному порогу –
К жене, к ребятишкам скорей!
Вдруг болью всё тело, как током,
Пронзило... Схватился за грудь.
Шагнул, оступился – и боком
Стал падать в свистящую муть...
Рассудок готов согласиться,
А сердце не верит никак,
Не может, не хочет смириться,
Что всё это правда, всё так.
Мне легче поверить в иное:
Войдёт он нежданно живой
И сразу же что-то смешное
Расскажет, тряхнув головой.
Увидев газетный тот номер
С известьем: «Ушёл навсегда»,
Прищурится: «Кто это помер?
Что-о? Дубский? Не верь! Ерунда».
Возьмёт из кармана «москвички»
Бумажную трубку тотчас.
На стол – папиросы и спички...
«Послушай-ка новый рассказ!..

Сюжет, как всегда, немудрёный,
Герой, как обычно, – шахтёр…»
Прочтёт и, в героя влюблённый,
Запальчиво ринется в спор:
«Я знаю шахтёрскую душу!
Из жизни узнал, не из книг.
И пусть кой-кого оглоушу –
Такой уж горняцкий язык».
Не мало задумано было,
Да мало он сделать успел.
В чернильнице сохнут чернила,
И стол у окна – опустел…
Нет, в сердце живой ты, Василий!
Я слышу твой голос: «Не верь!»
Как много нам надо усилий,
Чтоб жить после близких потерь…

Это пронзительное стихотворение М. А. Небогатова было напечатано после опубликованных в этом же номере двух рассказов отца – «Макар Иванович» и «Жалоба».

Приведу несколько цитат из рассказов отца.

«…И в жизни так случается: не подтолкни иного, так он и будет худой коровой плестись. Или хуже того – его вперёд толкают добрые люди, а он упрётся – и шабаш: сам не идёт и другим мешает!.. Потом хватится: «Ах, мать честная! Ах, я такой-сякой!..» Ему уже помирать пора, а он ещё и жить-то, как следует, не начинал»

(Жалоба // Огни Кузбасса. 1959. №12).

«Шахтер он старый, бывалый, а поэтому есть что и послушать у него да есть чему и поучиться.

– Я, – говорит, – люблю так, если уж спустился в шахту, то будь добрый, не забывай, что ты горняк. Уважаю, настойчивую, шахтёрскую удаль»

(В забое // Кузбасс. 1948. 26 декабря).

«Далеко впереди вспыхнул огненный глаз электровоза. Тотчас серебряными полосками сверкнули рельсы вдоль штрека, заблестел ручеёк в канавке, мириадами звёздочек зажглись капельки воды на креплении. Светло стало, как в комнате…»

(Шахтёрские будни // Кузбасс. 1949. 9 октября).

Павел Иосифович Бекшанский передал мне в свое время листок с анкетными данными отца, я его храню по сей день. Там написано:«Дубский Василий Федорович. Родился в 1923 году, умер в 1958 году. Детдом с 1936 года. Родства не имеет. В члены ВЛКСМ вступил в 1938 году. В 1939 году окончил 7 классов и был выпущен из Кемеровского школьного детдома № 1 на учебу в Кемеровский педагогический техникум. В годы войны работал на шахте «Пионер». В 1943 году поступил в горный техникум. Получил квалификацию «Горный техник-электромеханик».

Добавлю, за работу в тылу Василий Фёдорович Дубский был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

О том, что родители моего отца были репрессированы, я узнала совсем недавно от его двоюродной сестры Майи Максимовны Савенковой, которая много лет живёт в Москве. По её словам, отец родом из деревни Старая Балахонка Кемеровского района. Когда его отца, Фёдора Лукьяновича, раскулачили и забрали родителей, то он попал в детский дом, где и воспитывался. Но бывал и даже какое-то время жил позже в семье тёти – Пелагеи Лукьяновны и её мужа Максима Николаевича Егоровых (родителей Майи Максимовны). Вот тебе и «родства не имеет»!

Она рассказала мне, что у моего прадеда Лукьяна Горячева было трое детей: дочери Пелагея и Анна и сын Фёдор. А вот откуда тогда у отца фамилия Дубский? Может быть, её поменяли ему в детдоме. На этот вопрос двоюродная сестра отца ответить не может.

Поскольку репрессированные старались хранить гробовое молчание, никаких сведений о моих предках по линии отца мне найти не удалось.

Тяжёлая судьба и у моих родственников со стороны мамы. Поволжские немцы, все они были репрессированы, депортированы… Деда Егора Николаевича и прадеда Николая Филипповича Вебер забрали в ноябре 1937 года и уже через неделю расстреляли. Ни бабушка, которая так больше и не вышла замуж (ждала мужа всю жизнь), ни мама так и не добились ответа, что с ними стало. Официальные органы отвечали: «Пропали без вести». А год назад я нашла в интернете сведения о своих близких. Их имена занесены в Книгу Памяти Саратовской области. Они полностью реабилитированы. Но это другая история. Мама моя умерла в 1995 году, ей было 64 года. Думаю, сказались страшные годы потерь, страданий и скитаний в войну.

В продолжение темы, посвящённой дружбе отца и Михаила Александровича Небогатова, могу сказать, что в своё время, годы спустя, мне приходилось частенько встречаться с супругой Михаила Александровича – Марией Ивановной. Обе мы работали в многотиражках и, конечно, всегда поддерживали с ней добрые отношения.

Уже работая в газете «Наши земляки. Кузбасс», несколько лет назад я познакомилась с дочерью Михаила Александровича Небогатова от первого брака – Ниной Инякиной. А в 2014 году мы встречались с приезжавшим в Кемерово старшим сыном Небогатова – Александром и его племянниками, сыновьями ещё одной дочери поэта – Светланы. Очень горько, но она и её брат Володя погибли во время пожара в доме, где жил Володя, в деревне Силино Кемеровского района.

У меня хранится ещё один любопытный документ: отпечатанный на машинке и подаренный отцу отрывок из поэмы «Дорога в жизнь» с автографом известного поэта. В левом углу первой страницы написано: «Собрату по перу и человеку-одноверцу. г. Кемерово, март 1949 года. М. Небогатов».

От моего отца остались рукописи рассказов, наброски, дневники, письма и даже стихи, а также неоконченная повесть «Амурские волны». Надеюсь, когда-нибудь, на пенсии, я изучу их более детально.

г. Кемерово

Наша семья (1954 год): отец, мама Мария Егоровна (стоит) и моя бабушка Берта Ивановна (мамина мама), мои сестры Нина и Галина (у отца на коленях)

ДНЕВНИК ЧИТАТЕЛЯ

Владимир Бондаренко. Сталинский грёзофарс.
Наш современник. 2016. № 2

Удивительная судьба у Игоря Северянина. Самый популярный поэт начала XX века, избранный королём поэтов в Москве в 1918 году и совершенно забытый уже к концу XX века. <...>

Когда-то, в десятые годы XX века, вообразив себя «грезёром», молодой поэт своими грёзами о морях и ананасах, о шампанском и лилиях, о мороженом из сирени покорил российского читателя. Хотя и тогда поклонники, ближе познакомившись с ним, удивлялись: пишет об ананасах в шампанском, а сам пьёт водку с солёным огурцом. Грёзофарс...

Ироничный романтик Игорь Северянин и впрямь описывал не окружающую его жизнь, а свои грёзы о ней. Такой подход близок к подходу прозаика Александра Грина, тоже уходящего от скверной, нищей окружающей его жизни в свои «Алые паруса» и «Блистающие миры».

Вот и проживая в жутчайших условиях, в сараюшках, хилых домиках в эстонских глухих селениях, спасаясь от голода ловлей рыбы, Игорь Северянин только и мог, что мечтать о покинутой России. Он писал в своей одинокой глуши:

Десять лет – грустных лет! – как заброшен
в приморскую глушь я.
Труп за трупом духовно родных. Да и сам полутруп.
Десять лет – страшных лет! – удушающего
равнодушья
Белой, красной – и розовой! – русских
общественных групп.
Десять лет – тяжких лет! – обескрыливающих
лишений,
Унижений, щемящей и мозг шеломящей нужды.
Десять лет – грозных лет! – сатирических строф
по мишени
Человеческой бесчеловечной и вечной вражды.

1927

С белой эмиграцией он знаться не хотел, да и не было её в Эстонии. Эстонского языка Игорь Северянин так и не выучил, первые годы ему всё переводила жена Фелисса; когда он с ней разошёлся, стало тяжелее.

Десять лет – странных лет! – отреченья от многих
привычек,
На теперешний взгляд, мудро-трезвый, ненужно
дурных...
Но зато столько ж лет рыб, озёр, перелесков и птичек
И встречанья у моря ни с чем не сравнимой весны!

От поэзии грёзофарсов и утончённых поэз он перешёл к пейзажной лирике и ностальгии по России. Такого поэта Игоря Северянина – русофила до мозга костей! – нынешняя Россия не знает вовсе...

Как было некогда в Москве...
Там были церкви златоглавы,
И души – хрупотней стекла.
Там жизнь моя в расцвете славы,
В расцвете славы жизнь текла,
Вспенённая и золотая!
Он горек, мутный твой отстой.
И сам себе стихи читая,
Версту глотаю за верстой!

4 августа 1928, Тойла

<...>

Начинались ностальгические грёзы Игоря Северянина по родине.

И будет вскоре весенний день,
И мы поедем домой, в Россию...
Ты шляпу шёлковую надень:
Ты в ней особенно красива...

1925

Но желания надевать для России шёлковую шляпу у его жены не было. Грёзы опять превращались в фарс:

И ты прошепчешь: «Мы не во сне?..»
Тебя со смехом ущипну я
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целуя.

Мало кто из русских поэтов в эмиграции так тосковал по России, как, казалось бы, весь прозападный, весь «в чём-то норвежском, в чём-то испанском», эпатажный поэт Игорь Северянин, своё творчество посвящающий России.

О России петь – что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...
О России петь – что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...

О России петь – что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть.

1925

<...>
Я русский сам, и что я знаю?
Я падаю. Я в небо рвусь.
Я сам себя не понимаю,
А сам я – вылитая Русь!

Ночь под 1930-й год

ЗА ДНЕПР ОБИДНО

За годом год. И с каждым годом
Всё неотступней, всё сильней
Влечёт к себе меня природа
Великой родины моей.
Я не завистлив, нет, но зависть
Святую чувствую порой,
Себе представив, что мерзавец –
Турист какой-нибудь такой,
Не понимающий России,
Не ценящий моей страны,
Глядит на Днепр в часы ночные
В сиянье киевской луны!

6 марта 1936 года

БЕЗ НАС

От гордого чувства, чуть странного,
Бывает так горько подчас:
Россия построена заново –
Не нами, другими, без нас...
Уж ладно ли, худо ль построена,
Однако построена всё ж.
Сильна ты без нашего воина,
Не наши ты песни поёшь!
И вот мы остались без родины,
И вид наш и жалок, и пуст,
Как будто бы белой смородины
Обглодан раскидистый куст.

Март 1936 года

<...>
Я сделал опыт. Он печален.
Чужой останется чужим.
Пора домой; залив зеркален,
Идёт весна к дверям моим.

2 апреля 1936 года

<...>
Нам в подлую эпоху жить дано:
В культурную эпоху озверенья.
Какие могут быть стихотворенья,
Когда кровь льётся всюду, как вино!
Протухшая мечта людей гнойна,
Наследие веков корыстью смято.
Всё, что живёт и дышит, виновато.
Культуры нет, раз может быть война!

Усть-Нарва, 11.01.40

<...>
Москва вчера не понимала,
Но завтра, верь, поймёт Москва:
Родиться Русским – слишком мало,
Чтоб русские иметь права...
Родиться Русским – слишком мало,
Им надо быть, им надо стать!

«Предгневье», 1925

<...>

В 1931 году у поэта выходит его лучший эмигрантский сборник стихов – «Классические розы», далее последовало несколько продолжительных гастрольных поездок по Европе, и потом наступило полное забвение. Ни книг, ни публикаций, ни гастролей.

Стала жизнь совсем на смерть похожа:
Всё тщета, всё тусклость, всё обман.
Я спускаюсь к лодке, зябко ёжась,
Чтобы кануть вместе с ней в туман...

Да и сам поэт пишет в письме другу: «Издателей на настоящие стихи теперь нет. Нет на них и читателя. Я пишу стихи, не записывая их, и почти всегда забываю».

Остаётся в душе одна Россия. Сегодня трудно представить подобное состояние, да и былые поклонники грезёра Северянина отворачиваются от его стихов о России. Им стыдно за них.

Много видел я стран и не хуже её –
Вся земля мною нежно любима.
Но с Россией сравнить?.. С нею – сердце моё,
И она для меня несравнима!

Чья космична душа, тот плохой патриот:
Целый мир для меня одинаков...
Знаю я, чем могуч и чем слаб мой народ,
Знаю смысл незначительных знаков...

<...>
Я мечтаю, что Небо от бед
Избавленье даст русскому краю.
Оттого, что я русский поэт,
Оттого я по-русски мечтаю!

1922

Россия соединялась в душе поэта с его же глубинным православием, о котором тоже и не догадываются многие ценители северянинских поэз. Не случайно он неоднократно пешком ходил из своих эстонских деревень до Пюхтицкого монастыря, а это за тридцать километров. Обычно с ночёвкой у озера.

На восток, туда, к горам Урала,
Разбросалась странная страна,
Что не раз, казалось, умирала,
Как любовь, как солнце, как весна.

И когда народ смолкал сурово
И, осиротелый, слеп от слёз,
Божьей волей воскресала снова,
Как весна, как солнце, как Христос!

1925

<...>
Ты потерял свою Россию.
Противоставил ли стихию
Добра стихии мрачной зла?
Нет? Так умолкни: увела
Тебя судьба не без причины
В края неласковой чужбины.
Что толку охать и тужить –
Россию нужно заслужить!

1925

<...>
Вот подождите – Россия воспрянет,
Снова воспрянет и на ноги встанет.
Впредь её Запад уже не обманет
Цивилизацией дутой своей...
Встанет Россия, да, встанет Россия,
Очи раскроет свои голубые,
Речи начнёт говорить огневые –
Мир преклонится тогда перед ней!
Встанет Россия – все споры рассудит...
Встанет Россия – народности сгрудит...
И уж у Запада больше не будет
Брать от негодной культуры росток.

1925

<...>

Мало что зная о Советском Союзе, он поэтизирует его так же, как раньше поэтизировал своих принцесс из замков. Я бы назвал этот последний в его жизни цикл стихов «Сталинский грёзофарс». Вот одно из стихотворений.

В НАШ ПРАЗДНИК

Взвивается красное знамя
Душою свободных времён.
Ведь всё, во что верилось нами,
Свершилось, как сбывшийся сон.
Мы слышим в восторженном гуле
Трёх новых взволнованных стран:
– Мы к стану рабочих примкнули,
Примкнули мы к стану крестьян.
Наш дух навсегда овесенен.
Мы верим в любви торжество.
Бессмертный да здравствует Ленин
И Сталин – преемник его!
<...>
Прислушивается к словам московским
Не только наша Красная земля,
Освоенная вечным Маяковским
В лучах маяковидного Кремля,
А целый мир, который будет завтра,
Как мы сегодня, – цельным и тугим,
И улыбнётся Сталин, мудрый автор,
Кто стал неизмеримо дорогим.
Ведь коммунизм воистину нетленен,
И просияет красная звезда
Не только там, где похоронен Ленин,
А всюду и везде, и навсегда.
<...>
Только ты, крестьянская, рабочая,
Человечекровная, одна лишь,
Родина, иная, чем все прочие,
И тебя войною не развалишь.
Потому что ты жива не случаем,
А идеей крепкой и великой,
Твоему я кланяюсь могучему,
Солнечно сияющему лику.

13 сентября 1940 года

КРАСНАЯ СТРАНА

Стройной стройкой строена
Красная страна,
Глубоко освоена
Разумом она.
Ясная, понятная,
Жаркая, как кровь,
Душам нашим внятная
Первая любовь.
Ты, непокоримая,
Крепкая, как сталь,
Родина любимая –
Глубь, и ширь, и даль.
Радость наша вешняя,
Гордость наша ты,
Ты – земная, здешняя,
Проще простоты.

Мира гниль подлецкая
Вся тебе видна,
Честная советская
Умная страна.
Враг глухими тропами
Не пройдёт сюда.
Светит над Европою
Красная звезда.
И в пунцовых лучиках
Худшее сгниёт,
Остальное ж, лучшее
К нам само придёт.
Над землёй возносится
Твой победный свет,
Ты ведь мироносица,
Лучше ж мира нет.

Стойким сердцем воина
Ты средь всех одна.
Стройной стройкой строена
Ты, моя страна!

<...>

В октябре Вера Коренди (жена поэта) увозит совсем больного Северянина в Таллинн, где он и умер в декабре 1941 года. Похоронен на кладбище Александра Невского. На памятнике его строфа из «Классических роз»:

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб...

Подготовил С. ДОНБАЙ, г. Кемерово

Поэт Игорь Северянин

ПУТЯМИ ВСТРЕЧ И ОБРЕТЕНИЙ
Поэзия Веры Лавриной

Гадаю пятый десяток:
Что за сущность такая –
Я?

Вера Лаврина – поэт, писатель, историк, автор художественных и научно-популярных книг для детей. Это эссе не обо всей творческой системе, а лишь о её сердцевине – поэзии. Большую часть своих стихотворений она опубликовала в 2006 году в сборнике из шести разделов с самым общим заглавием – «Стихи». Лирическая героиня, её переживания, уникальность воплощения в мире и составляет основное содержание стихотворений автора.

Пожалуй, главное в лирической героине Веры Лавриной – способность любить, проистекающая из приятия мира и своего места в нём, что зачастую придаёт её поэзии тональность благодарственной молитвы Богу за чудо жизни.

В эти летние дни
Нельзя не поверить
В совершенство Творенья.

Мотив чуда – один из ключевых в стихотворениях поэта. Проявления чуда таятся и открываются взгляду лирической героини во всём: во встрече влюбленных, в рождении детей, в пронзительной красоте природы, в способности, открывая глубины родовой памяти, прикасаться к опыту тех, кто жил прежде, воскрешать силой благодарного воспоминания любовь и теплоту сердец близких, в даре творчества. Из всего этого и складывается обретение смысла и полноты жизни, данные в переживании лирической героине.

На улицу, быстрей!
В обнимку с юным летом,
Залившим янтарём
Все просини, просветы,
Просветы меж ветвей,
И листьев, и травинок,
Играющих детей,
Порхающих косынок.
На улицу, быстрей!
Не медли ни мгновенья! –
Бегу! Лишь допишу
Своё стихотворенье.

Тем не менее этот поэтический мир не лишён драматизма. Основная лирическая коллизия рождается из столкновения приятия мира таким, каков он есть, с чувством ответственности поэта перед Богом и Вечностью. Эта коллизия становится источником энергии становления и развития личности, не даёт возможности скрыться за спинами других, так как с точки зрения поэта:

Жизнь – это вызов
Для разговора
Поименного с Богом.

Именно такой взгляд лицом к лицу и делает столь значимым и ценным опыт прохождения через жизнь и историю каждой личности. Поэтому так уместна дневниковая манера в цикле «Хронограф». Этим обусловлено и внимание к моментам срыва голоса, бунта, когда лирическая героиня с удивлением обнаруживает, что приятие этой жизни не простой духовный труд, что любовь не безмятежный подарок, что иногда невероятно сильно хочется остаться одной, оказаться вне предстояния Богу, Вечности и любимым.

Одеялом с головой укрыться,
Чтобы все от меня отстали,
Не прикасались ко мне,
На меня не глазели
И в комнату, где я лежу,
Не входили.
Чтоб не спрашивали:
«Что мы будем обедать?»,
«И где лежат зелёные колготки?»,
«И что такое есть орфограмма?».
И чтобы Он не вопрошал меня вечно:
«А что ты сделала для бессмертья?!»
Да ничего! Ничего я не сделала
Для бессмертья!

С бесстрашной честностью лирическая героиня способна признаться себе в том, что может отпадать от долженствования, увидеть в себе следы несовершенства земного падшего мира, уязвлённого раной греха, постигая тем самым глубинную сущность смирения, открывающего не только раны уязвлённой совести, но и возможность спасения.

И всё же образ лирической героини в целом выписан более лёгкими и нежными тонами, раскрывающими глубинную женственность. Это раскрытие зачастую осуществляется посредством одного сдержанного жеста, мгновенного движения души,

финального смещения аспекта восприятия, как например, в стихотворении «Помню я и сейчас все свои детские платья...» Сентиментальное путешествие в детство посредством воспоминаний, не лишённых юмора и временами даже самоиронии, вдруг открывает чувства любви и благодарности, которые лежат в основе отношений родителей и детей, несущих в себе более высокий отсвет сакральности, предстающей не в холодно-небесной гамме, а в простой и понятной радости, расцветающей в душе человека эдемским отражением:

Мои детские платья, вы были просто одеждой,
Хоть и полной значенья для ребячьего лада,
Но теперь ваши ситцы, шелка и поплины нежно
Распускаются в памяти, как цветы библейского сада.

Поэтический мир Веры Лавриной не исчерпывается домом и книгами. Остро и пронзительно время от времени звучит в нём и социальная тема, особенно сильно обозначившаяся в стихотворениях 1990-х годов:

Это лучше, что так я живу –
Не стыдно смотреть в глаза
Тем, кто не покупает сыр.

Для поэтической манеры Веры Лавриной характерен лаконизм. Закономерно, что преобладающей формой становится трёхстишие, в котором уловлено и запечатлено одно движение души, вызвавшее вспышку удивления чудом или, напротив, нелепицей происходящего. Эта же манера как нельзя лучше соотносится с классической, практически забытой и оттого ещё более ценной культурой сдержанности, когда чувство не обрушивается на читателя во всей своей непрояснённости, а оформлено высветляющей его мыслью, стремлением автора к осмысленности существования в бытии. Но при этом автор очень чуток к тому, чтобы в эмоции продолжала трепетать энергия душевного переживания, а рациональность сдерживается сердечностью, отчего и рождается ощущение лёгкого лиризма. Сдержанная эмоциональность нарастает и в композиции сборника, находя выражение в движении от классических форм к трёхстишиям и шестисловиям.

Одним штрихом создаётся вспыхивающий образ, развитие которого уже в восприятии читателя прорастает отзвуками смыслов и чувств. В этой технике автор опирается, с одной стороны, на возможности ассоциативной поэтики, с другой, апеллирует к культурному и жизненному опыту читателя, включая его в процесс порождения смысла как активного субъекта:

Шелест дождя – таким
Слышал его Иисус.

Для завершающего сборник цикла характерна философичность. Некоторые из шестисловий куда ближе к жанру философского афоризма, нежели лирического стихотворения, например:

Были когда-то победами
Все пораженья мои.

Некоторые напоминают по своей сути максиму, заключающую, как в нижеприведённой цитате, утверждение полноты обретения счастья и гармонии:

Засыпаю счастливая
С Господом и Мужем.

Тем не менее большинство шестисловий всё же собственно художественной природы и представляет собой уловленный образ, чреватый динамикой лирического переживания. Зачастую это миг замирания сердца от дух захватывающей красоты мира, знакомой с детства и всё же способной, как по волшебству, открыться сиянием чуда сотворённой Вселенной:

Шёлковый свиток заката
Вышит иглами сосен.

Или:

Со дна Вселенной сегодня
Взошла луна.

Восприятие этих стихотворений требует от читателя культуры созерцания, позволяющей не просто прикоснуться к гармонии мира, а непосредственно пережить это удивительное и в то же время естественное состояние бытия, от которого часто человек оказывается отлучён в силу современных ритмов жизни, вносящих диссонанс в изначальное единение человеческой души с природным воплощением Вселенной. Пожалуй, именно этот тихий свет гармонизации, прекрасная ясность и мудрая созерцательность и являются основой поэтического мира Веры Лавриной. А путь её лирической героини к этим высшим ценностям бытия, обретение их в своём духовном опыте позволяет читателю, способному к пониманию и сопереживанию, непосредственно прикоснуться к красоте этого сдержанного лиризма.

Наталья НАЛЕГАЧ, г. Кемерово

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ?..

Разговор о книге Владимира Сухацкого «Странный Кемерово», вышедшей недавно без обозначения издательства в областном центре мизерным тиражом в 200 экземпляров, начну с эпизода из школьных годов.

Однажды наш школьный физик Владимир Алексеевич Журин, преподававший также и астрономию, позвал наш замечательный класс прийти вечером в школьный двор: «Будем знакомиться со звёздным небом». Пришли почти все. Учитель показал созвездия, каждое из которых сопроводил по светящимся в небе точкам, в него входящим, лучом карманного фонарика, хорошо заметным на фоне зимней темноты. И сопутствующие легенды поведал своим поставленным голосом. Это накрепко засело в памяти. А уж как было прочувствовано! С тех пор в любой местности гляжу на ночное звёздное небо и выделяю знакомые созвездия.

Подобное ощущение, не обязательно точно такое, какое посетило меня в далёком детстве, а своё собственное – с радостью, волнением, даже счастьем, может ожидать пытливого читателя томика «Странного Кемерова» Владимира Сухацкого, имеющего ещё и подзаголовок на титульном листе: «Исторические очерки».

Жить в городе и не интересоваться его историей – согласитесь, странно для думающего человека. Сухацкий давно, ещё со времён его работы на областном радио, по сути, сделал историю Кузбасса, и особенно историю областной столицы, своей специализацией. Это он доступно и на регулярной основе раскрывал тайны Кемерова в телевизионных и радиопередачах, публикациях в газетах и журналах, а какие великолепные книги-альбомы с громадным количеством фотографий, среди которых множество публикуемых впервые, как и в первый раз по-русски, документов найдёте вы на страницах увесистых праздничных «аиковских» томов, изданных музеем-заповедником «Красная Горка» с его участием.

У многих кемеровчан в памяти звезда местного краеведения Иван Балибалов, проводятся Балибаловские чтения, естественно, есть ученики замечательного краеведа, среди которых, как представляется, Владимир Сухацкий. Это не значит, что он похож во всем на своего прославленного предшественника; у автора вышеназванной книги свои пристрастия в изучении местной истории, свой индивидуальный исследовательский и письменный стиль, изящный и в то же время простой, разговорный, когда автор словно делится только с вами продуманным им и прочувствованным, – всё это является большим плюсом публицистической прозы.

Краеведение ныне существует в разнообразных форматах. Кто угодно может заниматься этим полезным делом для себя лично и, конечно, для общества. Тем более когда отсутствуют обязательные регламенты и нет единого центра. Изучение родного края – самодовлеющая ценность. А когда талант краеведа да ещё и любовь к изучаемым родным местам складываются, тогда происходит вспышка внимания со стороны земляков и окружающих. Вот с этим как раз у Сухацкого всё в полном порядке, он довольно регулярно выдает печатный универсальный общественный информационный продукт в виде публикаций. И замечательно, что исследования фиксируются на бумаге для современников и, конечно, для потомков.

Вы хотите подробно узнать, какие продукты употребляли наши предшественники и как они их готовили? Значит, вам сюда, на страницы «Странного Кемерова», в отрывающий книгу и занимающий чуть не треть её объёма очерк «Чем богаты, тем и рады». А какие разделы завлекающие: «Кухня щегловских крестьян», следом «Кухня щегловских пролетариев». Ну и, конечно, есть страницы об американской кухне – разноплеменные колонисты из АИК тоже не духом святым питались, а аборигены умудрялись перенимать диковинные рецепты у пришлых.

Вот закавыченная глава «Маруся отравилась» – это о начале тридцатых, когда коллективизация гордо зашагала по стране, обернувшись голодом в разных регионах. Всё-таки в Кемерове жители не пухли от недоедания – промышленный город имел очень серьёзное значение для государства, рабочих необходимо было кормить, пусть даже по минимуму. Но кто же там отравился? Автор пишет: «Имелось три сорта конской колбасы, которым народ дал непочтительные названия: «Конница Будённого» (последствия применения ясны любому. – *В. П.*), «Собачья радость» (тоже понятно, что радость только для четвероногих друзей. – *В. П.*) и «Маруся отравилась». Несколькими строчками ниже разъяснение: «Её готовили из ливера, кишок, хрящей, кожи». И тут же напоминается, что в те годы довольно часто распевалась популярная дореволюционная песенка об отравившейся Марусе. Люди вложили

смысл в причину её «отравы» – конская кемеровская колбаса.

А уже через пять лет, в 1939 году, в Кемерово, между прочим, выпускалось 44 вида колбасных изделий!

Исследование «стола» кемеровчан доводится до нашего времени; и дефицит на продукты питания излёта советского времени анализируется, и относительно благополучные продовольственные времена, и трудности военного времени, и ресторанная кухня, и домашняя – самое ценное, читатель узнает «что почём» было в разные годы. Автор книги, как представляется, прочитал-просмотрел кучу архивных материалов, старых газет и журналов, прослушал огромное количество рассказов поживших людей о их прошлом, чтобы щедро поделиться с нами, обобщив монбланы собранной информации. При этом он не делит прошлое на крупное и мелкое, или незначительное. Недаром же Лев Толстой сказал: «Нет таких положений и нет таких незначительных дел, в которых не могла бы проявиться мудрость». Вот и проявляется мудрость истории в рассказах Владимира Сухацкого, хотя сам автор, наверное, и цели-то такой перед своим повествованием не ставил.

Через питание автор книги играючи переходит на нравы, поведение и поступки горожан. Как вы думаете, люди с удовольствием воспринимали передававшиеся с языка на язык рассказики о существовании продовольственных карточек 1-го типа, были такие и совсем не так давно, по которым обладатели – представители номенклатуры – получали продовольственные товары, включая заморские съестные чудеса, по минимальным, часто символическим ценам? Это вряд ли…

Ну а мичуринские эпопеи в нашем городе, по сути, начались ещё с Автономной индустриальной колонии Кузбасс. Ведь это иностранцы показали местным, что можно выращивать экзотические овощи и фрукты при нашем климате. Их последователи до сих пор радуют причастных кемеровчан разновкусием и разноплодием, совместно с домашними сухими винами – всё производится из выращенного в Сибири, между прочим. Государству остаётся только не жадничать с землёй. А то, помните, выкопали откуда-то норму – три сотки в руки и домик скворечного типа, дескать, выращивайте, кормите себя. В книге приводится любопытная статистика: в 1996 году, когда рынок благополучно схоронил продуктовый дефицит, 65 процентов семей в областном центре всё-таки продолжали питаться картошкой с личного подсобного хозяйства, 54 процента выращивали овощи в мичуринских садах и огородах. Этакие «городские крестьяне».

При этом история приготовила для пытливого исследователя противоречивые факты, когда чередуются «хорошо» и «плохо». Хорошо, когда так вкусно повествуется: «В домовой кухне от ресторана «Волна» пекли потрясающую сдобу, которую покупатели обычно съедали тут же, «не отходя от кассы», настолько вкусной она была». Или ещё: «…Кемеровский хлебокомбинат в 1939 году вырабатывал всевозможные пряничные изделия, баранки разных сортов, сушки, бублики, печенье разное. Булочные изделия: сайки, халы, дынки, венские торты, кексы, пирожные». Кто бы объяснил мне, что за дивность эти «халы» и «дынки»?.. Кстати, автор упоминает и такие кушанья, как «няня», «сальник», «сальтисон», «калья». Не знаю, не едал. А Сухацкий утверждает, что бабушки такое готовили…

А потом пришла «кухня развитого социализма», о чём тоже рассказывается, и перестроечные нормы отпуска продуктов в магазинах – ничего не забывает автор «Странного Кемерова».

Между прочим Сухацкий даёт возможность погордиться аборигенам Кузбасса, ведь именно отсюда пошла полторы тысячи лет назад гречиха (ну, кто же не знает гречневую кашу!) – дикорос, ставший почитаемой русским народом зерновой культурой.

В книге приводится авторская позиция по поводу возраста города Кемерова. Хорошо, что при этом анализируются разные точки зрения – выбирай, как говорится, на вкус. Ну и о названиях улиц, их переименованиях и о том, что можно сделать, чтобы вернуться к историческим корням в уличной топонимике без больших затрат, тоже разговор ведётся.

Попутно раскрываются некоторые городские загадки и тайны. Вот одна из них: пожар в филармонии накануне её открытия. Теперь уже ясно – был поджог. А вот с причиной «красного петуха» можно поспорить, ибо бывший заместитель председателя облисполкома Г. В. Корницкий в своей недавно вышедшей мемуарной книге приводит отличную от приведённой, со ссылкой на него же, в «Странном Кемерове».

А следом ещё об одном памятной пожаре: сгорел старый цирк. Любопытно об этом написано у Сухацкого, хотя тайна пожара и не раскрыта, но уши-то торчат…

Можно узнать о Себальде Рутгерсе – голландском коммунисте, который привёз насельников-иностранцев на правый берег Томи, что в Кемерове. Это место известно ныне не только в России, но и далеко за её пределами под названием АИК «Куз-

басс» (Автономная индустриальная колония «Кузбасс»). Вообще-то об этом человеке можно написать ещё одну книгу для известной серии «ЖЗЛ» – настолько всё интересно в его судьбе. Сухацкий встречался с его сыном, соратниками и подвижниками не только в России, но и за рубежом. Занятное повествование получилось.

Или узнать о судьбе убеждённого анархиста из США Билла Хейвуда, вырвавшегося из американской тюрьмы и оказавшегося в Щегловске. А о Рут Кеннел разве не любопытно прочитать? О её отношениях с писателем Драйзером, о повести «Товарищ Костыль», уже написанной ею и явленной не так давно местному читателю во вполне приличном переводе с английского опять-таки не без деятельного участия Владимира Сухацкого. И о некоторых других колонистах сказано, пусть коротко, но ярко и поучительно.

И это только часть тем и людей, прибывших строить «новое общество» в нашей стране, присутствующих на книжных страницах. Здесь вы сможете ознакомиться с письмами «аиковцев» на родину – очень интересные взгляды иностранцев. Вот только один эпизод, но до чего яркий! Оказывается, что загорали и купались кемеровчане голышом – автор письма, американец, шутит по этому поводу, тем более что сам в этом стихийном нудизме стал, в конце концов, подражателем местных жителей.

Или о первых трамваях развёрнутая картинка. А как «вкусно» рассказано о дружбе Кемеровской и Ноградской областей, последняя, как известно, из Венгрии. Мне тоже довелось в своё время побывать с компактной делегацией в Шалготарьяне – поработать на лекционно-пропагандистском поле столицы побратимской области и её окрестностей – доброжелательные встречи с глубокими разговорами и щедрыми угощениями ясно помню по сей день.

Кстати, автор объясняет, почему такой заголовок у его труда – «Странный Кемерово». Читайте и узнаете. Завидую тем, кто будет знакомиться с этой любопытной книгой в первый раз.

И последнее. Сухацким проделан труд, который можно исправлять, дополнять в любом месте, как и открывать неизвестное о городе, в котором мы живём, публикуя в последующих изданиях новые главы. А если у вас есть несогласия с авторскими позициями, так это же хорошо, когда можно спорить, находя истину, тогда появляются и новые возможности для открытия неизвестных страниц жизни Кемерова и кемеровчан.

Валерий ПЛЮЩЕВ, г. Кемерово

СИМФОНИЯ КНИГИ
(о книге «Сибирский лад»)

В ряду книг, выпущенных фондом «Возрождение Тобольска» (многие из них стали лауреатами престижных премий), книга «Сибирский лад» стоит наособицу, в первую очередь по своему содержанию.

Крайне редко мы обращаемся к теме крестьянства, тогда как христианство и крестьянство – вот две силы России, которые на протяжении многих веков составляли основу государства. Христианство духовно окормляло страну, невидимыми нитями, скрепами объединяло её, крестьянство было кормильцем, защитником, крестьянские сыны становились воинами армии и флота. Крестьянство шло на восток, север, за Урал, в Сибирь, на Дальний Восток, осваивало огромные территории, возделывало новые земли, обживало дикие места, превращая их в житницу страны. Ещё в первой половине XIX века девяносто процентов (!) производительного населения России были представителями крестьянского сословия. Самое старое государственное образование в Европе, берущее начало в середине девятого века, Российская империя практически всю свою историю опирается на крестьянство. Стоит процитировать Ивана Солоневича, его книгу «Диктатура импотентов»: «На территории России разыгрывались величайшие войны мировой истории, были разгромлены величайшие военные могущества и востока, и запада: монгольская империя начала этого тысячелетия (имеется в виду прошлое тысячелетие. – *Прим. авт.*), Польша его середины, шведы Карла XII, Франция Наполеона и Германия Гитлера, параллельно шёл разгром Турции султанов… Русская армия знавала истинно скандальные поражения, но в общем на протяжении одиннадцати веков она как была, так и оставалась сильнейшей армией мира».

Сильнейшая армия мира все эти века пополнялась за счёт крестьянства. Франция, пожалуй, так и не восстановилась, потерпев сокрушительное поражение в войне с Россией. Генофонд был подорван. По словам историка Георгия Митрофанова, французы после попытки покорить Россию даже стали ростом ниже. Навсегда утратила свои амбиции Швеция, получив отпор в Полтавской битве. А Россия, которой приходилось почти всё время вести войны с неуёмными соседями, продолжала накапливать силы.

Крестьянство хранило генофонд страны, веру, язык, национальные традиции. Из крестьянской среды вышли такие поэты, как Сергей Есенин, Пётр Орешин, Николай Клюев, Павел Васильев. Недавно промелькнула информация, что каждые десять секунд в мире звучит музыка Петра Ильича Чайковского. Вдохновение он, как Фёдор Иванович Глинка и другие великие русские композиторы золотого для искусства России XIX века, черпал из народной музыки.

Кто ковал Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, самой кровавой войне в истории страны, да и всего человечества? Конечно, генералитет – армия без командиров ничто. В высшем офицерском корпусе были выходцы из крестьян, среди среднего офицерского звена изрядная доля принадлежала крестьянским сынам. Что уж говорить о рядовом составе. Возникает такой образ. С началом войны из самых глухих деревень потекли ручейки живой силы, они сливались в широкие реки – несметная рать поднялась навстречу жесточайшему врагу, сумела остановить его и разбить наголову. Все четыре года войны армия в основном пополняла свои ряды за счёт крестьянства. В это время деревня, сама недоедая, кормила её. Армия побеждает оружием, которое создаётся руками рабочего класса. В период индустриализации страны тысячи и тысячи крестьян строили заводы, осваивали «городские» профессии, становились рабочими, инженерами, конструкторами. В том числе – великими. Как тут не вспомнить гения ракетной техники Михаила Кузьмича Янгеля, он приехал в Москву из глухой деревни Забайкалья. А сколько подростков в войну из деревень были призваны на заводы.

И это всё из деревни, по которой прошёлся каток реформ под названием коллективизация, в ходе которых крестьянство ломали через колено. В начале 1930 года крестьянству под видом борьбы с «классовым врагом кулаком» была объявлена война. Пострадали в первую очередь середняки, основа русской деревни, им были уготованы спецпоселения, лагеря ГУЛАГа, расстрельные статьи. Среди репрессированных граждан Советского Союза больше всего было крестьян. И меньше всего страна вспоминает о них, говоря о репрессиях. Не ставятся им памятники, не создаются мемориалы. Безвинно погибшее крестьянство по-прежнему в забвении.

Не поставлены памятники крестьянам, погибшим в лагерях, на спецпоселениях, не водружены они тем, кто вынес на своих плечах коллективизацию, индустриализацию, Великую Отечественную войну, послевоенные годы.

Если взять нынешнюю деревню, картина самая удручающая – тысячи и тысячи деревень оставлены на произвол судьбы. Они вроде бы и есть, но в то же время как бы и не нужны государству. В буквальном смысле: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Число обезлюдивших деревень год от года растёт. Впору в центре Москвы ставить памятник умершей русской деревне.

В последние четверть века появилось немало книг и работ по таким российским сословиям, как дворянство, купечество, духовенство, казачество, офицерство, только крестьянства будто и не было вовсе. Словно не было это сословие самым многочисленным, не было становой силой государства, той самой несметной ратью в мирном труде и в период военных лихолетий.

Тем уникальна и оригинальна книга «Сибирский лад» (второе её название «История крестьянского рода Просвиркиных»), что она исключение из общей тенденции.

Ядром книги является работа Т. И. Солодовой «Родословные дороги памяти». В ней рассказывается о крестьянском роде, первые представители которого пришли в Сибирь в XVII веке. В центре исследования, приводимого Т. И. Солодовой, – Пётр Николаевич Просвиркин – директор Тобольского предприятия ОАО «Сталь». Он наследник генеалогических корней четырёх родовых сообществ: Просвиркиных – Мингалёвых – Чусовитиных – Верёвкиных, объединивших на протяжении четырёх веков 1 151 человека и 357 семей. Это типичные крестьянские сообщества, генеалогические древа которых росли на сибирской земле. Хлебопашествовали, охотились, рыбачили, строили дома, воспитывали детей, призывались на действительную военную службу, мобилизовались в период войн.

Со всей своей жестокостью прошёлся по роду «век-волкодав» – двадцатый, но выжили, вынесли все тяготы времени.

Об этом увлекательно рассказывает Т. И. Солодова. Пишет на основе архивных материалов, многочисленных бесед с представителями родовых сообществ. В итоге имеем не сухое исследование, а живой увлекательный рассказ, за которым коллективный портрет рода. Как в капле воды отражается океан, так в истории рода – история державы. Поэт сказал: «Людей неинтересных в мире нет, их судьбы – как истории планет». В очерках книги повествуется о жизни людей, потомком которых стал Пётр Николаевич Просвиркин.

Конечно, не обо всех представителях крестьянских сообществ Просвиркиных – Мингалёвых – Чусовитиных – Верёвкиных можно что-то сказать, но все заняли своё место на ветвях генеалогического древа.

Книгу «Сибирский лад» можно назвать симфонией, где каждая часть звучит по-своему и в то же время работает на общую идею, которую блестяще реализовал художник книги Иван Лукьянов, реализовал композиционно, воплотил в жизнь подборкой иллюстрационного материала, оригинальным оформлением.

Одна из линий книги представлена фотографиями Сергея Михайловича Прокудина-Горского, фотохудожника, который в сотнях и сотнях своих фотографий запечатлел царскую Россию начала двадцатого века. Подвиг Прокудина-Горского можно сравнить с подвигом Владимира Даля с его словарём русского языка. Даль донёс до нас жемчужины языка, Горский – жемчужины видов России, самых разных её уголков (среди них есть и Тобольская губерния), самых разных её жителей, в том числе представителей крестьянского сословия. На фотографиях крестьяне на покосе, жатве, отходном промысле. А ещё многочисленные пейзажи России: поля, луга, реки... Благодаря этим фотографиям книга позволяет читателю «шагнуть» на сто лет назад, увидеть Россию, в которой жил крестьянский род Просвиркиных.

Глядя на эти фото, ещё раз убеждаешься: нет, Россия не была «неумытой», не была «тёмной, отсталой». Уверенные в себе люди, отнюдь не «забитые и задавленные нуждой», красивые, располагающие к себе лица. Среди фото Прокудина-Горского есть десятки видов Тобольска, его окрестностей.

Если уж мы заговорили об изобразительном ряде книги, ещё одна его часть – фото современных видов окрестностей Тобольска, тех мест, где более трёх веков живёт род Просвиркиных. Она представлена работами фотохудожника Аркадия Григорьевича Елфимова. Работы по-своему украшают книгу. Вдохновение фотографа, вызванное красотой окружающего мира, не может не передаться читателю. Высокое небо, величественный Иртыш, поэтичная картина покоса, холодное зимнее солнце. Фотографии дышат простором великой страны, «втягивают» в себя, заставляют раствориться хотя бы на миг в этом великолепии.

Формат книги позволяет давать фотографии полномасштабно. Это тоже особенность издания. В книге значительное место занимает текстовая часть, и в то же время издание включает, если можно так назвать, ряд самодостаточных экспозиций, своего рода выставок, на одной из них представлены фотографии Прокудина-Горского, на другой – Елфимова.

Раздел книги «Крестьянской души узоры» касается поэзии крестьянского труда, крестьянского быта. Да-да, поэзии, как это ни покажется кому-то надуманным и выспренним. О поэзии в жизни крестьянина хорошо сказал в своей книге «Лад» писатель Василий Иванович Белов. Сам круг жизни заставлял крестьянина оставаться в гармонии с природой, в ладу с ней. Природа воспитывала в человеке не только рачительного хозяина, но и входила в его душу неповторимой красотой.

Глядя на фотографии Прокудина-Горского, можно подумать, все они постановочные, его жницы или женщины-косари везли с собой на поля и покосы сундуки нарядов, чтобы предстать в них перед фотообъективом. Оказывается, вовсе нет. Читая описание покоса у Михаила Александровича Шолохова в «Тихом Доне», понимаешь, что не в латанном и перелатанном рванье отправлялись на такие работы крестьяне. Всё должно быть в жизни ладно. Потому и лад. Ладно – это ещё и красиво. Поэтому хорошие хозяева всегда заботились о виде своего дома, украшали жилище внутри и снаружи. Вносили эксклюзив – как обойтись без новомодных слов? – свои отличительные черты в повседневную одежду (о праздничной и говорить не приходится). Украшалась посуда, орудия труда, конская упряжь. Вышитые рушники – целое направление крестьянского прикладного искусства. В разделе книги «Крестьянской души узоры» даётся подборка фотографий крестьянской одежды, посуды, скобяных изделий, конных саней, церковных книг и т. д.

Небольшой раздел «Куплю тебе лубков» позволяет почувствовать аромат времени, в котором особой популярностью пользовались вот такие «мультфильмы», такие незамысловатые, с одной стороны, а с другой, имеющие неповторимый русский колорит картинки. Потешные лубки вызывали у читателя улыбку, смех, но и заставляли задуматься. И, что важно (это если сравнить с современными разного рода «картинками»), несли в себе не разрушающий, а созидающий заряд.

В книгу гармонично вписан народный календарь, который сам по себе яркое свидетельство роли православия в жизни крестьянина. Сельский житель из календаря помнил не только Рождество, Пасху и Троицу, но и весь годичный круг, все сельскохозяйственные работы, всю свою жизнь выстраивал на основе церковного календаря.

Календарь, в свою очередь, украшен иллюстрациями картин русских художников, воспевающих сельский труд и природу России. Иллюстрациями представлены великие русские художники: А. Г. Венецианов, Г. В. Сорока, М. В. Нестеров, И. Е. Репин, М. К. Клодт, И. И. Шишкин, В. Д. Орловский… Это ещё один видеоряд книги, показывающий внимательному читателю крестьянскую Россию. Если фотографии Прокудина-Горского отправляют нас к началу двадцатого века, то перечисленные выше художники дают возможность заглянуть в девятнадцатый, расширяя временные рамки иллюстративного материала издания.

Раздел, посвящённый непосредственно истории рода Просвиркиных, широко иллюстрирован снимками из семейных альбомов родовых сообществ Просвиркиных – Мингалёвых – Чусовитиных – Верёвкиных. Разглядывая фото, чувствуешь дыхание времени: мужчины рода в форме солдат Первой мировой войны, женщины в соответствующих нарядах. Есть на фото солдаты и офицеры Великой Отечественной войны, представители рода в послевоенные годы, в 60-е, 70-е, 80-е, 90-е годы двадцатого века и первые десятилетия двадцать первого. Прадеды, деды, родители, дети, внуки.

Хочется ещё раз подчеркнуть особенность книги – документальность сочетается с художественностью, сухая информация архивных данных с очерками о представителях рода, семейные фотографии, снятые безыскусными фотографами, с высокохудожественными пейзажными фото и иллюстрациями с картин великих художников.

Всё вместе создаёт ту самую симфонию, в которой может солировать лиричная скрипка и звучать тревожный марш духовых инструментов, проникновенно петь флейта и призывно трубить труба, а в результате возникает картина, детали которой хороши сами по себе, и в то же время это панорамное полотно.

Авторами книги на примере рода Просвиркиных сделана весьма удачная попытка показать лад жизни сибирского крестьянина. Книга заслуживает самой высокой оценки и своим оригинальным содержанием, и уникальной работой всего авторского коллектива.

Если бы меня спросили, где должен стоять памятник сибирскому крестьянину, я бы ответил: в Тобольске. В городе, ставшем воротами в Сибирь. Через Тобольск шло замирение Сибири, её присоединение к России, освоение.

Знаменательно, что именно в Тобольске создана книга о крестьянстве, книга, которую можно и нужно считать памятником сибирскому крестьянству.

Сергей ДЕОРДИЕВ, г. Омск

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

11 декабря ленинск-кузнецкие и полысаевские литераторы посетили Юргу. В библиотеке семейного чтения им. Т. А. Рубцовой собрались местные литературные группы. Д. Филиппенко представил альманахи «Образ» и «Кольчугинская осень», после чего присутствующие поэты Н. Поляченкова, Н. Сурова, С. Уланова, О. Шмакович, А. Абушаев, В. Шастов и Н. Якушева почитали стихи.

14 декабря в Санкт-Петербурге состоялась церемония вручения Григорьевской премии. В слэме финалистов победил поэт Д. Мурзин. Главная премия досталась Л. Пузыревской (Новосибирск).

14 декабря в Березовском, в городской библиотеке, состоялось представление посмертной книги Надежды Соколовой «Стихотворения» (предисловие к изданию написал Борис Бурмистров). Инициатор издания – поэтесса и певица Мария Заболоцкая.

14 декабря в кафе «Кот да Винчи» состоялся творческий вечер «Захотелось по небу пройтись» поэта, члена Союза писателей России Андрея Пятака.

15 декабря в Москве состоялось отчётно-выборное собрание Русского ПЕН-центра, в котором принял участие Д. Мурзин.

15 декабря в Кемеровской областной научной библиотеке им. В. Д. Фёдорова представлена книга Надежды Соколовой «Стихотворения».

17 декабря Д. Мурзин принял участие в представлении очередного номера «Журнал ПОэтов» (Москва).

18 декабря в московском преставлении ставропольского альманаха «45-я пареллель» принял участие поэт Д. Мурзин.

В работе VII Международного конгресса «Русская словесность в мировом культурном контексте (Литература и кинематограф: длящийся диалог?)», состоявшегося 18–21 декабря, принял участие поэт Д. Мурзин.

21 декабря подвели итоги литературного конкурса СГК «Энергия творчества – 2016. Новое кузбасское слово». В номинации «Крупная проза (роман, повесть)» первую премию получил Игорь Назаров за научно-популярную повесть «Жанна Де Арк: Ведьма Христова». Вторая премия присуждена Евгении Борисовой (Кемерово) за повесть «Изменю вашу жизнь». В номинации «Малая проза (рассказ, эссе)» первая премия у отца Сергия (Адодина) (Кемерово) за сборник рассказов «Ворваться в Рай». О. Сергий получил приз читательской симпатии. Вторая премия у Татьяны Ильдимировой (Кемерово) за рассказ «Нежность». В номинации «Поэзия» первая премия – Дмитрий Мурзин, вторая – Александр Катков. Ценные подарки и дипломы также были вручены: Евгению Чирикову (Кемерово) за документальную повесть «Счастливые годы кузбасского футбола», ветерану-энергетику Геннадию Зенкову (Кемерово), поэтам Ольге Пановой (Новокузнецк), Ольге Комаровой (Новокузнецк), Нине Суровой (Ленинск-Кузнецкий), Нине Лучкиной (Новокузнецк), Сергею Ерофееву (Новокузнецк), прозаикам Владимиру Угрюмову (Новокузнецк), Станиславу Леню, Яне Румянцевой и ветерану СГК, стоявшему у истоков «Энергии творчества», литературному критику Валерию Плющеву.

21 декабря в Центральной детской школе искусств (Кемерово) состоялось вручение муниципальной премии имени И. М. Киселёва. За особые достижения в области поэзии в 2016 году премия присуждена Елене Львовне Елистратовой. Отмечена её поэтическая книга «Я придумала то, чего нет».

22 декабря в ГУК КО «Кузбасский центр искусств» (Кемерово) на итоговом в 2016 году собрании Союза писателей Кузбасса состоялось награждение литературной премией В. Баянова. Лауреатом премии стал поэт Анатолий Иленко за книгу «Запах пашни».

Борис Бурмистров, руководитель Кемеровского отделения Союза писателей России, стал лауреатом сайта СПР «Российский писатель» за 2016 год, в номинации «Лидер».

22 декабря прошло писательское собрание членов Кемеровского отделения Союза писателей России. На собрании вручили областные награды юбилярам: В. Бокину, З. Естамоновой, Т. Николаевой, В. Лавриной. Заслушали отчёт председателя Бориса Бурмистрова о проделанной за год работе. Прошло голосование за новых членов Союза: С. Адодина, Е. Елистратову, Л. Козлову, Н. Башева.

23 декабря произошло вручение премии П. Тобольского. Митрополит Аристарх предварил церемонию наставительной речью о насущной необходимости воспитательной роли литературы. Призвал не забывать об ответственности пишущего человека. Премия была вручена в номинации «Поэзия» Борису Бурмистрову за книгу «Исихатское моление», в номинации «Проза» – Сергию (Адодину) (Кемерово) за сборник рассказов «Ворваться в Рай», в номинации «Православное краеведение» – о. Максиму (Мальцеву).

23 декабря в Доме литераторов Кузбасса состоялся юбилейный творческий вечер З. Естамоновой. Юбиляра поздравили поэты С. Донбай, Б. Бурмистров, А. Катков, филолог Г. Карпова.

8 января в Новосибирской областной научной библиотеке прошел вечер Григорьевской премии при участии Лады Пузыревской – лауреата Григорьевской премии, Дмитрия Мурзина – победителя слэма Премии.

12 января в Кемеровском областном музее изобразительных искусств открылась выставка «Путешествие с Достоевским». На церемонии открытия сказал речь поэт С. Донбай.

13 января прошло обсуждение журнала «Огни Кузбасса» за 2016 год. В начале мероприятия главный редактор журнала Сергей Донбай вручил награды лауреатам журнала за 2016 год. «Проза» – Людмила Чидилян. Роман «Лида в поисках любви». № I. Николай Коняев. «Полковник Романов». Документальное повествование. № III–IV. «Поэзия» – Виктор Коврижных. Подборка стихотворений «Верноподданный июля, сенокоса рядовой». № I. Александр Раевский. Подборка стихотворений «Берёзовый ветер». № IV. «Публицистика» – Вера Лаврина. «Крым православный: Южный Афон». № II. «Крестный ход «По стопам ал-

тайских миссионеров». Впечатления участника». № VI. Евгений Чириков. «Дни солнечных идей. Дьяков – легендарный и документальный».

С подробным поэтическим обзором выступила Н. Сурова, прозу подробно разобрал Е. Чириков, о публицистике высказалась В. Лаврина, с замечаниями выступили О. Яценко, А. Иленко, свои эпиграммы на авторов журнала в исполнении актёра О. Кухарева представил В. Лопушной, О. Яковлева прочитала свежие пародии на стихи 2016 года.

15 января в Каминном зале ЦГБ им. Н. К. Крупской прошёл поэтический конкурс имени Риммы Казаковой, приуроченный к 85-летию со дня рождения поэта, вёл вечер поэт Дмитрий Филиппенко.

21 января в библиотеке им. В. Д. Фёдорова прошло представление фильма Ю. Светлакова о поэте Л. Гержидовиче.

22 января в Ленинске-Кузнецком, в Каминном зале ЦГБ им. Н. К. Крупской, состоялось представление альманаха «Образ», №1 за 2017 год. Гостями мероприятия были литераторы из Ленинска-Кузнецкого и Полысаево, вёл встречу поэт Дмитрий Филиппенко.

26 января в Новосибирском художественном музее прошла церемония награждения лауреатов журнала «Сибирские огни» за 2016 год. В номинации «Проза» премию получили Александр Лаптев (Иркутск) и Геннадий Прашкевич (Новосибирск), в номинации «Поэзия» – Светлана Кекова (Саратов) и Дмитрий Мурзин (Кемерово), в номинации «Критика и публицистика» – Владимир Костин (Томск), в номинации «Новые имена» – Павел Пономарев (Барнаул).

В конце января в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского прошли ежегодные «Дни Любови Никоновой». «Дни Любови Никоновой» – проект, реализуемый Литературно-мемориальным музеем Ф. М. Достоевского и новокузнецким филиалом Кемеровского отделения Союза писателей России.

В фокусе внимания «Дней Любови Никоновой – 2017» оказалась педагогическая деятельность писательницы, её работа с участниками литературных студий Новокузнецка.

На мероприятие в музей Достоевского были приглашены представители администрации города и общественных организаций, образовательных и культурных учреждений, писатели юга Кузбасса, друзья музея. В программу «Дней Любови Никоновой» 2017 года вошли: вечер воспоминаний «С тобою был учитель...», посвящённый педагогической деятельности Л. А. Никоновой, и открытие мини-выставки «Призвание педагога».

Список кандидатов в члены Союза писателей России, утверждённых на заседании правления 22.12.2016

Кравченко Татьяна (Кемерово),
Щербинина Тереза (Кемерово),
Комарова Ольга (Новокузнецк),
Дмитриев Валерий (Тайга),
Бердюгин Алексей (Кемерово),
Кирчик Леонид (Юрга),
Лапицкий Константин (Кемерово),
Якушева Надежда (Ленинск-Кузнецкий),
Киселёв Виктор (Кемерово),
Юдина Татьяна (Кемерово),
Киселёв Василий (Бачаты),
Горковенко Сергей (К. Леонидов) (Новокузнецк),
Сычёва Юлия (Кемерово)

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Братья наши: рассказы о животных / ред.-сост. В. С. Арнаутов. – Кемерово: АИ «Кузбассвузиздат», 2016. – 271 с.

Тисуль – родная сторона / ред.-сост. С. М. Павлов. – Кемерово: АИ «Кузбассвузиздат», 2015. – 156 с.

В книге, кроме истории и современных реалий Тисуля, биографии и стихи членов Союза писателей России, имеющих отношение к посёлку: А. Иленко, Н. Мурзиной, В. Миньковой.

Надежда Соколова. Стихотворения. Кемерово: Сибирский писатель, 2016

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

В № 3 всероссийского литературного журнала «ЛиФФт» за 2016 год – большая подборка авторов из Ленинска-Кузнецкого: **Д. Филиппенко, Н. Суровой, О. Шмакович, С. Улановой, Г. Золотаиной, С. Логинова, Ю. Сливиной.**

В № 50 «Литературной газеты», за 21 декабря 2016 года, напечатаны подборки стихов **С. Улановой, Д. Филиппенко** и короткие истории **С. Улановой** и **А. Абушаева.** Там же в рубрике «ЛГ-досье» статья **С. Улановой** и интервью **Д. Филиппенко.**

На сайте газеты «День литературы» (Москва) опубликована статья **А. Порошиной** «Промысел живой» о книге стихов **С. Донбая** «Малая толика».

Журнал «Культура Алтайского края» в № 4 за 2016 год напечатал стихи **Д. Филиппенко** и **С. Логинова.**

Журнал «Начало века» (Томск) в № 4 за 2016 год напечатал подборку стихов **Д. Филиппенко** «Мы нашли то, что долго искали».

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).
«Природа Алтая» (Барнаул)

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: **sp_kuzbass@mail.ru**

Наш сайт: **www.ognikuzbassa.ru**

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести (в ограниченном количестве) в Доме литераторов, г. Кемерово, пр. Советский, 40. Как подписаться на журнал, читайте на последней странице обложки.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением
Свидетельство о регистрации средств массовой информации № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Корректоры: ***Е. В. Фефелова, Т. Э. Панибратова***
Компьютерная верстка: ***П. Б. Исаков***

Подписано к печати 10.02.2017. Дата выхода в свет 26.02.2017. Формат 60×84⅛. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1600 экз. Заказ № 1. Цена свободная

Адрес редакции и издателя: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, Советский проспект, 40.
Адрес типографии: 650043, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б.
Общество с ограниченной ответственностью «Авторское издательство Кузбассвузиздат» (ООО «АИ Кузбассвузиздат»).
Тел. 8 (3842) 36-36-00, т/факс 36-83-77. E-mail: 58293469@mail.ru